

Борис Алексин

**НЕОБЫКНОВЕННАЯ
ЖИЗНЬ
ОБЫКНОВЕННОГО
ЧЕЛОВЕКА**

IV

**ТОМ 1
1941–1942**

Борис Яковлевич Алексин
Необыкновенная
жизнь обыкновенного
человека. Книга 4. Том 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69803893
SelfPub; 2023*

Аннотация

Продолжение романа. Первый том книги четвёртой начинается с событий воскресного дня 22 июня 1941 года. Героя книги ждёт сначала работа в призывной комиссии, затем мобилизация на фронт и служба в медсанбате. Честно и непредвзято показаны первые месяцы войны: формирование эшелонов, ошибки в организации медслужбы, первая бомбёжка, первые раненые, развёртывание санитарного батальона, установка палаток и рытьё землянок, случаи членовредительства и первый трибунал, блокада Ленинграда, голод, потери друзей и отчаянная вера в победу.

Борис Алексин

Необыкновенная жизнь обыкновенного человека. Книга 4. Том 1

Часть первая

Вместо предисловия

Уважаемые читатели!

Все события, описанные в этой книге, действительно были. Большинство географических мест, в которых происходили эти события, также соответствуют действительности. Но имена и фамилии участников мною изменены точно так же, как и номера воинских частей и подразделений. Написанное – не очерк, не историческое исследование, а продолжение описания жизни одного человека, так или иначе связанных с ним людей и событий, в которых ему довелось участвовать. Именно поэтому всё, что происходило в тылу и на фронте, характеристики разных людей, с которыми нам предстоит встретиться, показаны так, как они представля-

лись герою, жизнь которого послужила основной канвой нашего романа.

Борис Алексин

Глава первая

Война для Бориса Яковлевича Алёшкина и его семьи явилась такой же неожиданностью, как и для большинства советских людей. Радиоприёмника у них не было. Вообще, в это время в таких местах, как станица Александровка, эта вещь была редкостью, а в семье Алёшкина, которая только год назад приехала в станицу и ещё до сих пор не могла устроиться по-настоящему даже с жильём и одеждой, конечно, пока о радиоприёмнике нечего было и мечтать. Во всей Александровке в это время насчитывалось всего два приёмника: один у учителя немецкого языка – плохонький батарейный Би-234, и другой у главного инженера Крахмального завода. Газеты в Александровку привозили с двух-, а иногда и с трёхдневным опозданием – как-никак станица находилась от районного центра и железнодорожной станции более чем в восемнадцать километрах. Правда, иногда почту привозили из Муртазова люди, ходившие туда на базар, но в этот день случилось так, что никто из знакомых на базар не пошёл, да и сами Алёшкины были дома.

Воскресенье 22 июня 1941 года было прекрасно – летний, тёплый, ясный день. Солнце высоко стояло над горизонтом, когда Борис Яковлевич поднялся с постели и, закудив, присел на крыльце, выходявшем в их маленький огород. Было уже жарко. Девочки давно убежали на Лезгинку, где привык-

ли пропадать целыми днями. Екатерина Петровна что-то варила на кухне, домработница Нюра, как всегда в воскресенье, была выходной.

Он сидел один и думал: «Ну, кажется, жизнь начинает налаживаться. Работа на участке и в больнице идёт хорошо, среди населения удаётся завоевать определённый авторитет, и даже с переломами стали теперь чаще обращаться ко мне, чем к деду Елисею, «костоправу», который до сих пор пользовался здесь такой популярностью, что за помощью к нему даже сам секретарь райкома обращался.хлопоты о пристройке к больнице, помещения для операционной и хирургической палаты тоже пока успешны. Райздрав выделил деньги, а с председателем колхоза договорились о материалах и рабочей силе. Вчера уже закончили кладку фундамента под пристройку. Если так дело пойдёт и дальше, то к осени строительство закончат, тут строят ведь быстро. Саман, из которого будут класть стены, уже завезли (ведь и вся больница тоже из самана). Вот, пока ещё леса на стропила и балки не хватает, да как бы директор завода не подвёл с черепицей на крышу. От него ведь всего можно ожидать, самодур порядочный. И Катю опять стал терзать. Последнее время чуть ли не каждый вечер на работу вызывает. А сам, как она говорит, пристаёт с ухаживанием. Надо будет с секретарём партячейки поговорить, Пряниным. Он сумеет как-нибудь обуздать этого Текушева. Ну да ладно, это как-нибудь утрясётся. В общем-то, всё идёт неплохо. Вот, огород поса-

дили, теперь уже за каждой мелочью ни в колхоз, ни на базар бегать не надо, всё своё. Огурцы и помидоры посеяли, а редиску давно уже едим, скоро и картошка своя будет. Яйца тоже уже свои. Кур Катерина и Нюра развели десятка полтора. Осенью Катя поросёнка приобрести собирается. Хорошая она у меня, – думал Борис, – и на работе за двоих работает, дома большое хозяйство ведёт и детей ещё обшивает, а ведь их трое». И он подумал о своих сорванцах: «Старшей Аэлите уж тринадцатый год идёт – совсем барышня. Ну, а две других – шестилетняя Нина и четырёхлетняя Майя – ещё маленькие, а от старшей не отстают: Эла на Лезгинку – и они за ней; Эла на шелковицу лезет – и они карабкаются (особенно младшая), Эла в колхозный виноградник – и эти туда же! Сейчас, летом, в тихой и солнечной станице, в этом благодатном кавказском климате, они живут, как молодые зверята...»

Его мысли прервала Катя:

– Борис, ты что же, встал, а завтракать не идёшь? Иди умывайся, да садись за стол. Я пирожков напекла. Девчата уже давно поели и на Лезгинку убежали, я с ними перекусила. Ешь побыстрее, и мы сходим на речку искупаться, а то опять в больнице, наверно, застрянешь. Выходных-то для тебя нет. Или ещё, может быть, кто-нибудь позовёт на дом, тоже ведь побежишь.

Борис Яковлевич схватил за руку подошедшую жену и потащил её к себе:

– Подожди, садись-ка рядом, смотри, как у нас всё поспевает! Давай посидим немножко... Вот, докурю и пойдём.

– Да! – ответила Катя, садясь рядом с мужем на ступеньку крыльца. – У нас здесь хорошо. Воздух чудесный, а ты вместо того, чтобы дышать им, только и знаешь, что куришь!

Борис виновато улыбнулся, притянул к себе ближе севшую рядом жену, обнял её за тонкую, почти девичью талию (и непохоже, что троих родила), и только собрался её поцеловать, как вдруг с улицы раздалось:

– Эй, Алёшкины, все милуетесь? А того и не знаете, наверно, что у нас война!

Это кричала жена главного инженера завода Нина Васильевна Комова. Она торопливо и озабоченно шагала к рыночной площади, где была лавка сельпо.

Оба супруга несколько мгновений растерянно смотрели друг на друга, затем вскочили и бросились на улицу. Остановив её, стали с нетерпением расспрашивать:

– Какая война? С кем?

– Да вы что, на самом деле, ничего не знаете? – удивилась та. – На нас напали немецкие фашисты. По радио выступал Вячеслав Михайлович Молотов. Я всего не слышала, но, кажется, немцы бомбили Киев, Минск, ещё какие-то города. В четыре часа будет на заводе митинг, по телефону позвонили из Майского – кто-то из района приедет.

– Как немцы?! – недоумевал Борис. – Я только позавчера читал в газете сообщение ТАСС, что немцы на нас не могут

напасть, поскольку у нас с ними заключён договор о ненападении. Да и товарищ Сталин не раз говорил, что в ближайшие годы войны не будет. Ничего не пойму!

Катя молчала. Она стояла, опустив руки, в глазах её блеснули слёзы.

– Ну, я побегу искать ребят, сейчас лучше, чтобы они дома были, – наконец сказала она.

Нина Васильевна тоже заторопилась.

– Я в магазин, надо сахару купить.

Борис и Катя переглянулись. Им тоже не мешало кое-чего подкупить, да не на что было. Зарплату за этот месяц они ещё не получали, выдача была после 25-го, а сегодня было только ещё 22-е, и, как всегда перед получкой, денег дома почти не осталось.

– Ну ладно, пойду в больницу.

Борис Яковлевич зашёл домой, умылся, накинул пиджак, схватил с тарелки ещё не остывший пирожок и, закурив на ходу, направился в больницу.

По дороге он встречал или обгонял группы станичников, которые оживлённо обсуждали услышанное. Видимо, известие о войне теперь дошло и до большинства населения станицы. Женщины с кошёлками и сумками торопились к сельпо, и когда Борис проходил мимо лавки, около неё стояла уже порядочная очередь. Каждый, у кого были деньги, торопился запастись мылом, керосином, спичками, солью, сахаром, а кое-кто и мануфактурой.

Только взглянув на эту очередь, Борис понял, что, видимо, действительно в ближайшее время что-то серьёзно изменится. Но больше всего его беспокоило, как бы с этой войной не прекратилось строительство больницы, ведь и так вопрос о возведении пристройки удалось пробить в райисполкоме, в сельсовете, на правлении колхоза и в дирекции завода с большим трудом, а что же будет теперь? Любой из этих руководителей может, сославшись на войну, не дать денег, материалов и людей. «Опять всё сорвалось!» – с горечью подумал Борис.

В эти первые минуты как-то ни о чём более страшном и важном, что несла с собой война, он даже не подумал. Бывает, что человек, поглощённый своими мыслями и заботами, важными для него или его работы, не видит из-за них крупных и даже крупнейших событий. Так получилось и с Алёшкиным.

Сделав обход в больнице и успокоив больных и дежурный персонал, Борис Яковлевич часа в два дня вернулся домой. Катя и ребятишки уже ждали его. Первый вопрос, с которым к нему обратилась старшая дочка, сразу же огорошил и изумил его, она спросила:

– Папа, а ты идёшь на войну?

До сих пор он об этом ни разу не подумал. Увидев встревоженный взгляд жены, он опустил голову и задумался: «А в самом деле, я-то как? Меня-то возьмут в армию? Мне уже 34 года, неужели такой возраст брать будут? Хотя ведь я врач,

тут возраст большой роли не играет. Что же ответить Эле?»

Борис сел на стул и, как всегда в затруднительных случаях, достал папиросу и стал её мять пальцами:

– Как тебе сказать, дочка? Может быть, и пойду, если понадобится, но я думаю, что с этими обнаглевшими фашистами наша Красная армия и без меня справится. Ну да ладно, нечего сейчас раньше времени об этом думать, давайте-ка обедать! – и подхватив обеих младших дочек на руки, Борис Яковлевич пошёл к столу.

На митинге в заводском клубе, на который Борис и Катя пошли сразу же после обеда, они узнали подробности о вероломном нападении фашистов, о бомбёжке наших городов, о первых жертвах, о том, что Красная армия в некоторых местах вынуждена была пустить врага на нашу территорию. Но выступления, как представителя района, так и местных руководителей звучали достаточно бодро и оптимистично, это успокоило почти всех. Большинство склонялось к тому, что наша могучая армия разобьёт зарвавшихся немецких фашистов так же, как она это сделала с японскими самураями на Хасане и Халхин-Голе и с финскими бандитами на их пресловутой линии Маннергейма. Ну, может быть, тут потребуется немного больше времени, только и всего!

С митинга возвращались вместе с Пряниными, которые жили неподалеку от Алёшкиных. Женщины шли впереди и беседовали о чём-то своём, домашнем, а Фёдор с Борисом – сзади. Прянин сказал:

– Боюсь, доктор, что положение гораздо серьёзнее, чем можно было ждать по выступлениям представителя из райкома. Конечно, в панику кидаться нечего, но, наверное, и тебе, да и мне (ему было около 40) повоевать тоже придётся.

Вскоре они разошлись по домам. Было уже поздно. На небе сияли крупные яркие южные звёзды, небо выглядело чистым-чистым. Тишина, не слышно девичьих песен, которые обычно воскресными вечерами раздавались в станице, когда девушки и парни бродили группами и парочками чуть ли не до рассвета. Кое-где тихонько лаяли собаки. Ветра не было, и даже листья на большой шелковице, раскинувшейся над крыльцом, на котором уселись, прижавшись друг к другу, Алёшкины, не шелестели. Детишки и вернувшаяся после обеда от своих Нюра уже спали.

Борис и Катя молча сидели, и каждый думал свою невесёлую думу. А вокруг было так тихо, так спокойно, что даже не верилось, что где-то на нашей земле в этот момент рвутся снаряды и бомбы, раздаётся треск ружейных и пулемётных выстрелов, и слышатся стоны и крики раненых. А ведь всё это уже было, и было в таких масштабах, о которых большинство населения советской страны, в том числе и Алёшкины, даже и не предполагали.

Просидев молча около получаса, во время которого Борис выкурил штуки три папирос, они собрались идти спать, как вдруг на улице послышался шум подъезжающей машины. Она осветила фарами пустынную улицу и остановилась у

ворот. Сейчас же кто-то застучал в запертую калитку. Борис подошёл к воротам. Он подумал, что кто-нибудь из местного начальства заболел, и за ним прислали машину.

– Кто там? – окликнул он стучавшего.

– Из военкомата, – ответил незнакомый голос.

Борис отпер калитку. Показался молоденький лейтенант, одетый в новую летнюю форму, вместе с Борисом они вошли в дом. Электрического света уже не было (в Александровке свет, идущий от электростанции Крахмального завода, гасился в 12 часов), пришлось зажечь лампу.

Лейтенант открыл полевую сумку, достал из неё небольшую разносную книгу, в которой было заложено несколько запечатанных пакетов, и один из них подал Борису:

– Вы доктор Алёшкин? Распишитесь.

Борис торопливо вскрыл пакет. Катя с испугом глядела на лейтенанта и на мужа. В пакете была повестка, подписанная военкомом, которой врач Алёшкин вызывался в военкомат для участия в работе призывной комиссии. Явка была назначена на 10 часов 23 июня. Борис, передав повестку Кате, расписался в книжке лейтенанта, который, козырнув, торопливо покинул дом. Через несколько минут на улице вновь зашумел мотор машины, блеснули фары, и затем всё стихло. Прочитав повестку, Катя встревоженно спросила:

– Как ты думаешь, Борька, это надолго?

– Не знаю, – ответил он. – Думаю, что на неделю, может быть, на две. Вот, на кого больных брошу, прямо не знаю.

Ты завтра сходи к Афанасию Петровичу (фельдшеру участка, замещавшему Бориса на его выходных). Скажи, что я в Майском работать буду, пусть за меня занимается больницей. А сейчас давай спать, а то завтра надо вставать рано, как бы не опоздать. С военкомом шутки плохи!

На следующий день, воспользовавшись попутной полуторкой, ехавшей с Крахмального завода, Алёшкин прибыл в Майское в девять утра. Возле военкомата толпилось человек 30 народа, преимущественно молодёжь 23–25 лет. Борис Яковлевич прошёл внутрь здания, там тоже было много людей. Протолкавшись сквозь толпу, он постучал в кабинет военкома, по-военному отрапортовал:

– По вашему приказанию врач Алёшкин прибыл.

В кабинете военкома сидело уже несколько врачей, в том числе и заведующий районным отделом здравоохранения. Военком встал, поздоровался за руку с Борисом Яковлевичем и сказал:

– Ну вот, все и в сборе, – затем обратился к нему. – Придётся поработать. Вот, почитайте приказ наркома обороны.

Пока Борис знакомился с приказом, военком и врачи вышли в одну из соседних комнат – кажется, это была одна из самых больших комнат в здании военкомата – и стали расставлять там стулья, столы и скамейки. Уже через час медицинская комиссия работала.

В копии приказа, прочитанном Алёшкиным, скупо говорилось о внезапном нападении фашистских войск на терри-

торию Советского Союза, в связи с чем правительство сочло необходимым провести мобилизацию запаса первой очереди в ряде военных округов, в том числе и Северо-Кавказском. Вследствие этого райвоенкому предписывалось провести комиссование подлежащих мобилизации возрастов и направить людей, признанных годными, в указанные в приложении места; тех же из мобилизованных, кто имел мобпредписания на руках, обеспечить необходимыми проездными документами.

До прошлого года мобилизационное предписание, как у лейтенанта запаса, было и у Бориса, но когда он вернулся с курсов усовершенствования врачей, то в начале 1941 года военком его отобрал, объяснив, что с присвоением медицинского звания будет выдано новое мобпредписание.

Среди мобилизуемых было много таких людей, которые вообще в кадрах армии до этого не служили, а проходили только допризывную подготовку и территориальные сборы.

Работы у комиссии было много. Алёшкин вспоминал эти восемь дней, как какой-то сплошной поток голых тел, основная масса которых уверяла врачей, что никаких заболеваний у них нет, и что они могут служить в любых частях Красной армии. Врачам стоило большого труда убедить какого-нибудь больного туберкулёзом или тяжёлого малярика, что служба в армии ему будет не по силам. Лишь единицы жаловались на состояние здоровья. Обычно это были люди из числа зажиточных станичников, большей частью жалобы

их были необоснованны. Под вой родственников парикмахеры в соседней комнате стригли мобилизованных наголо. Во дворе формировали команды в 40–50 человек и, под руководством какого-либо командира запаса, согласно имевшемуся предписанию, отправляли в соответствующую часть.

Некоторая неразбериха и толчея, имевшаяся в военкомате в первые два дня, постепенно успокоилась, и, несмотря на то, что количество людей, прибывавших из аулов и станций, пока не уменьшалось, все стали работать чётче, согласованней, и прохождение мобилизованными всех комиссий, а также заполнение на них необходимых документов, стало проводиться быстрее и аккуратнее.

К 1 июля количество призывников заметно сократилось, и в работе медиков наступила передышка. До этого комиссия начинала свою работу с 8 часов утра и продолжала её с небольшим перерывом на обед чуть ли не до 24 часов. После этого местные члены комиссии разбрелись по домам, а приезжие, в том числе и Алёшкин, укладывались спать на столах и скамейках прямо в той комнате, где они только что работали, подложив под головы какие-нибудь архивные документы.

Девять дней такой напряжённой работы без нормального отдыха основательно утомили всех приезжих врачей, и военком, видя это, а также и то, что количество мобилизуемых резко сократилось, решил распустить их по домам. Второго июля он вызвал Бориса и ещё четверых приезжих в свой ка-

бинет и сообщил, что они могут отправляться по месту своей службы, что теперь для комиссования хватит и тех врачей, которые проживали в Майском.

В приказе, который в своё время читал Борис Яковлевич, перечислялись подлежащие мобилизации с 1905 по 1918 годы рождения (возраст от 23 до 36 лет. Прим. ред.), следовательно, его год подлежал призыву.

Между прочим, в предыдущие дни через медкомиссию прошло несколько медиков и фельдшеров его возраста, и Борис Яковлевич был уверен, что по окончании работы комиссии будет мобилизован и он. Поэтому с некоторой обидой в голосе он спросил военкома:

– Почему же нас не взяли? Что, мы не годимся, что ли, для того, чтобы по мере своих сил помочь обуздать зарвавшихся фашистов?

В глубине души он считал, что его не взяли только потому, что он сейчас беспартийный, ему не доверяют, и это его страшно обидело. Но делиться своими предположениями с кем-либо он не хотел.

На вопрос Алёшкина райвоенком ответил:

– Подождите, не обижайтесь, всех, кого нужно, возьмём. А на вас, врачей, да ещё специалистов – ведь вы хирургом теперь у нас числитесь – придут специальные именные предписания. Пока же отправляйтесь по домам, приведите себя в порядок и работайте там, где вы поставлены. Вы что, думаете, мне на фронт не хочется? А вот, сию же в военкома-

те, как будто инвалид какой! Ну, до свидания, счастливого пути!

И райвоенком, и все врачи, и Борис Яковлевич Алёшкин не представляли степени опасности, нависшей над советской страной. Они находились под впечатлением утешительных сообщений ТАСС, печатавшихся перед войной, таких же успокоительных речей маршала Ворошилова и многих других военных и видных деятелей партии. Все считали, что первые неудачи Красной армии, о которых довольно скупо сообщалось в последних известиях по радио и в газетах, – явление чисто случайное, и что не сегодня завтра мы прогоним наглых фашистов с советской земли. А если война и будет продолжаться, то вести её будут на территории фашистского рейха и, может быть, в крайнем случае, на земле несчастной, истерзанной Польши.

Так думали не только в маленьком райцентре Майском, так думали и во многих больших городах, и не только такие неосведомлённые люди, как райвоенком и вызванные им врачи, но и многие другие, занимавшие гораздо более высокие посты. И может быть, эта успокоенность, граничащая с близорукостью, советских людей и дала возможность фашистским войскам стремительно разгромить передовые части Красной армии и ринуться вглубь страны.

Теперь, по прошествии почти сорока пяти лет с этого момента, мы знаем многое, и многое могли бы предложить в предотвращение случившегося, даже и не являясь больши-

ми стратегами и знатоками военного дела. Но тогда... Тогда мы просто не могли себе представить, что какая-либо иностранная армия, в том числе и фашистская, сможет с такой быстротой громить наши войска и продвигаться вперёд к самому сердцу нашей Родины. И поэтому большинство из нас завидовало тем, кто уже ушёл воевать. Нам казалось, что на нашу долю не придёт ничего из той славы, которая достанется победителям, и когда нас призовут, может быть, уже всё и кончится.

Так думали многие молодые люди того времени, так думал и Алёшкин. Выслушав ответ военкома, он молча подал рапорт, в котором было написано, что он просит отправить его на фронт в первую очередь, так как считает себя обязанным защищать советскую Родину. Если нельзя идти как врачу, то он просит отправить его как строевого командира, имеющего определённые военные знания и звание.

Военком прочитал рапорт, усмехнулся, положил его в ящик своего стола и ещё раз повторил:

– Не беспокойтесь, когда надо будет, возьмём. Ну, до свидания.

В этот же вечер Борис был дома и, вымывшись в только что натопленной бане у соседа напротив, сидел за столом, окружённый своими ребятами. Его Катя с невозмутимым и сосредоточенным лицом рассказывала ему о станционных новостях, о том, что в магазине сразу исчезли почти все товары, что она кое-что успела всё-таки запасти, что те-

перь на неё, в связи с призывом бывшего заведующего отдела кадров, возложили его работу.

Рассказала она и о множестве слухов, циркулировавших в станице. Например, что «сила германская» – именно не фашистская, а германская – очень велика, что «германец» захватил всю Европу, и теперь захватит нашу страну, для него это труда не составит, что газеты наши и радио, которое было установлено в клубе завода, сообщают ложные сводки, что потери наши гораздо более значительны и положение гораздо хуже, чем говорится в них. По этим слухам можно было предположить, что их распространяет кто-то хорошо осведомлённый в положении на фронте и стремящийся этими слухами подорвать веру в советскую власть. Борис так и сказал об этом жене. Та согласилась с ним и заметила:

– Наверно, Борис, так думают и в районе, потому что на днях арестовали всю семью немецкого учителя Бауера... Ну, того, у которого ты лечил сынишку.

– Да, да. Я ещё у него радио слушал.

– Радио? А вот насчёт того, взяли ли у него радио, я не знаю.

Как потом стало известно, при аресте Бауера и последующей высылке его с семьёй в Среднюю Азию, никакого радиоприёмника изъято не было. Очевидно, он успел его кому-то передать, так как на почту, куда было приказано сдать имеющиеся у населения приёмники, он его тоже не приносил. Вероятно, этим делом должны были бы заняться районные

органы, но события развёртывались с такой быстротой и катастрофичностью, что местные власти совсем растерялись и многие свои обязанности выполняли очень нерасторопно.

Речь И. В. Сталина, произнесённая им 3 июля 1941 года, была в этот же день напечатана во всех центральных газетах и дошла до таких мест, как станица Александровка 5 июля; правда, до этого слушали её в клубе по радио. При несовершенстве тогдашней радиотехники удалось услышать только отрывки, они произвели не очень сильное впечатление. Но когда Борис Яковлевич прочитал эту речь в газете полностью, он, как и многие его современники, начал понимать, что опасность, нависшая над советским народом, советской властью и страной, действительно огромна. И если уж сам Сталин говорил о её грандиозности и необходимости мобилизации всех народных сил на разгром врага, значит, действительно это должно быть сделано. И Борису Яковлевичу, так же, как и многим другим, казалось, что настоящий отпор врагу может быть дан только там, на фронте, непосредственно в армии.

Он – опять же, как многие другие – не понимал, что работа в тылу в этот тяжёлый для страны период не менее ответственна и важна, и потому всеми силами своей души стремился на фронт – туда, где рвутся снаряды, где льётся кровь.

Борис ни на минуту не задумывался над тем, что же будет с его довольно большой семьёй, если он уйдёт в армию. Он был совершенно уверен, что советская власть её не оста-

вит, надеялся на работоспособность и силы жены, и, наконец, твёрдо считал, что именно там, на фронте, он может защищать свою семью как нужно.

Хотя вот уже семь лет Алёшкин формально числился беспартийным, в глубине своей души он считал, что это величайшая несправедливость когда-нибудь будет исправлена, и что всё равно он всем обязан партии, и потому партийные решения для него являются так же обязательны, как и для того, кто носит партийный билет в кармане. А уж если речь идёт, по выражению Сталина, о самом существовании советского государства, советской власти, то он должен быть в первых рядах её защитников.

Поздно вечером, лёжа в постели, он поделился этими мыслями с женой и, как всегда, получил полную поддержку с её стороны.

Он полагал, управившись немного в больнице, где дел тоже накопилось порядочно, числа 7 июля выехать в Майское, привезти очередную партию медикаментов и поговорить с военкомом о своём рапорте. Между прочим, об этом он Кате пока не сказал ничего. Но неожиданно всё изменилось.

Ранним утром 6 июля 1941 года к Алёшкину, он был в это время в больнице, явился нарочный и вручил ему повестку с приказом прибыть в военкомат, имея при себе сменное бельё, кружку, ложку, полотенце, мыло и зубную щётку, перед этим оформить расчёт по месту работы.

Днём Борис постригся в парикмахерской наголо, а Катя

в это время собрала необходимые вещи. Всё было уложено в старенький фанерный чемодан, и около двух часов дня на машине Крахмального завода муж и жена Алёшкины приехали в Майское. Уже через полтора часа, оформив расчёт в райздраве и получив причитавшиеся ему 500 рублей, Борис Яковлевич стоял перед райвоенкомом.

– Ну, вот, – сказал тот, – и без твоего рапорта, раз ты понадобился, взяли. Держи предписание, ты должен немедленно явиться на станцию Прохладное к командиру формирующихся частей и в дальнейшем находиться в его распоряжении.

С этими словами военком вручил Борису Яковлевичу предписание и проездные документы. Алёшкин взял под козырёк, пожал протянутую ему военкомом руку и вышел из кабинета.

У крыльца его дожидалась Катя. Он показал ей предписание, и они вместе направились к станции. Всё это время Катя держалась подчёркнуто бодро и не подавала виду, насколько ей тяжело. И хотя Борис понимал, что его жена держится из последних сил, со своей стороны, чтобы не расстраивать её ещё больше, тоже делал вид, что ничего не замечает. Да он и на самом деле думал, что волнения её напрасны: расстаются они на каких-нибудь 2–3 месяца, не больше, с ним ничего не случится, ведь он едет на фронт не простым солдатом, а врачом. Врачей убивают, как он считал, крайне редко. Всё это по дороге к станции он и говорил своей приунывшей Ка-

терине.

Они сидели на скамейке в ожидании поезда на Прохладную, Борис по-братски разделил с женой полученные им деньги и, хотя она настаивала на том, чтобы он взял всё, категорически отказался, заявив, что с сегодняшнего дня он находится на полном обеспечении государства, и деньги ему не нужны, и если он и берёт половину, так только на всякий случай.

Подошёл поезд. Борис и Катя обнялись, поцеловались, и почувствовав, что у него защипало в носу, Алёшкин с силой оторвался от жены и прыгнул на подножку вагона в тот момент, когда раздался свисток кондуктора.

Народу ехало немного, войдя в тамбур, Борис Яковлевич остановился, оглянулся на перрон и тут увидел, как его храбрая и сдержанная Катерина плачет. Она смотрела на своего Борьку, махала ему рукой, губы её силились улыбаться, а по лицу текли слёзы, которые она даже не вытирала. Таким и запомнилось Борису лицо жены на всю жизнь. И хоть много глупостей, порой граничащих с подлостью, он ещё натворил, причём, главным образом, обижавших жену, она в его памяти навсегда сохранилась именно такой – сияющей улыбнуться сквозь слёзы для того, чтобы подбодрить его и доказать, что она достаточно сильна и мужественна.

Глава вторая

В Прохладном, выйдя из поезда, Борис огляделся и увидел, что из соседнего вагона вышла фармацевт майской аптеки, Вера Панфилова. Он часто получал у неё медикаменты для своего участка, и потому хорошо её знал. Он подошёл:

– Верочка, вы куда? – обратился он к девушке, державшей в руках небольшой чемоданчик и оглядывавшейся по сторонам.

– Ах, Борис Яковлевич! Вы тоже здесь? Меня направил военкомат на войну, вот направление, – затараторила она, показывая Алёшкину такую же бумажку, какая была и у него.

Борис Яковлевич понял, что они назначаются в одно место и сказал ей об этом. Она обрадовалась:

– Ну, слава Богу, хоть один знакомый человек будет! Только где же эта самая дивизия находится? Как мы её искать будем? – проговорила она встревоженно.

– Ничего, я знаю, – успокоил Борис Яковлевич.

В самом деле, в Майском ему райвоенком сказал, что он направляется в 38-ю стрелковую дивизию, которая расквартирована в городах Минераловодской группы. Летом эта дивизия стояла в лагерях, которые располагались около г. Прохладное, там же проходили переподготовку командиры и бойцы, находившиеся в долгосрочном отпуске и запасе пер-

вой очереди из Прохладненского и соседних с ним районов. С началом войны все они влились в состав дивизии, штаты которой были доведены до численности военного времени. Очевидно, в дивизии не хватало медицинских работников, и начальник санитарной службы затребовал из Нальчика пополнение. В число этого пополнения попали врач Алёшкин и фармацевт Панфилова. Военком сообщил Борису также и то, что штаб дивизии должен находиться в фельдшерско-акушерской школе г. Прохладное.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что больше людей, похожих на призванных в армию, на станции не видно, новоиспечённые вояки отправились к месту назначения. Дорогу к акушерской школе им указала какая-то встречная женщина, и они бодро зашагали по пыльной улице. День был жаркий, солнце клонилось к западу, и нужно было спешить. Дорога оказалась неблизкой, пришлось пройти через весь город.

Прохладное стало городом всего 2–3 года тому назад, до тех пор это была обычная казачья станица, населённая в основном терскими казаками, переселенцами с Кубани, кабардинцами и служащими железной дороги. Она была расположена на совершенно ровном месте. Побелённые, большей частью саманные хаты её, окружённые садами, раскинулись далеко по степи. Фельдшерско-акушерская школа была построена совсем недавно и находилась на противоположном от станции конце города. Пока Алёшкин и Панфилова до-

брались до неё, стало уже темнеть.

В пустом здании школы их встретил молоденький лейтенант, одетый в новую летнюю форму. Ознакомившись с их документами, он немного растерянно сказал:

– Не знаю, что мне с вами и делать, товарищи. Дивизия ещё вчера отсюда ушла, куда и как, вы сами понимаете, сказать вам я не могу. Я оставлен здесь связным, мне поручено дожидаться транспорт – автомашины, погрузить в них оставшееся имущество и догонять дивизию. О вас мне ничего не известно. Может быть, начальник санитарной службы дивизии в спешке забыл предупредить, но, так или иначе, я вас с собой, не имея приказа командования, взять не могу. Отправляйтесь в Нальчик, доложите в военкомате о случившемся, пусть уже они там разберутся.

– Но куда же мы пойдём? – возразил Борис Яковлевич. – На дворе уже ночь, а поезд на Нальчик будет только завтра утром.

– Вот что, – сказал лейтенант, – завтра я всё равно отсюда уеду, и здание перейдёт в ведение его законных владельцев, то есть фельдшерско-акушерской школы. В комнатах, где находился штаб, я вас оставить не могу, так как там есть ещё штабные вещи и документы. Пройдите на ту половину здания, там квартира директора, она большая, а их всего двое с женой, может быть, он вам разрешит переночевать. Да, кстати, дайте-ка ваши бумажки, я на них сделаю отметки о том, что вы у нас были, а то вам попасть может, – с этими словами

он расписался на обоих направлениях и поставил какой-то штамп.

Обогнув угол здания, Борис и Вера пересекли двор и, увидев в плетне, перегораживавшем его, лаз, перешли по нему на другую половину, подошли к двери и несмело постучались. Послышался возглас:

– Кто там? Заходите!

Войдя в комнату, одновременно бывшую кухней, наши путники сразу как-то даже и не смогли разглядеть сидевших за столом мужчину и женщину. Да и те, видно, в полумраке двери их не разглядели. Мужчина встал и, подходя ближе, довольно недружелюбно спросил:

– В чём дело? Что вам нужно?

И вдруг голос его изменился и стал, если не более приветливым, то во всяком случае очень изумлённым:

– Маша, да ведь это, кажется, Алёшкин! Какими судьбами? Зачем? Куда? Ну, проходите ближе к столу, да поставьте ваши чемоданы.

При его возгласе женщина, сидевшая у стола, поднялась и быстро, насколько позволяло её положение (она была беременная и, видимо, на последних месяцах), подошла к столу.

– Борис Яковлевич, – радостно проворковала она, – вот уж кого не ожидала встретить! А это кто же, ваша супруга? Да проходите, проходите, садитесь к столу, сейчас ужинать будем. Саша, сходи на огород, принеси-ка ещё помидоров, картошки я много наварила.

Через несколько минут, умывшись и приведя себя немного в порядок, Алёшкин и Вера сидели за столом и, рассказав в нескольких словах простую историю своего появления в Прохладном, слушали рассказ Александра Павловича Пастухова о его жизни.

Особенно интересен этот рассказ был для Алёшкина, ведь с Пастуховым они учились вместе в Кубанском медицинском, на одном курсе, в соседних группах, и Борис знал, что по разнарядке Александр с женой (свадьба состоялась перед самыми госэкзаменами) были назначены по распределению куда-то в район Западной Сибири, и вдруг они в Прохладном.

Всё объяснилось очень просто. Пастухов был известен всему курсу как большой пройдоха и ловкач. Во время учёбы он служил фотокорреспондентом в Краснодарской краевой газете «Красное Знамя» и использовал это положение при каждом удобном и неудобном случае. То он снимет какого-либо видного профессора за работой, другого в кабинете, третьего на лекции, – глядишь, эти снимки попадут в газету: ему заработок, профессору лишняя известность. Благодаря этому при более чем скромных знаниях ему удалось закончить институт успешно, хотя медицину он не любил. Но жена Маша была его полной противоположностью, она занималась усиленно, особенно интересовалась акушерством и обещала стать хорошим врачом. Перспектива работать где-нибудь на участке никак не улыбалась Пастухову, и он проявил

всю свою изобретательность для того, чтобы этого назначения избежать. И, как видно, ему это удалось. Александр получил направление на должность директора вновь открытой фельдшерско-акушерской школы в Прохладном, а Маша – туда же преподавателем акушерства. Одновременно она работала в прохладненском роддоме. Благодаря своей импозантной внешности, большой изворотливости и умению подойти к начальству, Пастухов быстро завоевал уважение в районе и считался одним из лучших директоров.

Всё это наши знакомые узнали во время беседы за столом, конечно, не так откровенно, как это изобразили мы. После ужина Вера сказала, что тут неподалёку живёт её тётка, и она пойдёт ночевать к ней, а Бориса оставили у себя Пастуховы. Между прочим, Александр Павлович заявил, что у него бронь, в армию и на войну его взять не могут, да он особого желания идти воевать и не испытывает. Он считает, так он сказал, что здесь, выпуская новых молодых специалистов, он принесёт Родине пользы больше, чем там, неумело перевязывая раненых. Борис не спорил, хотя это заявление его и покорило.

После ужина Борис Яковлевич проводил Веру до дома тётки. Та действительно жила недалеко. Когда они вышли из здания школы, их поразила необычная тишина, царившая в городе. На улице было светло, как днём, от огромной красновато-серебристой луны, лежавшей как будто прямо на самых вершинах высоких тополей. Лёгкий ветерок чуть шеве-

лил листьями этих красивых деревьев, вызывая еле слышный шелест. Кое-где лениво лаяли собаки, на улице не было видно ни души. Только возле дверей, ведущих в фельдшерско-акушерскую школу (штаб), медленно и тоже почти неслышно шагал часовой.

Вера, вздрогнув от сыроватого прохладного воздуха, взяла Бориса под руку и сказала:

– Как тихо, даже страшно! Прошлым летом я гостила здесь у тётки, так тут каждый ясный вечер собирались ребята и девочки и почти до самого утра раздавались музыка, песни и смех, а теперь точно вымерли все...

– Война... – неопределённо проговорил Борис Яковлевич.

Тётка на стук Веры долго не отзывалась, видимо, спала, а, может быть, боялась открыть дверь, увидев в щёлку между занавесками какого-то незнакомого мужчину. Вера стояла на крыльце, её видно не было, а Борис ждал, пока её впустят, около палисадника. Он уже успел выкурить две папиросы, ему надоело ждать, и он довольно сердито сказал:

– Наверно, её дома нет, пойдём обратно, как-нибудь переночуем у Пастуховых.

Но в этот момент входная дверь приоткрылась и в неё высунулась старушечья голова:

– Кто тут? – встревоженно спросила она и тут же увидела Веру.

– Веруся! – удивлённо воскликнула она. – Это ты! Вот неожиданная радость-то! Ну, заходи скорей. А это кто?

– Так, один знакомый, попутчик, – немного смутилась Вера.

Затем, обернувшись к Борису, проговорила:

– До свидания, Борис Яковлевич. Спасибо, что проводили. Встретимся завтра на вокзале.

Ещё по дороге они договорились, что в Нальчик поедут вместе.

На следующий день, к десяти часам утра Борис был уже на вокзале, купил два билета до Нальчика на пригородный поезд, который отходил в 10:30, и сел на скамеечку. Через несколько минут подошла и Вера.

– А, вы уже здесь! – воскликнула она. – А я опоздала.

– Да нет, – ответил Борис Яковлевич, – поезд отойдёт ещё через двадцать минут. Ну, пойдём в вагон.

* * *

В двенадцать часов дня они уже были в очереди, состоявшей главным образом из мужчин, перед столиком на балконе здания областного военкомата. Сверху на стене висело объявление, написанное химическим карандашом на куске обёрточной бумаги: «Регистрация командного и начальствующего состава». За столом сидел худой капитан с измученным лицом. Было видно, что он по-настоящему не спал уже много ночей и устал безмерно. Тем не менее, преодолевая усталость и напрягая все усилия, он каждому старался отве-

тить как можно вежливее и спокойнее. В длинной очереди тех, у кого имелись направления, было очень мало, большинство составляли люди с рапортами и заявлениями, в которых они просили, а некоторые прямо-таки требовали, чтобы их немедленно мобилизовали и отправили на фронт. Некоторые говорили, что они недавно сражались на Халхин-Голе, у них есть опыт, и Красной армии без них в настоящий момент просто нельзя обойтись. Другие уверяли, что опыт Гражданской войны, которую они провели в какой-нибудь славной героической дивизии или армии, даёт им право быть в первых рядах защитников Родины. Много приводилось самых разных доводов, и всем капитан старался как можно толковее и вразумительнее объяснить, что их очередь ещё не пришла, им нужно продолжать трудиться там, где они служат и работают сейчас, их работа тоже нужна фронту. Ну, одним словом, говорил о том, что в этих случаях в то время, наверно, говорили тысячи таких же капитанов и майоров в тысячах военкоматах страны сотням тысяч, миллионам советских людей, желавших как можно скорее попасть в армию, на фронт, чтобы успеть принять участие в разгроме наглого фашистского зверя. Ведь все в то время полагали, что война с фашистской Германией продлится самое большее 4–5 месяцев и что неудачи пограничников – это явление чисто случайное и очень кратковременное. А вот подойдут наши доблестные красноармейские части, помчатся на врага могучие танки, взвьются в воздух тучи самолётов, и враг в панике

побежит в своё фашистское гнездо, где и будет безжалостно уничтожен.

Так, между прочим, думали и Алёшкин с Панфиловой, подходя к столу капитана. Предъявив ему направления военкомата, Борис больше всего боялся, что тот, посмотрев на них, равнодушно, но по возможности вежливо, скажет:

– Ну что же, раз опоздали, возвращайтесь в свою Александровку и работайте, там ваша работа тоже нужна. Если надо будет, вас вызовут.

Но этого не случилось. Внимательно изучив документы и отметки, сделанные на них дежурным лейтенантом в штабе дивизии, капитан пометил какие-то бумажки, лежавшие у него на столе, прочитал одну из них, удовлетворённо хмыкнул и произнёс:

– Ну что же, хорошо. Я доложу военкому. За ответом зайдёте сюда ко мне завтра в 12:00, без очереди. Следующий!

Они отошли от стола.

– Что же теперь будем делать? – спросила Вера.

– У вас есть знакомые в городе? – в свою очередь спросил Борис Яковлевич.

– Нет.

– Ну вот и у меня тоже нет! Значит, придётся день коротать вместе.

– А где мы будем ночевать?

– Пойдём в гостиницу. Я тут перед войной останавливался.

Они вышли из военкомата. Перекусив в первой попавшейся чебуречной, они подошли к гостинице и прочли надпись на картонной табличке: «Мест нет». Побродив около часа по городу и ещё раз подкрепившись, направились в парк. В летнем кино шла новая картина «Если завтра война». Купили билеты и с огромным удовольствием посмотрели этот фильм. Войну показывали такой, какой её себе представлял, видимо, никогда не воевавший режиссёр, а консультировали его, скорее всего, те, кто или тоже никогда не видел войну, или задался целью специально подлакировать её.

Между прочим, и Борис, и тем более Вера, и тысячи зрителей, смотревших эту картину, ещё не представляли себе войну – ту войну, которая уже началась и которая безжалостно разбивала все розовые иллюзии многих и многих военачальников и государственных деятелей, а также простых людей советского государства. Но пока об этом никто из смотревших кинокартину в городе Нальчике ещё не знал, пока они видели лишь удивительно красивые танковые атаки, многочисленные эскадрильи, краснозвёздный самолёт, строгие ряды красиво марширующих красноармейцев; пулемётные и миномётные гнёзда, точно по волшебству, вдруг появляющиеся в совершенно чистом и безобидном поле и также мгновенно проваливающиеся сквозь землю при приближении атакующего неприятеля, и выныривающие из-под земли вновь, как только атакующие прошли, поворачивались на сто восемьдесят градусов и стреляли в спину врага. Пока они

видели только ловких подтянутых командиров, важно склонявшихся над военными картами и руководящих огромными массами войск и технических средств с таким олимпийским спокойствием, что невольно казалось, так происходит и сейчас, если у нас есть такие командиры, то опасаться нечего, и наша армия победит без всякого труда.

Подобный оптимизм, может быть, и был нужен, но нам кажется, что к этому времени уже имелись достаточные примеры тяжести ведения современной войны. Ведь война на озере Хасан, на Халхин-Голе, война с белофиннами, да и, наконец, те две недели, которые прошли с начала этой новой войны, когда нашими войсками уже были отданы фашистам такие города, как Минск, Витебск, Каунас, Вильнюс, Львов, когда фашистские полчища стремительно рвались к Киеву, Смоленску и уже подходили к Пскову, – показали, что победы нашей армии достаются отнюдь не просто и, к сожалению, далеко не малой кровью, а скорее, наоборот. И что именно к такой войне, а, вернее, гораздо более суровой и кровопролитной, мы и должны готовиться. А песня в этом фильме уверяла, что если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы. И в этом, по-нашему мнению, был её вред.

Но так говорить можем мы только сейчас, когда уже война давно окончилась, когда все тяжести её и последствия мы испытали на собственных плечах. В то время Борис считал, что так, вероятно, война и будет происходить, как это показано в

картине, и что работа медиков окажется совсем несложной. Однако близился вечер, а ни у Бориса Яковлевича, ни у Веры никаких перспектив на ночлег пока не было. Решили ночевать на вокзале. Когда пришли в маленький садик у Нальчикского вокзала, то увидели, что таких догадливых, как они, было куда больше, чем вокзал мог вместить. Многие уже расположились со своими чемоданами, узлами, а некоторые и с целыми кучами ребятишек, прямо на привокзальной площади. Были оккупированы не только все скамейки, но и все асфальтовые площадки около многочисленных киосков, окружавших её. С трудом разыскали одно незанятое местечко под большим тополем, подвинули к нему чемодан, разостлали свои плащи и улеглись на них.

Второго июля 1941 года восходящее солнце, осветившее весь этот спящий, дремлющий, стонущий, храпящий и плачущий люд, осветило и нашу парочку, и никто бы не сказал, что это два совершенно посторонних человека, так мирно и сладко они спали. Борис Яковлевич лежал на спине, а Вера, свернувшись калачиком, прижалась к его боку, положив голову на грудь. Очевидно, предрассветная прохлада заставила их в поисках тепла придвинуться друг к другу и натянуть на себя края плащей. Во всяком случае, те, кто не спал или проснулся ранее, считали, что эти двое если не муж и жена, то, во всяком случае, близкие родственники.

Первой проснулась Вера. Увидев, в каком положении они спят, она быстро села и начала приводить в порядок растре-

павшиеся волосы, в то же время со смущением оглядываясь кругом, не видел ли кто их не совсем приличной позы. Но всем было не до них. Эти люди, застигнутые войной в пути, спешившие на запад, к своим домашним очагам, возвращавшиеся из отпуска или в свою военную часть, куда нужно было явиться при объявлении мобилизации, а многие и сами толком не знавшие, куда они едут, были заняты своими делами и мыслями, и если поглядывали, то, что помоложе, на мирно спавшую парочку, то, скорее, с завистью, с сочувствием, чем с осуждением.

Вера прошла к водопроводной колонке, стоявшей у края площади, протолкалась сквозь небольшую толпу, окружавшую её, умылась текущей по жёлобу водой и набрала её в кружку. Затем вернулась к Борису, он всё ещё спал. Она заботливо прикрыла его своим плащом, а сама уселась на чемодан.

Большие вокзальные часы показывали шесть часов, спешить было некуда, и она с интересом стала рассматривать собравшийся на площади народ. Тут были и русские, и украинцы, и кабардинцы, и осетины, и даже цыгане. Всё это скопище людей самого разнообразного вида переговаривалось на своих языках, и, на первый взгляд, толпа на площади походила на какую-то ярмарку или базар. Но вдруг все смолкли. Из большого репродуктора, укрепленного на стене вокзала, раздалось: «Внимание, внимание! Говорит Москва! Московское время семь часов. От советского информбюро: пе-

редаём сводку о положении на Западном и Северо-Западном фронтах». Головы людей повернулись к репродуктору, все замолчали. Борис, услышав радио, тоже проснулся и, вскочив, погладил себя по гладко остриженной голове, поправляя, как он это привык делать, спутавшиеся за ночь волосы. Он, видимо, и не подозревал, как они спали с Верой, потому что сразу её спросил:

– А ты так и просидела всю ночь на чемодане?

– Нет, – ответила та, слегка покраснев, – я спала.

Больше они на эту тему не разговаривали. Прослушав сводку, в которой вновь не говорилось ни о чём определённом, только перечислялись несколько незнакомых по названиям населённых пунктов, оставленных нашими войсками после упорных боёв с численно превосходящим противником, все успокоились: крупных городов на этот раз не упоминали.

Позавтракав в той же чебуречной, где они ели вчера, и побродив немного по какому-то настороженному и озабоченному городу, они вновь пришли в военкомат. За столом регистрации сидел всё тот же измученный капитан, казалось, что он так и не вставал из-за стола, а очередь людей, стоявших к нему, тоже как будто бы со вчерашнего дня замерла. На самом же деле за эти сутки и капитан успел несколько часов поспать, и очередь состояла уже совсем из других людей. Борис Яковлевич и Вера попытались миновать очередь, но на них зашумели и, несмотря на то, что Борис уверял, что

им назначено прийти, их не пускали.

– Всем назначено! Становитесь в очередь! Нечего, нечего! – закричали стоявшие друг за другом люди.

Алёшкин и Вера успели протиснуться уже почти к голове очереди. Оглянувшись и увидев, что хвост её теряется где-то в конце коридора и что, если они выполнят это требование, то могут простоять до вечера, продолжали проталкиваться вперёд. Люди, стоявшие впереди них, громко протестовали. Этот шум и толкотня привлекли внимание капитана, тот встал и неожиданно громко крикнул:

– Смирно! Что за базар? Вы где находитесь?

Все стихли. Кто-то несмело произнёс:

– Да вот тут без очереди лезут! – он указал на Бориса Яковлевича и Веру.

Капитан взглянул в указанном направлении, узнал Бориса и произнёс:

– Им приказано явиться в это время. Пропустите их!

Торжествующие Борис Яковлевич и Вера прошли к столу. Капитан открыл ящик, достал из него их военные билеты. Подавая Алёшкину билет вместе с небольшой бумажкой, он сказал:

– Вы зачислены в команду медиков, следующую в распоряжение начальника санитарной службы № 65. Старший команды – военврач Перов, команда находится во дворе. Идите туда, явитесь к старшему по команде, он вам расскажет о дальнейшем.

– А вы, – полуобернулся он к Вере, – получите свой военный билет и можете следовать домой. Сейчас заявок на фармацевтов пока нет. До свидания. Когда понадобится, вызовем.

Они пошли к выходу. Видно было, что Вере было грустно расставаться с Борисом Яковлевичем, к которому она за эти два дня уже как бы привыкла, и обидно, почему не взяли – все уже воюют, а она вот должна возвратиться домой. На глазах у неё от всего этого заблестели слёзы. Но делать было нечего.

Дружески попрощавшись с Борисом Яковлевичем, Вера не удержалась, обняла его за шею и, не стесняясь присутствующих, крепко поцеловала. Затем выбежала на крыльцо, подхватила свой чемоданчик и, не оборачиваясь, пошла к вокзалу. Борис растерянно посмотрел ей вслед. Ему было очень неловко, и когда он вернулся с крыльца, чтобы через другую дверь выйти во двор, он ожидал увидеть насмешливые лица и услышать разные шуточки, но, к его удивлению, все на него смотрели с сочувствием, а некоторые даже и с завистью, и никто не проронил ни слова. Видимо, величайшие события в жизни страны, участниками которых все эти люди становились или готовились стать, делали их выше мелких условностей мирной жизни.

Глава третья

Спустившись во двор, Алёшкин довольно быстро нашёл команду медиков. Она выделялась среди прочих команд тем, что в неё входили женщины, а также и тем, что в группе этих людей, в большинстве сидевших на чемоданах или даже просто на земле, возвышался высокий рыжеватый человек лет сорока, с крупными чертами лица, выпуклыми глазами и большим мясистым носом. Человек этот был одет в военную гимнастёрку с петлицами и шпалой на них, синие галифе и до изумительного блеска начищенные сапоги. Он о чём-то громко и весело рассказывал, и его голос разносился по всему двору. На голове у него была надета потрёпанная военная фуражка с околышем какого-то неопределённого цвета. Борис Яковлевич догадался, что это и есть военврач третьего ранга Перов. Стараясь по возможности выглядеть по-строевому, он бодрым шагом подошёл к этому человеку, поставил чемодан и, протягивая бумажку, отрапортовал:

– Товарищ военврач третьего ранга, старший лейтенант Алёшкин прибыл в ваше распоряжение.

Виктор Иванович (так звали Перова) взял бумажку и, обернувшись к группе людей, которым перед этим что-то с жаром рассказывал, произнёс:

– Вот видите, как надо к старшему обращаться, вот что значит строевой командир! Только не пойму я, товарищ

старший лейтенант, зачем вас в мою команду прислали, ведь у нас тут медики: врачи, фельдшеры, – пояснил он. – Мне не говорили, что будут и строевые командиры. Наверно, этот Протасов (такова была фамилия капитана) опять что-нибудь напутал.

Алёшкин уже открыл было рот, чтобы сказать, что он и есть врач, как вдруг раздался женский голос:

– Боже мой, да это же Борис Алёшкин! Вы не узнали меня? Я Тая Скворец.

С этими словами с земли из-под дерева поднялась молодая невысокая женщина с большими карими глазами и тёмными, стриженными под скобку волосами. Подбежав к нему, она схватила его за руку.

– Вот те на, – кривовато усмехнулся Перов, – у нашей Таи везде знакомые!

– Да какой он знакомый! – кричала возбуждённо Скворец. – Мы с ним пять лет вместе проучились, он все пять лет был старостой первой группы и даже одно время у нас старостой потока был. И никакой он не строевой командир, а врач – такой же, как и мы, только, может быть, лучше. Ведь он институт с отличием окончил, и у нашего хирурга-профессора любимым учеником был.

Она продолжала крепко держать Бориса за рукав и говорила:

– Борис Яковлевич, пойдёмте к нам под дерево, я вас сейчас со всеми познакомлю.

Тот, растерянно взглянув на Виктора Ивановича, влекомый молодой женщиной, пошёл за ней, и через несколько минут уже сидел в кружке врачей, которых ему представляла Тая. Сам же он, здороваясь с каждым, напряжённо старался вспомнить, кто же такая Тая. После некоторых усилий ему это удалось. Тая училась в седьмой группе вечернего потока, их было три неразлучные подруги: она, Шевченко и ещё одна толстая смешливая девушка. Борис помнил, что они не только по коридорам института ходили, обнявшись, втроём, в аудиториях сидели рядышком, но даже сдавать зачёты и экзамены всегда умудрялись в один день и час. Правда, их знания отличались. Шевченко обычно получала отличные отметки, и лишь изредка ей ставили «хорошо», да и то по нелюбимым дисциплинам. Только это и помешало ей получить диплом с отличием. Её подруги, в том числе и Тая Скворец, занимались посредственно, и, пожалуй, поэтому Борис её и вспомнил. Помогло воспоминанию и другое обстоятельство. Ещё на первом курсе Тая Скворец вышла замуж за довольно известного в Краснодаре инженера Родимова и стала носить двойную фамилию, Скворец-Родимова. Когда она училась на четвёртом курсе, её постигло несчастье. В тот год зимой в Краснодаре была большая эпидемия гриппа. Муж, И. Н. Родимов, бывший намного старше её, заразился гриппом, вызвавшим воспаление лёгких, и через две недели скончался. Студентка осталась молодой вдовой, что с ней было дальше, Борис Яковлевич не знал. Он помнил, что она на пятом курсе

занималась значительно усерднее, чем раньше (видимо, замужество ей мешало учиться), и госэкзамены сдала в числе лучших. Вот, собственно, и всё, что удалось ему вспомнить. Каким образом она очутилась в Нальчике и в этой команде, он не представлял.

Тем временем познакомимся и мы с членами команды медиков, которые окружали Таю. О начальнике команды – военвраче третьего ранга Перове Борис Яковлевич узнал следующее. Виктор Иванович по профессии – дерматолог, работает врачом уже пять лет, заведует кожно-венерологическим диспансером в Баксане, звание военврача третьего ранга получил в прошлом году после 45-дневной переподготовки. В армии не служил. Очень завидует строевым командирам и старается на них походить, в этом ему помогает его бравый вид и неплохая выправка. Любит выпить (эти сведения Борису Яковлевичу доверительно сообщила Тая). Женат, кажется, второй раз, детей нет. Получив под своё начало команду медиков, к начальственному положению ещё не приспособился, и то не в меру суров, то уж больно покладист. Ну, да в начальниках он ходит всего второй день, ведь их собрали вчера, и вот уже сутки никуда со двора военкомата не отпускают.

Следующей, с кем познакомился Борис Яковлевич, была довольно пожилая женщина-врач, эпидемиолог из городской эпидемстанции, Дора Игнатьевна Краевская. Она, как выяснилось, хорошо знала и дружила с Таей. Муж её, строевой

командир, был отправлен из Нальчика куда-то вместе с частью, в которой он служил, чуть ли не в первый день войны. Где он сейчас, она не знала, писем от него пока не было. Дора Игнатъевна была полной, черноволосой, черноглазой, подвижной женщиной лет 37, с чудесным голосом. Она замечательно пела украинские песни.

Затем Борис Яковлевич познакомился со своим сверстником Николаем Ивановичем Дурковым. Это был тоже выпускник Кубанского мединститута, но окончивший его на два года раньше Бориса. Дурков имел в детстве перелом правой стопы, который сросся неправильно, поэтому он прихрамывал. Николай Иванович служил хирургом районной больницы в соседнем с Майским районе и производил впечатление тихого и незаметного человека, таким он впоследствии и оказался. Он немного заикался, любил играть в шахматы. Николай Иванович – высокий и худой, с длинным неправильным лицом, вытянутым вперёд. Про такие лица говорят: «лошадиная физиономия», но это не мешало ему быть очень добрым человеком, отличным товарищем и весьма неплохим врачом.

Кроме перечисленных и Бориса Яковлевича, в команде медиков находилось ещё восемь врачей и два фельдшера, все они следовали в одну дивизию, но впоследствии были назначены в разные подразделения, и поэтому с некоторыми из них Алёшкин так более и не встретился или встречались очень редко.

Перов, ходивший за информацией о положении команды к военкому, сообщил, что вечером они выедут куда-то к Москве, где находится их дивизия. Поедут все вместе в одном вагоне (прямо идущем от Нальчика до Москвы, прицепляемом к скорому Тбилисскому поезду) по одному билету. На вокзал пойдут все вместе. Из двора военкомата отлучаться никому не разрешено, и нужно выбрать группу из нескольких человек, которым следует поручить закупить провизию. Естественно, что в эту группу желательно включить местных, из Нальчика, которые хорошо знают городские магазины и базар, так как еды нужно запастись и на дорогу. Военкомат, хотя и обязан обеспечить команду сухим пайком, но его работники так закрутились, что ни с чем справиться не могут и просили выходить из положения самостоятельно. – Для закупок продуктов выделили деньги, – закончил своё сообщение Перов.

В эту группу были избраны Тая, Дора Игнатьевна и два незнакомых молодых врача в качестве носильщиков, как выразился Перов, на закупку им выделили два часа. Тая сказала, что она забежит на свою квартиру, где возьмёт сумки под продукты и мешок для хлеба.

«Провиантмейстеры», как их шутя кто-то окрестил, вернулись даже раньше назначенного срока. Они купили колбасы, сыра, рыбных консервов, яиц, сала, хлеба – и чёрного, и белого, печенья, сахара, конфет, огурцов и помидоров. Решили продукты не делить, а, возложив обязанность главно-

го снабженца на Краевскую, питаться всем вместе. Так как «делегация» потратила денег значительно больше, чем было отпущено, то разницу собрали между собой и вручили Доре Игнатьевне.

Обед прошёл оживлённо и весело, с шутками и смехом. Перов, недовольный действиями снабженцев, так как, по его мнению, они не принесли самого главного, куда-то сбегал и добыл бутылку портвейна. Потягивая вино прямо из горлышка, он быстро сменил гнев на милость. Остальные медики от предлагаемого им угощения отказались и запивали еду холодной водой из находящейся во дворе водопроводной колонки.

Настроение у всех было немного приподнятое. Никто не представлял себе, что их ожидает в будущем, поэтому они вели себя довольно беспечно, как школьники или студенты на каникулах, собравшиеся на какой-то пикник или загородную прогулку, во время которой им будет так же весело и беззаботно, как и сейчас, и по окончании которой они вскоре вернутся домой. Никто из них не предполагал, что война продлится более 4–6 месяцев, никто не сомневался в том, что фашисты скоро будут разбиты, ведь так сказали Сталин и Молотов, так писалось в газетах. А все эти люди были воспитанниками того периода времени, когда каждое слово Сталина и его ближайших соратников считалось непреложным законом.

Все были убеждены, что знаменитые полководцы Воро-

шилов, Будённый, Тимошенко и другие своим военным мастерством во много раз превосходят фашистских генералов, что наше вооружение, наши танки, наши самолёты – лучшие в мире и, безусловно, мощнее и надёжнее фашистских. Все были уверены также и в том, что в нашей стране нет и не может быть шпионов, и что проведённые по приказам Сталина, Берии и их помощников из НКВД интенсивные аресты и снятия с постов некоторых военных начальников и многих гражданских лиц – своевременная и нужная мера, обезопасившая нашу страну от каких-либо неожиданностей изнутри. И единственное, о чём беспокоились эти люди, успеют ли они принять активное участие в боевых действиях, придётся ли им оказывать помощь раненым, или, вот так просидев где-нибудь под Москвой или Смоленском, они и вернутся домой, даже не понюхав порошу. В таком духе примерно и велись разговоры в команде медиков.

С нашей сегодняшней позиции, когда мы уже пережили эту войну, когда мы узнали многое из того, что в то время было неизвестно и гораздо более осведомлённым людям, чем наши герои, их мнения, рассуждения могут показаться смешными и наивными до глупости. Но что же делать, всё было именно так.

После обеда команда медиков разбрелась в отведённом им уголке двора и расположилась небольшими группами. Наши знакомые остались около большого дерева, где стояли их вещи, там же поставил чемодан и Борис. После обе-

да, растянувшись на плаще, Перов опустил голову на пожитки Доры Игнатьевны и слабо захрапел. Она, прислонившись спиной к дереву, тоже подрёмывала. А Борис Яковлевич, Тая и Николай Иванович тихо разговаривали между собой, вспоминали Краснодар, институт, свою студенческую жизнь, преподавателей и друзей-однокурсников. Борис рассказывал о своей работе в Александровке, о семье, о том, как ему тяжело было их оставлять, но что он считает своей священной обязанностью лично оказать посильную помощь в защите Родины, тем более что в прошлом году его специально для этого готовили. Тут он рассказал о том, что в 1940 году его направили в Москву для усовершенствования по хирургии, что учился он у таких прославленных людей, как В. В. Вишневский, С. С. Юдин, Гориневская, Огнев и других, и что, поскольку главным предметом их изучения была военно-полевая хирургия, он надеется применить свои знания на практике с большой пользой для дела.

Оба его слушателя завидовали ему: ни один из них усовершенствования не проходил, а строил свою работу, основываясь на знаниях, полученных в институте. Тая с грустью сказала, что она вообще не знает, что будет делать на войне: хирургию она в своё время учила, но в Нальчике работала в Наркомздраве инспектором в отделе охраны материнства и младенчества, больше занималась канцелярией и проверкой работы ясель и роддомов, чем настоящей медициной. По просьбе Николая Ивановича она сказала своё отчество,

и, хотя просила называть её по-прежнему Таей, тот всё же с этих пор называл её только полным именем – Таисия Никифоровна.

Между прочим, она рассказала, что весной этого года снова вышла замуж за работника Наркомздрава Балкарской АССР, врача Арсаского, который тоже призван в армию и только вчера выехал из Нальчика. Где он теперь, она не знала.

Так, за разговорами одних, дремотой и сном других незаметно прошло время. С крыльца сбежал лейтенант и крикнул:

– Военврач, товарищ Перов!

Виктор Иванович, которого сильно толкнула Дора Игнатьевна, подскочил, спросонья не совсем соображая, где находится, но лейтенант его уже заметил, подошёл к нему и сказал:

– Военком приказал отправляться на вокзал, поезд идёт через час.

Перов туго подпоясался своим же широким ремнём, расправил гимнастёрку, надел фуражку и зычным голосом командовал:

– Команда медиков, ста-а-а-новись!

Спустя пару часов все уже были в вагоне, заняв для команды два соседних купе. Многие начали устраиваться спать, только Борис Яковлевич себе место не занимал, продолжая сидеть и смотреть в окно. «Скоро будем проезжать Май-

ское, – думал он, – а вдруг там Катя стоит?» Таисия Никифоровна устроилась над Алёшкиным, а пока сидела внизу, напротив него, и тоже задумчиво смотрела в окно.

Майское проехали уже в темноте, и, кроме нескольких мужчин, освещённых тусклыми фонарями, на перроне никого не было. Борис вышел в тамбур покурить. Когда он вернулся, Тая уже улеглась наверху, а его скамейка была раздвинута, и на ней лежал его плащ, аккуратно разостланный. Подушку заменяла сумка Таисии (у неё, кроме чемодана, была ещё и большая сумка).

Борис Яковлевич был немного удивлён такой заботливостью Таи, и в то же время эта забота была ему приятна. Вскоре, улёгшись поудобнее, он крепко заснул.

Дорога до Москвы прошла без особых приключений. На следующий день после отъезда из Нальчика Перов под великим секретом торжественно сообщил всей команде, что они следуют в посёлок Софрино, расположенный недалеко от Москвы, где вступят в ряды вновь сформированной 65-й стрелковой дивизии. Где это Софрино, никто точно не знал, не знал этого и сам Перов.

Всю дорогу, длившуюся около двух суток, хотя поезд шёл с хорошей скоростью и почти не останавливался, Виктор Иванович оказывал Тае знаки внимания и надоел ей своим ухаживанием до невозможности. Борис и Дурков держались от всех немного в стороне, они смотрели в окно на проносящиеся мимо селения, городки, кустарники и перелески и

думали. Борис обдумывал, что и как ему придётся делать на войне. Он, совершенно не представлял, куда его назначат – в батальон ППМ или, может быть, в медсанбат. Ему вспоминались последние наставления учителей, случаи из практики в Краснодаре, в отделении неотложной хирургии, во время дежурств в институтах им. Склифосовского и Вишневского, в период недолгой работы в Александровке. Одним словом, мысли были заняты прошлым и будущим. Иногда, как в тумане, проносились в его мозгу образы дочек и Кати, но вот это казалось ему уже сейчас каким-то очень далёким и прошедшим, главное было впереди. Видимо, сказалась его наследственность – стремление всегда осмыслять свои действия наперёд и сосредотачивать все усилия для наилучшего результата, ведь такими были и его дед, и бабушка, и мать.

О чём-то своём молча думал и Дурков. Оба они курили папиросу за папиросой и глядели в окно, пытаясь заметить хоть какие-либо следы войны. Видели же пока только одно: на всех станциях, где останавливался поезд, толпились военные, одетые в новое летнее обмундирование. На многих оно сидело очень неуклюже и мешковато, было видно, что эти люди из запаса. Их вид давал повод к насмешкам со стороны Перова, которые очень злили Бориса, причём один раз он даже не выдержал и возмущённо сказал:

– Они идут умирать за Родину, а вы над ними издеваетесь!

Его возглас был неожиданным и, видимо, обескуражил Перова, однако тот промолчал и с тех пор свои шуточки над

новобранцами прекратил.

Тая и Дора Игнатьевна, спасаясь от назойливых ухаживаний командира и двух его товарищей, которые, раздобыв на одной из станций вина, находились всё время в весёлом настроении, присоединились к Борису Яковлевичу и Николаю Ивановичу, постояли некоторое время с ними у окна, но затем, увлекаемые своими поклонниками, вновь вынуждены были возвратиться в их среду и выслушивать плоские шуточки и сальные анекдоты.

Прошла вторая ночь. Ранним утром поезд подошёл к Казанскому вокзалу Москвы. Оставив свою команду посередине огромного зала, Перов отправился в военную комендатуру, чтобы выяснить, куда следовать дальше. Группа медиков столпилась в одном из проходов между колоннами, составив в кучу свои чемоданы, сумки и мешки, и с любопытством осматривалась вокруг. Все они, за исключением Перова и Алёшкина, приехали в Москву впервые, и, хотя в этот ранний час – пять утра – на вокзале, заполненном спящими на лавках, мешках и прямо на полу так называемыми дальними пассажирами, было сравнительно тихо, величина вокзала, огромное количество людей и какой-то сдержанный гул, раздававшийся вокруг, поразили почти всех.

Вокзальная публика удивляла своей пестротой. В разных местах примостились отдельными кучками военные, было много групп, объединившихся, видимо, по тем же причинам, что и наши знакомые, сидевших там и сям на грудах чемода-

нов, рюкзаков и мешков. Отдельными группами сидели женщины с детьми, многие из них были почти без вещей. Они тревожно дремали, часто просыпаясь и с испугом оглядываясь по сторонам. Впоследствии медики узнали, что это беженцы из Минска и других городов.

Вокзал ещё спал. Все киоски были закрыты, и только в некоторых из них начиналось кое-какое оживление, поднимались из-за прилавков заспанные продавцы и начинали готовиться к работе. В одном из углов зала толпилась небольшая очередь у длинного прилавка с надписью над ним «Буфет». Он, очевидно, работал круглосуточно, и кое-кто из вокзальных обитателей уже спешил утолить свой голод: покупали горячий кофе, чай, какую-то залежалую снедь и хлеб. При виде этой очереди у многих из наших медиков потекли слюни. Дело в том, что продукты, запасённые в Нальчике, кончились ещё днём, и сейчас голод давал о себе знать. Кое-кто уже собирался было присоединиться к очереди, но Борис, оставленный Перовым за старшего, отлучаться не решил:

– Потеряетесь в толпе, а потом ищи вас. Это вам не Нальчик: тут заблудитесь в два счёта. Да вот и Виктор Иванович идёт, – сказал он.

И действительно, пробираясь среди груд мешков и чемоданов, переступая через спящих, а некоторых просто отодвигая с пути, с противоположного конца зала спешил Перов. Подойдя, он заявил:

– На предписании комендант поставил штампы, что мы прибыли сегодня, и, следовательно, до вечера мы свободны. Софрино, куда нам надлежит ехать, находится по северной дороге, мы перейдём на Ярославский вокзал (это через площадь напротив), оставим там свои вещи и часов до шести вечера можем гулять. Электричкой до Софрина ехать всего сорок минут, к вечеру поспеем. Ну, пошли!

Вокзальная – Комсомольская площадь была пуста, изредка проезжали легковые машины. Таксомоторов не было видно ни одного. Трамваи, видимо, только что начали ходить, и в них было ещё мало народу. Наши «вояки» перешли, вопреки всяким правилам, через площадь напрямик. Стоявший в центре площади милиционер покачал головой, однако, ничего не сказал и не задержал нарушителей, очевидно, в эти тревожные дни их бывало столько, что милиционерам просто надоело с ними связываться.

Борис заметил одну странность: у милиционера, помимо его палочки, которой он регулировал движение, и револьвера в кобуре, сбоку висел противогаз, а за плечами на ремне находилась винтовка. Обратил он внимание и на другое: хотя ему раньше и не приходилось бродить по Москве в такую рань, всё-таки его поразила какая-то особенная, несвойственная столице тишина. Когда он раньше оказывался на этой площади, она всегда оглушала приезжих каким-то особенным, кажется, присущим только ей, шумом и грохотом. Сейчас этого не было. Конечно, гул городской жизни слы-

шался, и он поражал людей, прибывших сюда впервые, но совсем не тот шум и гул, который был привычным для Москвы.

Зашли в здание Ярославского вокзала. Там народу было, пожалуй, ещё больше, чем на Казанском. Выбрали в одном из уголков небольшое свободное местечко, вновь сложили свои вещи и стали рассуждать о том, что делать дальше. Перов сказал:

– Ну, вот что, друзья, мне надо одну родственницу навестить, к пяти часам я вернусь. Гуляйте и вы где кому хочется, но чтобы в пять часов все были на этом месте. Всего, пока, – и он ушёл.

Борис задумал пойти навестить дядю Митю, но, так как он оказался единственным немного знавшим Москву, то по просьбе врачей согласился показать им город перед тем, как они уедут на фронт. Отказать было бы просто бессовестно, и он уступил.

Несколько человек на прогулку по Москве не пошли, они предпочли посидеть на вокзале и отдохнуть. Им было поручено караулить вещи остальных. Экскурсантов набралось человек пять, среди них были, конечно, и все те, с кем мы уже познакомились.

Начали с поездки на метро, доехали до площади Маяковского. Оттуда по улице Горького дошли до Кремля, прошли по Красной площади, постояли около Мавзолея, затем вернулись, позавтракали в каком-то небольшом кафе

около Охотного ряда. От Большого театра прогулялись по Манежной площади, посмотрели на Москву-реку и, порядочно устав, решили пойти в какое-нибудь кино. Удалось достать билеты в кинотеатр «Художественный» на Арбатской площади, смотрели весёлую комедию с участием Жарова и Крючкова. Затем пообедали в маленьком ресторанчике около площади Дзержинского и, обнаружив, что времени уже осталось в обрез, направились на вокзал. Борис рассказывал своим спутникам всё, что знал о той или иной достопримечательности, встреченной на пути. Люди, впервые попавшие в Москву, удивлялись и восхищались, поглядывая по сторонам, они были чрезвычайно довольны своим экскурсоводом, как в шутку окрестила Бориса Тая, которая всё время старалась держаться рядом с ним и часто брала его под руку.

Алёшкин во время этой прогулки обратил внимание не только на какую-то неестественную тишину, но и облик знакомых улиц показался ему иным. Началось с того, что сразу же по выходе из метро на площади Маяковского им попалась навстречу группа красноармейцев, большую часть её составляли женщины. Они шли куда-то по Садовому кольцу, держась руками за верёвки, прикреплённые к колыхавшемуся над ними длинному воздушному шару в виде большой колбасы или сосиски. Впоследствии они видели такие же «колбасы» в переулках около улицы Горького и Красной площади. На вопрос, что это такое, один из прохожих, осмотрев наших экскурсантов удивлённым и немного подозрительным

взглядом, ответил:

– Это аэростаты заграждения. Вы что, с Луны свалились, что ли? – и быстро зашагал прочь.

Вообще, группа людей, праздно бродивших по улицам Москвы, вероятно, вызывала удивление, а, может быть, и подозрение встречных. Жители Москвы всегда куда-то спешат, а в дни начала войны эта деловитость и спешка прохожих была ещё более заметна и бросалась в глаза нашим экскурсантам.

Второе, что сразу меняло облик знакомых Борису улиц, это штабеля мешков с песком, сложенных около витрин больших магазинов, и какие-то деревянные сооружения, которые начали возводиться около некоторых памятников. Кроме того, многие здания красились или уже были окрашены совершенно нелепым образом: их стены покрывали жёлтые, зелёные, коричневые и белые пятна самой разнообразной формы, радикально изменяя вид. Уже позже они узнали, что всё это было предпринято с целью защиты от воздушных бомбардировок, хотя, откровенно говоря, людям тогда казалось, что эта предосторожность излишня.

– Разве могут фашисты когда-нибудь долететь до Москвы? – спрашивали они один другого. – Ну, Киев, Минск, Севастополь, Одесса, даже Ленинград, все эти города недалеко от границы, но Москва? Нет, это просто так, перестраховка! – сами себе отвечали они.

Прогулка по Москве всем очень понравилась, а так как за

обедом было выпито несколько бутылок пива, то экскурсанты вернулись на вокзал в отличном настроении. Буквально за несколько минут до семнадцати часов прибежал и Виктор Иванович. По его команде схватили вещи и бросились к отходившей электричке.

Спустя час группа медиков стояла в небольшом лесочке, километрах в двух от станции Софрино, где был расположен 24-й отдельный медсанбат и находился начальник санитарной службы дивизии, в распоряжение которого они прибыли. Это было 10 июля 1941 года. Начальника в медсанбате в тот момент не было, и Перов вручил предписание и большой пакет с личными делами членов команды начальнику штаба батальона, младшему лейтенанту Скуратову, который, увидев бравый весёлый вид Виктора Ивановича и его группу, вытянулся перед ним, как перед генералом, и стало трудно определить, кто из них кому отдаёт рапорт. Скуратов был небольшого роста, со светлыми седеющими волосами, с такими же бесцветными бровями и ресницами, маленькими голубыми глазами и добродушной улыбкой на довольно-таки простодушном лице. Его небольшой, чуть приплюснутый нос привлекал внимание, так как был в багрово-синих жилках, такие же жилки были видны и на пухлых щеках, – всё это недвусмысленно указывало на его склонность к довольно частому употреблению горячительных напитков. Одет он был в форму работника НКВД, в петлицах виднелся один кубик. На вид ему было лет 48–50. Выслушав доклад

Перова, Скуратов сказал:

– Ну, вот и хорошо. Теперь, кажется, медиками мы почти укомплектованы. Начсандив и командир медсанбата на совещании в штабе дивизии, вернутся поздно, если только вернутся сегодня, поэтому пока располагайтесь здесь, а завтра ваша судьба будет решена. Старшина! – громко позвал он.

Когда на его крик прибежал подтянутый, молодой, круглолицый, черноволосый и черноглазый крепыш, одетый в новую летнюю форму, и вытянулся перед ним, Скуратов приказал:

– Товарищ Красавин, этих товарищей докторов с сегодняшнего ужина зачислить на довольствие, зайдите за аттестатом ко мне в штаб. А вам, товарищи, сегодня придётся разместиться уж как-нибудь. Мы, как видите, живём в шалашах, – и он показал рукой на там и сям возвышавшиеся шалаши, чем-то напоминавшие Борису индейские вигвамы из детских книжек, только сделанные из еловых веток.

– Вы сегодня построить шалаши себе не успеете, – продолжал Скуратов, – а сделаете это завтра с утра. А сейчас товарищ Красавин разведёт вас по другим шалашам, ночь как-нибудь переспите. Вас, – обратился он к Перову, – и ещё человека четыре прошу к себе. У меня шалаш большой, места на шестерых хватит.

Виктор Иванович отобрал Таю, Дору Игнатьевну, Бориса Яковлевича и Дуркова, и они все пошли за Скуратовым. Вскоре в его шалаш был принесён в большой кастрюле ужин,

состоявший из рисовой каши с мясом, и нескольких буханок ещё тёплого хлеба. Перов достал из своего чемоданчика бутылку вина, при виде которого глазки Скуратова масляно заблестели.

Все с аппетитом поужинали. Затем врачи, как новенькие, так и те, кто прибыли раньше, собрались вокруг шалаша Скуратова, расселись на пеньки, кочки и даже просто на землю, усыпанную жёлтой хвоей, и завели разговор о самых разных вещах, но всё-таки главной темой была, конечно, война. Теперь события на фронте, а, вернее, уже на фронтах, стали казаться не такими простыми, как в первые дни войны. Однако все ещё надеялись, что в самом скором времени – через две недели, через месяц, самое большее через два – события повернутся по-другому. Красная армия оправится, враг будет остановлен и обращён вспять. Кое-кто даже предполагал, что их дивизии придётся вести не оборонительные бои, а наступательные, может быть, даже и преследовать уже разбитого неприятеля.

Между прочим, Скуратов сообщил, что 65-я дивизия, формирующаяся на основе командного состава НКВД, теперь, с получением последнего пополнения, в том числе и медицинского, уже почти укомплектована. В ближайшие дни, как прибудет полностью рядовой состав, её сразу же направят на фронт.

Никто не заметил за разговорами, как наступила темнота, а вместе с нею появилась сырость и прохлада. Особенно

почувствовали перемену температуры наши южане. Кроме того, от целого дня хождения по Москве они основательно устали. Скуратов, заметив это, скомандовал отбой. Все стали расходиться по своим шалашам, построенным группами на опушке леса. Скуратов объяснил, что эти группы создались как бы по землячеству. Медперсонал медсанбата был собран из разных мест: тут были и одесситы, и ленинградцы, и москвичи, а теперь и южане. Пока ещё часть не сплочена, и эти группы земляков держатся слегка обособленно.

В одном из углов шалаша Скуратова из жердей и колышков было устроено нечто вроде кровати, застланной еловым лапником и покрытой плащ-палаткой. Он любезно предложил её женщинам, но так как постель была очень узкой и маленькой, а женщин двое, то они отказались и улеглись вместе со всеми на полу шалаша. Перов разостлал свою шинель и предложил это место Доре Игнатьевне и Тае; затем там же примостился сам, а рядом улеглись и остальные члены группы. Борис оказался самым крайним у противоположной стороны шалаша. Под головы положили свёрнутые пиджаки, вещевые мешки, укрылись плащами.

Нельзя сказать, что постели были слишком удобными, но все так устали, что вскоре к храпу Скуратова, заснувшего почти мгновенно, присоединилось посапывание и других. Стал задрёмывать и Алёшкин, но вскоре он очнулся. На противоположной стороне шалаша послышалась какая-то возня, шёпот, звук очень похожий на пощёчину, а затем кто-то быстро

прополз к выходу и исчез в его чёрном провале. После этого опять всё затихло, и Борис крепко заснул. Проснулся он от того, что кто-то протискивался между ним и стенкой шалаша, стараясь его не разбудить. Однако, как ни осторожно проползал человек, Борис всё-таки почувствовал и спросонья, хотя и негромко, воскликнул:

– Кто это? Что такое?

Он тут же умолк, так как на его губы легла мягкая маленькая ладонь и прижала их, а к уху прикоснулись холодные губы, которые взволнованно, с всхлипыванием зашептали:

– Боря, пожалуйста, тише! Это я, Тая. Ты знаешь, – говорила она прерывающимся от всхлипывания шёпотом, – знаешь, этот Виктор Иванович оказался настоящей свиньёй. Не успели погасить свет и улечься, как он стал меня обнимать, тискать и целовать. Вначале я молча отбивалась, так как боялась потревожить лежавшую рядом Дору Игнатьевну, да и стыдно мне было. Ну а потом, когда он начал лезть руками уж совсем куда не положено, я треснула его по морде и выбралась из шалаша, хотела до утра просидеть на пеньке, да замёрзла, и страшно стало. Ну, наревелась, конечно, пришла около тебя лечь. Не прогонишь?

Борис, ничего не говоря, подсунул Тае под голову свой пиджак, а сам выдернул часть вещевого мешка Дуркова, который при этом сквозь сон что-то пробормотал. Укрыв женщину своим плащом, погладил её по голове, как маленького ребёнка, и дружелюбно сказал:

– Ну-ну, успокойся. Завтра я с этим нахалом поговорю, спи!

То ли от слов Алёшкина, то ли от его ласкового прикосновения, Тая расплакалась ещё больше. И Борис почему-то не нашёл никаких других способов утешения, как только поцеловать её в мокрые от слёз щёки и глаза. К его удивлению, она не только не возмутилась, но как будто даже обрадовалась этой нечаянной ласке. Затем он повернулся к Тае спиной, а она, как маленькая приласканная собачонка, свернулась, насколько это было возможно, калачиком и, уткнувшись в спину ему лицом, продолжала тихонько всхлипывать. Так, под это всхлипывание Борис заснул вновь.

Ему показалось, что спал он всего несколько минут, как его разбудил громкий крик дежурного старшины: «Подымайтесь!», который, хотя и был обязан будить только рядовой состав медсанбата, делал это очень старательно, и почему-то всегда около шалашей врачей и медсестёр. Услыхав его, все спавшие в шалаше Скуратова поднялись и стали выбираться наружу.

Было шесть часов утра. Строевые подразделения, поднятые раньше, уже занимались физзарядкой, на небольшой полянке строились немногочисленные рядовые и из медсанбата. Врачи, фельдшеры и медсёстры, одетые кто во что горазд, с заспанными лицами, подпрыгивая от утреннего холода, по указанию старшины Красавина, захватив полотенца и мыло, направились к опушке стоявшего в стороне леса, где нахо-

дился колодец. Из него вёдрами доставали воду, затем кружками поливали её друг другу около канавы, спускавшей воду в небольшую болотистую лощину.

Недалеко, в густых кустах орешника были вырыты ровики – так называли места, отведённые под уборные. Они представляли собой канавы глубиной около метра и шириной сантиметров 35–40. Поперёк них были положены дощечки, которые и служили опорой для ног. До сих пор Борису не приходилось видеть таких примитивных уборных. Каждое подразделение имело свой ровик, а в медсанбате их было даже два – для мужчин и для женщин.

После умывания и выполнения прочих необходимых дел все собрались вновь около шалаша Скуратова. На большом пенёчке стояла кастрюля с горячей, вкусно пахнувшей пшённой кашей и открытая банка рыбных консервов, на другом – несколько буханок хлеба, нарезанного ломтями, и эмалированный чайник, из носика которого вилась струйка пара.

Скуратов сидел в нескольких шагах в стороне и, выпячивая щёку, старательно брился опасной бритвой. Увидев подошедших врачей и медсестёр, он сказал:

– Садитесь завтракать, затем стройте себе такие же шалаша, как наши. Где нарубить жердей для основы и елового лапника для покрытий, покажет старшина Красавин. Стройте каждый шалаш на 2–3 человека: меньше – канительно, а больше – обвалиться может, жерди-то тонкие. После обеда представьтесь начальству – начсандиву и командиру медсан-

бата, они будут решать вашу судьбу, кого куда назначить.

Услышав это, Тая, стоявшая рядом с Борисом, взяла его за руку, тихонько сжала её и прошептала:

– Хорошо бы, чтобы нас послали вместе!

Борис ничего не ответил, только в ответ пожал тоненькие пальчики.

Утро прошло в строительных работах. Мужчинам выдали топоры и поперечные пилы. Красавин провёл всех в какой-то овраг, заросший осиною, и сказал, что здесь надо нарубить и напилить жерди, а ветки нарубить от больших елей и от орешника, росшего по краям оврага. Весь материал следовало относить к месту расположения медсанбата, в этом должны помогать и женщины, а затем начинать строительство шалашей. Он обещал прислать санитаров, которые покажут, как это делается, и помогут.

Вскоре из оврага раздались звуки ударов топора, чвирканье пилы, а через полчаса появились и новоявленные строители, несущие в руках жерди. При помощи санитаров они быстро соорудили основу шалашей, связав их концы принесёнными Красавиным верёвками, и начали укрывать стены лапником, который продолжали подносить женщины. Дело спорилось.

Между прочим, во время этих строительных работ Алёшкин улучил момент и, укладывая огромные еловые ветки на шалаш, предназначенный для Доры Игнатьевны и Таи Скворец, обратился к Перову:

– Слушай-ка, Виктор Иванович (все они с самого начала своего знакомства как-то сразу перешли на ты), что у вас там сегодня ночью с Таисией Никифоровной произошло? Она полночи проплакала.

– А, пустяки, просто дурная баба! Ведь не девушка же! Подумаешь, недотрога какая! Ну, поцеловал её разочек, обнял покрепче, ведь живой же я человек! Чувствую, легла рядом молодая бабёнка, а она сразу – бац по морде и в рёв!

Бориса покорило это циничное заявление. Он, как мы знаем, и сам особенно высокими моральными качествами не отличался, но такое, прямо-таки нахальное объяснение взорвало его, и он почти закричал:

– Вот что! К Тае ты больше не смей приставать, она моя старая знакомая, ведь мы с ней пять лет вместе учились, и я её в обиду не дам, учти!

Виктор Иванович не отличался особой храбростью. Боясь, что начальство узнает о ночном происшествии, и его могут в наказание отправить в полк, или даже в батальон, чего ему совсем не хотелось, примирительно пробормотал:

– Ну, чего ты шумишь? Я же не знал, что она твоя подружка.

Борис не понял, что Перов в слово «подружка» вкладывает какой-то особый смысл, но это хорошо поняла, и, как говорится, намотала себе на ус находившаяся поблизости и помогавшая в строительстве шалаша Дора Игнатьевна.

Между тем замечание Бориса вызвало у Перова опреде-

лённое озлобление и, хотя он его и не показал, про себя подумал: «Ну подожди, я тебе и твоей подружке удружу!»

Часам к двенадцати около шалаша, в котором они ночевали, бывшего до этого крайним, выстроилось ещё несколько, разных фасонов и размеров. Около строителей всё время вертелся (иначе его поведение назвать было нельзя) сухонький невысокий старичок с большой, местами седоватой головой. Ему, видимо, было не более 55 лет, и вообще-то он выглядел ещё совсем не старым, но большинству строителей, имевших средний возраст 30–35 лет, он, конечно, казался стариком.

Так вот, этот старичок в круглых больших очках, с явно выраженной еврейской наружностью, отличался большой подвижностью и словоохотливостью. Он без конца перебегал от одной группы к другой, давая большей частью весьма малополезные советы по строительству шалашей, попутно пересказывал все известные ему новости и рассказывал о себе. Скоро все уже знали, что это Лев Давыдович Сангородский, что он окончил Одесский университет в 1921 году, работал врачом по женским и венерическим болезням, и это давало ему хороший доход. Но с 1925 года он перешёл на государственную службу и стал работать урологом. Лев Давыдович служил в этой должности в одной из поликлиник Одессы до самого начала войны. Его новости о текущем моменте были повторением того, что наши знакомые уже знали от Скуратова, а часто и уточняли данные, сообщённые начальни-

ком штаба. Так, во время одного из перекуров Сангородский поведал, что медсанбату, в котором они сейчас находятся, присвоен № 24, и что он включён в состав 65-й стрелковой дивизии. Пока рядовой состав как дивизии, так и медсанбата укомплектован едва на 15–20 %, и пополнение прибывает каждый час. В большинстве своём это люди старших возрастов, и многие из них ранее в армии никогда не служили. Новенькие узнали у него также и то, что основной командный медицинский состав медсанбата и полков теперь прибыл весь, и что сегодня всех распределяют по местам. Сразу после обеда начальник санитарной службы дивизии и командир медсанбата познакомятся с вновь прибывшими, уточнят распределение и, наверно, завтра, а, может быть, и сегодня, объявят, кто куда будет назначен. Так всё и вышло.

В центре шалашного городка стояла одна лагерная палатка, в ней жили начальник санитарной службы дивизии № 65, военврач второго ранга Исаченко Алексей Васильевич и командир медсанбата, военврач третьего ранга Краснопеев. Прежде чем описать встречу Алёшкина и его друзей с этими начальниками, познакомимся с ними.

Военврач Исаченко служил в Красной армии со дня её организации, то есть с 1918 года, долгое время был начальником лазарета одной из стрелковых дивизий, где и провёл всю Гражданскую войну. Затем, вплоть до начала июня 1941 года, он был начальником медслужбы одного из небольших погранотрядов где-то на границе. В Москве он оказался слу-

чайно, война застала его при возвращении из отпуска из южного санатория. Исаченко назначили начальником санитарной службы. Он был старым членом ВКП(б), опытным военнослужащим, привык повиноваться распоряжениям начальства без рассуждений. Смело приняв на себя новую должность, он столкнулся с большими трудностями совершенно незнакомого ему дела. За всё время службы никакого усовершенствования или повышения своих знаний ему получить не удалось, поэтому он думал, а, следовательно, часто и действовал, так, как действовали врачи времён Гражданской войны. Отличаясь большой личной храбростью, организаторскими способностями он не обладал, и, хотя в его честности и самоотверженности сомневаться не пришло бы никому в голову, выполнять сложные функции начальника санитарной службы дивизии в современной войне ему было крайне трудно, если не сказать прямо, что не под силу. Его непростое положение осложнялось и тем, что ближайший помощник – командир медсанбата, военврач Краснопев, молодой человек, окончивший институт за год до войны, мало того что был к этой должности совершенно не подготовлен (перед войной служил старшим врачом конвойного полка НКВД), да ещё имел характер несерьёзный, легкомысленный и беззаботный. Он также обладал одним очень большим недостатком – был равнодушен к спиртным напиткам, а напившись, забывал обо всём.

Медики санбата всё это, конечно, узнали значительно

позднее, после того, как оба эти начальника успели наделать много серьёзных ошибок, повлекших за собой потери в людях и материальной части не только в самом медсанбате, но и в обслуживаемых им частях. Это было потом, пока же Исаченко и Краснопеев олицетворяли высшее медицинское начальство дивизии, которое решало судьбы. Поэтому Борис, входя в палатку начальника санитарной службы дивизии, испытывал определённое волнение.

Поводов к этому у него было несколько. Один из них, пожалуй, самый главный, заключался в том, что он был ещё слишком молодым врачом: окончил институт всего год назад, и, хотя уже успел пройти курсы усовершенствования по хирургии и считал, что с работой хирурга справится, Борис видел вокруг себя врачей старшего возраста, имевших большой стаж лечебной работы. Конечно, при распределении мест в медсанбате будут оставлены более опытные, а ему, видимо, придётся идти в полковую часть.

Он не боялся службы в полку, потому что пока ещё не понимал всей её опасности и сложности, но ему было очень обидно, что он не сумеет на практике применить свои хирургические знания, полученные в институте от любимого учителя, профессора Кирилла Степановича Керопьяна, у которого, как мы знаем, он не только учился, но и работал с четвёртого курса в неотложной хирургии (на скорой помощи при Первой городской больнице г. Краснодара), а также полученные в клинике знаменитого хирурга А. В. Вишневско-

го, на кафедре которого в течение пяти месяцев он проходил усовершенствование.

Волновался он за себя и потому, что был беспартийным – не просто беспартийным, а исключённым из партии, которому могли не доверить не только работу в медсанбате, но и в полку, могли послать в санчасть какого-нибудь тылового подразделения вроде хлебозавода или тому подобного, где уж и вовсе никаких хирургических дел не бывало.

Беспокоился он, хоть, по правде сказать, не особенно сильно, и за Таю. Ему почему-то хотелось, чтобы она оказалась в медсанбате или, по крайней мере, вместе с ним. Так что, как видим, причины для волнений у него были.

Когда в палатке начсандива он подошёл к грубо сколоченному из неструганных досок столу, за которым на скамейке с ножками, вбитыми прямо в землю, сидели уже знакомый нам адъютант – младший лейтенант Скуратов, начальник санитарной службы дивизии Исаченко и командир медсанбата Краснопеев, то почувствовал себя далеко не блестяще. Увидев вошедшего, Скуратов покопался в лежавшей перед ним куче бумаг и передал одну из них единственному человеку с тремя шпалами в петлице. Как понял Борис, это и был начсандив. Подойдя к столу, Борис остановился и приняв положение «смирно», стараясь унять неизвестно откуда появившуюся дрожь левой ноги, довольно чётко и ясно отрапортовал, глядя на начальника санитарной службы:

– Старший лейтенант Алёшкин по вашему вызову при-

был.

Тот недоумённо взглянул на Скуратова, затем на Бориса и спросил:

– Вы врач?

– Да. Врач, хирург, товарищ военврач первого ранга, – заверил Борис.

– А почему старший лейтенант?

– Служил в армии до мединститута, а после окончания его нового звания ещё получить не успел.

– Значит, в прошлом строевой командир, – уточнил начсандив, – ну и отлично. Вот его и надо назначить старшим врачом 41-го полка, правда ведь? – обернулся он к Краснопееву и Скуратову.

Но у тех мнение, видимо, было иным, потому что они пригнулись к начсандиву и быстро что-то ему зашептали. Тот полистал дело Бориса Яковлевича, прочёл его анкету и вновь спросил:

– Вы, товарищ Алёшкин, в прошлом году окончили курсы усовершенствования хирургов? Документы об этом при вас?

– Да, – ответил Борис.

Во время совещания комиссии он pokrылся от волнения потом, ему вдруг стало как-то всё безразлично, куда бы его не назначили, только бы скорей решили его судьбу. Хуже всего было стоять вот так, навтыжку, и находиться в неизвестности. Хотя предложение начсандива ему показалось даже и почётным, но он, заметив перешёптывания других чле-

нов комиссии, понимая, что полк ему могут не доверить, пришёл в совершенное смятение.

– Да, – повторил он, вынимая из кармана свой диплом, в котором лежала справка об окончании курсов усовершенствования, и протянул его начальнику санитарной дивизии.

Развернув документ, начсандив сказал:

– О, да вы к тому же ещё и отличник!

Затем усмехнувшись, добавил:

– Очевидно, мне придётся уступить. Раз вы в 1940 году окончили с отличием курсы сельских хирургов, где главным предметом была военно-полевая хирургия, то, очевидно, что вас готовили не на должность старшего врача полка. Ну что же, товарищ Скуратов, запишите его хирургом в операционно-перевязочный взвод, к товарищу Симоняку.

– Всё, товарищ Алёшкин. Зачисляем вас хирургом в медицинскую роту, в операционно-перевязочный взвод, останетесь в медсанбате. Как это совпадет с вашим желанием?

Такого счастливого поворота событий Борис даже и не ожидал:

– Да, да, конечно! – совсем не по-уставному ответил Алёшкин.

– Ну, тогда можете идти!

Борис чётко повернулся кругом и выскочил из палатки. Около входа стояла группа товарищей, ожидавших свою очередь, среди них были и все прибывшие из Нальчика, в том числе Перов, Тая, Дурков и другие. Они расспрашивали его,

и он сказал, что оставлен хирургом в медсанбате.

Когда Борис отошёл немного в сторону, к нему подбежала Тая и, взяв его за рукав, сказала:

– Я очень рада за тебя, Боря, ведь ты всегда любил хирургию, и на курсе считался самым лучшим студентом-хирургом, и Кирилл Степанович тебя всегда хвалил. А вот что со мной, куда меня пошлют?..

Перед комиссией в это время стоял Перов. Поскольку он был в военной форме и имел в петлице одну шпалу, то есть являлся врачом третьего ранга, с ним разговор проходил на других тонах. Узнав, что он по специальности дерматолог и хорошо знаком с санитарным делом, начсандив предложил ему должность командира санспецзащиты, которую Перов с удовольствием принял. Во взводе имелось два отделения: эпидемиологическое и противохимическое, возглавлять их должны были врачи. Виктора Ивановича спросили, кого бы из прибывших он мог рекомендовать на эти должности. С назначением командира эпидемиологического отделения вопрос решился быстро: Дора Игнатьевна Краевская – эпидемиолог, а вот с кандидатурой на вторую должность вышла заминка. И тут Перов решился сделать ход конём. Дело в том, что после первой ночи, проведённой в шалаше Скуратова, Тая старалась не оставаться наедине с Перовым. Естественно, что своим защитником от его продолжавшихся назойливых ухаживаний она выбрала самого близкого, самого знакомого ей человека – Бориса Алёшкина, поэтому их

очень часто можно было видеть втроём. Это никого не удивляло, принципы землячества пока ещё сохранялись, но Тая всё чаще и чаще давала понять Виктору Ивановичу, что в этой троице есть один лишний, и этот лишний – именно он.

Неудачливого поклонника это заело, и он решил отомстить. Перов заявил, что на должность командира отделения химзащиты может рекомендовать Таисию Никифоровну Скворец, которую он хорошо знает по совместной работе в г. Нальчике и полагает, что она с поручаемой работой справится. Этим он хотел оторвать Таю от Бориса, подчинив её себе по службе. С предложением Перова согласились.

Комиссия продолжала работу, и вскоре все врачи, поступившие в последние дни, получили свои назначения. Те, что прибыли с первыми партиями, – мобилизованные, главным образом, москвичи, ленинградцы и одесситы – получили назначения раньше.

Из наших знакомых «кавказцев», кроме уже упомянутых Перова, Краевской и Скворец, в медсанбате был оставлен Дурков хирургом в операционно-перевязочном взводе. Остальные врачи получили назначение в стрелковые полки и другие подразделения. Вслед за врачами таким же образом были распределены фельдшеры и медсёстры.

В начале войны, в 1941 году отдельные медсанбаты, придаваемые стрелковым дивизиям, имели совсем не такие штаты, как в её середине (1943 г.) или в конце (1945 г.). Это были солидные подразделения, насчитывавшие более двухсот

человек личного состава, оснащённые значительным количеством санитарного транспорта и большим медицинским и хозяйственным имуществом. Правда, и дивизия-то, которую должен был обслуживать такой медсанбат, по своему численному составу (более 22 000 человек) тоже значительно отличалась от тех, какими они стали уже к 1942–1943 году.

Для того, чтобы лучше представить себе, в каких условиях протекала боевая служба людей, нами описываемых, и прежде всего, конечно, нашего героя Бориса Алёшкина, необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на описании структуры медсанбата № 24 и дать характеристику окружавших его людей.

Командиром был военврач третьего ранга Краснопеев, его мы уже охарактеризовали. Комиссаром медсанбата был назначен батальонный комиссар Барабешкин, до этого он служил где-то в стрелковых частях приграничной зоны и был комиссаром стрелкового полка. При внезапном наступлении фашистских войск он каким-то не совсем понятным образом от своей части отстал и очутился в Москве, где и был направлен комендантом города во вновь формируемую дивизию. В политотделе дивизии Барабешкина встретили не очень приветливо, и, возбудив дело о его «путешествиях» в соответствующих партийных инстанциях, временно направили его комиссаром медсанбата. Почему-то в начале войны медицинским учреждениям должного значения не придавали и считали, что там могут служить любые проштрафивши-

еся политработники.

Барабешкин был высоким, худым, сутулым человеком с трескучим голосом. В его карих глазах, никогда не смотревших прямо на собеседника, временами можно было видеть отражение какой-то неуверенности и даже страха. Он уже побывал под огнём фашистов, испытал бомбёжки. Об этом в медсанбате знали все, и поэтому смотрели на него с любопытством. Он же, вероятно, воспринимал это любопытство по-другому, оно его обижало и утомляло. Комиссар ни с кем не хотел разговаривать и целые дни проводил в отведённой ему маленькой палатке, сидя у большого деревянного ящика, заменявшего ему стол, читая, или, может быть, просто перелистывая ворох газет и каких-то бумаг. Все видели странность комиссара и с лёгкой руки Льва Давыдовича Сангородского прозвали его иноком-молчальником.

События на фронтах развивались с молниеносной быстротой, обстановка, даже судя по отрывочным газетным сообщениям, становилась всё тревожнее и грознее, а комиссар как в рот воды набрал. Это удивляло, возмущало личный состав батальона, и так как свободного времени пока было много, то вызывало самые различные толки и пересуды.

Через день или два в медсанбат прибыл второй политработник – младший политрук Клименко. Он был из пограничников, служил на какой-то западной заставе. В первые же часы боя получил ранение, был эвакуирован в Москву, где прошёл лечение в госпитале пограничников. Благодаря сво-

ей молодости и хорошей физической подготовке, он быстро восстановил силы и уже через две недели запросился обратно на фронт. Из госпиталя его направили во вновь формируемую 65-ю стрелковую дивизию. В политотделе, считаясь с его не полностью зажившей раной, решили назначить его на штатную должность политрука медицинской роты медсанбата.

Клименко был полной противоположностью комиссара: крепко сколоченный невысокий блондин, с отличной военной выправкой, строгими серыми глазами и каким-то особым умением быстро сходиться с любым человеком. Он мог расспросить так, что ты незаметно для себя выложишь всё самое сокровенное. Если услышанное Клименко не нравилось, то он делал критические замечания и ненавязчиво, но вместе с тем настойчиво, вкладывал в сознание человека свою точку зрения, незаметно, чуть ли не в корне, меняя его настроение и направление мыслей.

Всё время Клименко был среди людей, знакомил их со сводками, информировал и растолковывал их, делился эпизодами тех первых приграничных боёв, в которых ему довелось участвовать. Его слова, его мнение дышали такой ненавистью к врагу, такой верой в нашу победу, такой верой в непогрешимость Сталина и его соратников, что он невольно заражал всех тех, с кем ему доводилось беседовать. И многие, в том числе и Алёшкин, считали, что комиссаром-то следовало быть ему, а не Барабешкину.

Особенно это мнение укрепилося после того, как однажды, когда над лесом пролетело звено наших самолётов, капитан Барабешкин, выскочив из своей палатки в солдатской каске, привезённой им с собой, стал бегать по расположению медсанбата с криком «воздух, воздух!» и требовать, чтобы были немедленно сняты все белые вещицы, выстиранные и развешанные для просушки по веткам женской половиной батальона, чтобы немедленно все прекратили чтение газет и книг, так как белая бумага демаскирует расположение части. Он требовал ещё и ещё чего-то, как-то бестолково, сердито и грубо крича. Но самолёты улетели, Барабешкин убежал в свою палатку, а все недоумённо переглядывались и смущённо улыбались. Люди сразу же изменили прозвище комиссара. Оно было, как и все, вышедшие из-под острого языка Льва Давыдовича, метким: комиссар-воздухокричалник.

Вслед за командиром и комиссаром медсанбата по служебной лестнице следует штаб батальона, возглавляемый уже известным нам младшим лейтенантом Скуратовым. В штабе было человек восемь разного канцелярского люда, с которыми мы ещё познакомимся поближе по мере развития нашего рассказа.

Следующими, собственно, основными подразделениями медсанбата были две роты. Первая рота – медицинская. Командовать ею был назначен уже известный нам военврач третьего ранга Лев Давыдович Сангородский. Эта рота состояла из двух взводов: операционно-перевязочного и сортировоч-

ного. Первым командовал военврач третьего ранга Симоняк. Это был невысокий полнотелый человек лет сорока пяти, с круглой лысой головой, большим животом, на котором никак не мог удержаться ремень. Доктор Симоняк по профессии, как и Сангородский, был урологом, до этого работал в одной из одесских поликлиник, имел уже порядочный стаж врачебной работы, был хорошим знакомым Льва Давыдовича, и, пожалуй, именно поэтому и получил свой пост. В вопросах хирургии вообще, и особенно в военно-полевой, он разбирался очень слабо, о военной службе, как сам он выражался, не имел ни малейшего представления и воинское звание получил в военкомате как окончивший в своё время высшее медицинское учебное заведение.

В этом взводе было три врачебных бригады (отделения), состоявших каждое из двух врачей, трёх медсестёр (из них одна операционная и две перевязочные) и четырёх санитаров. Всего, таким образом, в операционно-перевязочном взводе, кроме командира, было шесть врачей, девять медсестёр и двенадцать санитаров, то есть двадцать семь человек. Одним из этих врачей был назначен Алёшкин, о других врачах и санитарных медсёстрах этого взвода мы расскажем в своё время.

Второй взвод этой роты назывался сортировочным. Начальник санитарной службы дивизии и командир медсанбата не очень-то хорошо представляли себе функции этого взвода, поэтому во главе его поставили первого попавшегося

врача, а именно женщину-педиатра из детской поликлиники НКВД доктора Криворучко. Это была чёрненькая, очень худенькая молодая женщина среднего роста, весьма слабого телосложения. Она не имела понятия о том, какая работа её ожидает. По характеру малообщительная, она страдала какой-то манией чистоты и постоянно что-нибудь стирала в маленьком тазике, который взяла с собой из дома. При этом тоненьким, слабым голоском она напевала одну и ту же, видимо, очень полюбившуюся ей популярную песню: «Синенький, скромный платочек...»

В сортировочном взводе, кроме врача-командира, был один фельдшер, он же заместитель командира взвода, три медсестры и шестнадцать санитаров.

Вторая рота носила название госпитальной, она также состояла из двух взводов. Начсандив и командир медсанбата полагали, что если медицинская рота своим оперативно-перевязочным взводом оказывает первую помощь раненым и проводит несложные обработки небольших ран тела и конечностей, чтобы обработанные раненые в дальнейшем немедленно эвакуировались, то госпитальная рота должна проводить сложные полостные операции, чтобы этих тяжёлых раненых затем госпитализировать и, дождавшись транспортабельного состояния, эвакуировать. Поэтому начальство выделило в эту роту наиболее опытных врачей, командиром был назначен военврач второго ранга Башкатов, до войны работавший главным хирургом в больнице г. Серпу-

хова. Это был высокий седоусый человек лет 48, выглядевший гораздо старше своего возраста. Башкатов был худ и бледен. Как вскоре выяснилось, он страдал серьёзным заболеванием печени и почек, во время мобилизации ему удалось это скрыть. Башкатов был учеником знаменитого хирурга Сергея Сергеевича Юдина и считался очень опытным хирургом, кичился своими знаниями и опытом, и потому держался особняком. С ним дружила и по возможности ухаживала за ним, так как в личных делах он был совсем беспомощным, одна из врачей его роты, бывшая сослуживица, военврач третьего ранга Ивановская.

Командирами взводов в этой роте были назначены: первого – врач Бегинсон, звания не имевший, до войны работавший акушером-гинекологом в клинике Брауде. Это был опытный гинеколог, неплохо разбиравшийся в полостной хирургии, именно в брюшной полости, но совершенно не знавший травматологии и, тем более, военно-полевой хирургии. Бегинсон, как и врач Симоняк, в армии никогда не служил. Он был с горбатым носом, выпуклыми глазами, большим лбом и чёрными курчавыми волосами. Ему, видимо, было уже порядочно за сорок, но он старался держаться и казаться молодым. Строевой выправки не имел никакой, и в части неряшливости ношения своей военной формы, командирского снаряжения и оружия с ним мог соревноваться, пожалуй, только доктор Симоняк.

Командиром другого взвода была назначена врач без зва-

ния Зинаида Николаевна Прокофьева. Это была высокая, статная, белокурая женщина лет тридцати пяти, с большими голубыми глазами немного навывкате и очень симпатичным, приятным выражением лица. Она была опытным терапевтом со стажем уже более десяти лет, до войны работала ассистентом в клинике знаменитого терапевта профессора Вовси, и, как говорили, считалась одной из его любимых учениц. Предполагалось, что она в своём взводе будет выхаживать тяжёлых раненых, оперированных Башкатовым и Бегинсоном. Ивановская была вторым хирургом во взводе Бегинсона, второй врач во взводе Прокофьевой – бывший участковый терапевт московской поликлиники Семёнова.

Кроме всего прочего, Зинаида Николаевна Прокофьева была общительным, интеллигентным человеком и потому быстро подружилась со Львом Давыдовичем Сангородским, Борисом Алёшкиным, Таей Скворец. А Вениамин Соломонович Бегинсон от неё был просто без ума и скоро стал считаться её признанным поклонником.

Следующим крупным подразделением медсанбата была авторота. По штатному расписанию на медсанбат полагалось двадцать четыре автомашины, из них шестнадцать санитарных и восемь грузовых. На каждую из машин было зачислено два шофёра. Авторота состояла из трёх взводов: два автовзвода и третий – из 30 человек обыкновенных бойцов, который нёс охранную службу. Командир автороты – старший техник лейтенант Сапунов имел в своём подчинении трёх

командиров взводов, строевых командиров.

Далее в состав медсанбата входили более мелкие подразделения, например, санитарный взвод, обязанный, кроме того, обеспечивать и химзащиту. Командиром его, как мы знаем, был Виктор Иванович Перов. Кроме врачей и двух фельдшеров в его состав входило двадцать два санитаря, врачом-химиком была Таисия Никифоровна, врачом-эпидемиологом – Дора Игнатъевна. Хозяйственный взвод с отделениями пищеблока, где было несколько поваров и подсобных рабочих, возглавлял повар Зайцев, работавший до мобилизации в московском ресторане «Савой». В складском подразделении было несколько кладовщиков, аптека с аптечным складом, начальник – лейтенант медицинской службы Панченко был и секретарём партийной ячейки медсанбата. В аптеке работали два фармацевта и четыре санитаря. Лабораторно-бактериальным отделением руководила врач Барковская – солидная брюнетка 45 лет, большая шутница и очень опытный лаборант, в её подчинении было две девушки-лаборантки и один санитар. И, наконец, последним, входившим в состав медсанбата, было эвакуационное отделение. Его возглавлял врач-терапевт Долин, единственный из всех врачей, кроме начсандива, член ВКП(б). В его подчинении были четыре фельдшера и до двадцати человек санитаров.

Вот какую мощную организацию представлял в это время отдельный медико-санитарный батальон стрелковой дивизии. К описываемому нами моменту ни Алёшкин, ни его

приятели, конечно, всего этого ещё не знали, структуру медсанбата изучили гораздо позже на одном из специальных занятий. Пока же они, их ближайшие товарищи и помощники более или менее познакомились только с составом своего взвода и роты.

Знакомство это началось с обмундирования на вещевом складе дивизионного обменного пункта, куда они отправлялись после распределения. ДОП располагался в помещениях бывшего пионерлагеря примерно в двух километрах от местонахождения медсанбата. На складах обменного пункта всем выдали новенькое летнее обмундирование защитного цвета, две пары нательного белья, две пары портянок, одно полотенце, командирское снаряжение, шинели, сапоги и пилотки. С шинелями произошло немало недоразумений. Многие медсёстры и фельдшеры, да даже и врачи, были такого маленького роста и объёма, что буквально тонули в этих шинелях, даже первого роста. Особенно насмешила всех одна операционная медсестра. Чёрненькая невысокая девушка лет 18, надев такую шинель, совершенно скрылась в ней, как в каком-нибудь огромном тулупе. Из-за воротника, который она подняла, была почти не видна её маленькая стриженная голова, рукава висели сантиметров на 15 длиннее её пальцев, полы волочились по земле, совершенно закрывая ноги. Создавалось полное впечатление, что движется не человек в шинели, а каким-то чудом шинель висит в воздухе и двигается сама. Звали эту девушку Катя Шуйская, и в дальнейшем

мы ещё не раз с нею встретимся.

Немало смеха вызвало вообще обмундирование женщин. Дело в том, что в начале войны (видимо, раньше никто из начальства не предполагал, что в армии с первых же дней будут служить не только мужчины) женского обмундирования в строевые стрелковые части почти не давали. Те небольшие запасы его, которые имелись на армейских складах, предназначались для штабов и госпиталей, и поэтому интенданты 65-й дивизии его не получили вовсе. А женщин в дивизии оказалось много, они служили не только в медсанбате и полковых медпунктах, но и в батальонах связи, на полевой почте, на хлебозаводе и в прачечной. Выдать им обмундирование было необходимо, не оставишь же их в платьицах и туфельках, а ведь некоторые в таком именно виде и явились в часть, не взяв с собой, кроме пары белья, ничего. Выход был найден: всем женщинам выдали гимнастёрки и шаровары такие же, как и мужчинам, и нижнее бельё такого же фасона, и пришлось им эти брюки, как их называл старшина Ерофеев, укорачивать да подшивать, так как некоторым они чуть ли не до подбородка доходили. Такая же мука была и с сапогами. Даже самые маленькие размеры кирзовых армейских сапог у многих из женщин-врачей и медсестёр превышали дамские ступни на 3—4 размера, и для того, чтобы сапоги не болтались, приходилось, помимо носков и толстых портянок, напихивать в мыски сапог вату, тряпки и сено.

Обратная картина произошла с Алёшкиным. Он, как мы

помним, носил размер обуви 45, да ещё и самый полный по высоте подъёма, и перемеряв пар десять предложенных ему сапог, из которых ни один на ногу не налезал, вынужден был ограничиться ботинками с обмотками. Так, в отличие от других врачей, он и ходил в ботинках и обмотках в течение первых месяцев службы.

Всем выдали противогазы, а мужчинам, кроме того, ещё и личное оружие – пистолет ТТ или револьвер наган, причём оружейный мастер спрашивал каждого получавшего о системе оружия, которое он предпочитает. Большинство врачей о личном оружии имели весьма смутное представление и брали что придётся. Алёшкин также, как и Перов, взял себе новенький ТТ. Глядя на них, выбрал такой же пистолет и Сангородский, но зато Симоняк и Бегинсон почему-то взяли наганы.

После того, как доктор Симоняк облачился в военную форму и, слегка опоясавшись ремнём, нацепил на него кобуру с тяжеленным наганом, ремень съехал ему на бёдра, а кобура с револьвером сдвинулась вперёд и болталась где-то между ног, что доставляло ему страшное неудобство и вызывало почти у всех улыбки, а кое у кого откровенный смех и едкие насмешки. Особенно злорадно насмеялся над бедным толстяком Сангородский, язык которого, как все вскоре убедились, был остёр, словно бритва.

Кроме перечисленного, каждый получил плащ-палатку и алюминиевый котелок с крышкой, последняя предназна-

лась для второго блюда, отчасти заменяя и кружку. Санитарам, кроме того, были выданы сапёрные лопатки в специальных кожаных чехлах, пара подсумков для патронов и трёхлинейная винтовка старого образца. Естественно, что каждому был выдан и вещевой мешок, куда все и постарались записать полученное бельё, а женщины и кое-какие свои личные «шмутки».

Стояло лето, и ходить в шинелях днём было, конечно, нельзя, а все знали, или, по крайней мере, твёрдо предполагали, что очень скоро дивизия, а с нею и медсанбат, последуют на фронт, и придётся ходить пешком, может быть, довольно долго, значит, шинель надо было сворачивать в скатку и надевать её через плечо так, как это всегда делали бойцы-красноармейцы.

В медсанбате из врачей и среднего медперсонала сворачивать шинели в скатку умели, пожалуй, только Алёшкин и Перов, да старшая операционная сестра медроты Екатерина Васильевна Наумова, поэтому на них и пала тяжёлая обязанность обучить всех медиков этому довольно трудному без привычки делу. Такие занятия никаким планом не предусматривались, учение проходило урывками в каждую свободную минуту и очень многим давалось нелегко. Заниматься скатыванием и раскатыванием шинелей приходилось ежедневно, так как на ночь они служили и постелями, и одеялами, а с утра следовало быть готовыми к походам. Затрудняло скатывание и то, что они были новые, слежавшиеся где-

то на складах, и потому сгибавшиеся с трудом.

Но как бы там ни было, к моменту погрузки медсанбата в эшелон умением скатывать шинели овладели все. Правда, у некоторых скатки походили, по выражению старшины Красавина, чёрт знает на что, но только не на скатку, и всё-таки этот неуклюжий свёрток можно было надеть на плечо, а не тащить скомканную шинель на руке.

После получения снаряжения, обмундирования и распределения основных кадров в медсанбате начали проводиться уже кое-какие военные занятия и, прежде всего, как в настоящей военной части, утренние и вечерние поверки. Первая из таких поверок была в тот же день, когда получили обмундирование.

Строились в две шеренги по своим подразделениям. Тут Борис Яковлевич впервые увидел полностью свой операционно-перевязочный взвод, в котором ему предстояло служить. Кроме знакомых ему доктора Дуркова и командира взвода, доктора Симоняка, описанных нами ранее, Борис увидел Розалию Самойловну Крумм, которая возглавляла первое отделение операционного взвода. Это была полная пожилая женщина с добрым лицом и ласковой улыбкой. До призыва она служила в одной из детских больниц г. Одессы в качестве заведующего отделением, и хотя это отделение было хирургическим, сама Розалия Самойловна уже давно операций не делала, а ограничивалась только общим руководством.

Алёшкина назначили командиром второго отделения оперативно-перевязочного взвода, а Дуркова – командиром третьего. В каждом отделении полагалось иметь второго врача, операционную сестру, двух перевязочных медсестёр и двоих санитаров. В первом и третьем отделениях вторые врачи уже были (в прошлом – два участковых терапевта), а во втором, Борисовом, пока не было. Остальным медицинским составом операционный взвод укомплектовали полностью. Кроме командира взвода и перечисленных нами отделений, во взводе была ещё старшая операционная сестра, она же и старшая сестра всей медицинской роты. На этой должности находилась уже упоминавшаяся нами Екатерина Васильевна Наумова, имевшая военное звание – младший лейтенант медицинской службы. Кроме неё и командира взвода Симоняка, во всём взводе никто из медицинского персонала воинских званий пока не имел. У Наумовой было около 15 лет стажа работы в одной из московских хирургических клиник. Выяснив специальность Алёшкина, она с удовлетворением воскликнула:

– Слава Богу, ещё хоть один настоящий хирург появился!

Борис, естественно, чтобы не разочаровать её, скромно умолчал о том, что этот «настоящий» хирург имеет всего один год врачебного стажа.

Все остальные медицинские сёстры, операционные и перевязочные, были молоденькими девушками 18–20 лет. И по всему было видно, что не только война, не только военная

служба, но и сама медицинская специальность для них была ещё совсем свежей новостью.

Санитары оперативно-перевязочного взвода, как и всех других, были построены в отдельную колонну. Их количество пока ещё тоже не было доведено до положенного по штату, но тем не менее они составляли довольно внушительную силу. Беда была в том, что большинство из них в армии ранее не служили, и в течение короткого времени, отведённого на формирование дивизии, им предстояло пройти не только ознакомление с объёмом работы санитаря лечебно-хирургического отделения, но и с программой одиночного обучения бойца. Мы говорим именно «ознакомление», потому что обучить кого-либо за такой короткий срок было просто нельзя.

Так подробно и, может быть, немного скучновато рассказать о структуре медсанбата и о людях, первоначально в нём находившихся, мы сочли необходимым для того, чтобы показать, как велико и, пожалуй, неповоротливо было это медицинское учреждение, и как мало оно оказалось подготовлено для сложных и ответственных задач, которые на него возлагала современная война. А ведь медсанбат являлся первым и единственным квалифицированным медицинским учреждением, встречавшим раненого.

Хотелось нам показать и то, как неразумно и непродуманно распределялись медицинские кадры в самом медсанбате. Это, как мы увидим в дальнейшем, принесло массу

неудобств и значительно снизило качество работы в первые дни. Теперь понятно, что это явилось не следствием чьего-либо злого умысла, а результатом недостаточной подготовки тех, кто должен был организовывать медицинскую службу ещё перед войной.

Впоследствии мы увидим, как жизнь заставила, быстро заставила произвести перетасовку всех кадров, и в первую очередь врачей, и как каждому из них затем удалось найти именно ту работу, на которую он был способен. Конечно, это произошло не без вмешательства извне.

Более подробная характеристика некоторых работников медсанбата с описаниями их внешности, особенностями характера и поведения вызвана тем, что именно с ними в дальнейшем будет более или менее тесно связана жизнь и деятельность нашего основного героя Бориса Алёшкина.

Кстати сказать, громоздкость и ненужность такого сложного аппарата медсанбатов вскоре поняли и где-то наверху, так как менее чем через три месяца после начала войны штаты медсанбатов значительно сократили. Численность их, в том числе и медсанбата № 24 с 205 человек сократили до 124. Подробнее об этом мы расскажем в дальнейшем. Следует заметить, что и штатное количество личного состава стрелковой дивизии к тому времени значительно сократилось.

Глава четвёртая

Никто в медсанбате не знал, как долго будет формироваться дивизия, но читая газеты и слушая информацию о положении на фронтах, которая передавалась три раза в день из огромного репродуктора, установленного пару дней назад у штаба дивизии, можно было предположить, что формирование будет очень быстрым.

Вскоре в медсанбате начались ежедневные занятия, заключались они в следующем. С утра после завтрака и утренней поверки комиссар Барабешкин, а чаще политрук Клименко, читал лекцию о международном положении, пересказывая своими словами содержание последней газеты «Правда», и обстоятельно читал отрывок речи И. В. Сталина от 3 июля, которую он всем предлагал изучить (в его понятии – выучить наизусть). Это занимало часа полтора и называлось политзанятиями. Проводились они на большой поляне, присутствовать должен был весь личный состав медсанбата. Затем в течение двух часов все занимались строевой подготовкой, врачи и средний медперсонал – отдельно от санитаров и шофёров. После строевых занятий повзводно читали (изучали) Устав внутренней службы или Боевой устав пехоты, и, наконец, заканчивались занятия изучением личного оружия или противогаса. Это повторялось каждый день. Никто не учил ни санитаров, ни медсестёр, ни врачей, как им нужно

вести себя во время военной работы медсанбата, что следует делать для развёртывания его перед боем, как должны работать отдельные подразделения. Может быть, и действительно всех этих неподготовленных людей следовало сначала обучить основам военной службы, а уже потом заняться обучением по специальности, но, как мы увидим далее, времени на это уже не хватило, и учиться пришлось всем во время боевой работы, что не могло не отразиться на её качестве.

Дни в занятиях проходили быстро и одинаково. Единственным разнообразием было дежурство на дивизионном медпункте, куда ежедневно направлялось из медсанбата трое врачей, которые не столько занимались лечением больных, сколько участвовали в комиссии, принимавшей непрерывно поступавшее в дивизию пополнение рядового состава. Когда дежурил Борис, он невольно сравнивал эту работу с той, которую ему пришлось проводить в первые дни войны в райвоенкомате. Там даже небольшое заболевание, сравнительно незначительные дефекты развития или следствие травм (несмотря на горячие просьбы многих, старавшихся любым способом скрыть свои болезни) служили основанием для браковки призываемого и отправления его домой.

Здесь же большинство явившихся были лица среднего, а иногда даже и старшего возраста. Многие из них страдали довольно выраженными хроническими заболеваниями. Председатель медицинской комиссии, начальник санитарной дивизии Исаченко на замечания врачей внимания почти

не обращал, и, выслушав их, обычно заявлял:

– Ничего, ещё послужит, пошлём его в связисты, или на хлебозавод, или ещё куда-нибудь.

Врачи, в том числе и Борис, первое время недоумевали, но потом, обсудив друг с другом, а, главное, послушав политрука Клименко, пришли к выводу, что, видимо, в резервах у нас уже ощущается определённая нехватка.

Как уже говорилось, подавляющее большинство рядового состава дивизии были люди или совсем до этого не служившие в армии, или служившие более десятка лет тому назад, да и то только в территориальных частях, и, следовательно, военного дела почти не знавшие. А с новыми видами оружия – миномётами, автоматами, новыми скорострельными десятизарядными винтовками и даже с ручными дегтярёвскими пулемётами вовсе не знакомые.

На долю командного состава дивизии выпала тяжёлая задача: в течение очень короткого срока обучить бойцов, а многие командиры, служившие до этого в органах НКВД, и сами во всех этих видах оружия разбирались плохо. Так же плохо они разбирались и в тактике ведения современного боя, и поэтому вся тяжесть обучения огромной массы людей пала на те несколько десятков пограничников, которые случайно оказались в числе командиров. Им доставалось здорово, и врачи медсанбата видели, как много сил прилагали молодые энергичные лейтенанты и капитаны, занимаясь и со своими, и с чужими красноармейцами, да ещё и с их коман-

дирами, по 12–15 часов ежедневно. Причём многих приходилось учить, начиная с самых азов.

Немудрено поэтому, что с подъёма, примерно с пяти часов, и до отбоя (до двадцати двух), с коротким перерывом на обед, на опушке леса и на поляне, отделявшей большой лесной массив, где располагались части дивизии, от того леска, где находился медсанбат, без конца раздавались команды.

Подразделения красноармейцев, одетые в новую, ещё мешковато сидевшую на них форму, то копали окопы, то делали строевые повороты, то учились ползти по-пластунски, то бежали в противогазах. Одним словом, одолевали военные премудрости, обычно изучаемые в течение месяцев и лет в считанные дни и часы. Но вот сроки формирования закончились, и командир медсанбата объявил врачам и среднему медперсоналу о том, что в ближайшие дни дивизия отправляется на фронт.

На следующий день весь командный состав (а к нему, помимо лиц, имевших определённые командные должности, относились и все врачи, и почти весь средний медицинский персонал) был собран на полянке около палатки начсандива, и последний, объявив о начале движения дивизии к фронту, назвал номер полевой почты медсанбата и сказал, что после этого совещания в штабе всем будут выданы подъёмные деньги в размере двухмесячного оклада. Каждый, узнав оклад, сможет выписать своей семье аттестат, который будет отправлен штабом дивизии в военкомат по месту при-

зыка, и семьи будут получать по этому аттестату назначенную сумму. Начсандив предложил также всем командирам рот и взводов провести разъяснительную работу среди личного состава своих подразделений, рассказать всё, что они сейчас узнали, санитарам и тем медсёстрам, которые на этом совещании не были. Затем начальник штаба Скуратов раздал всем «смертные» патроны: небольшие чёрные футляры с туго завинчивающейся крышкой, в которую каждый должен был вложить листочки со своим именем, отчеством и домашним адресом. Этот патрончик нужно было носить в левом кармане гимнастерки. Раздачу пояснили довольно невежливым образом, что, мол, если вас убьют, то те, кто подберёт ваш труп, будут знать, куда сообщать о вашей смерти.

Одновременно Скуратов предложил сдать в штаб все личные документы – паспорта, военные билеты, дипломы и прочее, заявив, что в скором времени вместо них каждый получит специальное удостоверение личности. Потом перешли к штабной палатке, чтобы получить деньги и заполнить аттестат. Надо отметить, что Скуратов и его штабные, в помощь которым были взяты несколько грамотных санитаров, с этой работой справились хорошо. Всё было подготовлено заранее. Каждому оставалось только заполнить сумму в аттестате, расписаться в ведомости и получить причитающиеся деньги. Аттестат начинал своё действие 1 августа 1941 года.

Алёшкин, расписываясь в ведомости, обнаружил, что ему выписана огромная, по его понятиям, сумма денег, и был

очень удивлён, ведь он получал в Александровке как заведующий врачебным участком с больницей 320 рублей и как работающий по совместительству в амбулатории ещё 100 рублей. Таким образом его месячный заработок составлял 420 рублей, а здесь его основной оклад был 800 рублей плюс какие-то «полевые» (как впоследствии выяснилось, назначаемые всем командирам, служащим непосредственно в действующей армии) в сумме 300 рублей в месяц. Ему, как и всем другим, выплачивалось 1600 рублей (двухмесячный оклад) подъёмных и содержание с момента призыва, то есть с 8 июля по 1 августа 1941 года. Конечно, тут же были произведены удержания на военный заём, на который заранее все подписались, в размере месячного оклада, были и другие удержания: налог и т. п., но тем не менее на руки Борис получил почти 2000 рублей. Такой большой суммы он не держал давно, и потому сразу воспрянул духом. Последние дни он уже с некоторым беспокойством думал о том, как там выкручивается его Катерина, ведь денег он ей оставил очень немного. Сама она зарабатывала всего 250 рублей в месяц, а на руках у неё было три дочери, которые не только хотели каждый день есть, но были практически раздеты и разуты.

После окончания института, а вслед за тем и почти полугодового «усовершенствования», прошло слишком мало времени, и семья Алёшкина была всё ещё не устроена. Теперь же он получил возможность послать сразу крупную сумму, и вслед за тем ежемесячно по аттестату они будут по-

лучать тоже порядочно, на что Борис вообще не рассчитывал. Он заполнил перевод на 1500 рублей и, решив, что с него хватит и «полевых», вписал в аттестат весь свой оклад – 800 рублей.

Эти денежные дела обсуждались всеми сослуживцами. Почти каждый из врачей считал своим долгом посоветоваться о намечаемых им суммах к переводу и в аттестат с друзьями, и это было понятно. Все они очутились в подобном положении впервые, все считали, что разлука с семьями продлится несколько месяцев, почти все они получили значительные суммы, во всяком случае, гораздо больше того, что получали на «гражданке», и потому каждый хотел получить хоть какой-нибудь совет со стороны. Тая Скворец вообще не знала, кому перевести свои деньги и на кого писать аттестат, ведь муж её был в армии, детей у них не было, и некоторое время она была в растерянности. Ей на помощь пришёл Сангородский, который посоветовал послать деньги и аттестат родителям, жившим на какой-то маленькой железнодорожной станции недалеко от Краснодара. Отец Таи служил на этой станции стрелочником. Лев Давыдович говорил:

– У отца с матерью ваши деньги никогда не пропадут, лучше их никто не сбережёт, а здесь вы их без толку спустите или попросту потеряете, так как ведь пока, как мы видим, тратить-то их некуда. Мне вот хуже: когда я уезжал, мои в Одессе были, а фронт так стремительно к ней двигался, что я теперь уж и не знаю, где они, куда подались.

В этот вечер почти все, примостившись, кто на чемодане, кто на пеньке, писали письма домой. У большинства это были первые письма из армии, так же и у Бориса Алёшкина. Он с радостью сообщал о тех денежных переводах, которые уже сделал и которые, как он знал, дома были очень нужны, с грустью думал о своей Катерине и о дочерях, таких разных по виду и характеру, но всё же одинаково ему дорогих.

Для перевозки дивизии выделили семь железнодорожных эшелонов. В первом поехал штаб дивизии, разведчики и специальные службы, в следующих – стрелковые полки, затем артиллерийский полк. Медсанбат погрузили в шестой эшелон вместе с ветеринарной службой и частью артснабжения. В седьмом ехали дивизионный обменный пункт, все остальные тыловые учреждения и прочие службы. Эшелоны со станции Софрино должны были отходить по три в день, таким образом, на отправку дивизии требовалось более двух суток.

Куда следует дивизия, командир медсанбата, да, по-видимому, и начсандив, не знали, естественно, что не знали этого и врачи. Стало известно только, что весь необходимый для медсанбата автотранспорт уже получен, погружен на платформы и ожидает эшелона на Московской окружной железной дороге. Для его получения ещё раньше авторота выделила часть своего состава во главе с командиром. Эти люди уехали из медсанбата дня за три до отправления дивизии. Тогда же уехал с частью своих людей начальник мед-

снабжения старший лейтенант медслужбы Панченко и начальник хозяйственной части лейтенант Прокопов. Они уже получили необходимое имущество: палатки, медикаменты, перевязочный материал, вещевое и продовольственное довольствие. Всё это погрузили в вагон и ожидали присоединения к эшелону.

Между прочим, получив известие, что все полагающиеся медицинской роте укладки получены полностью, командир Сангородский удивлённо развёл руками и стал расспрашивать своих подчинённых, что значит «укладки» и с чем их едят. И только двое могли объяснить ему значение этих названий: Алёшкин, за полгода до войны закончивший курсы усовершенствования, и медсестра Екатерина Васильевна Наумова, которая принимала участие в войне с белофиннами. Правда, к чести Льва Давидовича следует сказать, что как только он узнал, что такое укладки, часть которых, как оказалось, давно имелась в штабе медсанбата, то потребовал от командира, чтобы тот немедленно выдал ему описание их содержания, затем вместе со всеми врачами и средним медперсоналом тщательно их изучил. Поэтому, когда медрота, наконец, полностью получила эти укладки (большие деревянные ящики, окрашенные защитной краской с красными крестами на крышках и номерами на торцах), то и врачи, и медсёстры уже понимали, что они получили и как нужно обращаться с тем или иным номером укладки.

К сожалению, в госпитальной роте этим вопросом никто

не занимался, и поначалу, получив ящики, не знали, что с ними делать. А ящики были не только заперты замками, но и запломбированы. Первые несколько дней после получения в госпитальной роте их даже боялись открывать и только следили за тем, чтобы случайно не повредить пломбы. Кстати сказать, командир медсанбата Краснопеев, ссылаясь на инструкцию (которая у него сохранилась ещё с мирного времени), до особого распоряжения пломбы со всех ящиков срывать запретил. Но всё это случилось в будущем, а пока ящики, палатки, медикаменты и перевязочный материал занимали два товарных вагона и стояли по соседству с двумя такими же вагонами, загруженными продуктами, полевыми кухнями, вещевым имуществом, и вместе с прицеплёнными к ним платформами с автомашинами медсанбата ожидали прибытия эшелона в одном из тупиков Московской окружной железной дороги.

Утром 22 июля 1941 года на погрузку двинулся личный состав артполка дивизии. Материальная часть его, как и оснащение медсанбата, также была погружена и ждала эшелона с людьми. В 14:00 дело дошло до медсанбата, который своим личным составом занял восемь товарных вагонов, два заняла ветслужба. На окружной дороге к этим десяти прицепили четыре вагона и десять платформ медсанбата, один вагон материальной части ветслужбы и шесть вагонов артснабжения. Начальником эшелона был назначен начальник артснабжения дивизии капитан Князев, его заместителем –

командир медсанбата, врач второго ранга Краснопеев.

Окончательное формирование эшелона со всеми манёврами и прицепкой вагонов было закончено в 22:00. К этому времени эшелон № 6 вытянулся по окружной дороге и почти упёрся в пятый, который, в свою очередь, почти вплотную стоял к четвёртому, занятому одним из стрелковых полков. В это время со станции Софрино вышел последний эшелон с хлебозаводом, складами дивизионного обменного пункта и всем остальным тыловым хозяйством дивизии. Возглавлял его капитан Кирьянов, начальник обменного пункта дивизии.

Итак, к 22:00 22 июля 1941 года на окружной дороге сосредоточилось четыре эшелона 65-й стрелковой дивизии, остальные три уже вышли из Москвы и следовали по направлению к Луге. Стало известно, что дивизия получила назначение на Западный фронт, где должна была в составе одной из армий оборонять город Лугу.

Стемнело. Большинство врачей, как говорила Розалия Самойловна Крумм, оделись на ночь. Дело в том, что если июльские дни были очень жаркими, то ночи, проводимые на сырой земле в шалашах, достаточно прохладными. Постельных принадлежностей ни у кого не было, и спать приходилось на еловых ветках, посланных на землю, укрываться шинелями. Из-за опасности налётов нельзя было и думать о каком-нибудь костерке. Во избежание простуды приходилось ложась спать, надевать на себя всё, что захватили из

дома тёплого. Особенно страдали люди пожилые, которых, как мы знаем, среди врачей было немало. Например, доктор Крумм после вечерней поверки обычно заявляла:

– Ну, пойду одеваться на ночь, – и минут через десять появлялась в тёплом шерстяном свитере и шерстяных рейтузах, надетых поверх брюк обмундирования, с головой, укутанной шерстяным платком. Она представляла собой довольно комичную фигуру, вызывавшую большое количество насмешек. Однако смеяться-то смеялись, но многие следовали её примеру. Молодёжь же, особенно медсёстры, как правило, приехавшие в лёгоньких платьицах и кофточках, спасались от ночного холода только тем, что спали кучками, согревая друг друга.

В эшелоне все разместились на вагонных нарах, двери в вагонах были приоткрыты. Борис предупредил командира роты и отправился к вагону, занимаемому санитарным взводом. Командир, врач Перов, и Тая сидели на скамейке у двери вагона и о чём-то беседовали. Алёшкин, пряча в кулак папиросу, не столько от воображаемого воздушного противника, сколько от комиссара санбата, бегавшего вдоль эшелона и своим трескучим голосом отчитывавшего каждого с зажжённой спичкой или с открытой папиросой, приблизился к вагону. Тая его увидела и позвала.

Борис забрался в вагон, сел на скамейку рядом с Таей и присоединился к разговору. Виктор Иванович, как всегда, всё знал и с важным видом рассуждал, что прибытие такой

полнокровной дивизии, да ещё так хорошо оснащённой, не только поможет задержать врага под Лугой, но и, может быть, даст возможность перейти в наступление.

Вообще-то, все уже давно недоумевали, почему наша могучая и великолепно вооружённая Красная армия так позорно отступает, ведь это уже не пограничные сражения: враг находится под Смоленском и Лугой. Или фашисты на самом деле так сильны?

Вскоре к беседовавшим присоединился и Сангородский. Забраться в теплушку, пол которой довольно высоко возвышался над насыпью, пожилому Льву Давыдовичу было трудно. Усилиями Перова и Алёшкина его втащили в вагон.

Беседа незаметно перешла на обсуждение того, почему так медленно дивизию выпускали из Москвы. Действительно, оставшиеся эшелоны дивизии заняли пути окружной железной дороги километра на три и, стоя впритык друг к другу, являлись хорошей мишенью для самолётов. Однако, пожалуй, кроме Барабешкина, никому и в голову бы не пришло, что сюда, в центр России могут залететь немецкие самолёты.

Все уже собирались ложиться спать. Тая, сидевшая рядом с Борисом, шепнула:

– Оставайся в нашем вагоне, а то мне страшно!

Тот согласно кивнул головой, вновь закурил папиросу, бросил погасшую спичку на землю и, выглянув из вагона, увидел впереди мирно поыхивавший паровоз, ещё дальше

– другой и совсем далеко – розоватый дымок третьего.

Небо ясное, звёздное, луна ещё не взошла, было совсем темно. Где-то внизу, под насыпью, мирно трещали кузнечики и квакали лягушки. Из вагонов доносилось негромкое пиликанье гармошки. Видимо, гармонист пока только осваивал этот инструмент, потому что надсадно выводил правой рукой одну и ту же нехитрую мелодию, лишь по временам, и почти всегда невпопад, пытаясь аккомпанировать на басах.

Борис вместе с Виктором Ивановичем помогли Сангородскому по его просьбе спуститься из вагона на землю, и только они успели это сделать, как вдруг где-то невдалеке что-то громко и быстро заухало, появились вспышки красноватого пламени, вверху в небе зазвучали разрывы зенитных снарядов, где-то справа вспыхнул прожектор, далее другой, затем третий, их лучи стали беспокойно шарить по небу, и вдруг в один из моментов тишины все ясно услышали лёгкий гул самолёта, находившегося где-то на большой высоте. Количество прожекторов увеличилось, треск зенитных орудий и пулемётов усилился. К этим звукам присоединился какой-то новый, до сих пор многими в медсанбате, в том числе и Алёшкиным, никогда не слышанный. Это был какой-то тонкий не то вой, не то свист, который становился всё резче, сильнее и острее, и вдруг он как-то внезапно оборвался странным грохотом, одновременно с которым метрах в пятистах от эшелона на пустыре вспыхнуло яркое оранжево-красное пламя.

Борис понял, что началась бомбёжка. Через несколько секунд раздался второй взрыв, немного ближе первого, затем ещё и ещё. Зенитки застучали яростнее и чаще. Лучи прожекторов заметались по небу быстрее, и вдруг несколько из них скрестились в одной блестящей точке, вокруг которой сейчас же замелькали шапочки разрывов. При вспышках было видно, как из всех теплушек высунулись головы, с интересом и детским любопытством смотревшие на это странное, но по-своему красивое зрелище, не осознавая всей опасности происходящего.

Раздался новый взрыв бомбы, вспыхнул какой-то двухэтажный дом, стало светлее. И только теперь раздался крик начальника эшелона:

– Всем из вагонов вниз, в канаву! Быстрее!

Эту команду подхватили другие командиры. Борис взял за руку Таю и прыгнул из вагона прямо на откос насыпи. К счастью, высокая насыпь состояла из песка, и сразу за ней начался довольно глубокий песчаный карьер. Через несколько минут из других вагонов также стали выпрыгивать санитары, медсёстры и врачи. Все они катились по склону вниз в песчаную яму, ограниченную с одной стороны железнодорожной насыпью, а с другой пустырём, на котором только что рвались бомбы.

Все были встревожены. Многие дрожали не то от холода, не то от волнения или страха. Кое-кто из девушек всхлипывал. Люди толпились кучей и не знали, что нужно делать. В

это время подбежал политрук Клименко.

– Что вы стоите, как бараны? – зло крикнул он. – Расползитесь цепью и ложитесь на землю. Если можете, копайте себе пещеры в насыпи и в откосах пустыря. Да живее, живее! А то и до фронта не доедете!

И сам шлёпнулся на землю, так как вновь раздался уже знакомый противный свист и новая серия бомбовых разрывов потрясла воздух. На этот раз четыре бомбы упали совсем недалеко от полотна железной дороги, и повалившиеся как попало медсанбатовцы слышали новые звуки, свист и шелест разлетающихся осколков. То ли крик политрука, то ли эта новая серия бомб подействовали на сгрудившихся растерянных людей, они быстро разбежались. Каждый руками старался вырыть себе в стенах ямы, находившейся метрах в пятнадцати от насыпи, хотя бы небольшое углубление. Делали это и Борис, и Тая, и находившийся рядом с ними Виктор Иванович Перов.

Нечего и говорить о том, что большинство санитаров, выскочивших из вагонов при тревожном крике, не взяли с собой ни винтовок, ни сапёрных лопаток, а некоторые не надели и шинелей. После команды Клименко всем пришлось работать голыми руками. Хорошо было то, что яма (в прошлом песчаный карьер) имела слабые стенки, и даже без подручных средств в них удавалось довольно быстро вырыть норы, в которые можно было спрятать хотя бы головы.

Первая бомбёжка, которую пришлось испытать медсанба-

ту, показала, как легко люди поддаются страху, панике, особенно если причина, вызвавшая этот страх, неожиданная и встречается в их жизни впервые. Более 90 % личного состава медсанбата никогда не видели и не испытывали на себе воздушных бомбардировок, а те, кто её испытал в первые дни войны в условиях полной неподготовленности, поддались панике вместе со всеми. Лишь единицам удавалось сохранить самообладание, и среди них, к счастью, был энергичный политрук Клименко. А вот комиссар Барабешкин паниковал вместе со всеми, и поэтому вместо руководства людьми поспешил убежать от железнодорожной линии как можно дальше и укрыться где-то вдалеке. Растерялся и командир медсанбата.

Всё это – лай зениток, свист и разрывы беспорядочно сбрасываемых фашистскими стервятниками бомб, а затем и рёв моторов наших истребителей, взлетающих чуть ли не над головами перепуганных медсанбатовцев с Тушинского аэродрома, – заставило почти всех дрожать от страха. Казалось, что этот налёт и начавшийся воздушный бой длится уже несколько часов, хотя на самом деле прошло не более 20–25 минут, как раздалась новая команда:

– По вагонам!

Все стали карабкаться по сыпучей насыпи наверх, пришлось попрыгать. Насыпь песчаная, высокая, и если вниз по ней все скатились очень быстро, то добраться к вагонам оказалось значительно труднее. И только новый приказ началь-

ника эшелона:

– А ну, скорей поднимайтесь! Эшелон сейчас тронется, здесь останетесь... – заставил всех напрячь силы и наконец-таки забраться в вагоны.

Некоторым это пришлось делать уже на ходу при помощи других. Ведь следует помнить, что вагоны-то были товарные, и никаких вспомогательных лестниц для входа не было, а среди врачей были и женщины, и пожилые люди.

Вскоре место бомбёжки осталось далеко позади, а ещё через час позади осталась и Москва.

Глава пятая

Постукивая колёсами на стыках рельс, отбрасывая в сторону клочья дыма и пара из паровозных труб, эшелоны почти вплоты друг к другу мчались по Октябрьской железной дороге в сторону Ленинграда. Предварительная проверка, проведённая на одной из коротких остановок по всем вагонам, показала, что потерь ранеными или убитыми среди личного состава медсанбата нет. Многие в момент посадки перепутали вагоны и лишь после этой остановки разыскали свои, а нескольких человек пока так и недосчитались. Среди них оказался и комиссар Барабешкин.

Между прочим, как выяснилось много лет спустя, эта бомбёжка была первой бомбёжкой Москвы.

Стало известно, что эшелоны дивизии следовали на станцию Чудово-Московскую, чтобы затем через станцию Батецкую повернуть на Лугу.

Во всех вагонах ещё долго не могли заснуть, на разные лады обсуждая происшедшее. Но, наконец, все уgomонились и улеглись спать. Борис и Тая во время бомбёжки прятались рядом, по команде они забрались вместе в вагон санитарного взвода, и когда Борис на первой же остановке хотел перейти в вагон, где ехал оперативно-перевязочный взвод, Тая упростила его остаться с ней. Он только сбегал в свой взвод и предупредил, что не отстал от поезда, не пострадал, а едет в

вагоне санвзвода. Покладистый Симоняк согласился его отпустить.

Вернувшись в вагон к Тае, Борис улёгся рядом с ней на нарах около окна, и они укрылись его шинелью. Усталость брала своё, и через несколько минут после отправления и Борис, и Тая спали крепким сном. Разбудил их крик старшины Краснопеева, открывшего дверь вагона:

– Подъём! Завтрак!

С этими словами он сунул прямо на пол вагона на разостланную кем-то газету несколько буханок хлеба и поставил рядом с ними ведро, наполненное горячей пшённой кашей, с плавающим в ней большим куском сливочного масла. Все зашевелились, стали подниматься, выскакивать из вагона. Кто-то бежал в ближайшие кусты, росшие неподалеку от путей, на которых стоял поезд, кто-то направился к водопроводной колонке, чтобы поплескаться в воде, лившейся из неё довольно сильной струёй.

Поезд находился на какой-то маленькой станции и уже готовился вновь отправиться в путь, поэтому ко всем выскокившим из вагонов подбегали старшины, командиры взводов и рот и торопили заканчивать свои неотложные дела и возвращаться в вагоны.

Борис с Таей тоже спешили. Скворец подбежала к группе врачей-женщин, возглавляемой Розалией Самойловой Крумм, которая заявила, что она не намерена бегать по кустикам и умываться под железнодорожной паровозной ко-

лонкой, а пойдёт для этого на станцию. Так, под её предводительством вся женская группа врачей и несколько пожилых медсестёр отправились к видневшемуся шагах в пятистах зданию станции.

Борис тем временем успел побывать и в кустах, и умыться под краном, и невольно вспомнить свою поездку из Кинешмы на Дальний Восток, когда ему приходилось пользоваться такими же железнодорожными «удобствами», улыбнулся и подумал: «Всё в жизни повторяется». Затем он нашёл Сангородского и получил у него разрешение продолжать поездку в вагоне санвзвода. Правда, политрук Клименко возражал против такого нарушения порядка, но после короткого разговора с Сангородским согласился.

Обыкновенные товарные вагоны-теплушки к большой скорости, с которой двигался эшелон, были явно не приспособлены. Всех лежавших на нарах кидало и сильно подбрасывало в стороны. Если на молодёжь эта тряска особого впечатления не производила, и они спали спокойным сном, то пожилые врачи и некоторых медсёстры в течение всей ночи не сомкнули глаз. Остановка эшелона давала относительный покой, и поэтому все эти «старички», как их в шутку называли более молодые коллеги, сейчас наслаждались отдыхом.

После утреннего туалета по настоянию политрука Клименко медсанбат был построен перед своими вагонами, и он, якобы по поручению командира батальона, а как впоследствии выяснилось, по своей инициативе, произвёл провер-

ку личного состава. В результате выяснилось, что не хватает нескольких санитаров и комиссара Барабешкина. Чтобы как-то оправдать отсутствие последнего, Клименко заявил, что комиссар, очевидно, остался, чтобы разыскать отставших санитаров. При этом заявлении Сангородский не мог удержать лёгкого смешка, замеченного многими врачами.

После Клименко выступил внезапно появившийся командир санбата Краснопеев. Он важным голосом и строгим тоном заявил, что всех отставших с этого момента он будет считать дезертирами и предавать суду военного трибунала. Затем он приказал медсанбатовцем разойтись строго по тем вагонам, в которых размещены их подразделения, а старшинам на каждой остановке делать поимённую перекличку и докладывать о её результатах ему.

После завтрака все должны были занять места в своих вагонах: ожидалось, что эшелон тронется в самое ближайшее время, но на самом деле он простоял здесь ещё часа два.

Заметив скопление поездов на этой маленькой станции, местные жители, главным образом, женщины, бросились к вагонам, чтобы продать, а то и просто отдать кое-что из продуктов, бойцам, едущим на фронт, ведь в середине лета в садах и огородах поспевало много разных овощей и фруктов. Купив большую корзину клубники и ведро огурцов, Перов и Алёшкин принялись угощать этими припасами всех знакомых и незнакомых. Около вагонов открылся настоящий базар, и как-то никто не обратил внимания, что подошёл по-

следний эшелон дивизии, а с ним приехали отставшие санитары и комиссар батальона Барабешкин. О его прибытии узнали очень скоро: не успел он выскочить из вагона, как уже стал слышен его резкий требовательный голос:

– А ну, разойдитеесь! Прекратите немедленно это безобразие! Кто разрешил? Вы что, хотите демаскировать эшелоны? Хотите под новую бомбёжку попасть? Немедленно по вагонам!

После этих криков люди стали со страхом поглядывать на ясное небо и торопливо залезать в вагоны. У многих в душе шевельнулось гадливое чувство страха. И если до этого все на минуту забыли о войне и с азартом делали покупки дешёвой зелёной снеди, то после окриков Барабешкина санбатовцам стало как-то не по себе. Однако никто ничего не сказал, лишь Сангородский не выдержал и, с кряхтением забираясь в свой вагон, недовольно пробормотал не очень громко, но так, что все ближайшие соседи услышали:

– Ну, Балабошкин в своей роли, опять панику нагоняет! И откуда его чёрт принёс? Я, было, уже обрадовался, думал, что он насовсем отстал... Вот так, один трус может нагнать панику на несколько сотен людей!

К его счастью, эти слова не дошли ни до Барабешкина, ни до Клименко, а то бы Сангородскому плохо пришлось за оскорбление комиссара. Хотя, вообще-то, как мог этот человек называть себя комиссаром части, если в первую же бомбёжку он не только не организовал защиту подчинённых ему

людей, но в панике умудрился от части отстать и потеряться. Вместо того, чтобы по возвращении подбодрить людей, впервые почувствовавших дыхание войны, с первых же минут ещё больше напугал их, посеяв страх и неуверенность. Однако пока он ещё комиссаром медсанбата числился.

Но вот раздались свистки кондуктора, а затем и паровоза, и эшелон, получив нового свежего коня, помчался снова. Он летел на предельно возможной скорости, останавливаясь только для заправки водой и смены паровозов. К вечеру эшелон оказался на станции Чудово, без задержек повернул на Новгород и Батецкую, часов около 12 ночи остановился на ней. С этой узловой станции он должен был повернуть на запад в сторону Луги. К этому времени все уже спали, и потому никто не заметил, что эшелон никуда не свернул, а помчался дальше и лишь утром, часов около восьми, остановился на какой-то крошечной станции. Здесь начальник эшелона получил приказание немедленно разгружаться. По беспрестанному мычанию коров, доносившемуся из-за забора, почти напротив станции, поняли, что это животноводческий совхоз.

После разгрузки все люди, кроме шофёров, хозяйственников и некоторой части санитаров, отправились вместе с вещами в небольшой сосновый лесок, находившийся километрах в полутора от станции железной дороги и метрах в двухстах от усадьбы совхоза. По распоряжению комбата там разбились по подразделениям и из плащ-палаток соорудили

себе временное жильё, ожидая дальнейших приказаний.

Вскоре от политрука Клименко стало известно, что получен приказ, отменявший первоначальное назначение дивизии в район Луги, и поставлена новая задача. Она заключалась в следующем: дивизия должна была, выгрузившись рядом с Гатчиной, собраться на западе этого городка и занять оборонительные рубежи, подготовленные заранее. Совхоз «Груздево», около которого разгрузился медсанбат, от Гатчины находился на расстоянии пяти километров. Клименко заявил:

– Здесь мы проведём, вероятно, несколько дней, пока вся дивизия сосредоточится в указанном районе. Ещё в пути находятся некоторые эшелоны, вышедшие даже раньше нашего. Затем дивизия должна подготовиться к дальнейшему следованию своим ходом. Мы получим из Ленинграда дополнительные боеприпасы, продовольствие, горючее, транспорт и т. п. На это время медсанбату необходимо в одном из помещений усадьбы совхоза, который сегодня эвакуируется, развернуть медпункт. Командир батальона приказал это сделать медицинской роте.

Услышав это, командир медроты Лев Давыдович Сангородский сказал:

– Легко сказать, развернуть, а как это делается? Если бы я знал! Наверно, товарищ Симоняк, придётся этим заняться вам, как командиру операционно-перевязочного взвода.

– Да ты что, Лёвушка! Я же понятия не имею, как это сде-

лать.

– Во-первых, я вам не Лёвушка, а командир роты, а во-вторых, прикажите развернуть пункт своим подчинённым, и всё.

Выбор Симоняка пал на Алёшкина, тот, получив это приказание, ни на минуту не задумался (помогли ему всё-таки курсы сельских хирургов). Выслушав приказ, он предупредил:

– Для медпункта необходимо вскрыть одну из укладок, а именно номер Б-1, где находится малый операционный набор и необходимые медикаменты. Нужно выделить трёх дежурных медсестёр и ещё одного врача. Для организации работы необходима помощь старшей медсестры Наумовой. Да, товарищ командир взвода, – обратился он к Симоняку, – пожалуйста, примите меры, чтобы были выданы всем, кто будет работать, халаты. Нужно несколько простыней и несколько плащ-палаток, чтобы завесить окна. Из аптеки пусть выдадут стерильных бинтов и салфеток. Товарищ Наумова, пойдёте подберём помещение. Разрешите идти? – повернулся он к растерянному Симоняку.

Тот, не ожидавший такой расторопности, как, очевидно, и Сангородский, был настолько ошеломлён, что ответил совсем не по-военному:

– Да, да, пожалуйста, идите. Большое спасибо вам, что вы взялись за это дело.

Этим ответом он вызвал улыбку у политрука Клименко

и у Бориса. Но политруку, хотя в душе и понравилась бойкость, с которой Алёшкин приступил к организации медпункта, всё же уверенность молодого врача показалась сомнительной, поэтому он решил лично проследить, как будет выполнено полученное распоряжение, и поэтому бросил:

– Подождите, товарищ Алёшкин, я пойду вместе с вами.

Одновременно он подумал: «Если таковы и остальные командиры в медсанбате, как эти два старичка, то как же батальон будет работать?» Но, конечно, о своих сомнениях никому ничего не сказал.

Через несколько минут они были во дворе усадьбы совхоза. Картина, открывшаяся перед ними, их поразила. Весь огромный двор усадьбы – видимо, когда-то богатого помещичьего дома, а затем совхоза, и большая часть соседнего сада были забиты яростно и жалобно мычавшими коровами, которые стояли буквально впритык одна к другой. Во дворе около ворот на куче брёвен сидело несколько стариков, которые, дымя огромными самокрутками, с жалостью посматривали в сторону животных. Рядом лежали пастушьи кнуты.

Растерявшись от этой неожиданной картины, Борис (который, как мы знаем, боялся коров больше всего на свете) осторожно вдоль забора подобрался к старикам. Следом за ним подошли и его спутники.

– Здравствуйте, – сказал Борис, – нам бы директора совхоза надо, как его найти?

– А чего его искать, – ответил один из дедов, вынимая са-

мокрутку изо рта и смачно сплёвывая на ближайшее бревно, – вон он, там, в загоне орудует, – и махнул рукой через мычащее стадо коров в противоположный угол двора.

При этих словах старик встал на одно из наиболее высоко лежавших брёвен и показал Борису:

– Вон он, бедолага, мается...

Забравшись вслед за дедом на бревно и взглянув в направлении, которое он указывал, они увидели небольшой участок двора, огороженный жердями, где сидели на скамейках пять женщин и усердно доили коров. Около них стоял высокий мужчина и, ожесточённо жестикулируя, в чём-то убеждал доярок. По-видимому, он говорил громко и гневно, но из-за непрерывного коровьего мычания голоса слышно не было.

– Кузьмич! – неожиданно тонким голосом закричал старик и для вящей убедительности замахал стянутым с головы малахаем. – Кузьмич! – ещё тоньше и протяжнее повторил он. – К тебе военные пришли-и-и! Зову-у-т.

Кузьмич (Борис и Клименко так и не поняли, была ли это фамилия или отчество директора) услышал пронзительный голос старика, потому что повернул голову в его сторону. Увидев стоявших около него военных, сказал что-то дояркам и махнул рукой в сторону дома, одно крыло которого примыкало к тому загону, где он находился. Затем и сам пошёл в том же направлении.

– А мы как же? – невольно вырвалось у Бориса.

– Вы? – усмехнулся старик. – Идите к нему, да только не

через стадо, сейчас через них и сам чёрт не пройдёт, они как бешеные. Почитай, вторые сутки не доенные. Выходите на улицу, обойдите угол, у них там ещё вход есть.

Вскоре Алёшкин, Клименко и Екатерина Васильевна Наумова сидели в комнате, расположенной возле небольшой прихожей, у самого парадного входа, очевидно, бывшей когда-то директорским кабинетом.

– Что вам? Комнату? – поздоровавшись, спросил Кузьмич. – Да берите хоть весь дом, завтра утром мы всё освободим, я бы сегодня уже уехал! Семью, рабочих и своё хозяйство ещё позавчера эвакуировал, а тут чёрт принёс этих дядьков! Гонят скот с самой Дитвы, много раз под бомбёжками были, говорят, что только половина стада осталась, а доярок дорогой всех порастеряли: кого убили, кто убёг, вот коровы-то и не доенные. Не подоив, дальше гнать нельзя, с ними не справятся, они теперь как побесились, а у меня только вот пять женщин осталось, тоже вчера должны были уехать, вон и машина наша, полуторка гружёная стоит, такая мне теперь морока с этим скотом! Бросить жалко – деды старались, километров триста гнали, а теперь прямо не знаю, что и делать... А комнату – что же, занимайте любую, хоть вот эту, мой кабинет был, – он горько усмехнулся. – Вам что, под штаб нужно?

Алёшкин не сумел удержаться, хотя Клименко и дернул его за рукав.

– Нет, под медпункт, – брякнул он.

– Под медпункт? – оживился директор. – Так там, в леске-то, не госпиталь ли, а?

– Нет, не госпиталь, – боясь, что Борис опять что-либо сболтнёт, сказал Клименко.

– Да вы не думайте чего, не нужна мне ваша часть, не нужны мне ваши воинские секреты! Мне доярки нужны. Может быть, у вас там хоть десяток баб найдётся? Мы бы тогда за сегодня и за ночь всех коров освободили, а там по холодку и тронулись бы мои деды. Дальше-то им легче будет, там в деревнях бабы есть, доить будут. Их бы вот сейчас выдоить, жалко скотину-то... А молоко я всё вам отдам, пейте на здоровье. А, лейтенант? – обратился он к Клименко, поняв, что старший здесь он. – Помогите!

– Я не могу, это как командование решит. Ну, а как командата-то эта, вам подходит? – спросил Клименко Бориса. Тот посмотрел на Наумову, она кивнула головой.

– Да, я тоже думаю, что подойдёт, – подтвердил Алёшкин. – Нужно только будет ещё одеял добавить: окна большие, чтобы лучше завесить для светомаскировки, а всё остальное удобно будет.

– Ну, так делайте, как приказано. Начсандив приказал через два часа доложить о готовности медпункта, может быть, сам приедет проверять. Торопитесь, а мы с директором к командиру батальона пойдём.

После этих слов все быстро отправились в расположение медсанбата. Алёшкин и Наумова прошли к своему взводу,

взяли двух санитаров и отправились к начальнику аптеки лейтенанту Панченко получать укладку и перевязочный материал. По дороге одну из сестёр, ей оказалась Шуйская, Екатерина Васильевна послала к начхозу Прохорову, чтобы получить халаты, простыни и плащ-палатки. Двум другим медсёстрам она велела где угодно раздобыть тряпки, набрать воды и немедленно приступить к уборке комнаты под медпункт.

Через полчаса работа кипела вовсю. Две сестры старательно мыли пол директорского кабинета и прихожей. Шуйская с одним длиннющим, тощим санитаром, которому она приходилась чуть выше пояса, и который с первых дней существования медсанбата получил прозвище Каланча, прибывали плотные байковые одеяла к верхней части окон и укрепляли нижние их концы на гвозди, вбитые посередине, с таким расчётом, чтобы в случае нужды можно было концы одеял быстро опустить и закрыть окна полностью.

Делая эту работу, Шуйская подумала: «А как же в темноте работать будем?» Электричества в совхозе не было, трансформатор был снят и эвакуирован, да и внутренняя проводка большею частью была сорвана. Девушка решила проявить инициативу и, пока Каланча доколачивал гвозди, помчалась к Прохорову за какими-нибудь светильниками.

В медсанбате имелся бензиновый движок с динамо-машиной, имелся и штатный электрик, но пока всё имущество было упаковано в деревянные ящики, и без специального раз-

решения начсандива вскрывать их не разрешалось. У Прохорова нашлись только фонари «Летучая мышь». Решив, что на первое время и этого хватит, Шуйская забрала две штуки и вернулась в контору совхоза.

В комнате полы были уже вымыты, и там орудовала Екатерина Васильевна. Она раздобыла где-то топчан, покрыла его одеялом и простынёй – получилась медицинская кушетка. Обшарив весь дом, сумели найти скамейку, несколько табуреток и небольшой сломанный кухонный стол. Его наскоро починили, он должен был исполнять обязанности письменного.

Ящик укладки был устроен так, что, когда его открывали, при помощи откидной стенки с упорами тоже получался столик, который мог сойти, а впоследствии всегда и служил, столом для стерильного материала и инструментария. Кое-какие медикаменты, извлечённые из этой же укладки: йод, спирт, мазь Вишневского, новокаин в ампулах, шёлк в ампулах, бензин, стрептоцид в порошке, нашатырный спирт и другие, – были расставлены в уголке на одной из табуреток, покрытой сложенной вчетверо простынёй. Екатерина Васильевна приказала Шуйской вынуть из большого стерилизатора, тоже находившегося в укладке, все имевшиеся там инструменты, тщательно их вымыть, протереть, а затем и простерилизовать, после чего разложить на крышке стерилизатора, а крышку поставить на столик, образовавшийся из раскрытия, накрыв его большой стерильной салфеткой, кото-

рую следовало извлечь из полученных в аптеке пакетов.

Печи в доме не работали, плита на кухне была разломана. Пришлось всё тому же Каланче натаскать из кухни кирпичей и, устроив из них у входа в дом небольшой очажок, кипятить на нём стерилизатор.

Вспомнили, что не в чем мыть руки. Борис отправился к Прохорову и с большим трудом выпросил у него два эмалированных таза и два ведра. Тазы были обожжены спиртом и поставлены один на другой. Одно из вёдер определили для кипячёной воды, другое – запасное. Помойное ведро заменила пустая большая консервная банка, найденная где-то санитаром.

Кстати, Каланча служил санитаром операционного взвода и входил в то отделение, в котором был Алёшкин. Звали его Владимир Петрович Аристархов, ему было лет сорок. До войны он служил счетоводом в каком-то колхозе Московской области, в армии никогда не служил, но был очень толковым и исполнительным, а главное, хладнокровным и спокойным человеком. Не ладилось только у него дело со строевой службой. Из-за роста, обмундирование, полученное им, было большого размера. В то время обычное красноармейское обмундирование шилось так, что чем больше рост, тем предполагалась и мощнее фигура. У Аристархова же так не получалось: при очень высоком, почти двухметровом росте, плечи и грудь у него были, вероятно, не больше 48 размера, поэтому обмундирование на нём висело как на вешалке. Это

его смущало, и, уж конечно, ни о какой выправке в таком виде не могло быть и речи.

Кроме Аристархова, в отделении Бориса были ещё три санитары: два из них носильщики, а третий, как и Каланча, должен был помогать при работе в операционной и перевязочной. Этот колхозный паренёк по фамилии Кузьмин, только что отслуживший действительную службу в должности санитаринструктора роты, при распределении попал в санитары операционно-перевязочного взвода. Разбитной малый, скорый и расторопный, но немного суетливый, а главное, очень боявшийся, как впоследствии выяснилось, вида крови. Санитары-носильщики в отделениях не закреплялись, а назначались из ротного резерва в порядке очерёдности.

Наумова, как мы говорили, была старшей операционной сестрой, она же была и старшей сестрой всей медицинской роты. В отделении Алёшкина операционной сестрой была назначена Шуйская – восемнадцатилетняя, худенькая хрупкая девушка, которая не внушала ему доверия, но которая, как оказалось, уже два года работала в хирургическом отделении Пензенской городской больницы. Дело своё она знала хорошо и, кроме того, была очень инициативной и толковой помощницей врача. Кроме неё, в отделении были ещё две сестры, так называемые перевязочные – это Рая и Люда. Обе эти девушки работали уже порядочное время палатными сёстрами в одной из московских больниц, и Борис полагал, что и они будут ценными помощницами.

Второго врача, как мы знаем, в отделении пока не было. Описывая сотрудников отделения Алёшкина, мы отвлеклись от рассказа о подготовке медпункта, а между тем он уже был развёрнут. С момента получения приказа не минуло и двух часов, а стерильные инструменты уже лежали на столике, сделанном из укладки, там же лежал и перевязочный материал, у стены стоял топчан-кушетка, у одного из окон – письменный стол, у другой стены – скамейка с тазами и ведро с горячей водой. Посредине возвышался железный операционный стол, выпрошенный Наумовой в аптеке. На вбитых в стенку гвоздях висели халаты для врачей. Шуйская и Рая были уже одеты в свои халаты, Аристархов и Кузьмин сидели на пороге у входа в дом и курили самокрутки.

Наумова постояла в дверях и, осмотрев всё хозяйским взглядом, сказала Борису:

– Ну, идите, доктор, докладывайте. Всё готово, можем хоть сейчас принимать раненых.

Алёшкин побежал в расположение медсанбата, разыскал Симоняка и Сангородского, которые озабочено о чём-то беседовали, остановился по-уставному в трёх шагах от них и, приложив руку к пилотке, чётко отрапортовал:

– Товарищ комроты, ваше приказание выполнено, медпункт развёрнут.

– Как, уже? – изумились оба. – Не может быть!

И они трусцой направились к совхозному дому. Там Алёшкин и Наумова с гордостью показали свой примитив-

ный из примитивнейших медпункт. Но ведь он был первым, самым первым для всех них за эту войну, и поэтому командиры остались довольны.

Сангородский спешно пошёл к командиру медсанбата, чтобы доложить ему о том, что медпункт готов к приёму больных и раненых.

– Кто дежурный? – спросил недовольно Краснопеев, ему было не до медпункта.

Он только что выдержал жесточайшую баталию с политруком Клименко, настаивавшем на немедленной помощи совхозу в дойке коров, и, к своему огорчению, не найдя поддержки даже в своём комиссаре Барабешкине, оказавшемся на этот раз на стороне политрука, вынужден был уступить и только что разрешил отправить на совхозный двор двадцать женщин из числа медсестёр и санитарок, умевших доить коров. Возглавить эту команду он приказал политруку Клименко, заявив при этом, что всю ответственность за это мероприятие возлагает на него. Однако он не забыл передать Прохорову, чтобы тот забрал всё надоенное молоко.

Сейчас как раз Клименко и отбирал желающих и умеющих доить коров. Таких оказалось гораздо более двадцати, да к ним присоединились ещё и санитары – всем надоело сидеть без дела. Но превысить количество добровольцев Клименко не решился.

Краснопеев, как всегда с ним бывало в подобных случаях, с досады, что вышло не по его, уже пропустил солидную

порцию спиртного и только что собирался повторить возлияние, как к нему постучался Сангородский.

Надо сказать, что с этого утра командир медсанбата оккупировал одну из специальных санитарных машин для своего личного жилья. Он приказал выгрузить из неё лишнее, по его мнению, оборудование и кое-какие хозяйственные вещи, загруженные заботливым Прохоровым. Сейчас всё это имущество валялось недалеко от машины и начхоз Прохоров тщетно ломал голову, куда бы его распихать – все машины были заполнены до отказа. Особенно его смущала палатка ДПМ, которую просто некуда было засунуть.

Забегая вперёд, скажем, что командир медсанбата Краснопеев и вскоре присоединившийся к нему незадачливый комиссар Барабешкин поселились в этой машине и прожили там до самого своего последнего дня пребывания в медсанбате. Из машины они, особенно Краснопеев, показывались на глаза подчинённым очень редко.

Прерванный приходом Льва Давыдовича Сангородского «на самом интересном месте», Краснопеев сердито повторил:

– Так кто же дежурный?!!

Лев Давыдович вначале попросту не понял этого вопроса, он так был рад, что медпункт развёрнут, и притом в такой короткий срок, что предполагал, что и командир медсанбата обрадуется вместе с ним и сейчас же побежит его осматривать, но этого не произошло, тот отнёсся равнодушно. «А

может быть, так и нужно», – подумал Сангородский и, сообразив, наконец, ответил:

– Дежурное отделение доктора Алёшкина.

– Ну, смотрите, чтобы всё в порядке было. Скоро, наверно, начсандив приедет. Можете идти. – буркнул Краснопеев и принялся за прерванную закуску.

Сангородский, человек несдержанный и ненавидевший всякое чванство, был возмущён до глубины души и, спускаясь по ступенькам санитарной машины, посылал этого чиновника-командира ко всем чертям – конечно, про себя. Обо всём этом и о своём состоянии он гораздо позже рассказал друзьям, в том числе и Борису. Сейчас же он только передал приказание, «чтобы было всё в порядке», и сказал:

– Товарищ Алёшкин, сегодня по медпункту будете дежурить вы со своим отделением, а завтра вас сменит доктор Дурков.

– Есть, – ответил Борис.

Он надел халат, уселся около стола и, воспользовавшись случаем, решил познакомиться со своим отделением. Собственно, это было впервые, когда всё отделение собралось вместе. До сих пор занятия проводились или с врачами, или с медсёстрами, или с санитарями по отдельности, а всё свободное от занятий время врачи проводили по земляческим группам. Борис находился в группе с Перовым, Дурковым, Картавцевым и Скворец – они все приехали из Нальчика.

Так вот, сейчас на дежурстве, по мнению Алёшкина, на

совершенно бессмысленном дежурстве, в ожидании появления начальства, Борис и решил познакомиться со своими помощниками. Именно тогда он о каждом из них и узнал всё то, что мы описали немного раньше, а некоторые мысленные дополнения к характеристике каждого сделал уже потом, испытав их в работе.

Незаметно подошло время обеда. Каланча сходил к кухням, которые дымились, притулившись к забору совхоза, и принёс на всё отделение большую кастрюлю супа из мясных консервов и почти такую же кастрюлю рисовой молочной каши. Вслед за тем он доставил хлеб и миски.

Все поели с большим аппетитом, а начсандива всё ещё не было. «Хоть бы скорей приезжал что ли, – думал Борис. – Сходить бы посмотреть, что там наши делают. За целый день даже и не подошли к медпункту», – уже сердился он. А его друзьям было не до медпункта: по распоряжению начсандива Перов и Тая должны были срочно получить имущество противохимической защиты для всей дивизии, в частности, противоипритные пакеты. Их нужно было хранить в медсанбате и именно в санитарном взводе, в отделении противохимической защиты, которым как раз и командовала Тасия Никифоровна. Получив такое приказание, командир медсанбата велел срочно разгрузить от хозяйственного имущества одну из полуторок, и Перов с Таей поехали на ней в Ленинград, где и должны были с одного из складов получить эти злосчастные пакеты. Их сопровождали два санитаря

из Таинового отделения. Всё это Борис узнал потом, а сейчас его обижало невнимание к его работе этих наиболее близких ему людей.

Тут, пожалуй, уместно будет рассказать о том транспорте, которым был обеспечен медсанбат: по штатам ему полагалось иметь 16 санитарных машин и восемь грузовых. Фактически было получено на две машины меньше, причём специальных санитарных машин было получено всего десять, остальные шесть следовало изготовить самим, приделав к обыкновенным полупортакам фанерные кузова. Но пока ни фанеры, ни мастеров, которые бы это могли сделать, в распоряжении медсанбата не имелось, а командир об этом не очень-то беспокоился.

Алёшкину рассказал об этом командир автороты Сапунов, забежавший в медпункт, чтобы выяснить, не нужна ли будет санитарная машина. Борис направил его для решения этого вопроса к Сангородскому.

Глава шестая

Дежурить было скучно. Все приготовления оказались закончены, лейтенант Сапунов ушёл, и Алёшкин сидел на каком-то обрубке дерева около входа в дом. Затягиваясь «Казбеком», которым он сумел запастись на вокзале в Софрине, он задумался. До этого таких дорогих папирос ему курить не приходилось, ведь все последние годы с деньгами было туго, и он курил самые дешёвые папиросы «Норд», а часто даже резаный табак, продаваемый кабардинцами. Такую роскошь, как «Казбек», он мог себе позволить, только получив деньги здесь, в армии. Невольно его мысли перенеслись в Александровку: «Как-то они там? Получила ли Катя переведённые ей деньги, здоровы ли...» В этот момент его внимание привлёк небольшой столбик пыли, поднимавшийся от быстро мчавшейся по шоссе машины.

– Наверно, начсандив, – сказал Борис сидевшим с ним санитарам.

– Нет, – спокойно ответил Аристархов, – начсандив на полуторке не поедет, у него «Эмка» есть.

Он был прав, это действительно была полуторка, которая в этот момент уже поравнялась со зданием совхоза и резко затормозила. Из кабины выскочил знакомый Алёшкину, ехавший с ним из Нальчика, врач Иванцов. Увидев белый халат Бориса, он подбежал к нему и, явно не узнавая его,

взволнованно спросил:

– Здесь, что ли, медпункт?

– Здесь, – ответил Алёшкин, – а что случилось?

– Да вот у меня один чужак каким-то образом себе ногу прострелил. Рана, кажется, пустяковая, кость не задета, а кровь так и не останавливается. Уже жгут пришлось наложить.

По тону, по виду Иванцова можно было понять, как он взволнован и напуган. Лицо его было бледным, руки дрожали, и немудрено, ведь это был его первый раненый. До сих пор Иванцов работал в поликлинике какого-то районного села участковым терапевтом, о раненых только слышал на уроках военно-полевой хирургии в институте.

– Так, значит, вы его примете? Вот хорошо-то! А я боялся, что в Ленинград везти придётся.

Иванцов подбежал к полуторке, и через несколько минут санитары, ехавшие в кузове его машины, внесли на носилках бледного чернявого парнишку, испуганно озиравшегося по сторонам. Правая штанина его была разорванной в нескольких местах и мокрой от крови. В средней трети бедра виднелась промокшая повязка из индивидуального пакета, а выше неё поверх штанов – жгут. Было видно, что жгут наложен неумело и слабо, это сразу же заметил санитар Кузьмин. Он, как бывший санинструктор, хорошо знал правила остановки кровотечения и, подойдя к раненому, свободно подсунув под жгут палец, рассердился:

– Разве так жгут кладут?! Эх, вы!

Врач Иванцов и санитары, принесшие раненого, смутились, а тот стал озираться ещё более испуганно. Алёшкин в это время уже мыл руки в растворе нашатырного спирта, приготовленном Шуйской.

– Отставить разговоры! Кузьмин, снимайте сапоги с раненого. Аристархов, помогите ему уложить пострадавшего на стол, а вы, товарищ Иванцов, можете ехать. Мы теперь справимся без вас.

– А как же... – начал было нерешительно Иванцов.

– Да вот так же. Доложите, что сдали раненого в медсанбат. До свидания, – отрезал Борис, заканчивая мыть руки.

Иванцов со своими санитарями вышел, а к медпункту уже бежали любопытные: врачи, медсёстры и даже санитары. Узнав от Иванцова, что он привёз раненого, и хирург Алёшкин сейчас его обрабатывает, все бросились в медпункт. Одними из первых вошли командир роты Сангородский и командир оперативно-перевязочного взвода Симоняк. Вскоре в маленькой комнатке медпункта собралось любопытных человек десять. Вдвое больше столпилось на улице у входа, что и понятно: это был первый раненый, увиденный ими, но присутствие их мешало, в комнате стало тесно и душно. Борис обратился ко Льву Давыдовичу:

– Товарищ командир медроты, на медпункт доставлен раненый боец, оказываем ему необходимую медпомощь. Прошу дать указание всем лишним из помещения выйти.

Сангородский сообразил справедливость просьбы и где приказом, где уговором, а где и просто лёгким подталкиванием, выпроводил из комнаты всех и закрыл дверь. Остались только он сам и врач Симоняк. Хотя Борису очень не хотелось работать в присутствии таких опытных, как он считал, врачей, ведь это походило на экзамен, тут уж он поделаться ничем не мог.

А для него и для его помощников это действительно был экзамен. На кафедре неотложной хирургии в Краснодаре, во время усовершенствования в Москве он имел дело с разными травмами, огнестрельное же ранение ему встретилось только однажды в Александровке, и мы знаем, как трагически оно закончилось. «Как-то я справлюсь с делом сейчас? Может быть, получить поддержку и помощь от этих двух более старших товарищей?» Но ни Сангородский, ни Симоняк халатов не надевали и помогать, видимо, не собирались. Все эти мысли промелькнули в его мозгу с быстротой молнии. Усилием воли он отбросил их и сосредоточил всё внимание на больном. Медсестра Рая нерешительно и боязливо начала разрезать ножницами штанину, чтобы обнажить ногу раненому, и сняла болтавшийся жгут. Она вопросительно посмотрела на Бориса.

– Рая, снимайте повязку.

Видя её нерешительность, уже суровее добавил:

– Да побыстрее, не копайтесь так!

– Катя, – сказал он Шуйской, – дайте ей ножницы... Так,

стригите бинт вот здесь. Мне шарик, – протянул он руку к Шуйской.

Та молча подала ему скатанный из марлевой салфетки комочек, смоченный в бензине, а Рая тем временем разрежала бинт и отодвинула повязку. Под ней открылось следующее: с наружной стороны бедра в средней её трети имелось небольшое входное отверстие, а с внутренней, чуть пониже, – было выходное, имевшее диаметр около пяти сантиметров. Из него спокойной и ровной струйкой текла кровь.

Быстро обтерев края раны бензином, Борис мгновенно поставил диагноз и сразу принял решение: «Ранен с близкого расстояния, кость как будто не повреждена, крупные артерии тоже. Наверно, перебита бедренная вена, надо рассечь рану, иссечь размозжённые ткани, найти сосуд и перевязать его». Всё это промелькнуло в сознании гораздо быстрее, чем можно написать или рассказать. В результате этих мысленных рассуждений последовала команда:

– Катя, сухой шарик, йод. Готовь новокаин, шёлк. Рая, посмотри у раненого пульс, считай вслух. Аристархов, приподнимите его ногу, подложите под бедро комок ваты, вот так, хорошо. Пульс в порядке, – сказал он, услышав Раин счёт. – Дай ему валерьянки, пусть успокоится.

Отдавая все эти распоряжения, Борис продолжал внешне спокойно делать своё дело. Он помазал края большой раны йодом и взял шприц с раствором полупроцентного новокаина, стал вводить его в края раны и в глубину. Введя око-

ло 50 кубиков раствора, он положил шприц на подставленный Шуйской лоток и протянул к ней руку, в которой сейчас же очутился скальпель. Он взглянул на сестру и благодарно кивнул ей головой, та, принимая молчаливую похвалу, вспыхнула от удовольствия до корней волос.

То ли эта согласованность в работе, то ли ещё что-то вдруг вселили в Алёшкина полную уверенность в своих действиях. Он смело рассёк рану, оттянул пинцетом разорванные кусочки кожи и мышц и, не обращая внимания на продолжавшую струиться кровь, отсёк эти кусочки, затем осторожно раздвинул пинцетом мышцы и вдруг ясно увидел пульсирующий сосуд и струйку крови, вытекающую из него.

– Да, всё-таки вена! – произнёс он вслух.

– Ну, как там? – спросил он Раю, та в это время находилась около головы раненого и обтирала ваткой его потный лоб.

– Хорошо, – ответила она.

– Дешан, – потребовал Борис специальную иглу с вдетой в неё толстой шёлковой лигатурой.

Осторожно отделив вену от артерии, просунул в образовавшуюся щель иглу с лигатурой, не глядя, взял протянутые ножницы, разрезал шелковину, убрал иглу и, раздвинув образовавшиеся кусочки ниток, туго завязал их. Затем обрезал лишние концы нитей и промокнул рану, убедился, что кровотечение прекратилось. Закрыв салфеткой эту рану, он осмотрел входное отверстие и смазал его йодом.

– Ну, вот и всё. Наложите повязку и шину Крайнера, –

сказал Борис, обращаясь к сёстрам, сам отошёл к письменному столу и сел за него. И в этот момент он услышал явственный шёпот Сангородского, который, наклонившись к уху Симоняка, наставлял:

– Учитесь! Вот как нужно работать!

Борису было приятно, очень приятно, что скрывать? Но он сделал вид, что не слышал слов Льва Давыдовича и, глядя на карточку передового района, где была написана фамилия раненого, его часть и поставлен диагноз, спросил:

– Свиридов, кто же это вас ранил?

– Да я сам, товарищ врач, нечаянно: чистил пистолет, а он и выстрелил, – слабо проговорил красноармеец.

Алёшкин заполнил карточку и, обращаясь к командиру роты, сказал:

– Теперь его надо эвакуировать в ближайший госпиталь. Кто этим займётся?

– Пусть он немного полежит здесь, я сейчас доложу командиру медсанбата, – ответил тот.

Но докладывать не пришлось. Дверь открылась, и в комнату вошёл начсандив Исаченко:

– Что здесь такое? Доложите, – обратился он к Сангородскому.

Командир медроты рассказал, что было сделано, кто за что отвечал, представил дежурного хирурга Алёшкина и при этом не мог удержаться, чтобы не похвалить его и всю бригаду. Исаченко слегка улыбнулся:

– Ну что же, это хорошо, так и должно быть. В общем, приятно, что молодёжь умеет работать. А вот докладываете-то вы, товарищ Сангородский, плохо. Надо научиться говорить военным языком.

Он немного помолчал, а затем добавил:

– А раненого мы сейчас заберём и увезём в госпиталь. У меня санитарная машина, на неё и погрузим, я сам и завезу. Он транспортабелен? – обратился Исаченко к Борису. Тот, помня замечание начсандива Сангородскому, вытянулся и, чётко произнося слова, ответил:

– Так точно, товарищ начсандив, транспортабелен лёжа. Вот карточка передового района, – и с этими словами он подал её начсандиву.

– Ого! Да вы, оказывается, не только оперировать умеете, – снова улыбнулся Исаченко. – Хорошо, пусть его несут в мою машину, – сказал он, выходя из помещения.

И тут наступила заминка: носилок в медпункте не было, командир медсанбата категорически запретил распаковывать носилки, уложенные на трёх грузовых машинах и связанные в пачки. А носилки, на которых был привезён Свиридов, принадлежали полку, и Иванцов увёз их с собой. Что делать? Но нашёлся санитар Кузьмин: он подбежал к машине начсандива, узнал у шофёра, что в его машине носилки есть, взял одни и через несколько секунд явился с ними в медпункт. Сейчас же раненый был погружен в машину, и Исаченко уехал.

Сангородский впоследствии рассказал Алёшкину, что этот раненый подозревался в умышленном членовредительстве, и начсандив обязан был доложить о нём в Особый отдел дивизии.

В скором времени и в течение всей дальнейшей войны много раненых прошло через руки Бориса Алёшкина, но этот первый чернявый паренёк запомнился ему навсегда. Впоследствии выяснилось, что, хотя Свиридов прострелил себе ногу не умышленно, а по небрежности, а, может быть, и по неумению, дивизионный трибунал приговорил его к направлению в штрафной батальон. Что с этим пареньком случилось дальше, Борис так никогда и не узнал.

После отъезда начсандива сёстры и санитары навели порядок в медпункте, заменили бельё, перемыли инструменты и вновь поставили их стерилизовать на организованный Аристарховым очажок. Всё это время Борис, гордясь собой и своими помощниками, с важным видом стоял у входа в медпункт с командиром роты и взвода, то есть с докторами Сангородским и Симоняком, выслушивая их похвалы. Между прочим, он заметил, что операция у него прошла так хорошо только потому, что он всего полгода назад прошёл специальные курсы усовершенствования, где учителями были такие знаменитости, как А. В. Вишневский, С. С. Юдин, Гориневская и другие, и что, видимо, их наука пошла впрок.

Лев Давыдович сказал, что Исаченко отдал приказание дежурить на медпункте всем отделением операционно-перевя-

зочного взвода по двенадцать часов, и следующее отделение заступает в 22:00. После этого начальники ушли, а медпункт стал центром внимания всего медсанбата, и за оставшиеся до смены три часа с Алёшкиным переговорили почти все врачи. Чувствовалось, что все они очень хотят знать и уметь делать всё, что необходимо при огнестрельном ранении. К сожалению, для большинства из них эта работа была совершенно новой, и из рассказов Бориса они очень многого не понимали. Так, даже термины и названия инструментов, которые он невольно употреблял, им были неизвестны.

Лишь такие врачи, как Дурков – хирург из Даркоха (село в Северной Осетии), приехавший вместе с Борисом, да Е. В. Картавцев, до войны работавший хирургом в районной больнице Рязанской области и по прибытии в медсанбат зачисленный в госпитальную роту, понимали Алёшкина с полуслова и по-настоящему могли судить о правильности или ошибочности его действий.

Конечно, лучше всех мог бы это сделать командир госпитальной роты – хирург, доктор Башкатов, но тот, как, впрочем, и командир медсанбата, даже не счёл нужным осмотреть медпункт. То ли он был слишком болен, то ли считал, что раз это поручено не его роте, значит, ему и интересоваться нет смысла.

Между прочим, Борис этому был даже рад. У него не было полной уверенности, что всё сделано правильно. Его беспокоила мысль о том, что он, по существу, никак не обработал

входную рану. Уже потом Алёшкин сообразил, что её следовало бы рассечь. Конечно, об этих сомнениях он никому не сказал.

На улице немного стемнело. Белые ленинградские ночи уже кончались, темнота понемногу сгущалась. Сидя на пороге своего медпункта, Борис увидел, как в отдельных частях леса, находившегося напротив, становилось всё темнее и темнее. Правда, потёмки наступили значительно позднее, чем в Кабарде, на юге. Там ведь сумерек почти не бывает, а вслед за заходом солнца сразу становится темно. Здесь же ночная темень надвигалась медленно, и она была не настолько густа. И звёзды, постепенно загоравшиеся на темнеющем небе, были как будто мельче, и не такие яркие, как в Кабарде. Казалось, что они находятся здесь дальше от Земли.

Глядя на это небо, Борис невольно вспомнил о доме. Совсем-совсем недавно, чуть больше месяца тому назад, они с Катей, уложив детей, сидели на крыльце своего дома и любовались мириадами звёзд, мирно мигавшими со своей недостижимой высоты. Так же, как и сейчас, недалеко мерцал огонёк: соседи Завитаевы готовили ужин на летнем очажке – почти таком же, как смастерил Аристархов, который, сидя на корточках, подкладывал маленькие сосновые чурки, чтобы побыстрее прокипятить хирургический инструмент. «Как-то там Катеринка, получила ли деньги, письмо? А от неё пока ничего нет. Да она ещё, наверно, толком и не знает, куда писать. Вот остановимся на постоянное место, тогда я ей по-

шло точный адрес», – подумал Борис и, бросив потухший окурок, вошёл в дом.

В комнате медпункта всё уже было прибрано, и обе сестры, сидя у стола, весело смеялись чему-то, видимо, очень забавному, что им рассказывал Кузьмин, сидевший на корточках возле двери, куривший в кулак и старательно разгонявший другой рукой облака сизого махорочного дыма.

Одеяла, затемнявшие окна, были опущены и, как Борис убедился ещё на улице, светомаскировка была достаточно хорошей. Но, как это часто бывало в начале войны, маскируя одно, совсем забывали о другом. Так случилось и здесь. Хорошо закрыв окна, Алёшкин совсем не обратил внимания на довольно значительный свет, излучаемый очажком, на котором кипятились инструменты и который, конечно, был хорошо заметен издалека и с высоты. Эта оплошность повлекла за собой неприятности для всего отделения и, прежде всего, для его командира.

Борис прошёл к столу и сел на одну из табуреток, с которых вскочили сёстры, ещё не успевшие оборвать смех при появлении врача, а Кузьмин поспешил ретироваться за дверь. Борис собирался похвалить девушек за расторопность и отличное знание своего дела, как вдруг на улице услышал гневный крик комиссара батальона Барабешкина:

– Я тебе приказываю! Немедленно заливай огонь, ты что, фашистам сигнализируешь?! Гаси сейчас же!

В ответ слышался довольно спокойный, но всё же смущён-

ный ответ Аристархова:

– Мне же приказали инструмент вскипятить, вот я и кипячу. А они ещё не кипят, товарищ батальонный комиссар.

– Ты ещё рассуждать? Тебе приказывают, а ты ещё в преканья со старшими вступаешь?! – кричал Барабешкин.

Алёшкин и обе сестры выскочили из медпункта, чтобы защитить санитаря, но своим появлением только подлили масла в огонь. Ведь они были в белых халатах и, конечно, их фигуры в темноте, да ещё в отблесках от, как назло, особенно ярко разгоревшегося очажка, были видны издалека. Это окончательно вывело из себя Барабешкина, панически боявшегося вражеских самолётов. Он уже совсем диким голосом заорал:

– Марш в помещение! Вы что, не понимаете, что демаскируете медсанбат? Вы за это перед трибуналом ответите!

Ко всем этим выражениям были присовокуплены и другие, которые в печати приводить не принято, но в тот момент ни Борис, ни сёстры на это даже внимания не обратили, а растерявшись, кинулись обратно в медпункт.

Вероятно, так бы и не удалось простерилизовать инструменты, если бы не находчивость шедшего вместе с комиссаром политрука Клименко. Последний приказал Кузьмину принести из медпункта две плащ-палатки и соорудить вокруг очажка подобие шалаша, который значительно уменьшил видимость огня. Тут, к счастью, инструменты достаточно прокипели, и огонь можно было залить. Но комиссар до

того рассердился, что даже не зашёл в медпункт, куда его вёл Клименко, чтобы показать ему героев сегодняшнего дня.

Так, этот день, начавшийся для отделения Алёшкина успешно и удачно, закончился совершенно непредвиденным и неприятным инцидентом. Борис, хотя и был оскорблён и обижен грубостью, руганью и криками комиссара Барабешкина, мысленно обзывал его хамом и трусом, в душе не мог не признать известной справедливости его требований. В свою очередь, он поругал и себя за свою невнимательность, досталось от него и Аристархову.

Вскоре после ухода комиссара пришла смена – отделение доктора Дуркова. Когда Борис со своими людьми вернулся в расположение медсанбата, он узнал, что все коровы уже подоены и директор совхоза, не дожидаясь рассвета, вместе со стадом и сопровождавшими его дедами, уже более часа назад покинул усадьбу. Молока надоили очень много, заготавливать его впрок было невозможно (стоял конец июля), и хозяйственники медсанбата решили раздать его на ужин. Борису, как и всем другим, достался целый котелок ещё не остывшего, парного молока, которое он и выдул почти одним духом, закусив изрядным куском чёрного хлеба.

До официального отбоя, который в медсанбате с начала формирования был в 23 часа, о чём громким криком: «Отбой!» извещал дежурный, и после которого хождение по территории батальона запрещалось, оставалось всего 10–15 минут. Борис решил узнать, куда же делись Перов и Тая. Когда

он очутился в расположении санитарного взвода, бойцы, сидевшие кучками и осторожно курившие, чтобы, Боже упаси, кто-нибудь из начальства не увидел, вскочили при его появлении. Узнав, кого он ищет, помкомвзвода Волков сказал:

– Товарищ военврач третьего ранга и Таисия Никифорова ещё не вернулись. Они рано утром уехали в Ленинград, и вот до сих пор их нет. Уж не знаем, что и думать. Я к командиру медсанбата ходил, хотел доложить, да он спит. Так вот и сидим, ждём их. Палатки им, как приказал командир взвода, поставили, вот здесь под деревом, – и он показал на темневшие в нескольких шагах сооружения, из двух плащ-палаток каждая, стоявших под большими раскидистыми соснами.

– Ну, ладно, – сказал Борис, – я пойду к себе в роту. Когда они вернуться, скажите, что я заходил, спрашивал.

Борис отправился к себе, залез в палатку, которая у них на двоих с Дурковым была сделана из трёх плащ-палаток. Днём, пока Алёшкин работал в медпункте, Дурков заботливо оборудовал жильё, застлав пол еловым лапником и покрыв его где-то раздобытыми байковыми одеялами. В головах вместо подушек он уложил вещевые мешки, а с боков, приподымая стенки палатки, поставил потрёпанные чемоданчики.

Алёшкин, сняв обмотки и ботинки (он всё ещё не имел сапог), растянулся на импровизированном ложе и, даже не успев закурить, заснул крепким сном. За день он здорово устал. Конечно, спал, не раздеваясь. Кстати сказать, с того момента, как медсанбат выехал из Софрина, раздеваться на

ночь командирам медсанбата было запрещено. Да, собственно, и там на ночь никто не раздевался.

На следующий день, в воскресенье, подъём произвели не в шесть часов, как обычно делалось в Софрине, а в восемь, и Борис успел основательно выспаться. Когда он поднялся и, умывшись из колонки водопровода, находившейся во дворе совхоза, вернулся к своей палатке, то увидел около неё котелок с пшённой кашей и мясной подливой, сверху котелка лежала пайка хлеба, а рядом стоял большой чайник с чаем. Всё это принёс санитар Аристархов, который, видимо, счёл своей обязанностью с этого дня заботиться о командире отделения. Алёшкин с аппетитом поел.

Вообще, следует сказать, что положение врачей, как и большинства средних медработников, в медсанбате сложилось какое-то неопределённое. Многие из них воинских званий не имели, и поэтому никаких знаков различия не носили. Являясь представителями начальствующего состава, в строевом отношении они находились в положении рядовых. По распоряжению (не совсем умному) командира медсанбата они полностью подчинялись старшинам рот, которые, имея звание старшин, носили в петлицах соответствующее количество треугольников. Так получилось и с Алёшкиным: хотя он имел звание старшего лейтенанта строевой службы, однако, «чтобы не путаться», как выразился командир медсанбата, ему было запрещено носить кубики. Поэтому он, как и другие врачи, носил петлицы с эмблемой медицинской

службы, но без каких-либо знаков различия. Привыкнув в армии занимать командные должности, он чувствовал себя неловко.

Начальник штаба батальона Скуратов заполнил соответствующие документы на присвоение первичного медицинского звания «военврач третьего ранга» на всех врачей, которые его не имели, и передал это в штаб дивизии, но пока ничего не происходило.

В десять часов были собраны врачи и средний медперсонал санбата. Клименко сделал очередную политинформацию, то есть прочитал сообщение Совинформбюро о положении на фронтах и прокомментировал их. Хотя он и старался смягчить сообщаемые сведения и больше останавливался на изложении подвигов того или иного бойца подразделения, описываемого в газете, большинство слушателей понимали, что дела на фронте ухудшаются, наши войска почему-то беспрерывно отступают, оставляя один город за другим. В предыдущий день было оставлено много городов: уже пал Смоленск, фашисты захватили почти всю Прибалтику, большую часть Белоруссии, Западную Украину... Хотя части Красной армии в городе Таллине мужественно сопротивлялись, чувствовалось, что и его дни сочтены. Однако продвижение фашистов непосредственно к Ленинграду с запада и юго-запада временно прекратилось. Многие начали гадать, куда же будет направлена 65-я стрелковая дивизия. Этот вопрос опять повис в воздухе.

Дивизия продолжала находиться вблизи города Гатчины, и чтобы не терять времени даром, во всех её подразделениях возобновились усиленные занятия. После некоторого размышления Лев Давыдович Сангородский в конце концов решил, что не может быть такого, чтобы в распоряжении командования медсанбата не имелось каких-нибудь новых, последних инструкций по организации его медицинской работы. Используя свои хорошие отношения с политруком роты Клименко, он через него попытался что-нибудь вызнать у командира батальона.

Дело в том, что командир медсанбата Краснопеев, а затем и присоединившийся к нему комиссар Барабешкин, всё ещё продолжали уединяться в своей «личной» санитарной машине и предаваться невоздержанным возлияниям спиртного, которое беззастенчиво требовали из аптеки. Как оказалось, вместе с медикаментами ими было получено довольно большое количество коньяка и вин, предназначенных для проведения противошоковых мероприятий. Вследствие того, что Краснопеев почти всё время находился в состоянии недостаточно вменяемом, службы медсанбата действовали самостоятельно, кому как вздумается. Медицинская рота, получив наконец временную инструкцию по обработке ран в полевых условиях, а она, оказывается, была у Краснопеева ещё в Софрине, принялась за её изучение. Госпитальная рота во главе со своим командиром предпочитала отдыхать. Бойцы санвзвода, взвода охраны и шофёры занимались стро-

своей подготовкой под руководством начальника штаба батальона лейтенанта Скуратова, остальные службы помаленьку исполняли свои обязанности: повара стряпали, хозяйственники подсчитывали и переупаковывали полученное имущество, тем же занимались работники аптеки.

Кстати, палатка ДПМ, выгруженная из машины, захваченной комбатом, так и продолжала лежать беспризорной, место для неё пока не нашлось. Она представляла собой брезентовое сооружение шириной около шести метров и длиной около двенадцати, с высотой стенок – два метра и коньком крыши – четыре метра. Как-то эта палатка попала на глаза Борису, и он, подойдя к Сангородскому, спросил:

– Товарищ командир роты, вон там свёрнутая палатка лежит. Наверно, в недалёком будущем нам придётся в таких палатках работать, а я, честное слово, понятия не имею, как её нужно ставить.

– А вы думаете, я имею? – ответил Сангородский.

– Ну, то, что мы не знаем, ещё полбеды, а вот знают ли санитары? – засомневался Алёшкин.

– А в самом деле, сейчас выясним. Товарищ Красавин, – окликнул Лев Давыдович проходившего мимо старшину своей роты.

Тот, как дисциплинированный строевик, подбежал на зов, остановился в нескольких шагах и отрапортовал:

– Товарищ командир роты, по вашему вызову старшина Красавин прибыл!

– Хорошо, хорошо, – вяло махнул рукой Сангородский, – стойте вольно. Вы вот что скажите, вы когда-нибудь палатку ДПМ развёртывали, ставили её?

– Не-е-т, – протянул смущённо Красавин, – не приходилось!

– А кто-нибудь из санитаров умеет с ней обращаться?

– Не знаю... Вряд ли.

– Тогда после обеда соберите всех санитаров, медсестёр и врачей нашей роты, попробуем поставить палатку, всё равно она пока без дела лежит.

– Слушаюсь, товарищ командир, – ответил Красавин.

– Да-а, – задумчиво сказал Лев Давыдович, – с такой подготовкой мы чёрт знает что можем натворить! И что же это Исаченко смотрит? Как будто мужик он неглупый... А ведь наши-то «отцы-командиры» совсем того...

Алёшкин благоразумно промолчал.

Глава седьмая

К обеду из Ленинграда вернулись Перов и Тая. Они привезли целую машину больших деревянных ящиков, в которых были упакованы противоопритные пакеты для всего личного состава дивизии. Таким образом, ещё одна машина оказалась заполнена грузом, который для медсанбата был совершенно не нужен.

Встретившись, Тая рассказала Борису о том, как они мытарствовались по разным штабам и канцеляриям, пока получали этот груз, и при этом заметила:

– Если бы не Виктор Иванович, то мы вообще ничего не добились бы! Вы знаете, он такой настырный, дошёл чуть ли не до самого командира Северо-Западного фронта, товарища Ворошилова, и только тогда мы получили всё необходимое. В Ленинграде пока спокойно, хотя в магазинах, кроме шоколадных конфет, крабов и дорогих папирос, ничего нет. Всё выдаётся только по карточкам. Я сумела купить две корочки шоколадных конфет, сегодня устроим чай для врачей, конечно, прежде всего, земляков, приходите.

Помолчав немного, она добавила:

– Ну, я побегу умываться, да немного себя в порядок приведу, а то ведь спала-то я сегодня в машине, в кабине, а шофёр – в кузове. Виктор Иванович ходил ночевать к каким-то знакомым, звал и меня, да я постеснялась.

Таисия ушла к себе в палатку.

После обеда всю медроту старшина Красавин построил на небольшой полянке, куда уже была принесена свёрнутая в тяжёлый узел палатка ДПМ. Тащили её шесть санитаров и, между прочим, говорили между собой, что если за день придётся таких палаток потаскать с десятков, то и ног не потянешь.

Сангородский вышел перед строем и сказал, что сейчас начнутся практические занятия по постановке палатки ДПМ. Он спросил, кто из санитаров умеет это делать. Кроме Кузьмина, санитаря операционно-перевязочного взвода, на предложение командира выйти вперёд не вышел никто. Ему и было поручено организовать установку палатки. Кузьмин, действительно, видел ДПМ в развёрнутом виде, но о том, как её ставить, и о том, как руководить людьми, выделенными для этого, понятия не имел.

Из каждого отделения роты назначили по два санитаря, создав таким образом команду в двенадцать человек. Приступили к работе.

Свёрток палатки, собранный, видимо, ещё на фабрике, где их изготавливали, развернули сравнительно быстро. Внутри оказался целый набор кольев и шестов разной длины, несколько пучков толстых веревок, большая кувалда и четыре ящика с окнами. Кроме того, тут же лежали длинные синие байковые полотнища и большой узел белой материи. Развязав последний, увидели, что это ещё одна палатка,

только не брезентовая, а бязевая. Все решили, что она сюда попала по ошибке, и отложили её в сторону. Развернули большой, почти квадратный кусок брезента, однако на этом дело и остановилось. Что делать дальше, никто из санитаров не знал. Пришлось вмешаться врачам и фельдшерам. После некоторого раздумья были отобраны шесты, окованные железом, имевшие на одном конце стаканы, в которые входили концы других шестов, оканчивавшихся железным штырём. Когда эти шесты собрали (их получилось два), поняли, что именно на них должна держаться крыша палатки. Затем выбрали ещё два шеста, тоже соединяющиеся между собою и имеющие на противоположных концах отверстия, в которые точно входили штыри шестов, собранных ранее.

Соединив всю эту конструкцию, получили нечто вроде широкой буквы «П», и всем стало ясно, что это – основание палатки. Попытались поднять эту «П», что оказалось под силу лишь четверым санитарам, но забросить тяжёлую брезентовую палатку на высоту четырёх метров было просто невозможно. Поняли, что надо сперва на земле вдеть штыри в углы крыши палатки, где кто-то обнаружил специальные отверстия, и уже тогда всё это поднять. Сказано – сделано. Однако теперь, чтобы установить это сооружение, потребовалось уже восемь человек.

Вот, наконец, поднятая на шестах палатка повисла в неустойчивом равновесии какой-то бесформенной брезентовой стенкой и, конечно, на палатку походила ещё очень

мало. Тут уж не утерпели все и бросились помогать. В конце концов, нашли углы палатки, оттянули их в стороны, но, оказывается, нужно было залезть внутрь, чтобы вставить в эти углы специальные колья, сделали и это. Тогда поняли назначение верёвок, маленьких колышков и кувалды. Верёвки одним концом охватывали головку углового кола, другим – маленький колышек, который, натягивая её, забивался кувалдой в землю.

Вскоре четыре угла были оттянуты, и палатка – правда, косая и кривая, с провисшими стенками – всё-таки уже стояла самостоятельно. Дальше дело пошло быстрее. Оказывается, в местах соединения крыши со стенами через каждые 80–90 сантиметров находилось отверстие, в которое нужно было вставлять кол и оттягивать его верёвкой. Когда это было сделано, то палатка приняла вполне приличный вид. И тут кто-то догадался, что кусок брезента – это пол, так оно и оказалось. Когда брезент втащили внутрь и расстелили, он действительно покрыл всю площадь палатки. Однако стебли растений, находившихся внутри, поднимали этот пол буграми, и ходить по нему было трудно.

Разобрались и с байковыми полотнищами, это оказались дополнительные стены для утепления. Они укреплялись специальными завязками на боковых кольях. Тут Кузьмин вспомнил, что белый двойник палатки называется пологом, и его надо подвязать изнутри. Однако это оказалось делом нелёгким: следовало как-то забраться на самый верх

основных шестов и там подвязать полог к поперечной перекладине, затем растянуть его по внутренней поверхности палатки и закрепить на боковых кольях. Сколько ни старались, но дотянуться до верхней перекладины, даже становясь друг на друга, санитары не смогли. После этих бесплодных трудов догадались, что полог надо было привязывать до установки палатки. Раскладывать её снова для вдевания полога не стали. Вынутые из ящиков рамы со стёклами хорошо входили в специальные карманы возле отверстий в стенах палатки.

Объединёнными усилиями чуть ли не всего состава роты палатка была, в конце концов, поставлена. Ушло на это, вероятно, не менее шести часов, потому что, когда закончили, уже было совсем темно. Лев Давыдович подсчитал, что если работать такими же темпами, то для постановки всех 22 палаток медсанбата потребуется, по крайней мере, неделя. А из ранее изученных указаний все врачи знали, что на развёртывание медсанбата даётся 8–10 часов.

При постановке первой палатки присутствовал почти весь батальон, все с интересом смотрели на эту работу и обсуждали её. Но вот внезапно появился командир медсанбата, он потребовал, чтобы поставленная палатка была немедленно разобрана и упакована так же, как было до сих пор. Эту работу выполняли санитары, и как ни проста она была, провозились с ней ещё около полутора часов и закончили едва лишь к отбою.

Мы уже упоминали, что старшая операционная медсестра

Наумова участвовала в войне с белофиннами, но она работала в госпитале, размещавшемся в зданиях.

Проходил специальную подготовку на курсах усовершенствования и Алёшкин, но их обучали значению и применению этих палаток по плакатам, на которых были нарисованы уже развёрнутые палатки, и показывалось, как их надо использовать. Остальные же врачи и медсёстры медсанбата не имели представления о палатках вообще.

На следующий день решили это учение повторить, а также попробовать развернуть маленькую квадратную палатку ППМ. После долгих уговоров и при активном вмешательстве Клименко командир медсанбата наконец-таки разрешил провести это учение. На этот раз дело пошло значительно быстрее. Выделенные санитары уже знали, кому за что браться, и на развёртывание палатки ДПМ ушло не более двух часов. Маленькую же палатку ППМ поставить оказалось значительно проще. Она укреплялась на одном шесте и напоминала собой обычную лагерную палатку, с устройством которой большинство было знакомо.

В этих занятиях прошло несколько дней. Всё это время медпункт, развёрнутый в здании совхоза, продолжал работать. Отделения оперативно-перевязочного взвода дежурили по очереди. Из полков ежедневно привозили до полутора десятков человек, но это были или больные, которых осматривали и направляли для дальнейшего лечения в Ленинград терапевты из госпитальной роты, или бойцы, имевшие раз-

личные потёртости, ушибы, нарывы и т. п. С огнестрельными ранениями больше людей не поступало.

31 июля 1941 года на Карельском перешейке финские войска перешли в наступление, и командование Ленинградского фронта (теперь уже был создан и такой) решило укрепить оборону перешейка. 65-я стрелковая дивизия получила приказ грузиться в вагоны и немедленно следовать туда. Сделать это было не так-то просто: дачные станции, возле которых находились части дивизии, к погрузке войск не были приспособлены, а сосредоточить их на станции Гатчина казалось опасным, так как она подвергалась частым авианалётам. Поэтому материальную часть артиллерии, всё хозяйственное, медицинское имущество, а также и весь автотранспорт отправили в Ленинград, где на одной из товарных станций должна была проводиться погрузка.

Эшелоны для личного состава подавались в Гатчину поочерёдно. Медсанбат должен был погрузиться второго августа. В этот день все врачи, медсёстры и санитары, забрав личные вещи, отправились из совхоза в Груздево до станции Гатчина пешком порядком. Идти нужно было километров восемь. Каждому пришлось нести килограммов по 20 багажа. Кроме военного имущества, почти у всех были личные чемоданы с вещами, которые они привезли с собой. День стоял солнечный, жаркий и очень скоро многие из врачей, особенно пожилых, начали уставать. лейтенант Клименко, на которого был оставлен медсанбат (командир и комиссар уехали

на своей машине в Ленинград), считал этот переход пустяковым, он шагал себе и шагал, временами покрикивая старшинам, замыкавшим колонну:

– Не давайте растягиваться! Подравняйте отстающих! – что те добросовестно и делали.

Вскоре стало видно, что ни Башкатов, ни Сангородский, ни Крумм, ни многие другие врачи такого марша не выдержат. Прошли около четырёх километров и решили сделать привал. Как только колонна остановилась, многие пожилые санбатовцы решили избавиться от лишнего груза. Раскрыв свои чемоданы, они выбрали самое необходимое, а остальное, в том числе иногда и сами чемоданы, оставили тут же.

После привала это место представляло собой интересное зрелище: тут и там валялись раскрытые чемоданы, медицинские книги, старые ботинки, туфли, разное платье и тряпье. Как будто здесь кого-то грабили, да не совсем удачно. Но, однако, и эта разгрузка не помогла, и пожилым врачам, особенно женщинам, становилось с каждым шагом всё тяжелее. На помощь пришла молодёжь. Первым показал пример Клименко, взяв тяжёлый, туго набитый вещмешок Розалии Самойловны Крумм. Его примеру последовали и другие, в том числе и Борис. После этого продвижение пошло быстрее и около 13 часов колонна наконец-таки подошла к станции Гатчина.

Все с удовольствием расселись в тени станционного здания, а Клименко и Сангородский, как самые старшие по

должности, направились к коменданту станции. Вскоре они вернулись и сообщили, что эшелона ещё нет, придётся ждать. Не прошло и десяти минут, как вдруг загудели паровозы, где-то на крыше вокзала завывла сирена, из здания выскочил комендант, подбежал к Клименко и закричал:

– Немедленно убирайте ваших людей, к станции приближаются вражеские бомбардировщики!

– Куда же я их поведу? – озираясь вокруг, спросил Клименко.

– Вон, за забором начинается парк, бегите туда, – показал рукой через пути комендант.

А на станции началась суматоха. Немногочисленные пассажиры, ожидавшие дачного поезда, разбежались кто куда. По путям непрерывно гудящие паровозы стали растаскивать стоявшие эшелоны в стороны от вокзала. Уже потом в медсанбате стало известно, что некоторые эшелоны были загружены горючим и боеприпасами.

Всё описываемое произошло в несколько минут. За это время Клименко поднял людей, сумел их кое-как построить и, показывая на видневшийся в полукилометре парк, командовал:

– Бегом в парк!

Санбатовцы, забыв про усталость, побежали через пути, даже не думая о том, что могут попасть под составы, катившиеся в разных направлениях. Страх придавал сил и заставил ни о чём не думать, лишь бы скорее очутиться в спаситель-

ном парке. Этому способствовало также и то, что уже слышался гул летящих самолётов. Правда, впоследствии выяснилось, что это был гул поднявшихся навстречу фашистам наших истребителей, но в то время в медсанбате в этих звуках мало кто разбирался.

Когда запыхавшиеся люди уже добежали до кирпичной ограды парка, то взяли её штурмом: одни перелезали через неё, другие протискивались сквозь имевшиеся в ней проломы. В это время раздался яростный лай зениток, затем все услышали уже знакомый по московской бомбёжке свист и взрыв бомбы, упавшей где-то на путях справа, через несколько секунд новый свист и новый взрыв. Но к этому времени люди сломя голову мчались по парку, и только громкий крик Клименко:

– Сто-о-й, далеко не уходить, будем располагаться здесь, – задержал бегущих.

Тяжело дыша, все сгрудились около политрука, тот приказал рассредоточиться и разместиться небольшими группами под наиболее густыми деревьями. Алёшкин со своим оперативно-перевязочным взводом забрался в густые заросли сирени и акации, расположенные на берегу канала или, вернее, канавы шириною около двух метров, наполненной какой-то коричневой водой. С удовольствием сбросив тяжёлый вещмешок, скатку, потрёпанный чемоданчик, он растянулся на бархатистой зелёной траве, росшей на берегу.

В стороне станции прогремело ещё несколько взрывов,

затем всё стихло. Как потом выяснилось, это был немецкий бомбардировщик, отогнанный нашими истребителями от основной группы, летевшей на бомбёжку Ленинграда, и вынужденный сбросить свой груз, где придётся. Зенитный огонь заставил его обратиться и от Гатчины. Бомбёжка повредила в разных местах станционные пути да один пустой пакгауз. Среди людей потерь не было, не было и пострадавших в медсанбате. Всё это узнали часа через два после размещения в гатчинском парке от старшины Красавина, посланного лейтенантом Клименко на разведку к коменданту станции.

Красавин сообщил и то, что, по словам коменданта, вагонов для погрузки людей до вечера не будет, и потому можно отдохнуть. Он добавил, что комендант ругается за мусор на станции. И тут выяснилось, что во время недолгого привала около здания гатчинского вокзала некоторые врачи и медсёстры произвели повторную чистку личных вещей, вновь побросав там, где сидели, значительное количество лишнего. Некоторым эти вещи, может быть, были и дороги, и даже нужны, однако никто за ними возвращаться и не подумал.

Борис лежал на мягкой траве с закрытыми глазами и вдруг почувствовал, что кто-то к нему подошёл. Он повернулся на звук шагов и увидел, что это Тая Скворец.

– Садитесь, – сказал он. – Здесь так хорошо и тихо.

Женщина села недалеко от Бориса и стала шевелить прутиком прошлогодние листья. Перов уехал в Ленинград на машине, нагруженной химпакетами, а её оставил за старшую

во взводе. На самом деле никто Таю старшей не считал, да она и не сумела бы с этим справиться. Она была рада, что как-то неволью командование взводом взял на себя старшина сверхсрочной службы Емельянов, зачисленный на должность помкомвзвода. Это был сухопарый, жилистый, сильный человек, со светлыми волосами и выгоревшими бровями. Он понимал, как тяжело Таисии Никифоровне, единственной женщине во взводе, и заботился о ней. Посмотрев на Таю, Борис заметил её задумчивость и какое-то испуганное выражение лица. Он приподнялся на локте, и повернувшись к ней, спросил:

– Тая, вы что? Что-нибудь случилось?

Она ничего не ответила, а, закрыв лицо руками, вдруг расплакалась. Борис привстал, удивленно посмотрел на неё и снова спросил:

– Да, что случилось-то? Не плачь, – неволью перешел он на «ты». – Расскажи, что-нибудь потеряла?

Тая помотала отрицательно головой и ещё сильнее заплакала. Прошло несколько минут, пока она, наконец, немного успокоилась и смогла довольно сбивчиво рассказать, в чём дело. Оказывается, ещё с Нальчика Перов не переставал проявлять к ней повышенное внимание, а теперь, когда ему удалось пополнить свои запасы спиртного, его «ухаживания» стали более настойчивыми, и в последний день пребывания в совхозе Груздево он ночью даже залез к Тае в палатку. Ей пришлось убежать и, коротая ночь, сидеть рядом с дневаль-

ным. Тая боялась, что, как только они опять окажутся в лесу, домогания Перова станут ещё более нахальными и решительными. Особенно обидело и оскорбило её то, что в ответ на её возмущения действиями Виктора Ивановича он бросил ей такую фразу:

– А кто за тебя хлопотал? Благодаря кому ты в медсанбате осталась? Ты что думаешь, это так делается, даром?

Услыхав это, Борис возмущился до глубины души, он совсем не ожидал такой низости Перова. «Очевидно, тут сыграла роль водка», – подумал он, но Тае пока ничего не сказал.

Второй причиной расстройства этой женщины было то, что она совершенно ничего не понимала в химзащите, а ведь её назначили командиром этого отделения, и ей предстояло им руководить. Те скудные знания, которые по этой теме год назад она получила в институте, были настолько малы, что о них даже и говорить не стоило.

– Вот, Борис Яковлевич, вы единственный в медсанбате, кого я знаю уже много лет, поэтому я и решила всё вам выложить. Просто не представляю, как буду служить дальше!

– Ну, не плачь, что-нибудь придумаем, – успокаивал её Борис.

Он погладил Таю по голове, которую она положила ему на грудь, и поцеловал в лоб.

Собственно, пока ему в голову ничего не приходило. Алёшкин злился на Перова, готов был избить его, но выхода

из создавшегося положения не видел.

В это время к ним подошёл командир медроты Сангородский. Увидев заплаканное лицо Таи, он повернулся к Борису:

– Вы что, товарищ Алёшкин, обидели свою однокурсницу? В чём дело?

И Борис решился. Ему показалось, что это единственный человек, которому стоило бы рассказать о переживаниях Таи.

– Лев Давыдович, понимаете, Таисию Никифоровну...

В этот момент Тая дотронулась до рукава Алёшкина:

– Борис Яковлевич, пожалуйста, не надо!

– Нет уж, теперь я всё расскажу, надо с этим покончить.

Так вот, Виктор Иванович Перов ведёт себя по отношению к Тае недопустимо. Мало того, что он нахально пристаёт к ней, так ещё и угрожает. Она не знает, что делать, хочет пожаловаться командиру медсанбата, да ведь его не поймаешь.

Сангородский усмехнулся:

– Да, он у нас неуловим, да и толку мало будет, они с Перовым, кажется, хорошо спились, то есть, простите, я хотел сказать, спелись. Тут надо что-то другое придумать. Давайте сделаем так. Вы пока, Таисия Никифоровна, переселяйтесь к моим женщинам-врачам, будете жить все вместе, там уж Перов вас не достанет. В отношении работы я посоветуюсь с политруком Клименко, а пока успокойтесь, слёз ещё много пролить придётся, поберегите их.

Пожалуй, это был самый разумный совет, и Тая ему под-

чинилась. Лев Давыдович приподнялся и собрался уходить, затем нерешительно посмотрел на молодых людей и, видимо, собравшись с духом, вдруг сказал:

– А знаете что, ведь мы ваш секрет разгадали!

– Какой секрет? – недоумевающе спросил Борис.

– Да ладно, чего уж там, признавайтесь! Ведь уже многим известно, что вы муж и жена!

– Что-о-о? – одновременно воскликнули Борис и Тая, глядя на Сангородского удивлёнными и даже возмущёнными глазами. От такого заявления они поначалу даже не в состоянии были произнести что-либо ещё.

Первым опомнился Борис:

– Лев Давыдович, расскажите, пожалуйста, кто же распространяет про нас такие слухи? Откуда они взялись? Ведь мы оба семейные люди: у меня жена и трое дочерей, у Таи муж. Мы с ней действительно учились в одном институте и на одном курсе, действительно знаем друг друга уже больше пяти лет, но это не даёт повода к грязным сплетням. Мы общаемся больше, чем с другими в медсанбате, и это естественно. Кому же понадобилось так чернить наши отношения? – он смущённо умолк.

Тогда вмешалась Тая:

– Я знаю, кто начал распускать эти слухи! Это всё Виктор Иванович Перов, он готов меня всячески оговорить, вот и выдумывает разные гадости. Я только что рассказывала Боре, как он ко мне в палатку по ночам врывается, и каких тру-

дов мне стоит от него отделаться. Кому я ещё могу здесь пожаловаться?

Лев Давыдович достал из коробочки леденец, сунул его в рот (перед войной он бросил курить, и одним из средств, заменявших папиросы, у него были леденцы) и задумчиво произнёс:

– Да-а, как же вам помочь? Надо вас от Перова вытаскивать. Давайте-ка используем его сплетню во спасение. Я думаю, что смогу уговорить Клименко, доказав ему, что муж и жена должны работать вместе, в одном подразделении, а вы пока помалкивайте. Пусть себе болтают, что хотят, вас ведь от этого не убудет...

Ошеломлённые таким предложением, Борис и Тая не смогли ни возразить, ни придумать что-либо другое, и поэтому промолчали. Сангородский повернулся и, опустив голову, пошёл куда-то в глубину парка.

После его ухода двое ещё несколько минут молчали, Борис сосредоточенно курил, а Тая водила веточкой, которую она держала в руке, по воде канавы, находившейся у их ног. Наконец, она улыбнулась и тихо, задумчиво произнесла:

– И как же это можно было придумать такую глупость, что мы с тобою муж и жена? Я уже дважды была замужем, знаю, какие мужья бывают... Нет, Боренька, ты не муж, ты не можешь быть моим мужем, да я и не хочу этого. Я нравится быть с тобой, ближе к тебе, а как тебя называть, даже не знаю. Приятель? Друг? Нет, ты для меня что-то совсем другое. Я

хочу быть с тобою рядом, помогать тебе во всём, я даже могу быть полностью твоей, – сказала она, покраснев, – но вовсе не хочу, чтобы ты был моим мужем. Вот, тут и разберись...

Борис молчал, продолжал курить и думать о сложившейся обстановке. Тая ему нравилась, он хотел бы, чтобы она принадлежала ему как женщина, но совсем не хотел, чтобы она стала его женой. Он знал, что никогда не сможет оставить свою Катеринку и детей, но как же быть с Таей?

– Послушай, – наконец сказал он, – я никак не пойму, что с нами происходит, почему мне приятно быть с тобой, почему, наконец, ты не рассердилась, когда я тебя поцеловал, ведь мы всё-таки мало знаем друг друга. А что будет дальше?

Молодая женщина взяла его руками за голову и крепко поцеловала в губы:

– Эх, ты! Видно, все мужчины одинаково близоруки. Ведь здесь, кроме тебя, я никого не знаю. Ты для меня сейчас самый близкий, самый знакомый, и... – тут она немного помолчала, затем решительно закончила – и самый дорогой человек! Пойми, Боренька, ведь это ты нас не замечал в институте, вокруг тебя всегда вились девушки и женщины твоей группы: Дементьева, Кравченко, Мальцева и другие. Наверно, потому, что ты лучше всех учился, ты нравился многим. Может быть, и потому, что ты охотно делился своими знаниями со всеми, всегда был весел и общителен. И несмотря на то, что все знали, что ты отец многочисленного семейства, девчата нашего курса были немного влюблены в тебя, я не

составляла исключения, все мы завидовали твоей жене! И вот сейчас, совершенно неожиданно, война свела нас вместе. Мало того, что мы рядом, ты ещё оберегаешь меня от этого противного, слюнявого, почти всегда полупьяного Виктора Ивановича! Мне иногда кажется, то, что мы оказались здесь вместе, – это сама судьба, и мы не можем, не должны ей противиться!

Тая снова придвинулась к Борису и положила ему свою голову на плечо. Тот, машинально обняв её, как-то неуверенно проговорил:

– Всё это так, Тая. Ты мне тоже нравишься больше всех остальных женщин медсанбата. Мне приятно сидеть с тобой рядом, чувствовать твоё прикосновение, получать разные мелкие услуги, которые ты мне стала оказывать. Мне приятно говорить с тобой, вспоминать наши студенческие годы... Всё это так, но ведь я женат, у меня трое детей, и я прямо тебе скажу, что полюбить тебя так, как я люблю свою Катеринку, не смогу. Как же быть?

– А никак! – беспечно ответила Тая. – Сейчас я тебе расскажу коротко про свою жизнь, ты меня поймёшь и не осудишь. За первого мужа меня выдали, когда мне едва исполнилось 18 лет. Он был вдвое старше и болел туберкулёзом. Не знаю, любил ли он меня, но я к нему чувствовала только жалость. Это был добрый человек, и через два года нашей жизни пустил меня учиться в мединститут. Когда он, простудившись, неожиданно умер, то это, хотя и ошеломи-

ло меня, но особого горя я не почувствовала. Больше того, хотя, может быть, это и стыдно, и нехорошо, но я должна признаться тебе первому: после его смерти я почувствовала даже некоторое облегчение. Я перешла тогда на четвёртый курс, и уход за постоянно больным, да ещё и начавшим капризничать пожилым человеком тяготил меня, мешал моим занятиям. Став свободной, я стала учиться гораздо лучше. Меня направили в Нальчик и оставили в Наркомздраве Кабардино-Балкарии в отделе охраны материнства и младенчества инспектором. Мне хотелось настоящей, живой медицинской работы, общения с больными, а вместо этого пришлось копаться в бумажках. Я просилась на участок – безрезультатно. Говорили, что я приглянулась самому наркому – кабардинцу, а ты ведь знаешь, как они смотрят на женщин одиноких. Нужно было как-то избавиться от него, и когда один из инспекторов, человек моих лет, сделал мне предложение, я его приняла. Могу сказать честно, я до сих пор не знаю, любила ли я его, но жили мы дружно, и я искренне плакала, когда на второй день войны его призвали в армию. Он был назначен старшим врачом какого-то полка, формировались их части в посёлке Прохладном. В первых числах июля муж приезжал в гости. Где он сейчас, я не знаю, пока мы ни с кем переписки не имеем. Ты знаешь, я не могу себя понять, но сейчас он мне как-то совершенно безразличен...

– Подожди, подожди! – прервал её Борис. – Но я-то свою жену люблю, и детей тоже, и несмотря ни на что, их любить

не перестану. Повторяю, ты мне нравишься, но их я люблю сильнее!

Тая слегка нахмурила бровки, упрямо тряхнула головой так, что её каштановые вьющиеся кудри рассыпались по плечам и твёрдо сказала:

– Ну и люби, пожалуйста! Я ведь не требую от тебя, чтобы ты их всех не любил, люби! Но здесь-то, сейчас, будь моим защитником, будь хоть временно моим! Достаточно того, что тебе не противна и что я тебя люблю!

* * *

События начали развиваться в этот же вечер. Часов около девяти от военного коменданта прибежал связной с сообщением, что в их распоряжение выделено два классных вагона, которые уже прицеплены к дачному поезду, отправляющемуся в Ленинград в 21:30, и им надо торопиться с погрузкой. По команде Клименко все стали собираться, но сделать это быстро не получилось. Дело в том, что с момента призыва, а прошло уже около месяца, никто из личного состава медсанбата не мылся в бане. В Софрине помыться было негде, развернуть полевую установку командир санбата не разрешил, поэтому людям приходилось кое-как около колодца мыть холодной водой то ноги, то голову, а там всегда была толчея и очередь, и, конечно, никакого путного мытья не получалось. В совхозе вообще не было воды, кроме маленькой колонки,

и только здесь, в парке, люди батальона оказались на берегах довольно значительных водоёмов: каналов, канав и маленьких прудов. Правда, вода в них была какая-то странная, как будто кофе без молока, как сказала доктор Крумм. Выяснилось, что цвет был таким от растворённого в воде торфа. Между прочим, впоследствии в течение нескольких лет только такой водой медсанбат и пользовался, она была достаточно чистой. Поэтому, попав в парк, все, не сговариваясь, полезли в воду. Женщины абонировали один из прудов и там после купания устроили грандиозную стирку.

Команда о погрузке застала медсанбатовцев врасплох. Много белья сушилось на ветках деревьев. Все были разуты, а многие и раздеты. Однако приказ есть приказ. Подгоняемые окриками старшин, командирами взводов и Клименко, люди поспешно оделись (кое-кто, в том числе и Борис, оказались в мокрой одежде), затолкали невысохшее бельё в вещевые мешки, некоторые в очередной раз избавились от лишнего груза, оставив часть своих гражданских вещей на ветках кустов и деревьев.

Так или иначе, к назначенному времени медсанбат был в вагонах, и, заняв все три яруса полка, включая багажную, разместился сравнительно удобно.

Устав за день, вся молодёжь, улёгшись на этих жёстких полках, заснула крепким сном, как только тронулся поезд. Они не слышали, как на Ленинградской окружной дороге ночью их вагоны отцепили, перегнали на другой вокзал, при-

цепили к ним теплушки с имуществом и платформы с автомашинами, в которых так и остались ночевать те, кто в них ехал, и как этот первый эшелон с большой скоростью помчался на север по Карельскому перешейку к новой финской границе в район города Кексгольма, догоняя отправившиеся ранее части дивизии.

Глава восьмая

Утром, проснувшись, все увидели, что поезд стоит на какой-то маленькой станции с нерусским названием. Народа на станции, кроме красноармейцев и командиров, не было. Невдалеке чернел густой лес. Первое время никто не мог сообразить, где находится эшелон, но вскоре всё выяснилось.

Вошедший в вагон политрук Клименко объяснил, что медсанбат остановился на станции Ники Лаhti, километрах в 15 от Кексгольма, что части дивизии занимают в этом районе оборонительную позицию, им приказано разгрузиться и своим ходом продвинуться по дороге, идущей метрах в трёхстах от железнодорожной линии, ближе к расположению частей дивизии. Дорогой будет получено от начсандива распоряжение о месте развёртывания и порядке приёма и эвакуации раненых, пока же все должны были быстро собраться. Автомашины уже съехали с платформы и стояли на дороге. Всем приказали забраться в кузова грузовиков, и только женщинам-врачам и пожилым мужчинам разрешалось сесть в кабины и внутрь санитарных машин, где было место. Вот, примерно так объяснил создавшееся положение политрук Клименко, сославшись на приказ, полученный от начсандива Исаченко.

Медсанбатовцы засуетились и, кое-как собрав свои пожитки, выскочили на перрон, где прохаживались командир

и комиссар медсанбата. Они подозвали к себе командиров рот и взводов и, дав им какое-то распоряжение, направились к своей машине, сели в неё и поехали по дороге, обогнув колонну санбата, уже вытягивавшуюся вдоль обочины.

Оказывается, поезд стоял на станции уже около двух часов, и пока врачи, медсёстры и прибывшие с ними санитары просыпались, слушали приказы и выгружались из вагона, остальные, ехавшие вместе с автомашинами и вещевым имуществом, уже под руководством начхоза Прохорова и начмедснабжения Пальченко грузили всё по машинам.

Погрузка уже заканчивалась. В стороне дымились походные кухни, прицепленные к автомашинам. Увидев их, Лев Давыдович Сангородский сказал:

– Ну, теперь порядок! Кухни с нами – значит, воевать можно!

Все засмеялись, но отнеслись к его словам с пониманием. Съев сухой паёк ещё прошлым днём, люди порядочно проголодались и не прочь были бы позавтракать. По-видимому, надеяться на это не стоило.

Старшина роты Красавин скомандовал построиться, то же сделали и другие командиры. Через несколько минут все подразделения медсанбата тронулись к машинам и приступили к погрузке личного состава.

Для многих такая поездка была совершенно необычной. В санитарные машины, загруженные, главным образом, медицинским имуществом, поместилось очень мало народа, туда

удалось сесть только женщинам-врачам и трём мужчинам, самым пожилым. В кабины грузовых машин, высадив оттуда вторых шофёров, посадили ещё некоторых женщин-врачей и медсестёр старшего возраста, всем же остальным пришлось забираться в кузова. Если бы автомашины не имели груза, то с этим бы все легко справились, но дело обстояло не так. Грузовики были загружены палатками, носилками, постельным бельём, одеждой, продовольствием, запасами горючего и медицинским имуществом. Таким образом, на каждой машине возвышался большой ворох груза, иногда высотой в 2–3 метра от дна кузова. Всем пассажирам необходимо было забраться на самый верх и ехать там, а это, как вскоре все убедились, оказалось довольно трудно. Во-первых, даже карабканье наверх потребовало больших усилий от мужчин, а уж про женщин и девушек и говорить нечего. Во-вторых, усидеть на таком возе во время движения машины было тоже непросто. Погрузка, а затем и поездка, сопровождались криками, визгом и, как, может быть, ни покажется парадоксальным, – иногда весёлым смехом. Вот тут-то женский персонал, ворчавший ранее на то, что им не выдали юбок, оценили достоинства солдатских штанов: женщины могли забираться на эти горы имущества и сидеть на них в любой позе без всякого стеснения. На одну из машин взгромоздился и Борис со своим отделением.

Погрузка заняла более получаса. Около десяти утра колонна, наконец, тронулась в путь. Объявили, что завтрак бу-

дет в пути, во время привала. Километров восемь колонна ехала по шоссе, затем у развилки, где остановилась машина командира медсанбата, повернула на просёлочную дорогу, отходившую почти перпендикулярно, с небольшим уклоном к северу. Пока ехали по шоссе, сидеть, даже на самом верху, было ещё сносно, но как только свернули на просёлочок, то началась такая тряска, что удержаться наверху удавалось, только судорожно цепляясь за верёвки, которыми был закреплён груз. Медсёстры, сидевшие наверху, при каждом толчке издавали визг и крики. Была и другая опасность: дорога проходила по узкой просеке, и деревья своими ветвями во время движения машин нанесли немало царапин и синяков ехавшим наверху.

Но всё кончается, кончился и этот путь. Колонна выехала на опушку леса у большой поляны. Командир медсанбата разрешил остановиться. От начсандива пока никаких распоряжений не поступало. Комбат приказал все машины поставить под деревья, а людям оставаться возле них – завтракать и отдыхать.

После остановки и осмотра местности, кто-то обнаружил, что шагах в двухстах от этого места был удобный бугорок, рядом с которым протекал ручей. Бугорок окружали заросли молодого ельника. Сангородский получил разрешение разместить здесь свою роту. Достали пол от палатки ДПМ, от той самой, над постановкой которой трудились в Груздево, и который старшина Красавин то ли умышленно, то ли по

небрежности забыл завернуть вместе со всей палаткой и погрузил отдельно. Теперь этот пол использовали. Натянув его на несколько вбитых в землю кольев из свежесрубленных ёлок, получили довольно большой навес, под которым настелили лапник, закрыли его плащ-палатками и таким образом приготовили место для ночлега всей роты. Надо сказать, что Тая, пользуясь разрешением Сангородского, устроилась там же. Остальные подразделения батальона построили себе шалаши наподобие софринских и разместились в различных местах поляны.

* * *

Наконец-то удалось позавтракать. Пожилые врачи с удовольствием растянулись на приготовленном ложе, а молодёжь разбрелась по лесу. Вокруг обнаружили огромное количество самых разнообразных ягод – малины, голубики и ежевики. Было приказано не отходить от машин дальше, чем на 200–300 метров, но кто их там измерит, эти метры? Тем более что командир и комиссар санбата, отдав распоряжение машины не разгружать и ждать дальнейших приказаний начсандива, вновь забрались в свою «санитарку», позавтракали и, сопроводив закуску очередным возлиянием, улеглись спать, раскрыв для проветривания дверцы машины и высунив в них свои довольно-таки грязные ноги. Ни один из них не осмотрел место нахождения батальона, как разместились

люди, всем этим занимался политрук Клименко, заменяя собой всё командование батальона.

Позавтракав и избавившись от своих мешков и чемоданов, брошенных в машинах, а частично оставленных под навесом, группа врачей и сестёр углубилась в лес, вместе с ними ушёл и Борис. Все с наслаждением лакомились крупными ароматными ягодами. Увлёкшись, они отошли от расположения колонны машин медсанбата, вероятно, более чем на километр. Вдруг все услышали какой-то нарастающий гул. Вначале подумали, что это гром, но небо было ясное, светило яркое солнце, кругом трещали кузнечики, на деревьях щебетали и пищали на разные голоса лесные пичужки. Где-то потрескивали сухие ветки, видно, под ногами другой такой же группы. Как-то не похоже было на войну, скорее, это напоминало какой-то пикник или прогулку весёлой компании молодых людей. То там, то здесь слышались шутки и смех. Однако на севере продолжал усиливаться не совсем понятный гул, иногда он прерывался отдельными редкими ударами. В конце концов сообразили, что это совсем не гром, а орудийная канонада. Как только догадались об этом, как-то всё вокруг потускнело, голоса замолкли, и Алёшкин сказал:

– Товарищи, а ведь мы далеко забрели. Вдруг там приказ пришёл развернуться, нас уже ждут, пошли обратно.

Все быстро зашагали к машинам. Минут через двадцать они вышли на поляну, где стояла машина комбата, осторожно обогнули её и приблизились к своему навесу. Лев Давы-

дович, Розалия Самойловна, Симоняк и ещё несколько человек, отдохавших под навесом, с благодарностью приняли полные ягод кружки, которые для них насобирали пришедшие. Выяснилось, что пока никаких распоряжений от начсандива не поступало, обед на кухне почти готов, можно отдыхать.

После обеда все разлеглись под навесом или просто под деревьями и, нежась в лучах ещё тёплого августовского солнца, дремали, прислушиваясь к продолжавшей раздаваться где-то на севере, то немного ослабевавшей, то усиливавшейся канонаде.

Около семи часов вечера, когда заходящее солнце золотило верхушки сосен, а под деревьями уже стало темновато, вдруг неожиданно где-то впереди послышался шум идущих автомашин и их гудки. Почти сейчас же на поляну с противоположной её стороны выскочили и остановились три полуторки. Из кабины одной из них выпрыгнул какой-то капитан, весь запыхлённый, в порванной гимнастёрке, местами запачканной кровью.

– Где медсанбат? Здесь, что ли? Принимай раненых! Эй, товарищи, выгружайтесь, – скомандовал он, увидев колонну санитарных машин.

Вслед за этой командой из кабин и кузовов машин стали вылезать бойцы с забинтованными головами и руками.

При появлении машин дремавшие под навесами и деревьями санбатовцы повскакивали и бросились к подъезжав-

шим автомобилям. Увидев вылезавших из машин измождённых, грязных, окровавленных людей, все как бы остолбенели. Но капитан, видимо, ещё находившийся в состоянии возбуждения от пережитого боя, продолжал кричать:

– Да какого чёрта вы стоите? Разгружайте быстрее машину, там внизу лежачие! Быстрее, быстрее! – закричал он ещё яростнее направившимся к машинам санитарам. – Насилу вас нашли, два часа искали! Ишь, куда запрятались, вы бы ещё под самый Ленинград стали. Сейчас я дорогу укажу, и к вам повезут раненых, их там видимо-невидимо!

Вместе с другими к машине побежали Сангородский и Алёшкин, их глазам предстала жуткая картина. На дне кузовов без носилок, без какой-либо смягчающей подстилки, прямо на плащ-палатках и шинелях, брошенных кое-как, лежали раненые красноармейцы. Ранения у некоторых были очень тяжёлыми, а кое-кто даже не был перевязан. В медсанбате ни носилок, ни палаток не приготовили, поэтому пришлось санитарам выгружать лежачих раненых на руках и укладывать их прямо на мох по краю поляны.

Сангородский и Клименко бросились к командиру санбата, однако, тот, будучи уже снова в состоянии порядочного подпития, категорически запретил развёртывать медсанбат и лишь после долгих споров позволил поставить две палатки – ДПМ и ППМ.

Пока Борис руководил выгрузкой раненых и давал распоряжения сёстрам своего отделения о наложении первичных

повязок на открытые раны, ходячие раненые, которых было человек сорок, разбрелись по всему лагерю и разместились где попало. Кто-то уселся или улёгся под навесом, кто-то забрался под машины. К счастью, в одной из кухонь оставался кипяток, врачи Крумм, Прокофьева и другие с помощью палатных сестёр госпитальной роты организовали для раненых горячий чай. Кладовщик по приказанию Прохорова стал раздавать прибывшим хлеб, начальник медснабжения Пальченко притащил огромный мешок перевязочных пакетов и бросил его на землю около навеса, теперь было чем перевязывать раны.

С выгрузкой справились за 15 минут. Капитан, наскоро хлебнув горячего чая, повторил, что торопится на станцию, где находятся снаряды, и что теперь всех раненых он будет посылать сюда.

Между тем Сангородский, Алёшкин, Дурков и другие врачи, получив разрешение и собрав санитаров, приступили к установке палаток ДПМ и ППМ. Первую установили на самом краю поляны, а вторую – в глубине. Опыт, приобретённый в Груздеве, пригодился, и теперь, подгоняемые обстановкой, палатки сумели развернуть за каких-нибудь полчаса.

Решили, что в большой палатке поставят четыре стола, в маленькой – два, и все врачи операционно-перевязочного взвода встанут за них. Вскоре в каждой из палаток развернули соответствующие укладки на земле, в траве и во мху. Полы, конечно, так и не положили, также не привязали

ни утепления, ни полога. Расставили носилочные операционные столы, состоявшие из двух козел – ножек, скреплённых складной перекладной, с выемками для ручек носилок. Раненого можно было не переключивать, а обрабатывать на тех носилках, на которых он был доставлен, это было удобно. Неудобство же этих столов заключалось в том, что носилки провисали, и повернуть раненого на них было трудно.

Пока шла установка палаток старшая операционная сестра Наумова и другие операционные сёстры времени не теряли. Забрав санитаря Аристархова, сложившего из крупных камней на берегу ручья несколько очажков, они простерилизовали большое количество инструментов, и уже через час после прибытия раненых Борис, Дурков, Крумм и Скворец встали в большой палатке к операционным столам. В то же время доктора Симоняк и Криворучко заняли место в маленькой палатке, где предполагалось обрабатывать легко раненых.

Виктор Иванович Перов, узнав от помкомвзвода, что его подчинённая, врач Скворец, по распоряжению Сангородского переведена в медроту и, забрав свои вещи, переселилась к врачам медроты, страшно возмутился. И не только потому, что лопнули все его планы относительно Таи как женщины, но и потому, что теперь, вольно или невольно, на него, как на командира взвода, ложилась вся ответственность за химзащиту и за правильное и своевременное распределение тех средств, которые он получил в Ленинграде. Если Скворец

хоть что-то знала о проведении противохимической защиты, так как училась этому совсем недавно, то он, учившийся лет семь тому назад, да и в совершенно другом объёме, теперь всё забыл и чувствовал себя в этом деле беспомощным.

Перов сразу же заготовил рапорт на имя командира медсанбата с жалобой на самоуправство Сангородского и с просьбой вернуть врача Скворец в его взвод, но передать этот рапорт не успел, так как начались описываемые нами события. Теперь же, когда Тая находилась в операционной, хлопотать об этом было неуместно, и Виктор Иванович спрятал свой злобный рапорт в карман.

Кстати сказать, сделать это его побудила и другая причина: он совсем забыл хирургию да, кроме того, не выносил ни вида, ни запаха крови. И понимая, что сейчас для медроты каждый врач на вес золота, потребовав возвращения Скворец, он может поставить себя под удар. Ему предложат самому пойти в перевязочную или в операционную, а он этого и не хотел, и боялся.

Проглотив неприятную пилюлю, решив отыгаться в будущем, Перов примостился около своих машин, загруженных имуществом и, оставив около себя несколько санитаров (большую часть забрал Сангородский в помощь медроту), сидел тише воды ниже травы.

Уже совсем стемнело, а командир медсанбата снять с машины и установить движок с динамо не разрешил, приказав обрабатывать раненых при свете фонарей «летучая мышь».

Те, кто знает силу этих источников света, прекрасно представляет себе, как трудно пришлось работать в эти первые боевые часы и дни врачам медроты.

В операционной хирургии распределились так: доктор Крумм со своей помощницей (толстенькой, как пышная булочка, прибывшей из Ленинграда, только что окончившей институт женщиной-врачом, которую все звали просто Ася) и вместе со своим отделением работала за одним столом; за другим, рядом с помощником (терапевтом из поликлиники города Нальчика), работал доктор Дурков, с ним было его отделение; на долю Алёшкина досталось два стола, на которых он и работал с Таей, Катей Шуйской и другими членами своего отделения.

Один из первых раненых, которого обрабатывал Борис, был дико кричавший и стонавший боец в разорванных, залитых кровью штанах. Когда его уложили на стол, стянули с него сапоги и разрезали штаны, то увидели страшную картину: огромный осколок артиллерийского снаряда разорвал раненому пополам правую ягодицу, почти оторвал часть мошонки и глубоко застрял в мышцах левой ягодицы. После обработки раны и наложения швов выяснилось, что справа кости таза и бедра целы, нет повреждения и крупных сосудов, но что делается с левой ягодицей, определить было невозможно, видно было только, что повреждено много мышц. Для того, чтобы выяснить это, надо было удалить осколок, край которого торчал из раны. После рассечения

кожи над выступавшим концом осколка, его удалось извлечь. Как потом выяснилось, он весил более 500 грамм и имел неправильную форму с острыми угловатыми краями. Как только его вынули, из раны хлынула кровь, но больной сразу перестал кричать и сказал, что боль прекратилась. Разумеется, операция проходила под местным обезболиванием. Очевидно, осколок одним из своих углов давил на седалищный нерв, чем и причинял невыносимые страдания раненому. Кровила большая ягодичная артерия, которую Борис немедленно зажал, а после и перевязал, сделать это было нелегко.

Как только Алёшкин закончил с раненым, его позвала Розалия Самойловна и, показав ему лежащего на столе красноармейца с обширным разможением костей и мышц правого предплечья, со слезами сказала, что, по её мнению, тут нужна ампутация, а она это делать не в состоянии. Мы ведь знаем, что доктор Крумм до войны заведовала отделением детской больницы, и её основными оперативными вмешательствами были аппендициты и грыжи.

Борис успокоил женщину, пообещав, что всё необходимое сделает сам, а её попросил заняться следующим раненым, которого уже вносили и укладывали на освободившийся стол. Прооперированных красноармейцев, тщательно забинтованных, укладывали на носилках около палатки на землю под деревьями. Над их головами сделали навес из палаточного утеплителя.

Таисия Никифоровна успешно справилась с первым ране-

ным, у которого потребовалось только рассечь входное отверстие пули и удалить повреждённые мышцы и кожу. Второй раненый заставил её задуматься. Напомним, что она никогда не работала хирургом, в Нальчике Тая была инспектором отдела охраны материнства и младенчества, поэтому здесь ей пришлось пользоваться теми знаниями, которые ещё остались от института.

Борис подошел к её столу и увидел, что раненый нуждается в самой срочной помощи: у него было проникающее ранение грудной клетки и пневмоторакс. При каждом вдохе раздавался хлюпающий звук, какой бывает при качании водяного насоса, а в ране, расположенной около угла правой лопатки, появлялись пузырьки розовой пены. Алёшкин взялся за дело. Обезболив края раны, он толстым шёлком наложил несколько швов и туго затянул мышцы и кожу. Хлюпанье прекратилось, боец вздохнул свободно. Взглянув на Раю, поддерживающую раненого, Борис сказал:

– Забинтуй, как можно туже.

Повернувшись к Тае, успокоил её:

– Ну, кажется, всё в порядке. Не волнуйся, осмотри внимательно входное отверстие и, если из него тоже выходит воздух, зашей его; если нет, закрой тампоном, – и Борис отошёл, чтобы делать ампутацию.

Перед ним на столе лежал парень лет 20, с курносым носом и толстыми, немного припухшими губами. Конечно, он не понимал медицинского языка, но сознавал, что с его ру-

кой не всё в порядке. Увидев подходившего к нему мужчину-врача вместо пожилой женщины, которая так ласково и внимательно с ним разговаривала, он подумал, что дело плохо. Ему ввели много морфия, поэтому особой боли он не чувствовал, но и сознание его немного затемнилось, однако боец обратился к врачу:

– Доктор, вы мне руку-то оставьте! Она ведь правая, как я без неё буду?

Как ни тяжело было Борису, но он решил сказать правду:

– Знаешь что, браток, рука твоя вдребезги разбита, сделать с ней ничего невозможно. Оставить её – так начнётся гангрена, тогда отнимать выше придётся. Ты не переживай, постараюсь сделать тебе, чтобы не было больно, лежи спокойненько, – и Борис приступил к операции. Она окончилась благополучно.

Переходя к следующему раненому, Борис невольно подумал: «Как всё-таки удачно и хорошо, что я смог поучиться на этих курсах. Тому, что я делал сейчас, в Москве мне пришлось учиться на трупах. А если бы я не учился и был таким же беспомощным, как и мои соседи? Плохо бы пришлось...» Как-то само собой получилось так, что с этих пор Алёшкин стал как бы руководителем всех врачей, работавших здесь.

Всю ночь шла самая интенсивная работа в обеих палатках, и примерно к шести часам утра обработка первой партии раненых подошла к концу. Однако все раненые продолжали лежать и сидеть под деревьями и примитивными наве-

сами, эвакуации не было. Никто не знал, куда и на чём нужно раненых вывозить.

Сангородский волей-неволей включился в другую работу. Руководить врачами-хирургами ему не приходилось, да он, видимо, и не считал себя достаточно компетентным для этого. Он взял на себя установление очерёдности направления раненых в ту или иную палатку, то есть стал производить сортировку, и это сразу принесло пользу, особенно доктору Симоняку. Легкораненые, поступавшие к нему, хотели все попасть первыми. У входа в палатку образовалась шумная толпа, отвлекавшая от работы. После вмешательства Сангородского там установился нужный порядок.

Почти все первые прибывшие раненые не имели карточек передового района (документ военно-медицинского учёта, подтверждающий факт ранения или заболевания. Прим. ред.), никто из них не побывал в полковых медпунктах. Как потом выяснилось, дивизия вступила в бой, чтобы задержать наступающих финнов, даже не развернувшись как следует. Не развернулись и полковые медпункты. В этот момент начсандив был занят тем, что приводил в порядок медслужбы пехотных полков. В бою их врачи были в первый раз и, естественно, растерялись. Медсанбату пришлось на всех поступивших раненых заполнять и карточки передового района, что отнимало много времени.

Заканчивая обработку последнего раненого, Борис, как и другие врачи, надеялся, что теперь, после бессонной ночи,

все они отдохнут, поедят и поспят. Выйти из палаток, где они работали до утра, не было возможности, но предполагалось, что медсанбат уже развёрнут полностью и, очевидно, работает. Выйдя утром из своих тёмных, пропахших керосином, покрытых копотью от «летучих мышей» и забрызганных кровью палаток на свет, каково же было их удивление, когда оказалось, что все грузы по-прежнему лежат на машинах, а большая часть госпитальной роты мирно поживает около них.

Долго удивляться им не пришлось. Не успел Алёшкин выкурить папиросу, как на поляну въехало на этот раз уже четыре машины. К ним устремились санитары-носильщики, которыми теперь деятельно руководил Сангородский, и через несколько минут работа в обеих палатках закипела снова. Скольких он прооперировал, какие это были раненые, кто из них остался жив, Борис Алёшкин, конечно, не сумел бы сказать. Их укладывали на стол, он делал нужные операции, их перевязывали, уносили и сейчас же доставляли новых. Впоследствии он вспоминал: там были пневмотораксы, ампутации верхних и нижних конечностей, был даже раненый, у которого отсутствовала чуть ли не половина черепной коробки, и мозг, прикрытый марлей, пульсировал под неповреждённой, каким-то чудом, мозговой оболочкой. Много попало раненых с развороченной передней брюшной стенкой и выпавшими внутренностями. Вообще, это было какое-то море людского страдания, какой-то страшный кошмар уве-

чий и разрушений человеческого тела. Вряд ли Борис поверил бы кому-нибудь, если бы ему сказали, что такое может происходить, но он это видел собственными глазами.

Так длился весь следующий день. Правда, теперь почти все раненые прибывали с повязками и карточками передового района, они уже побывали в ППМ. В течение этого страшного дня Борис, как и другие врачи, выходил из палатки только покурить или справить естественную нужду. Если они тут же, за простынёй, отгораживавшей входную часть палатки от остальной её части, в перерывах между ранеными. Также было и с медсёстрами.

К вечеру Розалия Самойловна не выдержала и свалилась от изнеможения. По настойчивому требованию Сангородского вместо неё к столу встал доктор Бегинсон из госпитальной роты, ещё раньше вынуждены были заменить падавших с ног Симоняка и Криворучко, а раненые всё прибывали. Как удалось узнать от них, дивизия вместе с другими частями, главным образом пограничниками пятого отряда, занимавшими этот участок фронта ранее, под сильным огнём противника медленно отступает, не находя нужного рубежа для закрепления. Беда была в том, что каким-то образом штаб дивизии очутился чуть ли не впереди полков, и только часть его сумела передислоцироваться на новый командный пункт и руководить боем, пока не нашли даже командира дивизии.

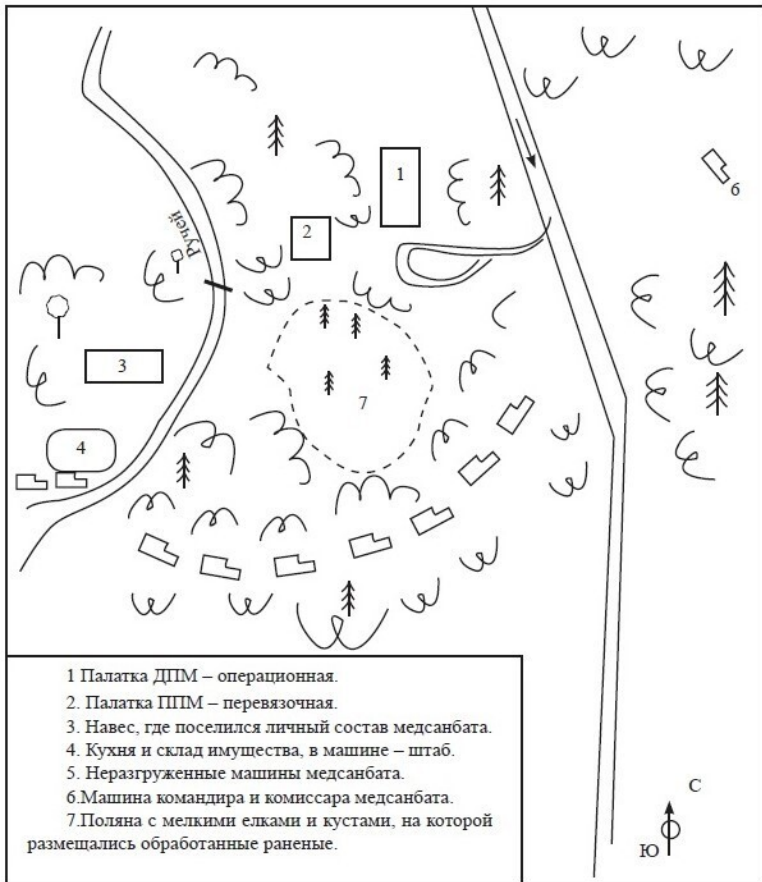
Слушая все эти неутешительные новости, большинство

врачей медсанбата, в том числе и Алёшкин, считали, что раненые преувеличивают, и на самом деле всё обстоит не так уж плохо. К сожалению, потом выяснилось, что масштаб поражения, которое потерпела дивизия, даже преуменьшали.

Прошёл день, прошла и ещё ночь, положение не изменилось. Сдала и вынуждена была уйти из палатки Тая. Дуркова прогнал сам Борис, чтобы тот поспал, хотя бы три-четыре часа, и заменил его. Больше надеяться было не на кого.

Начался новый день, Алёшкин работал из последних сил, уже механически, почти не сознавая, что делает. Уже дважды сёстры сменили друг друга, уже, отдохнув несколько часов, вышли Крумм и Тая, а он всё не уходил. Как назло, только он собирался уйти, как появлялся новый, ещё более тяжёлый раненый, и Борис был вынужден браться за него.

День подошёл к концу, и Сангородский с двумя санитарями подхватили падавшего Алёшкина. Выйдя из палатки, чтобы закурить, он вдруг пошатнулся и начал терять равновесие. Лев Давыдович увёл его под навес, уложил на ветки, и тот моментально заснул. В этот раз, если не считать кратковременных перерывов на перекур и приём пищи, длившихся несколько минут, то Борис проработал в операционной более 48 часов подряд, конечно, потерял много сил. Но молодость и крепкое здоровье быстро взяли своё и, проспав около шести часов, он был готов вновь идти к операционному столу, однако делать этого не пришлось.

После возвращения Бориса в операционную в медсанбат приехал начсандив. Картина, которую он застал, удивила и испугала его. На краю большой поляны стояли две палатки,

в них кипела работа. Около палаток прямо на земле или на поставленных на землю носилках лежали и сидели десятки раненых, ожидавших своей очереди на перевязку или операцию, вокруг них суетились две сестры, стараясь напоить их чаем, а кое-кого и накормить. Между ними ходил командир медроты Сангородский, указывавший санитарам, кого и куда вести или нести. Вся остальная часть поляны, опушка леса, а также растянутые недалеко брезентовые навесы были заняты лежачими и ходячими, уже обработанными ранеными, ожидавшими эвакуации. Их было намного более пяти сотен человек. В отдалении, на краю поляны одиноко стояла санитарная машина. Когда начсандив спросил у Льва Давыдовича, где командир медсанбата, тот молча указал на эту машину.

Как впоследствии узнал Алёшкин, с начала работы медсанбата ни командир, ни комиссар из своей машины носу не показывали, и тяжесть организации медицинского обслуживания всё увеличивавшегося количества раненых пала на командира медроты Сангородского и политрука батальона Клименко. Госпитальная рота, как и другие подразделения, находилась в свёрнутом состоянии, ожидая приказа командира медсанбата и начсандива. Лишь личный состав этих подразделений – врач Прокофьева и другие, многие медсестры и санитары – добровольно, а частью по просьбам Сангородского и Клименко, подменяли валившихся с ног от усталости врачей и сестёр медицинской роты.

Как выяснилось, 65-я стрелковая дивизия, вступившая в бой прямо «с колёс», хотя сразу и не смогла задержать продвижение финнов, однако, объединившись с частями, стоявшими здесь и, прежде всего, с пограничным отрядом, в конце концов, на одном из довольно удачных по положению рубежей сумела закрепиться. Дивизия понесла серьёзные потери, но к этому времени уже сдерживала численно превосходящего противника, наступательные ресурсы которого, видимо, тоже иссякли.

Новый оборонительный рубеж дивизии проходил всего в трёх-четырёх километрах от того места, где стоял медсанбат, который начсандив собирался передислоцировать на новое место, глубже в тыл. С этим он и приехал. Не получая никаких сведений от командира медсанбата и зная по сообщениям от ППМ полков, что медсанбат раненых принимает безотказно, Исаченко мысленно похвалил Краснопеева за разумную инициативу и, следуя к нему, беспокоился лишь о том, как быстро тот сумеет передислоцироваться. Но, оказавшись на месте, комдив не ожидал увидеть такого. С одной стороны, то, что медсанбат не был полноценно развёрнут, было всем на руку: его удастся быстро передислоцировать на новое место. Но с другой, бездеятельность командования медсанбата, полный хаос в приёме и эвакуации раненых просто испугали его.

Что произошло в машине командира медсанбата, никто не знал. Связной, выдворенный из машины и находившийся

ся неподалёку, слышал громкий крик начсандива и какое-то бормотание командира медсанбата и комиссара. Минут через 15 Исаченко, красный от гнева, выскочил из машины командира медсанбата, даже не закрыв за собой дверь, буквально подбежал к Сангородскому и возбуждённо крикнул:

– С этой минуты вы временно исполняете обязанности командира медсанбата! Больше раненых не принимать! Направляйте их всех в Пюхляярви, в госпитали. В полковые медпункты я сейчас пошлю связного, чтобы предупредить их. Есть ли у вас кто-нибудь толковый из командиров, кого бы я мог взять с собой, чтобы выбрать с ним новое место для дислокации медсанбата?

Лев Давыдович порекомендовал взять начальника медснабжения, старшего военфельдшера Пальченко, сказав, что он является также секретарём партячейки.

– Ах так, ну хорошо. Он мне ещё и по другому поводу нужен. Отправьте его к моей машине, мы сейчас поедем. Да, кто командир эвакуотделения?

– Военврач Долин, – ответил Сангородский.

– Почему же он не принимает мер по эвакуации раненых?

– Вероятно, потому, что не знает куда. Он не мог этого узнать у командира медсанбата, ждали распоряжения от вас.

Начсандив был готов снова вспылить, но потом, видимо, понимая, что в беспорядке, который он застал в медсанбате, повинен в какой-то степени и он сам, уже более спокойным тоном приказал вызвать Долина и, ожидая его прибы-

тия, заглянул в операционную, где работал Алёшкин. Начсандив зашёл в палатку, посмотрел вверх простыни, отгораживавшей её переднюю часть, и увидел четверых врачей, которые при слабом свете фонарей «летучая мышь» копались в кровавом месиве того, что прежде было рукой или ногой человека.

– Почему они работают без электричества? – воскликнул начсандив.

– Командир медсанбата не разрешил распаковывать движок без вашего приказа, – ответил Сангородский, зашедший в палатку вслед за Исаченко.

– Ах, чёрт, – вырвалось у начсандива. – Давно они так работают?

– Да вот, врач Алёшкин двое суток отсюда не выходил, немного отдохнул и снова за стол встал.

– Как так? Почему?

– У нас больше хирургов в медроте нет, а госпитальная рота не даёт.

– Безобразие! От моего имени прикажите, чтобы хирургов медроты сменяли врачи госпитальной роты, – сказал сердито начсандив и вышел из палатки.

У входа уже стоял Долин.

– Товарищ Долин, берите санитарную машину, грузите на неё, сколько сумеете, раненых. Вот, товарищ Сангородский покажет вам, кого, хотя вы сами, как эвакуатор, должны знать, кого нужно отправлять в первую очередь. Немедленно

поезжайте в Пюхляярви, там госпитальная база армии, найдите полевой эвакуопункт (ПЭП) и потребуйте машины для вывоза отсюда раненых. Вместе с этими машинами вернётесь и обеспечите эвакуацию всех до одного человека! Учтите, за вывоз отсюда раненых вы отвечаете лично, понятно?

– Понятно, – ответил Долин, – только послушают ли меня в полевом эвакуопункте?

– Сейчас я вам дам записку к начальнику эвакуопункта, – и начсандив написал несколько слов на листке, вырванном из полевой книжки.

– Сколько их у вас? – обратился он к Сангородскому.

Тот смутился:

– Вы знаете, тут такая спешка была, что считать было некогда... Наверно, больше пятисот...

– Эх, вы! – зло сказал начсандив. – Немедленно подсчитать! Потом доложите, сколько человек прошло через медсанбат! Ну, поехали, – обратился Исаченко к подошедшему и представившемуся ему Пальченко.

– А вы, – сказал начсандив стоявшим рядом Льву Давыдовичу и Клименке, – берите все неразгруженные машины и следуйте за нами. Отъезжайте отсюда километров пять на юг, сверните в лес и ждите меня или товарища Пальченко. Поставьте на дорогу связного потолковее. Поручите кому-нибудь, как только ваши хирурги окончат работу, собирать всё имущество, сворачивать и грузить палатки и ждать приезда товарища Пальченко! Ну, теперь, кажется, всё. Поехали!

Это произошло в то время, пока Борис находился в операционной. Узнал же он обо всём от Сангородского гораздо позже, когда они сидели в санитарной машине, следуя к новому месту.

Лев Давыдович послушался начсандива и неразгруженные машины отправил под начальством Башкатова, сам же решил остаться со своими людьми. Подменять кем-либо из госпитальной роты Алёшкина и других не пришлось: поступление раненых прекратилось, и часа через четыре после отъезда начсандива обработали последнего раненого.

В соответствии с распоряжением Исаченко имущество и палатки собрали, свернули и погрузили на три предназначенные для этого грузовые машины. К одной из них прицепили оставленную Прохоровым кухню. На эту работу ушло ещё часа три, наступила уже глубокая ночь, и санитары, сёстры и врачи медроты, устав после такой напряжённой работы, свалились и уснули где попало: кто под машиной, кто под деревом, а кто и прямо на краю поляны.

Ночью в расположение батальона пришло около двух десятков больших автобусов и санитарных машин, которые забрали всех раненых и увезли их в госпитали. С ними уехал и сопровождавший их Долин. Где находилась остальная часть медсанбата, он не знал.

С первыми лучами солнца проснулись Лев Давыдович и старшина Красавин, следом за ними стали подыматься и другие. Только тут командование спохватилось, что они забы-

ли выставить хоть какую-нибудь охрану, и если бы «кукушки» (так называли финских разведчиков, частенько прятавшихся на деревьях) захотели устроить панику, то это им удалось бы чрезвычайно просто. К счастью, никто не наткнулся на медсанбат.

Проснулся и Алёшкин, проспав без малого 12 часов. Сон его был таким крепким, что он даже не слышал, как навес из палаточного пола, служивший ему крышей, был снят, свёрнут и погружен на машину. Не слышал он и шума моторов автобусов, приехавших за ранеными, и тем более не слышал, как свернули палатки. Проснувшись, он вскочил, вспомнил, что было вчера и позавчера, и приготовился вновь бежать в операционную. К его удивлению, никаких палаток он не обнаружил, не было и лежавших повсюду раненых, которых он видел, выглядывая иногда из операционной. Кое-где ходили санитары, сёстры и врачи. У ручья дымилась кухня, в которой что-то варилось. Почти рядом с ним на разостланных шинелях спали Розалия Самойловна, Тая, Дурков и подымался доктор Бегинсон. С самого края продолжал спать Симоняк. Сангородский шёл по берегу ручья своей быстрой, чуть подпрыгивающей походкой. Казалось, что он вовсе и не спал. Тут Борис подумал: «А ведь Лев Давыдович-то, действительно, с начала поступления раненых всё время бодрствовал! Ведь он, кажется, ни на минуту не ложился. Сколько же сил у этого сухонького старика?»

Борис поднялся, подошёл к ручью и, окунув в его про-

хладные светлые струи голову, задержал дыхание и наслаждался тем, как холодные быстрые потоки скользят по лицу и как бы гладят его. Затем он умылся, вытерся неприлично грязным носовым платком и направился к Сангородскому, стоявшему в это время около кухни, чтобы расспросить о происшедшем. Но тут на поляну въехала санитарная машина, из которой выскочил Пальченко. Он подбежал к Сангородскому и торопливо проговорил:

– Товарищ командир медроты, начсандив приказал как можно быстрее погрузиться и следовать к остальной части батальона. Позавтракаем там. Всех врачей посадим в «санитарку».

Через несколько минут, подчиняясь окрикам старшины Красавина и Пальченко, все садились внутрь или карабкались на верх гружёных машин, а ещё через четверть часа небольшая колонна тронулась в путь.

Лесная дорога имела твёрдый, глинисто-песчаный грунт. Она шла на юг, по-видимому, параллельно основному шоссе. Менее чем через час медсанбат соединился, тогда и позавтракали. Прибывшие с аппетитом поели макароны с жареной мясной подливкой и запили это крепким горячим чаем.

Во время завтрака Борис, как и все приехавшие вместе с ним врачи, обратили внимание на отсутствие машины, в которой обычно жили комиссар и командир медсанбата. Он предполагал, что командование выехало на рекогносцировку

нового места расположения санбата вместе с начсандивом. Однако Пальченко сказал, что дело обстоит не так, что после завтрака все поедут на новое место, где ждёт начсандив, и он там всё объяснит. Поев, все вновь погрузились в машины и, предводительствуемые Пальченко, тронулись в путь. Проблуждав около часа по извилистым дорогам, автоколонна медсанбата выехала опять на основное шоссе и, проехав по нему около двух километров, остановилась у небольшого хутора Хумалайнен (название было написано на дощечке, укрепленной на столбе). Прибывших встретил Исаченко и приказал свернуть с шоссе в лес, окружавший этот хуторок. Вскоре на дороге не осталось ни одной машины.

Глава девятая

Хумалайнен представлял собой заброшенный посёлок лесорубов, оставленный жителями ещё во время так называемой Финской войны 1940 года. Имевшийся там лесопильный заводик сгорел, осталось довольно большое кирпичное здание, стоявшее почти у обочины шоссе. С одной стороны его сохранилась вывеска «Аптека». Само здание, несмотря на разбитые окна, внутри оказалось целым. Оно состояло из двух больших комнат. Одна из них была перегороджена прилавком, а вдоль другой стояли остатки различных шкафов. Недалеко от этого здания, на берегу небольшого ручейка, стекавшего куда-то вглубь леса в лощину через трубу, пересекавшую шоссе, стояла крошечная банька, размером три на два метра. Немного в стороне от неё располагался большой, совершенно целый сарай, а ещё дальше – длинный барак, разделённый перегородками на много комнат и комнаток. Во всех зданиях были выбиты окна, в некоторых не хватало и дверей, но использовать их было можно.

Лес, в который свернула колонна санбата, состоял из больших, вероятно, столетних елей. Они находились друг от друга довольно далеко и, хотя вполне надёжно маскировали строения и находившиеся между ними поляны, позволяли без особо сложных работ по расчистке расставить достаточно большое количество палаток.

Как только машины свернули в лес, начсандив приказал начать разгрузку имущества и развернуть все палатки, имевшиеся в медсанбате. Он обосновался на некоторое время в здании аптеки, как стали с тех пор называть кирпичный дом. Начсандив поручил Пальченко вызвать к нему на совещание всех командиров. Совещание длилось около часа. Сразу после него начсандив уехал, а командиры собрали своих людей и в течение 10–15 минут рассказали им об обстановке и о полученных распоряжениях. Собрал свою роту и Сангородский. Он не стал строить её, а рассадив врачей, медсестёр и санитаров в кружок, сам встал посередине и рассказал всё, что узнал от начсандива.

В частности, он сказал, что впредь до особого распоряжения исполнять обязанности командира медсанбата поручено ему, а так как он в военном деле не силён, то просит всех быть достаточно сознательными и дисциплинированными. Сказал он также и то, что комиссаром батальона временно будет политрук Клименко, а командиром медицинской роты врач-хирург Алёшкин. Далее он передал предупреждение начсандива о том, что временное затишье, наступившее сейчас, скоро кончится и начнутся ещё более ожесточённые бои: к финнам подходит подкрепление – две немецкие дивизии. Вероятно, в ближайшие сутки эти бои начнутся, и медсанбату придётся основательно поработать. Будет много раненых, нужно немедленно развернуть все палатки, срок на развёртывание медсанбата начсандив установил 12 часов.

Госпитальная рота тоже должна полностью развернуться, её командир Башкатов будет проводить все полостные операции раненым в брюшную полость и госпитализировать их у себя, остальные хирурги этой роты будут помогать ему, а при большом наплыве – и врачам медицинской роты.

После этого короткого собрания все вернулись к прерванной работе по разгрузке автомашин, а Сангородский, пригласив Башкатова и Алёшкина, обошёл с ними весь хуторок. Они наметили места для установки палаток и, осмотрев здание, определили, что в каждом из них следовало разместить. Решили здание аптеки использовать как первую операционную, в которой должны были делаться наиболее сложные операции.

Рядом, в нескольких шагах, ставилась палатка ДПМ, в которой должны были обрабатываться раненые средней тяжести. Легкораненых, требовавших только перевязки, предполагали обрабатывать в одной из комнат барака. Сарай наметили использовать как сортировочную. Оставшиеся комнаты барака отвели под жильё личного состава батальона.

Башкатов предложил развернуть свою роту только в палатках, углубившись в лес от шоссе метров на 200. Автороту решили разместить за ложиной, по которой протекал ручей, в мелком сосняке. Кухни и склады поместили в гущу кустарника у ручья.

Договорившись окончательно о размещении всех подразделений медсанбата, дружно приступили к очистке, возмож-

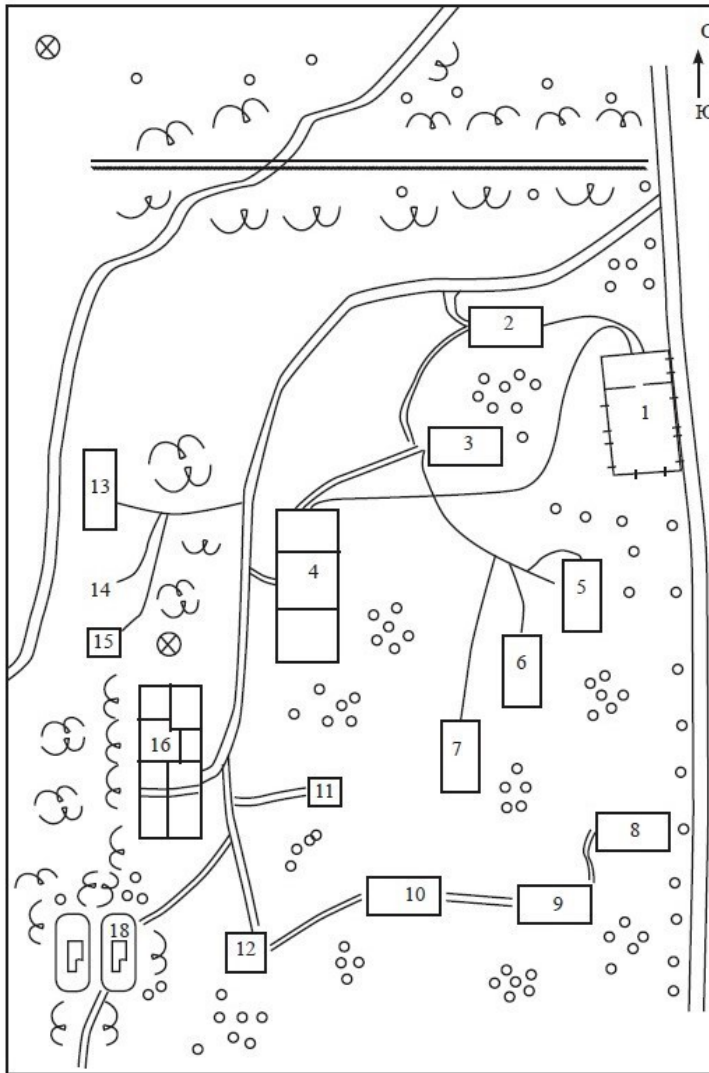
ному ремонту помещений и развёртыванию палаток. Как выглядело это размещение отдельных звеньев санбата, демонстрирует прилагаемая схема.

На этот раз всё прошло значительно слаженнее и быстрее, чем в первые разы: сказывался уже появившийся опыт. Старались, чтобы земляной пол в каждой палатке был по возможности ровным. Для этого, наметив местоположение, сперва эту площадь расчищали от кустарников, высокой травы и срезали лопатами бугорки. Это отняло некоторое время, но зато давало в дальнейшем возможность передвигаться по палатке легче и быстрее.

К установке палаток были привлечены не только санитары, но и медсёстры, и врачи, и все шофёры. Благодаря этому уже к вечеру всё было готово, палатки распределены между взводами и отделениями, санбатовцы занялись оборудованием выделенных помещений. К этому приступили сразу же после обеда, который, собственно, можно было назвать и ужином, так как происходил он в восемь часов вечера.

Расположение мест 324 в работе Хумалайиен

С
↑
Ю

ЛЕГЕНДА К СХЕМЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ МЕДСАНБАТА № 24 В ХУМАЛАЙНЕН

Шоссе от Кексгольма к Ленинграду.

Просека с канавой до 1 метра.

Лесной ручей.

Проселочная дорога с шоссе на юг.

Тропы для внутреннего передвижения по территории медсанбата.

1. Операционная, где работали доктора Картавцев и Бегинсон, впоследствии большая операционная.

2. перевязочная, где работали доктора Симоняк и Криво-ручко, впоследствии сортировочная.

3. Операционная, где работали Алёшкин, Дурков и другие врачи, впоследствии малая операционная.

4. Сортировочная, впоследствии перевязочная для ходячих раненых.

5, 6, 7. Эвакуационные палатки.

8, 9. Палатки госпитальной роты.

10. Операционная госпитальной роты, впоследствии закрыта.

11. Штаб, жильё штабных работников и Клименко.

12. Аптека и склад медснабжения.

13. Продуктовый и имущественный склады.

14, 15. Кухни.

16. Жильё личного состава медсанбата.

17. Жильё командира медроты.

18. Места стоянки автомашин.

19. Электродвижок.

Колодец.

Группы больших деревьев.

Кустарник.

Болотистый луг.

Помня про приказ начсандива, решили не ложиться спать до тех пор, пока доверенный каждому объект не будет полностью оборудован. Борис и Дурков со своими отделениями занимались второй операционной в палатке ДПМ. В ней поставили четыре операционных стола (два железных и два на козлах из носилок), развернули две специальные укладки. Решили, что каждый врач будет одновременно работать на двух операционных столах, ему будут помогать перевязочная сестра и санитары, операционной сестре придётся обслуживать все столы.

Закончив с этим, приступили к оборудованию первой операционной в здании аптеки, в ней должны были работать также два врача одновременно на двух операционных столах, к каждому прикреплялась своя операционная, своя перевязочная сестра и санитары. В случае необходимости принимал участие в операции и второй врач. Эту операционную поручили врачу Крумм, и ей пришлось помочь.

Доктор Симоняк вместе с двумя перевязочными сёстрами в одной из комнат сохранившегося здания казармы оборудовали

довал перевязочную для легкораненых, там же он и должен был работать.

Сортировка поручалось врачу, назначенному командиром взвода, Криворучко, но она совершенно не умела кем-нибудь руководить, и поэтому оборудование этого участка Сангородскому пришлось взять на себя.

Доктор Башкатов со своей госпитальной ротой поставил три палатки ДПМ, в двух из них на разостланном брезентовом полу были расставлены носилки, они должны были служить госпитальными койками для нетранспортабельных раненых. Третья палатка предназначалась для госпитальной операционной, где Башкатов со своими тремя хирургами предполагал оперировать самых тяжелораненых.

Доктор Долин с выделенными ему людьми санвзвода поставил три палатки ДПМ для размещения раненых, готовящихся к эвакуации.

Старший военфельдшер Пальченко поставил палатку ППМ и развернул в ней походную аптеку. На плите, сохранившейся в кухне одной из квартир, установили примусовый автоклав и перегонный куб. Там же решено было стерилизовать инструменты для всех операционных и перевязочных.

Сангородский и Клименко решили оснастить все помещения (операционные и перевязочные) электричеством. Для этого в одной из комнат жилого дома установили движок. Штатный электрик быстро провёл воздушную проводку, ввинтил лампочки и завёл движок. И тут оказалось, что из

палаток и окон здания аптеки во все стороны брызжут снопы света. Медсанбатовцы уже понимали, что подобная демаскировка недопустима. К счастью, на этом участке фронта финны самолётов не применяли, по крайней мере, их ещё никто не видел, следовательно, свержу «иллюминация» не заметна, но может привлечь внимание «кукушек», и это грозит солидными неприятностями. По распоряжению Клименко все принялись самым тщательным образом закрывать щели и щёлочки в палатках и зданиях. Над этим пришлось повозиться порядочно, но в конце концов удалось добиться достаточной светомаскировки.

Одновременно со службами медсанбата было развёрнуто всё, что нужно и для хозяйственного обслуживания раненых.

Уже брезжил рассвет, когда основные работы по налаживанию работы медсанбата закончились. Все устали, но были очень довольны, так как убедились, что могут развернуть основные части батальона быстрее, чем за сутки. С разрешения Сангородского люди пошли отдыхать – все, кроме часовых. Начальник штаба Скуратов после того, как командир медсанбата был отстранён, почувствовал, что и он пока своих обязанностей не выполняет. Он решил позаботиться об охране медсанбата: установил пароль, назначил командира взвода охраны караульным начальником, а его младших командиров – разводящими, расставил посты вокруг всего лагеря из личного состава этого взвода. С тех пор они стали нести свою охранную службу.

Когда в девять утра начсандив был остановлен у входа в медсанбат часовым, который не впустил его, так как тот, естественно, не знал пароля, а вызвал караульного начальника, Исаченко был удивлён и обрадован, что наконец-то медсанбат принимает военный вид. Разбуженный караульным начальником Сангородский доложил, что всё готово к приёму раненых, для чего личный состав работал почти всю ночь, и поэтому он разрешил всем отдыхать до 10 часов.

Вместе с Сангородским начсандив обошёл палатки и помещения, и, по-видимому, остался доволен. Он сказал, что собирается ехать на командный пункт дивизии, где передаст в полковые медпункты информацию, что всех раненых теперь следует направлять сюда. Также он предупредил, что сегодня или завтра в медсанбат прибудет представитель санотдела армии, его нужно как следует встретить. Затем он уехал, это было 5 августа 1941 года.

* * *

Между прочим, вступив в должность командира медсанбата, Лев Давыдович решил закрепить формально то, что он произвёл самовольно. Он дал распоряжение начальнику штаба Скуратову издать приказ о переводе врача Скворец из санзвода в состав медицинской роты на должность ординатора первого отделения. Побуждением к изданию такого приказа, кроме желания помочь чем-то симпатичным ему

Алёшкину и Тае, послужило и то, что он увидел, как молодая врач хладнокровно и уверенно держится в операционной, как толково и быстро выполняет все указания Бориса, да и сама достаточно квалифицированно обрабатывает несложные раны.

Вся последующая деятельность этого отделения-бригады, вскоре признанной в медсанбате одной из лучших, подтвердила правильность и целесообразность принятого Сангородским решения. Теперь Перов и свою злость и, может быть, зависть должен был спрятать поглубже. Таким образом Борис стал, хотя и временно, командиром медроты, а Тая, к их обоюдной радости, теперь уже могла вполне официально находиться в пределах расположения этой роты.

Как мы уже отмечали, на территории, занимаемой медсанбатом, имелось здание маленькой финской баньки. Использовать это здание для каких-либо медицинских целей было невозможно, решили сделать там жильё для командира санбата Сангородского. Старшина Красавин приказал двум санитарам тщательно убрать помещение, из имевшихся там лавок соорудил подобие топчана, выпросил из госпитальной роты один ватный матрас, простыни и байковое одеяло (всё это – невиданная с самого начала существования медсанбата роскошь), добыл в одной из комнат казармы колченогий стол, – и таким образом оборудовал «квартиру» для комбата.

К его удивлению, доктор Сангородский от этого помещения отказался. Он предпочёл поселиться в сортировке, гово-

ря, что ему, по всей вероятности, как и на первом месте стоянки, прежде всего придётся заняться сортировкой раненых.

Банька находилась в нескольких шагах от второй операционной и чуть дальше от первой. Поскольку командиру медроты, как полагал Сангородский, придётся руководить работой в обеих операционных, он и предложил отдать «квартиру» командиру медроты врачу Алёшкину. Впоследствии жизнь подтвердила правильность и этого принятого им решения.

Те немногие часы отдыха, которые затем выпадали на долю Бориса, он проводил в этом помещении. Часто к нему, если время отдыха у них совпадало, приходила и Тая. Как правило, в моменты совместного перерыва она бежала на кухню и получала еду на двоих, а так как это случалось в разное время суток, то иногда нельзя было определить, обед это, ужин или завтрак. Впрочем, для них это было неважно. Наряду с усталостью, после изнуряющего нервного напряжения, оба врача были достаточно голодны, и поэтому всё принесённое съедали без остатка.

После еды Тая мыла котелки и отправлялась отдыхать в комнату, отведённую для женщин-врачей. И хотя здесь всем врачам и медсёстрам были выданы постельные принадлежности, из-за тесноты спать было очень неудобно. Как-то время отдыха пришлось на глубокую ночь, и после ужина Тая осталась ночевать в домике командира медроты. На следующий день она перенесла сюда и свой вещевой мешок. С тех

пор они стали жить вместе, и как-то получилось, что это никого не удивило. Наверно, помогла та сплетня, которую пустил Перов.

***

Часа через три после отъезда начсандива стали поступать первые раненые, и отделение Алёшкина встало на свой пост. Раненых было немного, и пока все они проходили через вторую операционную. Несколько человек попало в перевязочную Симоняка. Было решено, что бригады Алёшкина и Дуркова будут сменять друг друга через 12 часов, врач Крумм будет в резерве. Если же начнётся наплыв раненых, то Борис перейдёт в первую операционную и будет работать там. Если его отделение не справится, то ему на помощь выделяют из госпитальной роты доктора Бегинсона или Картавцева, пока в этом необходимости не было. В течение 5 и 6 августа в медсанбат поступило около сорока человек, ранения были лёгкие и средней тяжести.

От раненых командиров стало известно, что большая часть штаба дивизии, в том числе и командир, из окружения, в котором они неожиданно оказались, вышли, теперь всё начальство было на местах и руководило обороной дивизии. Наши полки заняли прочную оборону вдоль берега какой-то речки и озера, теперь ожидалось затишье.

Вечером 7 августа в медсанбат прибыл военврач перво-

го ранга армейский хирург Фёдоров. Он приехал как раз во время работы бригады Алёшкина, когда только что привезли человек восемь раненых, и весь персонал был занят работой. Фёдоров понаблюдал за действиями Бориса и Таи, остался доволен и сказал, обращаясь к Сангородскому:

– Я вижу, что у вас работают правильно, а мне в госпиталях жаловались, что от вас поступают раненые с «пяточками».

При этом заявлении Лев Давыдович и Симоняк, сопровождавшие армейского хирурга, переглянулись. За эти «пяточки» Алёшкин уже упрекал доктора Симоняка. Следует объяснить, о чём шла речь.

После ранения пулей или, что было чаще, осколком мины рана не всегда выглядела такой ужасной, как мы описывали ранее. Обычно имелось маленькое отверстие размером 0,5–1 см или несколько отверстий. Помня правила мирного времени о необходимости иссечения краёв раны, в начале войны некоторые врачи, а в медсанбате Симоняк и Криворучко, аккуратно вырезали по окружности кожу вокруг этих ран, увеличивая их размер до 3–4 см в диаметре. При этом они совершенно не интересовались тем, что находится в глубине, поэтому такие раны нагнаивались, заживали очень медленно и плохо, а удалённая «пяточком» кожа вела к образованию большого обезображивающего кожного рубца.

Слушателям курсов усовершенствования, на которых учился Алёшкин, на кафедре Гориневской показали но-

вый, современный для того времени способ обработки огнестрельных ран. Любая, даже самая маленькая огнестрельная рана рассекалась вдоль направления кожных линий, в зависимости от глубины на 3–5 сантиметров и даже больше, по возможности максимально глубоко. Все повреждённые по ходу раневого канала ткани иссекались, а инородные тела, чаще всего это были клочки одежды, увлекаемые за собой пулей или осколком, извлекались. Конечно, саму пулю или осколок, если они не лежали в поверхностных мышцах или под кожей, отыскивать не пытались – опыт показал, что это было совершенно ненужным делом. Обработанная таким способом рана заживала значительно быстрее, как правило, почти не нагнаивалась, не давала осложнений и позволяла на последующих этапах эвакуации даже наложить швы. Как известно, соответствующей инструкцией по первичной обработке ран в медсанбате и даже полевых госпиталях зашивать разрешалось только полостные раны, проникающие в грудную или брюшную полости, все другие оставались открытыми.

После первого опыта работы, ещё в совхозе Груздево Борис как-то в беседах с врачами медроты, которые ему поручил провести Сангородский, рассказывал о таком способе обработки ран, но приняли его во внимание немногие, главным образом, молодые врачи. Другие, имевшие большой стаж работы, продолжали обрабатывать маленькие раны по-старому, то есть вырезать «пяточки».

Фёдоров заметил, как переглянулись Лев Давыдович и Симоняк, и понял, что в этом вопросе в медсанбате дело обстоит далеко не так благополучно, как ему показалось, поэтому он сказал:

– Мы сегодня вечером на эту тему побеседуем. Видно, у вас всё-таки рыльце в пушку, да и это отделение делает не всё так, как мне бы хотелось. Вот я сейчас покажу. Есть у вас лезвие безопасной бритвы? – спросил Фёдоров операционную сестру Катю Шуйскую.

Та ответила:

– Есть, ведь очень часто приходится брить края раны.

– Так, а я эти лезвия предлагаю использовать ещё и для другой цели. Положите парочку в спирт, а теперь смотрите.

Фёдоров быстро помыл руки и подошёл к столу, на котором лежал раненый в бедро. Рана была величиной с копейку и совершенно не кровоточила. Осмотрев её, хирург вновь обратился к операционной сестре:

– Дайте Кохер!

Она подала просимый зажим.

– Теперь лезвие.

Фёдоров вставил бритвенное лезвие в зажим Кохера так, что зубчики инструмента сомкнулись в одном из отверстий лезвия и, подойдя к раненому, которому Тая только что закончила проводить обезболивание новокаином, приступил к показу нового способа обработки ран. Этим импровизированным скальпелем он быстро рассёк рану и, придерживая

пинцетом, также быстро срезал очень тонким слоем все разможённые ткани, подкожную клетчатку и мышцы.

– Видите, какой тонкий и ровный получается срез? Скальпелем, даже самым лучшим, вы этого не достигнете никогда, а то, что из пересечённых вами мелких сосудов немного усиливается кровотечение, то это даже хорошо: рана как бы промоется. Разумеется, при этом надо как следует знать анатомию. Если по характеру раны будет видно, что может быть повреждён более или менее крупный сосуд, его надо не забыть перевязать. Этот способ предложил наш фронтовой хирург, профессор Куприянов, – закончил Федоров. – Да, – добавил он, – лезвие после употребления надо обмыть и бросить в спирт, оно может пролежать до следующей операции. Затем взять свежий зажим и вновь сделать себе скальпель. Таким способом можно обработать подряд два-три десятка ран.

В этот момент в палатку вбежала доктор Криворучко:

– Лев Давыдович! – закричала она ещё от входа в палатку, забыв все наставления и правила о порядке обращения к начальству. – Там привезли две машины раненых, я не могу разобраться, что с ними делать! Пожалуйста, идёте скорее. Борис Яковлевич, там очень тяжёлые есть! – и, всплёскивая в испуге руками, выбежала.

Сангородский обратился за разрешением к Фёдорову, чтобы идти в сортировочную.

– А это кто такая, почему она паникует? – спросил тот.

– Это командир сортировочного взвода доктор Криворучко, но, откровенно говоря, всю работу по сортировке приходится проводить мне, – ответил Лев Давыдович.

– Ну хорошо, идите, товарищ Симоняк проводит меня дальше, и мы осмотрим всё. А вы куда? – обратился Фёдоров к Алёшкину, снимавшему халат и тоже собиравшемуся выходить из палатки.

– Я пойду в первую операционную, ведь там тяжёлых привезли, может быть, нужно будет делать ампутацию, ушивать пневмоторакс, могут быть ранения и брюшной полости.

– Как, и всё это будете делать тоже вы? А где же остальные врачи?

– Мы со вторым отделением работаем посменно по 12 часов. Из третьего отделения я пошлю сюда на помощь Таисию Никифоровну, а их второй врач придёт ко мне в первую операционную, я уже послал за ними санитаря. Разрешите идти? – спросил Алёшкин.

– Да-да, идите. Я пока побуду здесь, а потом загляну к вам, – ответил рассеянно Фёдоров, думая о чём-то своём.

Борис пошёл в первую операционную, и ему сейчас же пришлось приступить к работе. Сменить его бригаду (отделение) должны были через час, то есть в 20:00, но получилось так, что Борис и все его помощники проработали почти всю ночь. Вслед за первыми двумя машинами пришло ещё несколько, и к утру было обработано более ста человек. Чтобы не задерживать обработку раненых, пришлось оказывать

помощь бригадам Дуркова и Крумм, но и с этими силами вряд ли бы успели до утра, если бы Фёдоров не прислал из госпитальной роты троих хирургов, нескольких сестёр и санитаров.

От поступивших раненых узнали, что 7 августа утром на одном из участков обороны дивизии, а именно в расположении 41-го стрелкового полка, противник предпринял наступление, которое, хотя и было отбито, но вызвало значительные потери.

– Больше всего нам достаётся от их мин, у нас же миномётов мало, – сказал один лейтенант-пограничник.

И действительно, основная масса раненых имели осколочные ранения.

Глава десятая

Всю эту ночь, вызвав к себе Сангородского, политрука Клименко и секретаря партячейки Пальченко, Фёдоров просидел в штабе. Он объяснял, что распределение сил в медсанбате сделано совершенно неправильно, и, по его мнению, надо срочно, немедленно всё пересмотреть и всех людей переставить. Армейский хирург ознакомился с личными делами врачей, вызвал к себе Перова, побеседовал с ним и дал указание начальнику штаба батальона подготовить приказ о новых назначениях врачебного персонала. Так как в будущем установленный им порядок сохранялся довольно длительный период, мы считаем нужным показать структуру 24-го медсанбата после изменений, внесённых армейским хирургом, военврачом первого ранга профессором Фёдоровым. Она просуществовала с 8 августа по 5 октября 1941 года и послужила в дальнейшем основой деятельности медсанбата на всё время войны.

Командир медсанбата (врио) – военврач третьего ранга Перов – с 15 августа 1941 года – военврач третьего ранга Васильев.

Комиссар медсанбата – младший политрук Клименко

Командир медроты – зам. ведущего хирурга, с 12 августа – ведущий хирург, врач Алёшкин.

Командир оперативно-перевязочного взвода (ведущий

хирург до 12 августа) военврач второго ранга Башкатов.

Командир первого отделения – врач Бегинсон, врачи: Ивановская, Дурков.

Командир второго отделения – врач Картавец, врачи: Крумм, Скворец.

Командир сортировочного взвода – военврач третьего ранга Сангородский.

Командир госпитальной роты – военврач третьего ранга Прокофьева, врачи: Милова, Криворучко, Семёнова, Симоняк.

В операционной № 1 работало отделение Бегинсона с таким расчётом, чтобы одновременно оперировали два врача, третий отдыхал. Длительность смены – 16 часов. В этой операционной сосредотачивались наиболее тяжёлые раненые, с повреждениями, преимущественно, в брюшной, грудной полости и в черепе. В ней развернули два операционных стола и шоктовую палату на четыре места.

В операционной № 2 работало отделение Картавцева, в нём оперировались и перевязывались все остальные раненые. Одновременно работали тоже два врача на четырёх операционных столах.

Врачи Башкатов и Алёшкин, взаимно подменялись на время отдыха (6–7 часов в сутки), остальное время работали – Башкатов в операционной № 1, Алёшкин в операционной № 2. В госпитальных палатках развернули около 100 мест.

Помимо перечисленных изменений в распределении ра-

боты между врачами батальона, которые Фёдоров обещал на следующий день прислать уже в форме приказа начсанарма, он рекомендовал провести соответствующее перераспределение медсестёр и санитаров. После всех реформ работа в медсанбате стала более организованной, и проводить её стало легче.

Для ознакомления личного состава с предлагаемыми изменениями 9 августа Фёдоров провёл совещание с врачами и медсёстрами. К этому времени поток раненых сократился, и в медсанбате наступило некоторое затишье.

Ещё ранним утром в этот день прибыли автобусы из госпитальной базы армии, они забрали всех обработанных раненых, за исключением нескольких человек, имевших очень лёгкие поверхностные ранения, которых было решено оставить в санбате до выздоровления, и двух тяжёлых нетранспортабельных. На совещании, помимо оглашения приказа о перестановке личного состава, Фёдоров сделал и другие замечания, он предложил:

1. Установить примусы в каждой операционной за специальной перегородкой из простыни и впредь стерилизовать инструменты там, а не бегать со стерилизаторами в барак за тридевять земель.

2. В сортировке и госпитальных палатках сделать из толстых жердей козлы, на которые ставить носилки, чтобы не класть их на землю.

3. Впредь при развёртывании медсанбата обязательно пе-

ред операционными палатками ДПМ ставить палатку ППМ, которая должна служить предоперационной.

Сделал он замечания и о «пяточках», и о мытье рук, и ещё много других мелких, но для наших новичков чрезвычайно важных и нужных.

Затем Фёдоров сказал, что, очевидно, вчерашний бой был разведкой, в ближайшие дни следует ждать нового, более мощного наступления фашистов, и медсанбату придётся серьёзно поработать, поэтому перестройку и перераспределение сил по новому приказу следует начать немедленно. Он собирался доложить начсанарму о положении в медсанбате № 24 и просить его как можно скорее назначить постоянного командира.

Некоторые врачи, например, Башкатов, Бегинсон, Симоняк пытались было протестовать против намеченных перестановок, но Фёдоров ответил:

– Это приказ, а приказы подлежат исполнению, а не обсуждению. Если же кто-нибудь считает, что это приказ неправильный, выполняя его, он может подать жалобу по инстанции.

Но, как мы увидим, вскоре никому из врачей медсанбата уже было не до жалоб. Предсказание уехавшего после совещания Фёдорова сбылось даже быстрее, чем он ожидал.

9 августа к фашистским войскам, сосредоточенным на Карельском перешейке, подошло подкрепление, в том числе несколько немецких дивизий. С их помощью было проведе-

но дальнейшее развитие наступления, и хотя леса, болота, многочисленные речки и озёра не позволяли применить основное наступательное оружие фашистов – танки, а также самолёты, всё-таки это были опытные и отлично вооружённые войска. Финские части к тому же очень хорошо знали местность, на которой велись бои. Численно фашисты превосходили соединения армии, оборонявшие Карельский перешеек.

6 августа сменили командующего этой армии: вместо генерала Пшенникова П. С. ставкой был назначен генерал Герасимов М. Н., но положения это не улучшило, и её части снова начали отступать. В числе отступавших соединений была и 65-я дивизия, заменившая пограничный отряд, бывший ранее на этом участке, который после тяжёлых боёв первых дней наступления финнов отправили на переформирование.

О начале нового наступления финнов и немцев стало известно по усилившейся артиллерийской канонаде, которая доносилась до медсанбата с севера и северо-запада. Несмотря на слабость оборонительных сооружений, недостаточное обучение и физические качества бойцов, сопротивление наступающим частям противника стрелковая дивизия № 65 сумела оказать достаточно стойкое, и в течение первых трёх дней занятый ею оборонительный рубеж удалось удержать. Стоило это ей, однако, недёшево, потери убитыми и ранеными достигали больших цифр.

Всё это, конечно, не могло не отразиться на работе медсанбата. К вечеру 9 августа в него начали поступать раненые в большом количестве. Поток их всё время нарастал и нарастал, в результате этого нарушился график распределения работ по сменам. Пришлось развернуть дополнительную перевязочную для легкораненых в помещении № 4 и вновь поставить туда врачей Симоняка и Семёнову. Все остальные хирурги вынуждены были работать в обеих операционных.

С увеличением количества раненых 12 машин санбата, направленных в полковые медпункты, уже не справлялись с вывозом. Многие раненые прибывали в медсанбат на попутных грузовиках, на лошадях и пешком. Только за одну ночь с 9 на 10 августа поступило более 500 человек. К утру вышел из строя пожилой и действительно тяжелобольной врач Башкатов. Его уложили в одной из госпитальных палат, и он оттуда пытался руководить деятельностью хирургов. Конечно, из этого ничего не получилось.

Фактически руководство всей хирургической работой батальона свалилось на плечи молодого, и что греха таить, ещё совсем малоопытного врача Алёшкина. Он вынужден был то самостоятельно стоять у стола и проводить операцию, показавшуюся работавшему на этом участке врачу трудной, то идти в другую операционную, чтобы сменить кого-либо из совершенно обессиленных хирургов, направив его на кратковременный двух-трёхчасовой отдых. Хорошо, что организацией подмены среднего медперсонала занялась Наумова, а

с вопросами сортировки отлично справлялся Сангородский.

Проработав в таком напряжении около суток, Лев Давыдович, Борис, да и многие другие оценили правильность предложенной Фёдоровым реорганизации сил и оценили её целесообразность.

В часы наименьшего поступления раненых Алёшкину удалось за эти сутки отдохнуть около трёх часов. Он уже понимал, что поступать так, как он это делал в первые дни боёв, нельзя, что подобные бои могут длиться не двое, не трое суток, а неделю, даже две, и нужно всё это время быть способными принимать раненых, а для этого все должны получать хоть самый кратковременный отдых.

Поток раненых не ослабевал ни 10, ни 11 августа. Правда, пока эвакуация из санбата, которую по-настоящему взяли на себя, путешествуя с армейскими автобусами в Пюхляярви и обратно, врио комбата Перов и врач Долин, шла вполне удовлетворительно. Раненые, обработанные хирургами, в санбате не задерживались. Оставались лишь явно нетранспортабельные, которых приходилось госпитализировать. Таких, к счастью, пока было немного, и после трёх суток работы они занимали пока всего одну госпитальную палатку. Бои, однако, не затихали, а вместе с этим не уменьшался и поток раненых.

12 августа почти все врачи, медсёстры и санитары уже настолько устали, что счёт времени полностью потеряли, так как ели когда попало и как попало, спали когда придётся,

иногда прикорнув на земле прямо у стенки палатки. Около полудня Алёшкин, занятый на какой-то операции, был срочно вызван к сортировке. Операция уже подходила к концу и, оставив доделывать её врача Скворец, которой он как раз и помогал, Борис вышел вслед за Львом Давыдовичем. На улице их встретил майор в пограничной форме и повёл к грузовой машине, стоявшей у сортировочной палатки. В машине сидел фельдшер и кто-то лежал.

– Ранен комиссар дивизии, ранение, кажется, серьёзное, мы его везём в госпиталь, да вот, по требованию фельдшера, заехали к вам. Раненому стало очень плохо.

Вскочив на колесо машины, Борис залез в кузов. Там на сене, покрытом плащ-палаткой, лежал бледный черноволосый человек лет сорока, одетый в форму пограничника с четырьмя шпалами в петлицах и орденом Красного Знамени на груди. Это был полковой комиссар Григорьев, комдив. Его шея и часть груди, выглядывавшие из-под разорванной почти напополам гимнастёрки, покрывали бинты, и слева, выше сердца, на повязке алело пятно крови, которое, хотя и медленно, но увеличивалось.

Дыхание раненого было затруднено, и при каждом вдохе слышалось какое-то бульканье. Лоб его покрывали крупные капли пота, временами у угла рта появлялась струйка пенистой крови. Лицо его было бледным, глаза ввалились, однако, пульс, хотя и частый, прощупывался довольно отчётливо. Комиссар был в сознании и, видимо, понимал тяжесть свое-

го положения. Увидев Алёшкина в белом халате, спросил:

– Доктор, я буду жить?

– Будете, будете, – по возможности бодро сказал Борис, хотя он далеко не был уверен в справедливости своих слов.

Диагноз ему был ясен – проникающее ранение в грудную клетку, открытый пневмоторакс. Таких раненых за эти дни ему приходилось оперировать не один десяток. Помощь, оказываемая в медсанбате в подобных случаях, была проста: любым способом и как можно скорее следовало закрыть рану, чтобы прекратить доступ воздуха в плевральную полость. Спрыгивая с машины, он сказал ожидавшему его майору:

– Нужна немедленная операция! Сейчас мы его выгрузим и отнесём в операционную. Лев Давыдович, давайте санитаров, – обернулся он к Сангородскому.

Но майор взял его за руку:

– У меня распоряжение начсандива везти прямо в госпиталь, ведь до госпитальной базы ехать не больше пары часов, дорога хорошая... Я не могу согласиться на операцию здесь. Помогите чем-нибудь так! – сказал он.

Алёшкин разозлился, однако сдержал себя и постарался объяснить кратко и доходчиво, не повышая голос:

– Вы его за это время потеряете! О чём разговаривать? Надо делать то, что надо!

Сердясь, он невольно сказал это громче, чем следовало, часть его слов достигла слуха раненого. Фельдшер, нагнувшаяся к больному, поднялась, подошла к краю машины и

сказала:

– Комиссар требует, чтобы оперировали его здесь, если это надо.

Майор развёл руками, а в это время санитары уже перекладывали раненого на носилки. Оперировал комиссара Борис, вызвав на помощь Картавцева. К этому времени самый опытный врач медсанбата Башкатов уже совсем не вставал с постели.

Через полчаса рану удалось зашить, сверху наложили плотный слой марли и ваты. Ловкие руки Кати Шуйской, взявшейся делать перевязку комиссару, быстро и туго забинтовали раненого, ему сразу стало лучше. Выпив кружку горячего чая с небольшим количеством вина, он совсем повеселел:

– Спасибо, доктор, – сказал он, – как ваша фамилия?

– Алёшкин, – ответил Борис. – А вы, товарищ полковой комиссар, не разговаривайте, а то все мои труды пропадут даром.

В это время в медсанбате появился Перов. Он подъехал вместе с группой автобусов и санитарных машин. На одну из этих машин и погрузили раненого комиссара. Перов решил сопровождать его сам и немедленно отправился в путь. Надо отметить, что с того момента, как Перов был назначен временным командиром медсанбата, он совершенно преобразился. Куда девались его разухабистость и нагловатое ёрничество, которое ранее сопровождало его появление в любом

месте батальона? Собственно, они почти пропали ещё раньше, когда дивизия попала в первые бои, и на медсанбат обрушилась лавина раненых. Но тогда, чувствуя себя каким-то ненужным, лишним что ли (ведь для командира санвзвода в этот момент никакой работы не было) и, страшась того, что его могут направить на работу в операционную или перевязочную, он стушевался, стараясь сделаться незаметным.

Теперь же, когда армейский хирург Фёдоров возложил на него такую ответственную задачу, как командование всем медсанбатом, Виктор Иванович вдруг понял себе цену. Стремясь оправдать это назначение в глазах своих подчинённых, знавших его с другой стороны, а также обладая достаточным умом и умением воздействовать на людей, он решил самым деятельным образом помогать начальнику эвакуоотделения доктору Долину. Последний являлся абсолютно штатским человеком, не умевшим ни командовать, ни на чём-либо настаивать. Он явно не справлялся со своими обязанностями, и эвакуация стала самым узким местом в работе медсанбата, Перов это уловил. Понял он также и то, что всякая задержка с эвакуацией будет чревата тяжёлыми последствиями как для всего санбата, так и для него лично, как командира батальона, хотя и временного. Чувствовал Виктор Иванович, что дальнейшее отступление дивизии вызовет за собою отход армии, а, следовательно, передислокацию на юг и санотдела армии, а он очень хотел попасть к начсанарму, чтобы любым путём избавиться от должности, которую

временно должен был исполнять. Сопровождение столь высокопоставленного раненого, каким был комиссар дивизии, являлось самым удобным предлогом для поездки в санотдел армии.

Кроме того, в санбате стояли две машины, загруженные химимуществом, принятым Перовым в Ленинграде под личную ответственность. Он очень опасался за его судьбу, поэтому решил взять эти машины с собой, чтобы разгрузить их на армейских складах.

Все остальные автобусы и санитарные машины были загружены другими ранеными и отправлены в путь. Как потом оказалось, это была последняя колонна машин, прибывшая в медсанбат за ранеными.

Глава одиннадцатая

В тот день бои на этом участке Карельского фронта достигли особой силы. Немецко-финским войскам удалось овладеть городом Выборгом, и они быстро стали продвигаться в юго-восточном направлении, охватывая левый фланг армии. Правофланговые части, выдержавшие в течение трёх с половиной суток несколько яростных атак противника, потерявшие от артиллерийского и миномётного огня чуть ли не половину своего личного состава, очутились под угрозой окружения. А в этот период войны само слово «окружение» вызывало панический страх, и немудрено, что, услышав его, части, находившиеся левее 65-й дивизии, начали стремительный отход на юг. То же самое пришлось делать и ей.

Противник быстро обнаружил начавшееся отступление этих частей, и, сопровождая свои действия жёстким миномётным и артиллерийским огнём, в свою очередь, двинулся за ними. Вероятно, измотанным частям 65-й стрелковой дивизии пришлось бы совсем плохо, если бы не пятый пограничный отряд, командир которого принял решение любыми средствами задержать противника, чтобы дать возможность дивизии, в своё время выручившей его, оторваться от врага.

Всю ночь с 12 на 13 августа по дороге, проходящей в нескольких десятках метров от расположения медсанбата,

двигались повозки, машины и пешие бойцы отступавших частей. Чтобы как-то помочь задерживающему врага погранотряду, командир дивизии оставил в арьергарде артиллерийский полк. Своим огнём он сдерживал противника.

Следуя в трёх-четырёх километрах за отступавшими частями дивизии, немецко-фашистские подразделения, наткнувшись на неожиданное сопротивление пограничников и довольно мощный огонь артиллерии, остановились, а части 65-й стрелковой дивизии продолжали отходить.

Перед начсандивом стояла задача любыми средствами вывезти всех раненых из полков и батальонов, и он вместе с врачами был всецело занят этим. Для отправки раненых использовали все средства. Многие пострадавшие, даже с довольно серьёзными ранениями, видя отступление войск и боясь попасть в плен, отправлялись в тыл по дороге (она была единственной) пешком, и, естественно, что, дойдя до флага с красным крестом, вывешенного у въезда в медсанбат, немедленно сворачивали в его расположение. Скоро здесь скопилось около тысячи раненых, большинство из них имели лёгкие ранения, и Сангородский взял на себя смелость сразу же направлять их в эвакуопалатки. Вскоре все эти палатки были забиты людьми, также были забиты и госпитальные палатки, а раненые бойцы и командиры продолжали прибывать.

Перов и Долин до сих пор не возвращались. Алёшкин, оставшийся в медсанбате за старшего, догадался использо-

вать проходящий транспорт. Он подзвал к себе старшину Красавина, которого считал самым боевым из младших командиров, приказал ему взять двух бойцов из сменившейся охраны, выйти на дорогу и заворачивать любой транспорт в медсанбат, не стесняясь, если будет нужно, угрожая оружием, чтобы грузить на захваченные машины и подводы хотя бы по два-три раненых. Эта мера принесла некоторые плоды, с её помощью удалось отправить человек пятьсот.

Тем временем возвратившиеся с фронта машины медсанбата привезли новую партию тяжёлых раненых, и медсестра Фаина Хаизова передала, что начсандив, которого она видела в ППМ 51-го полка, приказал медсанбату свёртываться и следовать к югу до Пюхляярви, где ожидать дальнейших распоряжений. Этот приказ возмутил Алёшкина и Сангородского. Было件нятно, что начсандив совершенно не представлял, что делалось в медсанбате.

Получив распоряжение Исаченко, Борис позвал политрука Клименко, Сангородского и начштаба Скуратова, чтобы решить, как действовать. В эвако- и госпитальных палатках находилось около пятисот обработанных раненых. В сортировке и операционно-перевязочных – более двухсот, требующих хирургического вмешательства. В распоряжении санбата имелось около двадцати машин, при всём желании погрузить на них всех было невозможно. А имущество? Медицименты, инструменты, палатки и личный состав медсанбата? А потом, пока не будет оказана помощь этим последним

двумстам раненым, вообще свёртывать ничего нельзя. На их обработку, даже при условии полного прекращения новых поступлений, потребовалось бы не менее десяти часов.

Посоветовавшись, приняли такое решение:

1. Сангородский с фельдшером и санитаром, как и Красавин, выйдут на дорогу и всех раненых, которые в состоянии следовать дальше, сделав им на ходу перевязки, точнее, поправив имеющиеся, в медсанбат не допустят.

2. Красавин со своими людьми продолжит ловить любой транспорт и грузить на него возможно большее число раненых.

3. Алёшкин вместе с остальными хирургами максимально ускорит хирургическую обработку ожидающих.

4. Скуратов вместе с Прохоровым погрузят на санитарные машины всех самых тяжёлых транспортабельных раненых (таких было человек шестьдесят) и немедленно отправят их в распоряжение госпиталей.

5. Клименко и свободные от дежурств санитары и хозяйственники начнут свёртывание палаток по мере их высвобождения от людей и имущества.

К утру отправили пять санитарных машин, в которых лежало по четыре тяжёлых и сидело по два раненых средней тяжести. Вела эту колонну машин командир госпитальной роты, врач Прокофьева. С ней отправилась одна из её медсестёр, снабжённая самыми необходимыми медикаментами, шприцами и перевязочным материалом.

Прокофьеву пришлось отправить потому, что в числе эвакуируемых находились и такие, которые ранее были признаны нетранспортабельными, следовательно, могло понадобиться присутствие врача. В одной из машин следовал и врач Башкатов, состояние которого становилось всё тяжелее.

Часов в девять утра 13 августа, когда в медсанбате оставалось около ста человек необработанных раненых, неожиданно на «эмке» въехали двое военных, один имел в петлицах три шпалы, другой две. Их встретил дежурный по медсанбату старшина Ерофеев. Приехавшие потребовали доложить обстановку, тот доложил. Тогда старший из них с возмущением стал кричать:

– Где здесь командир медсанбата? Почему до сих пор медсанбат не эвакуируется? О чём врачи думают?

На этот крик из всех эвако- и госпитальных палаток стали выбегать и выползать бойцы и командиры с забинтованными головами, руками и ногами. Многие из них не знали об отступлении дивизии и догадались об этом только сейчас. Естественно, поднялась паника, раздались крики:

– Почему нас здесь держат? Почему не вывозят? Немцам хотят оставить?..

Борис, только что окончив очередную операцию, с красными от бессонницы глазами, пошатываясь от усталости, вышел из операционной, услышав крики. С другого конца лагеря бежал политрук Клименко. К раненым бросились врачи и медсёстры из эвакоотделения и госпитальной роты и при-

нялись их успокаивать.

Приехавшие, видя, какой переполох они наделали своим криком, сразу замолчали, и когда к ним подбежал Клименко, гораздо тише и спокойнее спросили его, где командир и почему медсанбат не эвакуируется.

– Командира медсанбата здесь нет. Сейчас самый старший – командир медроты хирург Алёшкин, вон он идёт.

– Да что он, пьян, что ли? – возмущённо воскликнул один из прибывших. – Он что, не может быстрее идти?

– Он вторые сутки не выходит из операционной, – сухо ответил Клименко.

Кричавший смутился. Тем временем Борис приблизился к этим командирам.

– Простите, пожалуйста, кто вы такие будете? – спросил он спокойно, но довольно сурово.

Военные переглянулись.

– Я прокурор дивизии, – сказал командир, имеющий три шпалы, а это начальник особого отдела.

– Будьте добры, предъявите ваши документы, – продолжал в таком же спокойном тоне Борис.

Командиры пожали плечами, однако повиновались, тем более что после слов Алёшкина к ним с двух сторон подошли дежурный старшина и сопровождавшие его бойцы с винтовками на изготовку, да и Клименко расстегнул кобуру.

– Ну-ну, вы нас не перестреляйте ещё, вот наши документы, – сказал начальник особого отдела. – А вы, доктор, моло-

дец, не то, что ваши подчинённые, сразу быка за рога берёте.

– Хорошо, – сказал Алёшкин, возвращая документы, и не обращая внимания на реплику начальника особого отдела. – Хорошо. Вот вы нам и поможете. Вас, товарищ прокурор, я попрошу, соберите всех ходячих раненых, постройте их, старшина Ерофеев вам помогать будет, и вместе с ними пешим порядком отправляйтесь в сторону Пюхляярве, где должны стоять госпитали. А вас, товарищ начальник особого отдела, попрошу помочь нашему старшине Красавину, который должен заворачивать любой транспорт, чтобы загружать его ранеными. Ваше звание и положение здесь может большую роль сыграть. Да, товарищ прокурор, разрешите, в вашу машину мы погрузим троих раненых и отправим её вперёд, у меня здесь лежит несколько старших командиров из полков, их надо скорее эвакуировать.

Прокурор и начальник особого отдела растерялись от слов и тона Алёшкина. Эти команды были так неожиданны и так не соответствовали их положению в дивизии, что они не успели ни возмутиться, ни возразить. А тем временем Сангородский уже усадил в их машину троих раненых командиров. Шофёр выскочил из неё и бросился к прокурору, тот только рукой махнул, мол, ладно уж.

– Товарищ Клименко, торопитесь, свёртывайте наше хозяйство. Да пришлите ко мне Пальченко! А меня, товарищи, извините, вон из операционной сестра второй раз уже выглядывает, значит, раненый на столе, – и Борис отправился к

операционной палатке.

– Ну и комроты у вас! – пробормотал начальник особого отдела.

– Где там ваш Красавин? Пойду, что ли, к нему...

Пальченко явился к Алёшкину, мывшему руки, через несколько минут.

– Вот что, товарищ Пальченко, видно, дело наше плохо, – сказал Борис вполголоса. – Берите все машины и грузите на них раненых, которые не смогут идти сами, грузите до предела, так, чтобы забрать всех. Видно, на транспорт из армии надеяться не приходится... И вместе с ними отправляйтесь на госпитальную базу.

– А как же имущество? Люди? – спросил Пальченко.

– Это будет зависить от вас... Чем быстрее вы сумеете вернуться сюда, конечно, со всеми машинами, тем больше шансов на то, что мы всё вывезем, понятно? Ну, идите, выполняйте, это приказ!

Вскоре прокурор дивизии во главе отряда раненых численностью около трёхсот человек шагал по шоссе, останавливал каждую попутную машину и подводу, догнавшую их, и втискивал в неё по два-три человека наиболее ослабевших. Стараниями начальника особого отдела, завернувшего с десятков грузовиков, и Пальченко, освободившего все машины медсанбата, часа через полтора все раненые были погружены. В эти же машины Борис приказал посадить Сангородского, Крумм, Бегинсона, Дуркова, Скворец, Криворучко и

некоторых других. К тому времени оставшиеся раненые были обработаны. Алёшкин попросил начальника особого отдела сесть в одну из машин, чтобы помочь Пальченко быстрее освободиться от раненых. Тот пожал Борису руку и только сказал:

– Есть, доктор.

Вскоре после того, как ушла последняя машина, в медсанбат зашёл старший лейтенант в форме пограничника:

– Что вы тут делаете? – изумлённо спросил он. – Сейчас пройдут последние ваши части, артиллерийский полк. Дальше нет никого, кроме нашего отряда, скоро и мы уходим. Мне приказано вот на этой просеке и канаве организовать оборонительный рубеж, чтобы наше подразделение дало возможность отойти последней оставшейся артиллерии. И вдруг вы! Ведь через каких-нибудь три-четыре часа здесь фашистские мины будут рваться, а часов через 6–7 и сами финны с немцами придут! Что вы медлите?! Где ваши машины?

– Ладно, лейтенант, – устало ответил Борис, – ты не шуми, что-нибудь придумаем.

Лейтенант махнул рукой и, сопровождаемый своими бойцами, направился к канаве и протекавшему ручейку. Скоро откуда-то из леса к нему присоединилось ещё около сотни пограничников. Вдоль канавы и русла ручья замелькали сапёрные лопаты и полетели комья земли.

А между тем усилиями санитаров, медсестёр и оставших-

ся врачей под деятельным руководством Клименко все палатки были свёрнуты и скатаны в огромные узлы, были собраны и укладки. Всё это лежало пока на тех местах, где до этого стояло. Алёшкин подошёл к Клименко и, отведя его в сторону, сказал:

– Вот что, товарищ политрук, нужно уходить, а имущество бросать нельзя. Я придумал такой выход, – и Борис рассказал Клименко о своём предложении. Политрук с ним согласился, только внёс изменение.

– Товарищ комроты, уйдёте вы, а останусь я, – сказал он.

– Нет, – ответил Борис, – не забывайте, в прошлом я тоже строевой командир. Но я постарше вас и надеюсь, что на машине мне ехать будет лучше, чем идти пешком.

Через несколько минут после этого разговора Алёшкин, подозвав к себе Наумову, Шуйскую и ещё двоих операционных сестёр, приказал им раскрыть укладки, вынуть из них все инструменты и наиболее ценные медикаменты, особенно те, что в ампулах. Затем подозвал девушку-фармацевта, помощницу Пальченко, приказал ей также отобрать и сложить отдельно все самые ценные и необходимые медикаменты.

Пока шли эти приготовления, Клименко распорядился покормить личный состав. Еды было приготовлено много, с расчётом на всех раненых, поэтому Клименко пригласил работавших метрах в ста от медсанбата пограничников. Командир их с радостью согласился. Сделав получасовой перерыв в сапёрных работах, пограничники присоединились к

личному составу санбата, и все с большим аппетитом поели. После еды Клименко и Скуратов построили весь личный состав с вещами. Алёшкин вышел перед строем и сказал следующее:

– Товарищи, наша дивизия отступила, нам тоже надо отсюда немедленно уходить. Наши машины увезли раненых, когда они вернутся, я не знаю, могут и вообще не вернуться. А у нас здесь ценное и очень нужное имущество и медикаменты. Я приказываю всем немедленно разгрузить свои вещевые мешки и сложить личные вещи вон на тот брезент. Туда же поставьте и чемоданы, у кого они есть. Когда подойдут машины, мы эти вещи обязательно погрузим, ну, а если машин не будет, то с ними придётся проститься, зато мы спасём ценный хирургический инструмент и медикаменты. Вопросы есть?

Все промолчали.

– В таком случае приступайте, а вы, товарищи, – обернулся Алёшкин к операционным сёстрам и фармацевту, – нагружайте каждого в зависимости от его силы, чтобы мог унести, да и себя не забудьте, – добавил он шутливо, чем сразу поднял у всех настроение.

Через четверть часа всё было закончено. Люди снова построились, теперь в их вещевых мешках был новый груз.

– Ну, вот и хорошо! Поведёт вас товарищ Клименко, а здесь со мной останется караул и старшина Красавин. Всего нас будет человек 25, так что для погрузки оставшегося

имущества и палаток людей хватит.

В этот момент из баньки, служившей жильём Алёшкину и Тае, с двумя туго набитыми вещевыми мешками в руках появилась и она сама. Мы говорили, что уже несколько дней она жила с ним. Узнав о свёртывании медсанбата (во время получения распоряжения начсандива она отдыхала), Тая решила подготовиться к передислокации, собрать вещи Бориса и свои. Она знала, что если выезд совершится быстро, то Алёшкин попросту бросит свои вещи. Тая, конечно, слышала команду Бориса об отправке всех женщин-врачей на санитарных машинах, но пришедшему к ней старшине Ерофееву сказала, что договорилась с комроты о том, что не поедет.

Сейчас, выйдя из баньки и увидев, что её заметил Борис, она смущённо переминалась с ноги на ногу. Тот, завидев её, воскликнул:

– Как? Ты не уехала? Почему ты здесь? Товарищ Ерофеев, почему вы не отправили Скворец вместе с другими врачами, как я приказал?

Ерофеев смутился. Ему неудобно было выдавать Таю, и он сконфуженно молчал, затем собрался с духом и ответил:

– Товарищ комроты, я говорил Таисии Никифоровне, но она ехать отказалась, сказав, что договорилась ехать вместе с вами.

Борис понял, что у Ерофеева в конце концов просто не было времени возиться с отправкой каждого врача, и поэтому, посмотрев, как можно строже, на Таю, сказал:

– Ну что же, раз не уехала с остальными врачами, пеняй на себя, теперь придётся идти пешком. Разгружай свой вещевой мешок, складывай все вещи вместе с другими, да и мой мешок брось туда же, вон в ту кучу, забирай инструменты. Иди к товарищу Наумовой, она тебя нагрузит. Да побыстрее всё это делай, видишь, уже почти все готовы, – добавил он, не обращая внимания на умоляющий взгляд молодой женщины.

– Товарищ Клименко, стройте быстрее людей! Идите!

Стараясь не встречаться глазами с Таинным взглядом, Борис быстро прошагал к тому краю поляны, где работали пограничники.

Вскоре отряд медсанбата, а их было более ста человек, скрылся из виду. Вернувшись от пограничников, Алёшкин распорядился, чтобы Красавин снял все посты и с оставшимися санитарями стащил палатки и остальное медимущество в кучу, ближе к дороге, затем он приказал принести из склада горючего, остававшегося на месте стоянки машин, – несколько бидонов с бензином, и приказал расставить их недалеко от этой кучи и также около вещей хозяйственного склада. Он принял решение: в случае вынужденного отхода сжечь палатки и имущество.

Когда эта работа была закончена, он снова отправился к старшему лейтенанту пограничников, руководившему подготовкой обороны, и сказал, что в случае начала боевых действий, он и его 25 человек поступают в распоряжение лей-

тенанта, а сейчас все они будут отдыхать, так как не спали уже две ночи. Пограничник заявил, что он не ожидал такой удали от медиков, но этому пополнению будет рад. Людей у него мало, и два десятка бойцов станут хорошей помощью.

Всё, о чём вы прочли, происходило утром 14 августа 1941 года, примерно в шесть часов утра. Ни Борис, ни работавшие под его руководством люди не замечали времени, не обращали внимания на красоту давно никем не посещаемого леса. Величественность окружавших поляну и находившихся на ней вековых елей и сосен, весело и беспечно журчавшие воды ручейка, берега которого были покрыты сочной зелёной травой, с пестревшими в ней венчиками луговых цветов, – им было не до этого. Всё-таки они успели, выполнили почти непосильный для 25 человек труд, сложив, а затем и стащив в кучи более 30 палаток, множество ящиков боевых медицинских укладок, тюков перевязочного материала и ящиков с медикаментами.

Почти все работавшие в предыдущие дни отдыхали по три-четыре часа в сутки, поэтому, как только сбор имущества был закончен, все повалились около этой кучи и почти сразу заснули. Борис и Красавин всё-таки успели поставить часовых, а сами забрались на одну из палаток и тоже почти мгновенно забылись сном.

Глава двенадцатая

Разбудил их гудок автомашины. Он прозвучал почти над самой их головой. Машина передними колёсами едва не уткнулась в кучу сложенных палаток, на которой они спали. Все почти одновременно вскочили на ноги.

– Кто там? Что такое? – ещё не придя в себя от сна и не видя в наступивших сумерках, что произошло, встревожено воскликнул Алёшкин.

– А, вот вы где, – услышал он голос Перова, выходящего из санитарки. – Это мы, со мной две санитарные машины, начинаем погрузку. Товарищ Красавин, соберите своих людей и помогите в погрузке шофёрам и санитарам, которые прибыли со мной. Грузите оставшиеся инструменты, медоборудование, медикаменты. Что взять, вам фармацевт Верочка покажет, я её с собой захватил. Вторую машину нагрузите продовольствием, в ней приехал Ерофеев, он знает, что надо взять в первую очередь. Да, при погрузке действуйте осторожнее, тише, передовая ведь совсем близко. «Кукушки» уже могли просочиться, засекут нас, тогда достанется на орехи. Борис Яковлевич, сядем-ка на эту кучу палаток, закурим... Может, у вас тут поесть найдётся? Со вчерашнего дня не ел, – заявил Перов.

Алёшкин подозвал одного из санитаров, приказал ему сбежать в кухню, принести какой-нибудь еды. Сам он потя-

нулся, ещё не совсем сбросив сладкий сон, достал папиросу и с наслаждением закурил. Сон, длившийся, вероятно, часов около десяти, его основательно подкрепил, и он чувствовал себя бодрым и свежим.

– Где же вы были? Почему так долго не возвращались? – повернулся он к Перову.

– Сейчас расскажу, – ответил тот, с азартом принимаясь за еду. Торопливо глотая хорошо намавленную жидковатую пшённую кашу, он продолжал:

– Так вот, приехал в это чёртово Пюхлярви, а там уже и следа нет ни госпиталей, ни эвакуопункта, ни тем более кого-нибудь из санотдела армии, все эвакуировались! Они и машин-то нам не посылали, потому что все сразу переезжали. Часа два я толку добивался, пока какой-то майор из особого отдела объяснил мне, что и госпитальная база и санотдел находятся где-то около Парголово, под самым Ленинградом. Часть РЭП оставлена у Лейникуля, туда ехать часа два, это в стороне от нашего шоссе. Поехал я туда, а они ещё не развернулись, раненых не принимают, предложили мне нашего комиссара в Ленинград везти. Еле-еле уговорил начальника, чтобы они отправили раненого на своей машине в сопровождении врача. Мое химмущество принять категорически отказались, пришлось направить помкомвзвода в Ленинград, не знаю, как он там от него избавится. Сдал я комиссара, из других машин раненые (там всё больше ходячие были) сами вылезли, я и оформлять их сдачу не стал, поехал

обратно, знаю, как нам здесь машины нужны. Только мы на наше шоссе выехали, смотрю, а навстречу нам машины, люди, подводы, раненые прямо валом валят! Встретил я одного знакомого лейтенанта, спрашиваю, в чем дело. «Отступаем, брат», – отвечает. Проехал ещё немного, встретил Прокофьеву с её машинами, рассказал, как в распределительный эвакуопункт проехать. Она тоже подтвердила, что мы отступаем, и сказала, что есть приказ начсандива развернуться в Петяярви. Этот пункт почти рядом с тем находится, где сейчас распределительный эвакуопункт развёртывается, мы через него проезжали. Поручил ей после разгрузки туда проехать, а сам взял с собой Ерофеева, пару санитаров и сюда подался. Когда уже подъезжал, встретил старшего врача полевого медпункта 41-го стрелкового полка Иванцова, он со своим имуществом и людьми куда-то на юг едет. Остановился он и говорит: «Куда вы едете, товарищ Перов? Ведь ваш медсанбат давно уже в Петяярви передислоцировался, а мы километра через два развёртываться будем. Тут у развилки дорог наш полк должен оборону занять». Я говорю: «Как же так, отступаете? У меня же там медсанбат остался!» «Э-э, – говорит, – твой медсанбат, если на месте остался, уже давно немцы или финны забрали». Ну, думаю, вот так влип! Однако решил всё-таки вас искать. Поехали дальше, навстречу из-за поворота с одной из просёлочных дорог «санитарка» выскочила, остановились, из неё выходит Исаченко: «Товарищ Перов, где медсанбат?» Вот это, думаю, да-а... «Как, –

говоря, – где, наверно, стоит у Хумалайнена, ведь в нём полно раненых было». «Как же так, – говорит, – я посылал распоряжение о передислокации, просил прокурора и начальника особого отдела заехать в медсанбат и проверить, как идёт передислокация. Медсанбат, наверно, сейчас в пути. Я только что от начсанарма, и товарищ Фёдоров доложил о том, какие перестановки в медсанбате сделаны, как он работает и что вы временно назначены его командиром. Начсанарм приказал развернуть медсанбат недалеко отсюда, на берегу озера в посёлке Юкки-Ярви, там хороший удобный дом есть, бывшее шюцкоровское училище, в нём и приказано развернуться». Показывает мне на карте место, а ведь вы знаете, у нас карты-то нет, я говорю: «Как мы без карты-то это место найдём? Давайте хоть вашу». Поморщился начсандив, однако отдал. Взял я карту и говорю: «Я всё-таки сейчас в Хумалайнен съезжу. Даже если они и получили ваше распоряжение, так всё равно своим транспортом раненых и всё имущество взять не могли. Я, хоть часть, да подберу». Он ответил: «Ну что ж, поезжайте, а я должен рыскать по полкам, надо помочь полковым медпунктам места подобрать. Ничего наши полковые врачи пока ещё не умеют. В прошлом бою опять много раненых мимо полковых пунктов и медсанбата прошло прямо в госпитали, от начсанарма нагоняй получил». Поехал я дальше, проехал километров десять, а еду черепашим шагом, встречный поток очень густой, да ещё каждый командир, у которого на подводе или машине сидит

несколько человек раненых, старается нас остановить, нагру- зить этими ранеными и повернуть обратно, повоевать в до- роге пришлось... Километров через десять вижу – колонна наших грузовых машин идёт. Ну, думаю, славу Богу! Оста- новились. Из передней выходит Пальченко и докладывает, так, мол, и так, везу раненых, а часть где-то там, сзади, пеш- ком идут. Рассказал мне, как ты прокурора и нач. особого от- дела заставил нам помогать, а имущество осталось на месте. Приказал я ему как можно скорее в распределяющий пункт своих раненых доставить, если отказывать в приёме будут, выгружать прямо на землю, и как можно скорее за вами воз- вращаться. А сам со своими машинами дальше к Хумалай- нену поехал. Кстати, колонны под водительством прокуро- ра так и не встретил, наверно, всех рассадил по подводам да машинам. Проехали еще километров шесть, вижу, сидят на обочине у края дороги наши врачи, сёстры и санитары. Кли- менко наши машины заметил, на дорогу вышел, руками ма- шет. Я, конечно, остановился, и стали мы думать, что дальше делать. Решили так: Клименко со всем женским медперсо- налом и частью санитаров грузится в три санитарные маши- ны и следует в это проклятое Юкки-Ярви. Подготавливают там помещение под операционную, перевязочную и начина- ют готовиться к приёму раненых. А я с двумя оставшимися «санитарками» следуя сюда, забираю из оставшегося са- мое необходимое оборудование, медикаменты, немного про- довольствия, штабные документы, вас и немедленно еду то-

же в Юкки-Ярви. Оттуда пошлём на машине связного в Петярви, чтобы поймать Прокофьеву с её машинами. Остальные, кто здесь есть, останутся дожидаться Пальченко, – закончил Виктор Иванович свой рассказ, отодвигая одновременно в сторону и пустой котелок.

– Что же, хорошо, – заметил Алёшкин, – за исключением одного: я с вами не поеду. Там на первый случай врачей хватит, а здесь из средних командиров я один остался. Мы с Красавиным всё свёртывали, и только мы знаем, где что лежит. Как тут Пальченко ночью, а, видимо, он уже совсем поздней ночью приедет, будет всё искать? Так, товарищ комбат, лучше будет.

Перов минуту подумал, затем сказал:

– Пожалуй, так действительно будет лучше... А в случае чего, всё сжечь! Так начсандив приказал.

– Да мы уж и без его приказа приготовились.

– Вы что же, так никаких наших войск и не видели? Где же пограничники-то, далеко отсюда? – спросил Виктор Иванович.

– Где их основные силы, не знаю, а часть вон в той канаве окопалась, здорово замаскировались. Шагов сто каких-нибудь, а их и не заметишь. Сегодня весь день там работали, окапывались.

В это время из темноты, как-то совсем бесшумно и неожиданно появился уже знакомый нам пограничник:

– Вы, товарищи, ещё долго здесь будете шебуршиться?

Боюсь, что «кукушки» обнаружат вас, и не избежать тогда нам миномётного налёта, а мне уже сообщили, что вскоре на этот рубеж наши основные силы подойдут, пытаясь за ночь оторваться от противника. Так что давайте, заводите ваши драндулеты, да жгите побыстрей!

Узнав от Бориса, что сейчас будет увезена только небольшая часть имущества, а за остальным приедут другие машины, и он пока со своими людьми остаётся здесь, лейтенант покачал головой и сказал:

– Вот ещё несчастье на мою голову! Пойду, доложу начальству, и если оно запретит пропускать сюда новые машины, дам команду их завернуть. Там, на дороге, километра полтора отсюда у меня КПП стоит, они и завернут.

– А как же с имуществом? – в один голос воскликнули Алёшкин и Перов.

– Что вы там о каких-то брезентах да десятках мешков с бинтами беспокоитесь! – сказал угрюмо лейтенант. – Вон ваши ДОП, артполк всё имущество бросили, бросите и вы. Если мы успеем, то сожжём перед отходом, ведь отходить-то нам всё равно придётся, если удастся, конечно, – добавил он. – Ну, пока. Пойду звонить!

Виктор Иванович вновь предложил Алёшкину ехать с ним, и тот снова отказался, ссылаясь на то, что, если уж действительно машины Пальченко сюда не пустят и остановят где-то километра за полтора, так тот вместе с людьми уж обязательно сюда доберётся и, может быть, ещё кое-что смогут

вынести на руках...

Тем временем погрузка санитарных машин была закончена и, не зажигая фар, стремясь производить как можно меньше шума, обе «санитарки», забитые медимуществом и удовольствием до предела, выскользнули на дорогу и скрылись в темноте. А ночь была удивительно тёмной, безлунной, небо затянули густые облака, из которых временами накрапывало, и даже в трёх-четырёх шагах ничего не было видно.

Борис, Красавин и окружавшие их санитары сидели около сложенных палаток, покуривая в кулак, и разговаривали о том, что шофёрам сейчас ехать невероятно трудно, и вряд ли до рассвета Пальченко со своими машинами сможет сюда добраться. Следует помнить, что в то время включать фары во время движения машин было категорически запрещено, ехать приходилось буквально на ощупь. Таким способом одолеть полтора десятка километров представлялось невероятным трудом и требовало очень много времени. Алёшкин ни Красавину, ни санитарам не рассказал о том, что, может быть, машины Пальченко и вовсе не придут. Потом разговор перекинулся на «кукушек», и Красавин заметил:

– По-моему, насчёт «кукушек» много лишнего болтают. Если бы их на самом деле было много, они бы нас обязательно засекали. К нам сейчас подкрасться ничего не стоит, пара гранат – и поминай как звали, и никаких миномётов не надо!

– Нас ещё тоже найти надо, – возразил один из санитаров, поддвигая поближе к себе автомат, которым он успел обжа-

вестись, забрав его у одного из раненых.

Нужно заметить, что почти все санитары в Хумалайнене сумели поменять свои старые винтовки, полученные в Софрине, на карабины, десятизарядные винтовки и даже автоматы. Имелся автомат и у Алёшкина. Как известно, ППШ в то время в Красной армии были ещё довольно редким оружием, но 65-я стрелковая дивизия формировалась около Москвы, и её строевые части получили очень хорошее и новое оружие, в том числе много автоматов ППШ. Обычно винтовки и пистолеты у раненых отбирались еще в ППМ, но часто бойцы попадали в медсанбат, минуя ППМ, поэтому оружие и оседало здесь. Кстати сказать, кроме медсанбатовского имущества, на поляне около складов лежала порядочная груда разнообразного личного оружия и гранат, всё это также предстояло вывезти.

Время шло, близился рассвет, кое-кто задремал, но выпавшиеся перед этим Борис и Красавин сидели, курили папиросу за папиросой и молчали. Каждый из них думал свою думу.

Борис вспоминал Александровку, Катеринку свою, ребят: «Что-то они там сейчас делают? Получили ли деньги? Здоровы ли? Наверно, Текушев опять Кате проходу не даёт, со злостью думал Борис. Ну, вернусь, я ему покажу! А Майка, опять, наверно, вся в шелковице вымазалась, так, поди, и спит в пятнах, ведь не отмоешь её. Да, а далеко сейчас до них, и когда мы встретимся?.. Времени всего месяц прошёл,

а кажется, что уже больше года не виделись».

Затем его мысли перекинулись на здешнее: «Как-то там, в этом Юкке-Ярви? Сумеет ли развернуться? Да, а где Тая? Забыл Перова спросить... Где она? Вот странно: ведь она мне тоже дорога стала. Конечно, это совсем не то, что Катеринка, её мне никто не заменит, но и об этой, второй, тоже теперь сердце болит. И что я за человек такой, – думал Борис. – Зачем мне ещё здесь какая-то лишняя забота, и без того дел по горло хватает... А вот, поди ж ты, встретил женщину и... Ведь я её и раньше хорошо знал, и не один год, и никогда на неё и внимания-то не обращал, а тут почему-то сблизился. Интересно, а как она? Серьёзное это у неё чувство или так, со скуки, или, вернее, со страху? Мол, кругом мужики, не отвяжешься от них, так пусть хоть свой знакомый будет. А может быть, она и на самом деле думала обо мне и раньше, ещё в институте, как она говорит. Эх, Борис, Борис, опять ты запутался в своих личных делах, – думал Алёшкин. – Э! – махнул он рукой. – О чём я? Может, завтра меня и в живых-то не будет, а я тут самокопанием занимаюсь...»

Он и не подозревал, что положение его самого и находившихся с ним людей на самом деле серьёзно, и только задержка немецко-фашистских войск или их нежелание продвигаться в темноте в какой-то мере спасло их. Но Борис понимал, что машины Пальченко могут не прийти, и тогда, выполняя приказ начсандива, придётся уничтожить всё это так

необходимое медсанбату имущество и, конечно, не уходить, а оставаться с пограничниками, отбиваться от врага вместе с ними и отступать после приказа тоже вместе с ними. А там, неизвестно, кому удастся выйти из этого боя живым и получится ли разыскать свой медсанбат...

Многое ещё передумал за эту ночь Борис, многое вспомнил и как будто пережил вновь, в том числе он как бы снова прожил эти последние дни и ночи, эту сумасшедшую работу в санбате. Взглянув на то, что творилось там в эти дни как бы со стороны, он обнаружил огромное количество ошибок, допущенных и им самим, и другими врачами, и его помощниками. Много, очень много, начиная с развёртывания батальона и заканчивая отправкой раненых, делалось в медсанбате неправильно, допускались грубейшие нарушения, но в суматохе отступления этого словно не замечали. «Да, – вновь сказал он себе, – видно, плохо и мало всех нас, медиков, учили перед войной! Вот она, настоящая-то учёба, только сейчас началась!»

Незаметно посерело небо, стали видны силуэты деревьев. Со стороны канавы послышался какой-то шорох и лёгкий шум, иногда там раздавалось звяканье металла о металл. Вскоре от кустов, которые прикрывали канаву со стороны поляны, отделилась тень человека и стала приближаться к тому месту, где сидел Борис.

– Товарищ комроты, не спишь? – вполголоса спросил приблизившийся человек, это был всё тот же лейтенант-погра-

ничник. – Наш дивизион уже прибыл сюда и разместился. Отряду удалось оторваться от противника, он ушёл незамеченным. На прежних позициях осталось лишь небольшое прикрытие, а весь отряд теперь разместился здесь, недалеко. Командир дивизиона приказал передать, если через час ваши машины не придут, их сюда не пускать, так как появление машин будет заметным, их всё равно расстреляют, да и нашу линию обороны раскроют. И вы тоже через час отправляйтесь к своим, так приказал командир дивизиона, мы как-нибудь пока и сами справимся.

– Хорошо, – ответил Алёшкин, – конечно, когда совсем рассветёт, машины сюда пускать бессмысленно, но, пока здесь находится наше имущество, мы тоже останемся здесь, так и передайте командиру дивизиона. Пока я от своего командования приказа на то, чтобы бросить имущество и уходить, не получу, я уйти не могу, – тут Борис прервал свою речь, так как услышал шум приближающихся автомашин. – А вот и наши! – радостно воскликнул он. – Старшина, быстрее подымайте людей, снимайте посты, готовьтесь к погрузке.

Действительно, в этот момент на поляну въехали одна за другой все 12 машин медсанбата. Из первой выскочил Пальченко и бросился к Алёшкину:

– Вы живы? А там уже слух прошёл, что вас всех финны побили! Я уже на ура ехал, а тут всё цело, все живы, вот здорово-то! – воскликнул Пальченко, взяв Бориса за руку.

– Живы, живы, – ответил Алёшкин, – и давайте скорее грузиться, пока ещё живы, потому что выберемся ли живыми, не уверен. Не зажигайте фар, – закричал он, бросаясь к одной из машин, шофёр которой, перебираясь через топкий ручей к складу продовольствия и кухням, включил фары.

На ходу он обернулся к Пальченко:

– Я пойду туда, к ним, а вы быстрее грузите медимущество и палатки, старайтесь поменьше шуметь и управитесь побыстрее.

Но вряд ли бы те 30 санитаров, которые были в распоряжении Бориса и Пальченко, управились с погрузкой всех машин, если бы им на помощь не пришли пограничники: под командой старшего лейтенанта их подошло человек пятьдесят.

Объединёнными усилиями всё оставшееся имущество медсанбата было погружено за каких-нибудь 15 минут. Как только какая-либо из машин оказывалась заполненной до отказа, она немедленно двигалась к шоссе, отъезжала за контрольный пункт, поставленный пограничниками, и там останавливалась, дожидаясь остальных, чтобы далее следовать колонной.

Наконец, осталось две машины, на одну из них погрузили последние запасы горючего и часть пустой тары из-под него, а на другую – оставшееся продовольствие, и прицепили к ней большую, так называемую артиллерийскую кухню.

Если первые десять машин грузились ещё почти в полной

темноте и выехали на дорогу почти бесшумно, то с последними дело осложнилось. На одной из них железные бочки стучались между собою и, подпрыгивая на рытвинах и ухабах, которые пришлось пересекать машине, подняли сильный шум. Вторая, с большим трудом перетягивая тяжёлую кухню через болотистую лощину, вынуждена была довольно долго работать на первой скорости, что само по себе создавало достаточно шума.

Передовые части противника, находившиеся на расстоянии чуть больше километра, услышали этот шум, и через несколько минут на ту территорию, где только что стоял медсанбат, посыпались мины, однако она была уже пуста. Машины, наделавшие переполох, тоже успели выбраться на шоссе.

Этот эпизод обошёлся почти без потерь, если не считать нескольких лёгких ранений, полученных санитарями на последних машинах.

Алёшкин выехал на шоссе в первом грузовике, Пальченко ехал в кабине последнего, с прицепленной кухней. Он не пострадал, хотя одна из мин разорвалась в нескольких десятках метров от него. Как только связной от Пальченко доложил Алёшкину, что вся колонна в сборе, тронулись в путь. Дорогу на Юкки-Ярви Пальченко описал Борису ещё раньше, она была пустынной. Основные части дивизии: пехота, артиллерия и та часть обозов с имуществом, которое успели вывезти, – уже прошли. До места назначения доехали 15 августа часам к одиннадцати.

Глава тринадцатая

Шюцкоровское училище в посёлке Юкки-Ярви представляло собой трёхэтажное здание на берегу небольшого, окружённого лесом озера. Почти половина здания была разрушена, в остальной его части, более или менее сохранившейся, и расположился медсанбат, точнее, та его часть, которая выехала первой.

Подъехав к зданию, стоявшему посреди красивого парка, Алёшкин и Пальченко постарались замаскировать свои 12 машин в одной из аллей. Сопровождавшим их людям дали разрешение отдыхать, а сами отправились разыскивать командира медсанбата.

Зайдя в здание, они увидели страшную картину: все комнаты первого этажа были заняты обработанными и необработанными ранеными, всё было перемешано. Измученный Сангородский метался между ними, выискивая тех, которые нуждались в наиболее срочной помощи хирургов.

Борис, конечно, сразу же решил идти в операционную, находившуюся на втором этаже. Там, в части комнат тоже сидели и лежали раненые, направленные Сангородским. Медсестра Тарасова, оказавшаяся очень полезным помощником Льву Давыдовичу, устанавливала порядок поступления их в операционные.

Оперблок состоял из двух комнат – в одной развернули

перевязочную на четыре стола, в другой операционную. Все врачи, ранее приехавшие в Юкки-Ярви (Бегинсон, Картавецев, Дурков), и их помощники работали всю ночь, первую половину дня и выглядели донельзя утомлёнными. Все, кто был отправлен из Хумалайнена пешком, проделав 15-километровый марш, да ещё со значительным грузом, спали в соседней комнате.

Возглавлял работу в операционно-перевязочном блоке армейский хирург Фёдоров. Увидев входившего Алёшкина, он отошёл от стола, на котором уже перевязывали только что обработанного им раненого, и сказал:

– Вот хорошо, что вы появились! Вы не разгружались? Молодцы, заберите с собой всех отдыхающих где-то тут врачей и сестёр, посадите их на свои машины и отправляйтесь к Перову, он сейчас выбирает место в районе Петяярви. Там на столе карта, посмотрите, где это. Прибыв на место, немедленно развернитесь, часа через три-четыре мы весь поток раненых переключим на вас. Армия наша продолжает с боями отходить, отступает и дивизия. Надо успевать хоть как-то обрабатывать поступающих раненых, которые, учтите, могут быть и не только из вашей дивизии. Когда вы развернётесь, мы отсюда снимемся и присоединимся к вам. За обработанными ранеными сейчас придёт транспорт из распределяющего эвакуопункта. Всё понятно? Торопитесь, я уже дал распоряжение сюда раненых больше не завозить.

– Понятно, – ответил Борис.

Подойдя вместе с Пальченко к столу, они разобрались в карте, наметили себе маршрут и пошли искать и будить всех, кого им надлежало взять с собой. Через полчаса их колонна вновь уже двигалась по шоссе, к ней присоединились ещё четыре санитарные машины.

Пожалуй, нет надобности повторять, сколько труда и сил было вложено всеми врачами, фельдшерами, медсёстрами, санитарями и хозяйственным аппаратом медсанбата, который за время с 5 по 20 августа 1941 года сменил восемь мест дислокации, то есть восемь раз свёртывался и развёртывался, причём шесть раз ему пришлось развёртываться почти полностью. Кроме Хумалайнена, где он провёл семь дней, ни на одном месте более суток медсанбат не задерживался. Это были уже известные нам Шюцкоровское училище в Юкки-Ярви, дачи в Петяярви, несколько лесных массивов с полянами и без, с ручьями, озёрами, небольшими речками и берегом реки Вуокса. Так длилось до тех пор, пока медсанбат не развернулся в большом сосновом лесу около посёлка Авволово, который, по существу, уже был пригородом Ленинграда.

За этот период из медсанбата выбыли, кроме уже упомянутых нами ранее командира и комиссара, врач Башкатов, отправленный на лечение в Ленинград, пять санитаров, убитых при артиллерийских налётах во время сопровождения эвакуированных раненых, также погибла одна медицинская сестра. В числе санитаров, шофёров и медсестёр имелось

двадцать раненых, большую часть легко, из врачей медсанбата пока не пострадал никто.

Понятно, что всем здоровым во время этих непрерывных переездов приходилось работать с ещё большим напряжением, чем раньше. Многие врачи не спали по нескольку ночей подряд, многие сёстры и санитары спали урывками по 2–3 часа в сутки. Во время передислокаций спали, взгромоздившись на высоченные кучи нагруженного на грузовики имущества, и не сваливались с этих куч просто каким-то чудом. Большинству медперсонала пришлось познакомиться с такими работами, о которых они раньше не имели понятия, и не только познакомиться, но и научиться их быстро и толково выполнять. Теперь уже никого не затрудняла подготовка, расчистка, вырубка, а иногда и раскорчёвка необходимой площади под палатки, быстрая их установка и немедленный приём раненых по прибытии на новое место.

Как-то сами собой уже выработались порядок и очерёдность развёртывания палаток. Все, или почти все, уже понимали, что по прибытии на новое место нужно прежде всего развернуть палатку для сортировки, и это позволит сразу принять первую партию раненых. А пока их будут принимать в сортировке, кормить, поить и регистрировать, вполне можно успеть развернуть хотя бы одну операционную. Установка первой палатки теперь отнимала менее 15–20 минут, и потому медсанбат мог доложить о готовности начать приём раненых уже через полчаса по прибытии на новое место.

Полное же развёртывание самых необходимых подразделений медсанбата происходило за 4–5 часов.

Единственное, чего пока не успевали делать ни на одном из прошедших этапов, это развернуть или построить что-либо для жилья и отдыха личного состава. Все сбрасывали свои вещи где-нибудь в кучу около того места, где работали, и если удавалось, то спали, разостлав плащ-палатку и укрывшись шинелями тут же, около этой кучи вещмешков. Естественно, что после Хумалайна никто из отдохавших не разувался и не раздевался.

Такая напряжённая работа и полное отсутствие хотя бы минимальных удобств основательно истрепали всех. Медсанбатовцы похудели, как-то почернели, но продолжали с тем же энтузиазмом и энергией начинать всё сначала на каждом новом месте дислокации.

Появился в медсанбате за это время и первый награждённый человек. Это была медсестра Фаина Хайрулина, татарка. Мы о ней как-то говорили, как о девице довольно легкомысленного поведения и, пожалуй, слишком покладистого характера. Наряду с этими отрицательными качествами, Фаина была храброй и решительной девушкой, без всякого страха и сомнения готовой сделать всё, чтобы только спасти доверенных ей раненых. Она находилась в составе эвакуотделения и проводила сопровождение раненых из полковых медпунктов в медсанбат. Через несколько дней неразберихи в этом вопросе удалось установить определённый порядок, и

вывоз раненых из полков эвакуотделением медсанбата осуществлялся довольно чётко, хотя дивизия, а вместе с нею и лечебные учреждения, продолжали отступать.

На одном из этапов этого отступления Фаина сопровождала три машины с ранеными. Сидя в первой из них, она подъехала к мосту через реку Вуокса. Сапёры, которым было приказано взрывать мост, увидев мчавшуюся по дороге санитарную машину, не стали спешить, и когда она въехала на мост, закричали:

– Проезжай скорей, сейчас взорвём!

– Как это взорывём? – спросила Фаина, высунувшись из машины (говорила она с невозможным акцентом).

– А так и взорвём, – смеясь, ответил ей молодой красноармеец, – подожжём вот шнур и взорвём.

Фаина была уже на земле:

– Тебе что, очумела? Мать твою!.. У меня там ещё два машин раненых остался, а ты взрывать! Ты хочешь раненый фашистам отдавать, да? – наступала Фаина на молоденького сержанта, которому было поручено минирование и взрыв моста.

– Да пойми ты, дурья твоя башка, у меня приказ в 9:00 взорвать мост, – кричал тот, показывая на часы.

– Взрывать будешь, когда я скажу. Ну, ты, – обернулась Фаина к своему шофёру, – давай назад, – и она выхватила пистолет. – Сдавай на мост!

Шофёр попятил машину, и через полминуты она стояла

уже на середине моста.

– Куда ты, чёрт! – закричал сержант, готовясь поднести зажигалку к концу бикфордова шнура.

Фаина пробежала мимо сапёров к машине и встала рядом с ней:

– Вот, теперь взрывай, попробуй! Там, – показала она на машину, – 12 человек раненый лежит, и я с шофёром, ну взрывай, взрывай! – кричала она.

Сержант в недоумении остановился, окружавшие его сапёры предложили силой утащить Фаину с моста, но как только они двинулись с места, девушка навела на них свой пистолет и крикнула:

– Не подходи, я хорошо стреляй, продырявлю глупый башка.

Они в нерешительности остановились. В этот момент из леса выскочили две отставшие санитарные машины и полным ходом понеслись к мосту. Фаина села в кабину и приказала шофёру съехать на берег, а когда через несколько минут остальные машины к ним присоединились, она снова высунулась из кабины и крикнула:

– Эй, сержант, взрывай мост-то! Чего ждёшь? Смотри, фашисты в плен возьмут, – и засмеявшись, приказала ехать в медсанбат.

В батальоне она доложила только о том, что у шофёра Ванечки не вовремя спустил баллон, и что ему за это надо дать наряд вне очереди. Но в первой машине находился раненый

инструктор политотдела дивизии, он слышал и видел всё, что произошло на мосту. Письменно он доложил об этом начальнику политотдела, и по его ходатайству Фаина была награждена медалью «За отвагу». Это была первая награда в медсанбате. Правда, пока пришёл только приказ о награждении, саму медаль вручили гораздо позднее, но в тот период времени, во время отступления, наград достаивались очень редко.

Прибыл новый командир медсанбата, военврач третьего ранга Васильев. Это был кадровый военный, служивший до войны старшим врачом пехотного полка в Ленинграде. На одном из мест временной дислокации медсанбата в каком-то лесу, когда Борис, пользуясь небольшим затишьем в поступлении раненых, вечером сидел около операционной палатки на замшелом пеньке и с наслаждением курил, к нему подошёл какой-то военврач, совершенно незнакомый, назвал его по имени и отчеству и заявил:

– Я ваш новый командир медсанбата, моя фамилия Васильев. Я надеюсь, что мы сработаемся. Как мне сказали в санотделе армии, а также подтвердил и начсандив товарищ Исаченко, ведущий хирург медсанбата, врач второго ранга Башкатов заболел. Пока он не выздоровеет, вы будете его замещать, ну и, конечно, командовать своей ротой. Я скажу прямо, в хирургии я ничего не смыслю, в этом деле буду полагаться на вас. Если вам будет нужна какая-либо помощь административного порядка, в любое время обращайтесь ко

мне. Сейчас появилась возможность отдохнуть?

– Да, – ответил Алёшкин, – раненых пока мало, вот и удалось перекур устроить.

– Ночью начнём передислокацию на новое место. Теперь уже за нашу старую границу, почти к самому Ленинграду, – грустно сказал Васильев. – Ну, да по этому поводу я ещё дам команду, а пока отдыхайте, – и, козырнув Борису, он ушёл.

Помимо смены командира медсанбата, за этот отступательный период в дивизии произошли изменения более существенные и важные. Но личный состав батальона, до предела загруженный работой, не имел ни времени, ни возможности о них узнать, и они стали предметом обсуждения и толков только тогда, когда медсанбат оказался в районе Авволова, где и обосновался на более или менее длительный срок. Пользуясь правом повествователя, мы расскажем об этих переменах сейчас.

Во-первых, почти одновременно с заменой бывшего командира дивизии вместо раненого комиссара дивизии прибыл новый. Как мы помним, генерал, назначенный ещё в Софрине, в военном отношении был, очевидно, не особенно хорошо подготовлен, ведь он умудрился потерять свой штаб, а, следовательно, и управление дивизией в первый же боевой день. Вместо него назначили полковника из пограничников, но и ему на этой должности удалось продержаться всего около десяти дней. В одном из арьергардных боёв, где, пытаясь дать возможность дивизии оторваться от врага, отча-

янно сражалась часть 41-го полка, новый командир дивизии принимал личное участие, был тяжело ранен и эвакуирован в Ленинград. Некоторое время дивизия вообще не имела командира, его заменял молодой майор, начальник штаба Юрченко. Перед прибытием медсанбата в район Авволото в дивизии появился новый командир, полковник Климов – кадровый военный, командовавший до войны полком где-то под Псковом. В медсанбате о его назначении узнали сразу, потому что его жена-врач, прибывшая в дивизию вместе с ним, была назначена в батальон.

За это же время произошли большие перемены и в командном составе полков: некоторые командиры и врачи погибли в боях, многие были ранены. Одним словом, 65-я стрелковая дивизия подошла к старой границе почти в половинном составе, где наконец-таки её сменили свежие соединения, уже прочно подготовившие и сумевшие, как известно, удержать оборону на этом рубеже до конца блокады Ленинграда.

В тяжёлых отступательных боях дивизия потеряла не только значительную часть людей, но и большую часть артиллерии, транспорта, боеприпасов и продовольствия. Единственным подразделением, сумевшим почти полностью сохранить всё своё имущество, оказался медсанбат. И как сказал на совещании начальник политотдела дивизии, это произошло благодаря мужеству и энергии всего личного состава батальона и, прежде всего, врачей, командовавших его под-

разделениями.

Так или иначе, медсанбат наконец-таки остановился, причём остановился так, что ему не нужно было сразу же принимать большое количество раненых. Он мог спокойно вернуться и привести своё хозяйство и людей в порядок.

Новый командир дивизии через начсандива Исаченко приказал выдвинуть вперёд, километра на четыре от основного расположения батальона, особый отряд, который должен был принимать на себя небольшой поток раненых, поступавших из частей. Они всё же могли быть, ведь дивизия не ушла куда-то в тыл на отдых, а находилась во втором эшелоне обороны, и её личный состав мог нести потери от артиллерийского и даже миномётного огня.

После небольшого совещания, проведённого командиром медсанбата Васильевым, решили в этот отряд выделить три палатки ДПМ: сортировку, операционно-перевязочную и эвакуопалатку. Возглавлять отряд поручили командиру медроты Алёшкину. Ему выделили следующих врачей: Картавцева, Скворец и жену комдива Климову. Начальником сортировки по рекомендации Сангородского назначили одну из его помощниц, фельдшера Тарасову, а руководить эвакуацией поручили командиру санитарного взвода врачу Перову. На него возлагались следующие обязанности: первая – вывозить раненых из полков, для чего выделили три санитарных машины, дежурившие при ППМ; вторая – организовать вывоз обработанных раненых в распределяющий эвакуопункт

(РЭП), для чего две машины РЭП постоянно дежурили в отряде; третья – вывозить на этих же машинах особенно тяжёлых раненых, требующих обязательной госпитализации, в распоряжение основной части медсанбата. Этим раненых было решено в отряде не оперировать, а оказав им жизненно необходимую помощь, немедленно вывозить в медсанбат.

Отряд Алёшкина, как его стали называть, пробыв в районе Авволово около трёх часов, отправился обратно, ближе к передовой. Впереди, оторвавшись на полкилометра, на санитарной машине ехали Алёшкин и Перов, выбирая подходящее место. Хотя по карте оно и было определено, но требовалось проверить его на местности. Как и ожидалось, точка, намеченная командиром медсанбата на карте, оказалась непригодной: это была болотистая низинка, заросшая осинником, среди которого большие брезентовые палатки были бы видны и с воздуха, и с земли, как на ладони, особенно в связи с наступавшей осенью, когда опадут листья. Посоветовавшись, «разведчики» решили ехать дальше, ещё ближе к передовой.

Через километр от указанной им точки они увидели довольно значительный лесной массив из елей и сосен, расположенный на небольшом песчаном возвышении, через которое от шоссе вела лесная дорога. Оставив на перекрёстке одного из взятых с собой санитаров, они углубились в лес и метрах в трёхстах от шоссе обнаружили хорошую поляну, окружённую высокими елями и берёзами. На самой поляне

группами росли те же деревья. Свой выбор остановили на этом месте.

Дело шло к вечеру, где-то вдалеке слегка погромыхивало, видимо, не только 65-я стрелковая, не только 3-я армия, отступавшие с упорными боями, были истощены и измотаны. Очевидно, что и противник потерял свой наступательный порыв, выдохся, и, столкнувшись со свежими частями и хорошо оборудованной линией обороны, вынужден был остановиться и тоже перейти к обороне.

Вскоре подъехали и остальные машины отряда. Место было одобрено всеми, прибывшие приступили к развёртыванию и оборудованию палаток. Через три часа палатки были установлены, более или менее оборудованы и подготовлены к приёму раненых. К счастью, лужайка оказалась достаточно удобной и ровной, так что подготавливать место для палаток, то есть вырубать деревья и выкорчёвывать пни не пришлось. Ну, а вырубку нескольких кустов и выравнивание необходимой площади для пола лопатами все уже привыкли за работу не считать.

Немного в стороне от медицинских палаток решили устроить жильё для личного состава. Предполагалось, что отряд простоит на этом месте неопределённо долгое время – неделю, две, а может, и месяц, поэтому нужно было устроиться поосновательнее, тем более что спать прямо на земле стало уже невозможно: холодно и сыро. Случилось так, что все самые сухие места на поляне заняли медицинские палат-

ки, а для жилья осталось место более низкое и сырое.

Ночь все провели в сортировочной палатке. Поужинали кашей, сваренной поваром ещё в пути. Само собой разумеется, что у отряда была своя полевая кухня (как мы помним, в медсанбате их имелось три). Ни ночью, ни утром раненых не поступало, и поэтому с первыми же лучами солнца все приступили к сооружению жилья. Санитары, заняв место на краю поляны под большими елями, натянули двумя скатами один из палаточных полов, прикрепили к нему по периметру плащ-палатки, пол устлали лапником. Получилась довольно вместительная самодельная палатка, в которой смогли разместиться те 20 санитаров, которые входили в отряд. Шестеро медсестёр таким же образом соорудили палатку для себя, правда, в ней было тесновато, но, так как трое из них постоянно дежурили в операционной и сортировке, то места должно было хватить. Руководил постройкой этих жилищ старшина Красавин, ему же Алёшкин поручил построить из нескольких плащ-палаток жильё для врачей Скворец и Климовой. Последняя впервые в жизни попала в такие походные условия и была порядочно расстроена, так как совершенно не представляла, как она здесь будет существовать и работать. Ей, женщине уже немолодой, вероятно, старше 45 лет, пребывание в подобных условиях было не только непривычным, но и тягостным. Она не кичилась своим положением жены командира дивизии, оказалась толковым врачом, хотя и очень небольшим хирургом. Климова очень быстро

сошлась со всеми, а с Таей они стали подругами.

Алёшкин и Картавец умело поставили себе индивидуальные шалаши-палатки. На этот раз они даже умудрились сделать из нескольких жердей и сена подобие настоящих постелей. Конечно, такую же постель Красавин соорудил и в палатке женщин-врачей.

Часам к 11 утра строительство жилья закончили. День был тёплый, солнечный, ясный, и вдруг в небе послышался рокот самолёта. Тут Алёшкин схватился за голову:

– Батюшки, а палатки-то замаскировать мы не догадались!..

Он подозвал Красавина и отдал соответствующий приказ. Через полчаса все палатки были укрыты еловыми ветками, к их стенкам прислонили свежесрубленные берёзки и осинки, и незнающему человеку было бы трудно разглядеть палатки не только с воздуха, но и с земли – месяц войны не прошёл даром. Хотя на этом участке фронта у фашистов самолётов применялось мало, и летали они очень редко, всё же санбатовцы научились маскироваться достаточно хорошо.

Первые раненые поступили около двух часов дня, и, начиная с этого момента, поток их уже не прекращался. Привозили их небольшими партиями, по три-четыре человека, в большинстве легкораненых, и медперсонал отряда с ними справлялся без труда. Разделились на две бригады, в одну входили Борис и Тая, в другую – Картавец и Климова. Соответственно разделились и медсёстры. Решили работать по

12 часов в сутки, а затем, если поток раненых увеличится, то по 18 часов, чтобы какую-то часть времени оперировать одновременно всем четверым врачам. К такой нагрузке врачи и медсёстры уже привыкли и считали её вполне нормальной.

Однако пока поток раненых не увеличивался, хотя они и поступали непрерывно. Каждая бригада вполне справлялась со своими обязанностями. Хуже пришлось сортировщице, фельдшеру Тарасовой: её спальное место было тут же, в сортировке, около столика, и она могла отдыхать только в перерывах между прибывавшими машинами.

Более или менее напряжённая работа отряда длилась дней пять, затем количество раненых резко сократилось и наступило затишье. Вокруг расположения отряда оказалось много грибных мест, и все свободные от дежурств и работы люди постоянно разбредались за грибами. Собранные грибы сдавались на кухню, и повар в дополнение к пайку готовил очень вкусные блюда.

В это время за Надеждой Петровной, так звали Климову, муж, командир дивизии, прислал машину, чтобы свозить её в Ленинград проститься с эвакуирующейся дочерью. Борис узнал от Таи, что семья Климовых до войны жила в Ленинграде, у них были два сына и дочь. Сыновей призвали в первые же дни войны, и одного (моряка) направили на Северный флот, а другого (инженера) – куда-то на запад. От них не было пока никаких вестей. Дочь служила в каком-то научном институте и сейчас вместе с ним эвакуировалась из

Ленинграда.

Климова пробыла в отлучке около двух суток и возвратилась вместе с мужем. Тот, приняв рапорт от командира отряда Алёшкина, вместе с ним обошёл палатки, осмотрел территорию лагеря и остался доволен хорошей маскировкой, а также результатами работы отряда, который, приняв на себя весь поток раненых, дал возможность основным силам медсанбата спокойно и основательно развернуться. При этом комдив нашёл и недостатки: поскольку основная часть медсанбата, да и отряд тоже, не зарывается в землю, то становится очень уязвимым как с воздуха, так и при артобстреле:

– Ваше счастье, что финны и немцы не ведут сейчас огня тяжёлой артиллерией по этому району, а то несколько снарядов – и от ваших палаток ничего бы не осталось. Артиллерия достанет вас легко: от передовой до вашего отряда всего около четырёх километров. Могут достать и тяжёлые миномёты. Впрочем, вам теперь окапываться уже нет смысла. Я сегодня переговорю с начсандивом и думаю, что вы вернётесь в медсанбат. Свою задачу вы выполнили, дивизия наша теперь отводится глубже в тыл, так как нуждается в отдыхе и пополнении. Думаю, что раненых почти не будет, – так сказал командир дивизии Алёшкину, когда тот провожал его к машине.

Проводив комдива, врачи уселись на пеньки около палаток, и Надежда Петровна рассказала о своей поездке. С грустью говорила Климова о военном Ленинграде. Кольцо

блокады всё более и более сжималось, в городе уже стал ощущаться серьёзный недостаток многих продуктов. Однако, как говорила она, жители города, хотя и имели вид озабоченный и невесёлый, но держались спокойно. Предприятия, оставшиеся в городе, работали в полную силу. Очень многие, направленные в эвакуацию, уезжать не хотели, стараясь под всякими предлогами остаться в городе, и подчинялись только прямому, иногда очень строгому приказу.

А положение города с каждым днём становилось всё тяжелее и тревожнее. Фашистские войска, преодолевая упорное сопротивление частей Красной армии, уже овладели станцией Чудово, перерезав таким образом Октябрьскую железную дорогу, и, продолжая наступление, рвались к станции Мга, чтобы, заняв её, пересечь таким образом последнюю железную дорогу, непосредственно связывавшую Ленинград со страной.

Рассказывая о положении на фронтах, Надежда Петровна сообщила много нового и очень печального. До сих пор Красная армия, несмотря на отчаянное сопротивление и огромный урон, наносимый ей фашистскими полчищами, остановить продвижение врага не сумела. После упорных боёв оставляли всё новые и новые города. «Неужели в самом деле фашистская Германия так сильна и непобедима? – невольно задавал себе вопрос Борис. – Неужели мы так слабы и беспомощны? В чём же дело? Ведь так много говорилось о нашей высокой боеспособности, о том, что мы будем

воевать малой кровью и в основном на чужой территории. Как же так получилось? Выходит, мы сами себя обманывали, зачем это?»

Такие вопросы возникали не только у Алёшкина, но и почти у всех, кто так или иначе был связан с событиями на фронте и не получал какой-либо серьёзной политической информации. А с медсанбатом, и в особенности с его передовым отрядом, дело обстояло именно так. В течение месяца ведя тяжёлую изнурительную работу, когда не было времени даже на то, чтобы поесть и поспать, а не то чтобы думать о чём-либо, кроме своей непосредственной работы, все как-то забыли про то, что идёт большая война. Санбатовцы видели только тот крошечный в общем масштабе участок, в делах которого потонули с головой. Но как только наступила небольшая передышка, люди отоспались, как бы пришли в себя и стали интересоваться, конечно, прежде всего положением на фронтах. К сожалению, в распоряжении медсанбата не было радио, а центральные, даже ленинградские, газеты поступали очень нерегулярно, сводок информбюро на постоянной основе никто не читал и не знал. Выходивший в дивизии боевой листок заполнялся в основном описанием событий, происходивших на участке дивизии, и остальные события освещал очень скупо.

Сказывалось и то, что, по существу, в медсанбате до сих пор не было толкового политработника. Заменивший комиссара батальона младший политрук Клименко не мог охва-

тить всю многообразную работу батальона, что, конечно, сказывалось и на настроении личного состава.

Через два дня после посещения медсанбата командиром дивизии последовал приказ о свёртывании передового отряда и присоединении его к основному лагерю батальона. Это заняло немного времени, и часа через четыре после получения приказа отряд возвращался в расположение батальона. Дело происходило поздним вечером, было очень темно, и в медсанбате все уже спали, поэтому машины отряда не разгружались и все приехавшие расположились на ночлег или в машинах, или под ними.

Утром их разбудил крик дежурного:

– Подъём!

Давно уже никто из передового отряда не слышал этого крика, чуть ли не с самого Софрина, однако, он не только разбудил их, но заставил почувствовать себя как бы дома, в нормальной, спокойной обстановке.

Когда все прибывшие выбрались из своих случайных ночных убежищ, то их глазам предстала удивительная картина. Медсанбат располагался на большой, возвышающейся над остальной местностью поляне, окружённой вековыми елями и соснами. От шоссе на Тосново к этой поляне вела лесная просёлочная, но довольно хорошая дорога длиной около двух километров. На одном краю поляны, недалеко от того места, где ночевали прибывшие машины, стояло три палатки ДПМ. За склоном, ведущим к небольшой речке, дымились

походные кухни. Остальная часть поляны, вернее, песчаного холма, была вся изрыта огромными ямами разнообразного размера.

Наскоро умывшись, Алёшкин побежал разыскивать комбата Васильева. Встреченный им Пальченко показал рукой на группу больших ёлок, стоявших немного в стороне от поляны, и сказал:

– Он там, внизу...

Борис направился в указанном направлении, раздумывая над словами Пальченко.

«Как это внизу, когда речь идёт о вершине холма», – думал он. Но размышлять долго не пришлось. У группы деревьев он увидел небольшую ямку с аккуратно сделанными в ней ступенями, на которых стоял Клименко и старательно брился, поглядывая в зеркальце на краю ямы.

– А, товарищ комроты, прибыли? Ну, поздравляю, командир дивизии приказом тебе благодарность объявил, не то что нам, а нам нагоняй устроил, заставил все палатки свернуть. Мы к его приезду старались их поскорее все расставить, а вышло только хуже. «Вы, – говорит, – имущество не бережёте, вас же расстреляют или разбомбят, даже замаскировать палатки не потрудились! Вон, у Алёшкина бы поучились: можно носом в палатку уткнуться и не заметить её! А у вас, как на ярмарке», – кричит. А когда там маскировать, если мы только-только последний кол вбивали, а его машина уже на территорию въезжала? Не успели просто. Ну, да разве

начальству объяснишь... Вытянулись по стойке «смирно», стоим, молчим. Он пошумел, пошумел и приказал все палатки немедленно снять и рыть землянки: «Будете в них работать, и чтобы за три дня всё сделать и мне доложить». Еле упростили его, хоть пока вот те три палатки оставить, а сами за работу принялись. Вот уже сутки копаемся, да пока ещё ничего путного не выходит. Ямы рыть легко – грунт песчаный, а вот дальше не получается. Пока стены сырые – держатся, а высыхают и начинают ползти. Ведь землянки-то надо большие строить, не меньше палаток, иначе в них не развернуться! Да заходи к нам, нам с комбатом землянку быстро построили, посмотри, как получилось.

Клименко, вытирая лицо (он уже успел закончить бритьё), спустился вниз, открыл маленькую дверцу и зашёл в некое подобие погреба, следом за ним шагнул и Алёшкин. Землянка, которую он увидел, представляла собой квадратную яму размером два с половиной на два с половиной метра, её стены были обиты утеплением от палатки ППМ, а потолок состоял из круглых брёвен толщиной 12–15 сантиметров. Как выяснилось, брёвна лежали в два наката. Сверху их засыпали песком и обложили дёрном так, что снаружи землянка была незаметна. Посредине ямы стоял стол, на нём – аккумулятор, около него – небольшая автомобильная лампочка, укреплённая на деревянной подставке, по бокам стола – сколоченные из жердей козлы, а на них укреплены носилки, закрытые плащ-палатками, это были «койки» комбата и Кли-

менко.

Увидев вошедшего Алёшкина, Васильев встал со своего ложа и воскликнул:

– Вот это хорошо, что вы прибыли, теперь займётесь строительством медицинских землянок. Вас комдив тут расхваливал, так вот, оправдывайте его доверие.

Бориса немного покоробил завистливый и не очень приятный тон, которым сказаны были эти слова, но он прекрасно понимал, что строительством землянок, их оборудованием, как и дальнейшей работой в них, всё равно в первую очередь придётся заниматься ему, поэтому он коротко ответил:

– Есть строить землянки. Разрешите разгрузить прибывшие машины и приступить к работе?

– Да-да, конечно! Надо подумать только, как сделать так, чтобы в землянках, отводимых под лечебные учреждения, не сыпалось так с потолка, как у нас, – сказал комбат более дружелюбно и показал рукой на маленькие холмики песка, которые находились там и сям на импровизированном столе землянки.

Алёшкин заметил, что временами из щелей потолка вдруг начинала с сухим шелестом сыпаться тоненькая песчаная струйка, образуя новые холмики на столе и койках. «Да-а, – подумал Борис, – в операционной такое недопустимо». Однако ничего не сказал, а лишь спросил, прикладывая руку к пилотке:

– Разрешите идти?

– Да-да, идите, – вновь сухо кинул комбат.

Очевидно, похвала комдива, сделанная Алёшкину и его отряду, пришлась не по нраву новому комбату.

Подойдя к машинам, на которых было всё ещё сложено имущество отряда, Борис застал своих за завтраком. Котелок с макаронами и мясной подливой из консервов стоял на подножке санитарной машины, в которой он спал. На этой же подножке сидела Тая. Он сел рядом и за завтраком рассказал ей о полученном задании.

– Придётся мне теперь переквалифицироваться из хирурга в строителя блиндажей и землянок, – невесело пошутил он.

Та возмутилась:

– Да что же это? Всё ты, да ты! В отряд, где много работы, – тебя, здесь, когда работа уже не врачебная, а чисто хозяйственная, снова на тебя взваливают, так же нельзя! Вот я поговорила с врачами, остававшимися здесь, они за эти десять дней ни одного человека не приняли. Сангородский говорит, что от скуки даже самодеятельность стали готовить. А тебе, не успел приехать, как новую работу дают!

Борис усмехнулся и сказал:

– Ничего, война ведь, гулять и отдыхать некогда, а что они концерт готовят, это хорошо. Ну, я пойду, надо кое с кем посоветоваться.

Борис направился к Красавину, сидевшему неподалёку.

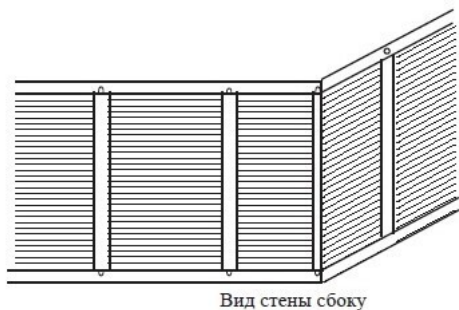

Коротко рассказав ему о полученном задании, он спросил, нет ли среди санитаров роты хороших плотников. Оказалось, что старшина знает бывшего прораба, строителя Колесова, который в своём колхозе построил немало временных и постоянных сооружений. Это был уже пожилой мужчина лет сорока пяти, призванный из запаса второй очереди, высокого роста, широкоплечий, с добрым улыбчивым лицом, голубыми глазами и светлыми волосами. Он, да ещё санитар Аристархов, работавший всё время с Борисом в операционной, и оказались главными советчиками и помощниками Алёшкина.

Думать о том, чтобы вырыть котлованы, в которых могли бы уместиться палатки ДПМ, было просто невысказано. Тогда пришлось бы копать ямы глубиной до пяти метров. На это не хватило бы ни сил, ни времени, а самое главное, на дне ям могла появиться грунтовая вода. Дело шло к осени, стояла вторая половина августа, все знали, какова бывает ленинградская осень. Решили сделать так: вырыть пять котлованов глубиной 2–2,5 метра, по размерам палаток ДПМ, и разместить в них основные части медсанбата – сортировку, перевязочную, операционную, госпитальный взвод и эвакуационное отделение. Для всего остального землянки делать позднее.

Возник вопрос о том, как укрепить осыпавшиеся песчаные стенки котлованов. Колесов подсказал хороший выход. Он не рекомендовал срубы, как собирался делать комбат. На них потребовался бы длинный и толстый лес, но вблизи рас-

положения батальона рубить его не разрешалось, это бы их демаскировало, а носить на себе толстые брёвна, даже за полкилометра, было трудно. Колесов посоветовал делать стенки в виде заборов из сравнительно тонких и коротких жердей, которые можно было легко принести и также легко пригнать друг к другу. Устройство этих защитных стен он предложил такое: собрать внизу каждого котлована раму из довольно толстых брёвен, выдолбить гнёзда для стоек, в стойках протесать пазы и в эти пазы закладывать жерди; когда стены дойдут до верха, то стойки вновь соединить рамой из более толстых брёвен. Схематично стены котлованов выглядели так.

Вид стены сбоку

Вид стены сверху

Тут уже возникла мысль и у Бориса. А что, если не накрывать стенки накатами, а завершить это сооружение стропилами, на них уложить из тонких брёвен подобие крыши и засыпать землёй? Но пока об этом он не сказал никому.

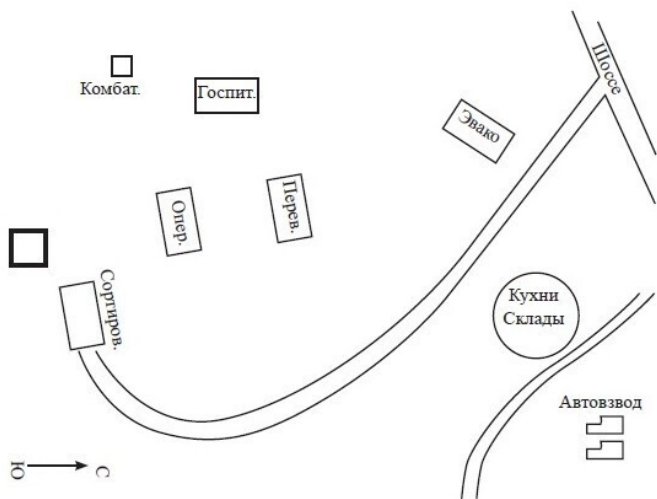
По приказанию комбата свободные от дежурств (дежурили в трёх развёрнутых палатках), а также санитарный взвод, который получил особое задание, передавались в распоряжение Алёшкина и должны были выполнять работы по строительству.

У Бориса таким образом сформировалась строительная артель, как он шутил, человек в 150. Самым трудным оказалось найти инструмент и материалы, но тут выручил начхоз Прохоров. Узнав, что нужно, он съездил в сапёрный батальон, расположенный недалеко, и применив все свои дипломатические способности, а может быть, и кое-какие материальные добавления, сумел достать штук сорок больших лопат, десять поперечных пил, столько же плотничьих топоров и пять ящиков гвоздей. Всё это позволило начать работать на следующий день.

Свою артель Алёшкин разбил на три группы. Самая большая, в которую вошли, кроме санитаров, все медсёстры и даже врачи, – землекопы. Вторая по величине, состоявшая из одних мужчин, – заготовители леса. И третья, самая малочисленная, но, пожалуй, самая важная, – плотники. Их набралось человек 15, и все они в прошлом имели дело с плотницким ремеслом, этой группой руководили сам Борис вместе с Колесовым. Группу землекопов возглавлял врач-эвакуатор Долин, но, в сущности, командовал там людьми старшина Красавин. За заготовку леса взялся Картавец, ему помогал Аристархов. Подходящий по размерам сосняк нашли

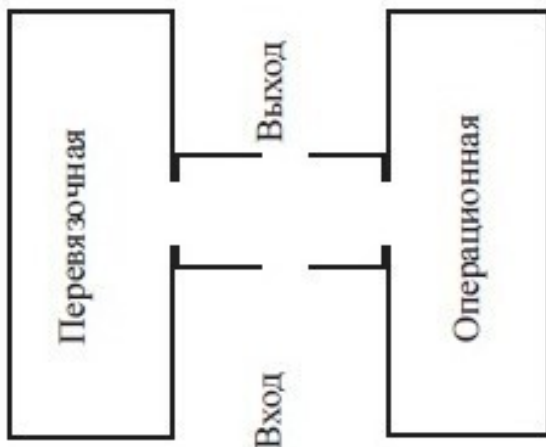
километрах в трёх от лагеря санбата. Для доставки нарубленного леса выделили две грузовые машины. Работа закипела.

Конечно, прежде чем приступать к строительству, Борис и Колесов составили план размещения основных объектов медсанбата. Он выглядел так:

Решили работу начать с перевязочной, хотя уже были почти готовы котлованы для сортировки и госпитальных палат. Во время рытья котлована для перевязочной возникла мысль связать её с операционной, и в окончательном варианте операционно-перевязочный блок, как его стали называть, при-

нял следующий вид:

Уже к вечеру котлованы необходимой глубины и размера были готовы. Грунт, как мы уже упоминали, был песчаный, и потому работа продвигалась быстро. Единственной задержкой служили попадавшие на пути корни больших деревьев, окружавших котлованы. Вместе с теми, что имелись у шофёров батальона, набралось 60 лопат. Землекопов было больше, но они сменяли друг друга в процессе, так что все не слишком устали и были готовы к выполнению дальнейших работ. Решили, что на следующий день начнут рыть котлованы для аптеки, лаборатории, штаба и жилья личного состава. Кое-кто из врачей решил вырыть себе индивидуаль-

ные землянки, в числе их были Алёшкин, Картавец, Дурков и другие. Сангородский решил жить в землянке сортировки, для чего в котловане, предназначенном для неё, в одном углу вырыли небольшую выемку.

День за днём полетели незаметно. Плотники успели связать две рамы для двух помещений: операционно-перевязочного блока и сортировки. В углу поляны возвышалась целая гора аккуратно напиленных сосновых жердей, толщиной 8–10 см, длиною три метра, там же лежали брёвна для следующих рам и стоек.

Оказалось, что самой трудоёмкой работой является выемка пазов в стойках, поэтому решили от них отказаться, а просто прибивать к стойкам по две рейки из немного обтёсанных жердей и в образовавшийся таким образом между ними паз вставлять поперечные жерди. После этого дело пошло значительно быстрее, тем более что в подноске и сборке стен стали принимать участие бывшие заготовители, а плотники занимались только связкой рам, установкой в них стоек и обтёсыванием концов поперечных жердей.

К вечеру третьего дня стены были собраны во всех котлованах и, хотя они были очень красивы, отливая в лучах заходящего солнца багрянцем молодой сосновой коры, издавали приятный смолистый запах, все понимали, что в таком виде их оставлять нельзя, надо чем-то обить.

Вечером Алёшкин, Колесов и Аристархов сидели около санитарной машины, где пока жил Борис, и обсуждали план

работы на следующий день, тут Алёшкин и высказал свою мысль об устройстве перекрытий. Он уже успел подсчитать, какой длины нужен лес на стропила, и только пока не знал, как укрепить крышу. Колесов согласился с Борисом и посоветовал: чтобы крыша была легче и лежала прочнее, делать её не из целых брёвен, а колоть их пополам на плахи. Он сказал, что расколоть сосновое бревно длиной 3–4 метра труда не составляет.

Во время беседы к ним подошёл Сангородский. Некоторое время он прислушивался, а затем сказал:

– Обо всём вы подумали, а вот о санитарах не позаботились!

– Как это? – удивился Алёшкин.

– Да так! Вы представляете себе, сколько раз им с носилками придётся спуститься и подняться по вашим чёртовым земляным ступенькам? Я сегодня несколько раз без груза спускался в сортировку, и то понял, как это тяжело. А если будет такой же наплыв раненых, как в Хумалайнене, так они через три часа свалятся.

– А ведь верно! – воскликнули Борис и его собеседники почти разом. – Что же делать? – недоумённо посмотрели они на Льва Давыдовича.

Тот усмехнулся:

– А ничего особенного! Сказавши «а», надо сказать и «б»: соединить все эти землянки, начиная с сортировки и кончая эвакуапалаткой, подземными коридорами. Будет у нас «метро

имени 24-го медсанбата», – рассмеялся он.

Мысль эта всем понравилась. Посмотрели на свой план и убедились, что работа эта будет уже не так трудна, тем более что переходы можно будет отделять не столь тщательно, как лечебные помещения, да и людей уже имелось предостаточно – почти все землекопы освободились.

В этот день поздно вечером, когда большинство санбатовцев легло спать, в расположение батальона вернулся комбат Васильев. Его вызывали на совещание в штаб дивизии ещё вчера, а вернулся только сейчас. По приезде он немедленно вызвал к себе командиров рот, взводов и остальных подразделений. Так как в его землянке, конечно, все не могли уместиться, то собрание провели наверху под деревьями. Комбат сообщил, что вчера, то есть 31 августа 1941 года, немцы заняли станцию Мга, продвигаются по левому берегу Невы и ведут бои за овладение крепостью Шлиссельбург.

– Таким образом, теперь Ленинград полностью отрезан от страны, и нам предстоит пережить трудное время. Правда, – добавил он, – запасы продовольствия и боеприпасов в городе имеются значительные, но и народа в нём осталось немало, эвакуировать удалось далеко не все предприятия. А тут в город прибыло много беженцев из Эстонии и Латвии. Наша дивизия, измотанная предыдущими боями, отведена в армейский резерв и должна привести себя в порядок, пополниться личным составом за счёт того, что даст город Ленинград и удастся набрать из тыловых частей. В частности, –

сказал Васильев, – от нас забирают взвод охраны. Предложили охрану организовать из санитаров. Нам следует обосноваться прочнее, вероятно, дивизия будет в дальнейшем занимать оборону здесь. Начсандив поэтому разрешил срок работ по устройству увеличить, но делать всё так, как будто бы медсанбату здесь придётся зимовать. Если нам недостаёт каких-либо материалов, разрешили послать несколько машин в город и, что сумеем, привезти оттуда.

Вот, примерно таким было содержание речи комбата. Всех хотя и удивило, и огорчило известие о взятии Мги, но всю важность этого события как-то никто не оценил. Последнее время они привыкли слышать, как немцы захватывали разные крупные города, но относились к этому недостаточно серьёзно, поэтому взятие фашистами какой-то, почти никому не известной, станции Мга никого особенно не поразило. Сообщение комбата о полной блокаде Ленинграда тоже пропустили мимо ушей и значения этому не придали. А вот то, что можно будет закрепиться на этом месте надолго, всех обрадовало: непрерывные передислокации прошедшего месяца так измотали, что длительной остановкой санбатовцы были довольны, да и начатую работу по устройству «подземного» медсанбата хотелось завершить.

Комбат сообщил также о том, что санитарный взвод батальона получил в санотделе армии душевую установку с дезинфекционной камерой. Уже подыскали место на той же речке, немного ниже по течению, и со следующего дня пред-

полагали начать санобработку личного состава дивизии, очередь санбата ожидалась через несколько дней. Этому сообщению тоже все порадовались, ведь никто по-настоящему не мылся уже почти два месяца, если не считать купания в каналах Гатчины и некоторых озёрах Карельского перешейка. Ходили слухи, что у части санитаров на белье появились нежелательные гости.

На следующий день с ещё большим рвением продолжали работы по строительству землянок. Для установки перекрытия на поперечных брёвнах верхней рамы укрепили стойки. На них положили конёк из тонких брёвен, а на него опёрли стропила. На крышу пошли наколотые Колесовым и другими плотниками плахи, их прибили гвоздями, щели между плахами заложили лапником, нарубленным с ёлок, сверху придавили рядом сосновых жердей и наконеч, засыпали землёй. В полукилометре от территории санбата накопили дёрн и уложили его поверх земли.

За два дня закончили сортировку и весь перевязочный блок. Вне очереди пришлось готовить помещение для электростанции, так как увидели, что без света оборудовать землянки внутри просто невозможно. Когда электрик провёл в землянки свет, и там зажглись первые лампочки, стало ясно, что помещения получились хотя и внушительные, но для лечебных целей, особенно в качестве операционно-перевязочного блока, непригодные.

Целую ночь Алёшкин ворочался и думал, как привести

построенные землянки в надлежащий вид. К утру решение пришло. «Если, конечно, не заартачится комбат, но, к счастью, они с Прохоровым уехали в Ленинград. Рискну», – подумал Борис.

Позвав Аристархова и Наумову, Алёшкин изложил им свой план. Вскоре сёстры и санитары операционно-перевязочного взвода, освобождённые от всех других работ, принялись за дело. Стены операционной и перевязочной землянок обили утеплением от палаток, следом взяли белые бязевые пологи от них же, и Аристархов совместно с другими санитарями постарался как можно ровнее и аккуратнее натянуть их по всему периметру помещения, закрывая потолок и стены. Полог хорошо укрепили гвоздями, земляной пол выровняли, покрыли брезентом, на нём расставили операционные столы – стационарные и носилочные, развернули необходимые укладки, электрик укрепил проводку и повесил лампы над каждым столом. Яркий свет лампочек словно преобразил пространство: всем показалось, что это какое-то солидное подземное здание. Предоперационную и предперевязочную обтянули простынями, и они тоже приняли вполне приличный вид.

Всё это делалось втайне от врачей, медсестёр и санитаров других подразделений. Когда их пригласили посмотреть на операционно-перевязочный блок, они не скрывали восторга.

К вечеру этого же дня окончательно оборудовали сортировку, её стены также обили байковыми палаточными утеп-

лениями. Вдоль обеих длинных стен из брёвен сделали козлы высотой около полуметра и на них разложили пустые носилки. Для Сангородского была отделана маленькая земляная клетушка, стены её обили одеялами, а на потолок натянули простыню. В этой пристройке разместился небольшой топчан, на который положили матрац, рядом установили крохотный столик на ножке, врытой в землю. Лев Давыдович остался очень доволен своим жильём, однако остальные врачи, медсёстры и санитары пока оставались «бездомными». Борис распорядился, чтобы Красавин и Колесов руководили дальнейшим строительством лечебных помещений, а весь состав медицинской роты со следующего дня переключить на строительство жилья.

Несколько санитаров выделили на оборудование ходов сообщений между землянками. Первый такой ход и, пожалуй, самый длинный – метров тридцать, пролегал от сортировочной землянки до операционного блока. Ходы решили делать шириной около одного метра и глубиной до двух. Стены также забирали деревянными заборами, сверху настилали накат, закрывали лапником, землёй и дёрном. Работа по устройству ходов оказалась нетрудной – уже имелся опыт, лес для заборов остался от землянок, и дело спорилось быстро.

Аристархову Алёшкин поручил оборудовать землянку для санитаров медроты. Котлованы для неё были вырыты по другую сторону дороги, ближе к речушке и кухням. Землян-

ку для медсестёр, вместе с которыми изъявили желание поселиться и женщины-врачи, устроили немного в стороне, за эвакопалаткой.

Распределив работу на этот день между всеми, Борис решил позаботиться о землянке и для себя. Вместе с одним из санитаров он вырыл котлован размером три на два метра в обрывистом берегу речки, метрах в трёх от землянки санитаров. В одной из стен прокопал отверстие для двери и окна. Всё это сделалось быстро, вечером работа в общих чертах была закончена. Разумеется, в каждую жилую землянку электрик провёл свет.

На следующий день, а это было уже 5 сентября, из Ленинграда вернулись комбат и Прохоров, они привезли ручные продольные пилы, гвозди разных размеров, электропровод и много других строительных мелочей и инструментов. Самое главное, они привезли сотни две больших листов фанеры. Прохоров сказал, что он договорился с одним авиазаводом, на складе которого этой фанеры «до чёрта», обещали ещё дать машины три-четыре.

Теперь стены в некоторых землянках предполагалось обить поверх жердей фанерой, а если удастся, то и потолок. Таким образом была оборудована госпитальная палата. Два листа фанеры Борис выпросил для своей землянки, используя их на одну из стен и потолок. В окно вставил палаточную раму, дверь из мелких жердей сбил Колесов. Навесили её на два куска ремня, и у Алёшкина получилась вполне при-

личная, как шутил Сангородский, квартира.

Осмотрев сделанное, комбат остался доволен и предложил обить фанерой стены аптеки и лаборатории, кроме того, из неё же около кухни построили небольшой навес, под которым врыли в землю столы и скамьи. Это место должно было служить клубом и столовой.

После того, как эти работы подошли к концу, закончилось рытьё сообщений и окопов для стоянок машин, а также и землянок под склады, все стоявшие до этого палатки были убраны. В медсанбате над землёй, кроме кухонь, не осталось почти ничего.

Тем временем в батальон поступали раненые и больные. Большинство из них не требовали серьёзного лечения, и отправлять их за пределы дивизии начсандив запретил. Хотя в сутки поступало в среднем 3–5 человек, вскоре в батальоне скопилось около 50 раненых. До сих пор они жили в одной из палаток, стоявших наверху, а с принятием решения о свёртывании всех палаток пришлось построить рядом с эвакуационной ещё одну – для команды выздоравливающих. Её построили очень быстро, так как в её строительстве принимали участие и сами выздоравливающие.

5 сентября вместе с грузом из Ленинграда комбат и Прохоров привезли и почту. Помимо центральных газет, не виденных в медсанбате больше месяца, пришли письма. Это были первые письма, полученные личным составом батальона с начала войны. В числе прочих получил и Борис письмо

от своей Катюши. В нём она сообщала о получении денег, о том, что в связи с призывом в армию Скляревского на неё свалилась работа и отдела кадров. Писала Катя и о том, что на огороде уже появились овощи, поэтому зиму она надеется прожить благополучно. «Ну, а там, наверно, и война кончится, ты вернёшься, и мы опять будем вместе», – заканчивала она своё письмо.

Катерина, как, впрочем, и большинство советских граждан, ещё не вполне представляла себе размеры той опасности, которая надвинулась на нашу страну, и считала, что все неудачи Красной армии – явление временное и скоро проходящее. Так, пожалуй, считали и в батальоне, хотя силу вражеских ударов видели своими глазами.

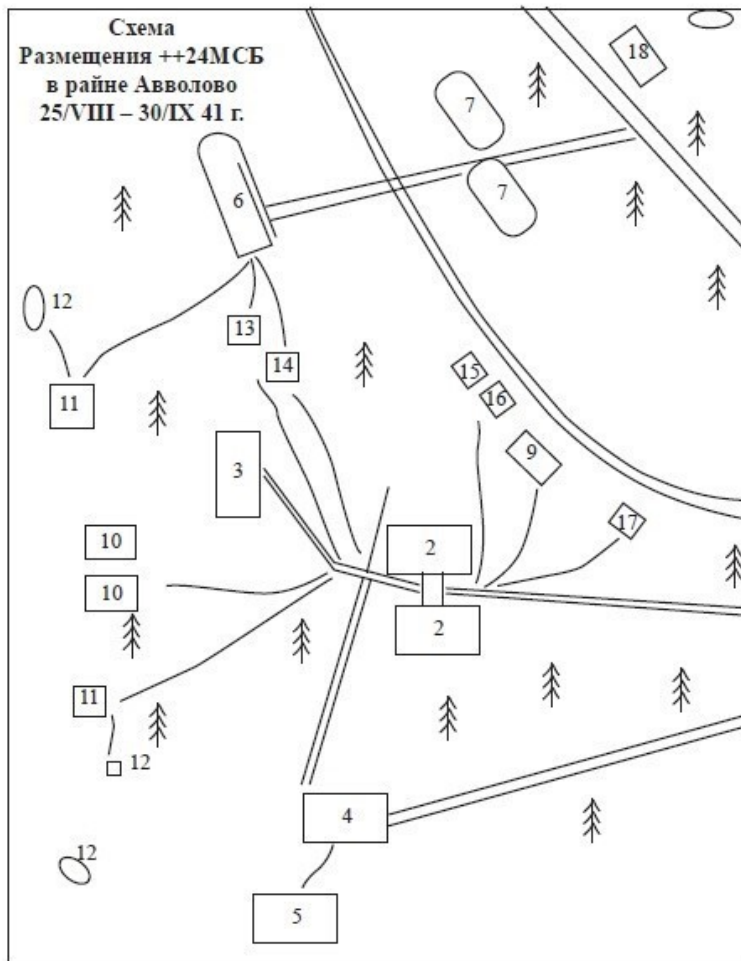
Вечером этого же дня Прохоров и комбат вновь выезжали в Ленинград, они предложили санбатовцам написать письма, а также собрать и упаковать все оставшиеся ненужные гражданские вещи, которые посылками разошлют по домам.

Все бросились писать. Отвечая на письмо жены, Борис рассказывал, что было много работы, что он с радостью отдаёт знания и силы своему делу. Катя просила его беречь себя – он успокаивал её, как мог, просил целовать ребятишек и вполне искренне сообщал, что скучает по ней и очень сожалеет, что её нет с ним. И как ни покажется такое странным и парадоксальным, это было правдой. Очевидно, он осознавал, что отношения с Таей проходящие, как война, как часть этой войны, и пока он был тут, он считал свою жизнь с ней

нормальным явлением. Но стоило Борису только на минуту подумать о том, что он едет домой, что он дома, как всё это куда-то бесследно исчезало. Может быть, и Тая думала также, кто знает?.. Во всяком случае, никакого любопытства ни к полученному Борисом письму, ни к его ответу она не проявляла.

Схема
Размещения ++24МСБ
в районе Авволово
25/VIII – 30/IX 41 г.

1. Сортировка
2. Операционно-перевозочный блок.
3. Госпитальная палатка.
4. Эвакопалатка

12. Жилье комбата.
21. Землянка санвзвода.
13. Аптека.
22. Ровики (уборные)

Закончив письма, все принялись упаковывать посылки. Выпросив у Прохорова наволочку, Борис уложил в неё свой старый гражданский костюм, сандалии, фуражку и немного книг, сунул туда же для ребят две плитки шоколада, которые получил в командирском пайке, зашил свёрток и надписал адрес.

Вообще-то посылки с вещами оказалось не так много, ведь мы помним, как в первые фронтовые дни и вынужденные пешие переходы многие повыкидывали почти всё, что захватили из дома.

Забегая вперёд, можем сказать, что посылки эти до своих получателей не дошли. Продвижение немцев продолжалось, вскоре они захватили Тихвин, и все грузы, в том числе и эти посылки, отправленные из Ленинграда через Ладожское озеро на станцию Тихвин, частью попали в руки немцев, частью были уничтожены. Однако в то время этого никто не мог даже и предположить.

На следующей неделе комбат и Прохоров вновь несколько раз ездили в Ленинград, привезли много фанеры, разного другого имущества и продовольствия. Вернувшись однажды, комбат сумрачно молчал, а Прохоров рассказывал, что в Ленинграде жить становится всё труднее и труднее. Любые продовольственные товары магазины отпускают только по карточкам, причём в очень небольших количествах. Со 2 сентября значительно (почти вдвое) сократили хлебный паёк

гражданскому населению. Почти ежедневно фашисты бомбят город, а его юго-западные окраины часто подвергаются артиллерийскому обстрелу. Войска Ленинградского фронта пополняются за счёт народного ополчения, из которого уже организовано несколько дивизий. В ополчение идёт необученная молодёжь и пожилые люди, почти старики, которые плохо знают современное оружие и тактику боя, и хотя многие из них проявляют чудеса храбрости, всё это держится на их личном патриотизме и героизме, поэтому потери в частях ополчения очень велики.

Рассказывал Прохоров обычно в сортировке, где собиралось порядочное число слушателей. Санбатовцы впитывали новости так внимательно, что не замечали, как летит время. Так и в этот вечер: когда Прохоров дошёл, кажется, до самого интересного места, в палатку заглянул дежурный по батальону Скуратов:

– Уже давно отбой, отправляйтесь спать!

Борис вынул из кармана часы и посмотрел на них. Действительно, была половина двенадцатого.

Между прочим, мы, занятые вопросами передислокации и строительства на новом месте, как-то упустили из виду одно событие, которое, хотя и не имело большого значения для медсанбата, явилось весьма заметным для нашего героя. Когда Надежда Петровна Климова собиралась ехать в Ленинград, Тая с ней о чём-то долго шушукалась. Борис, хотя и заметил, но не придал этому какого-нибудь значения. Всё вы-

яснилось позже.

Воспользовавшись возможностью, Тая собрала имевшиеся у неё деньги и передала их Климовой. Пока Борис сопровождал комдива в обходе лагеря, жена комдива с Таей о чём-то весело переговаривались, сидя в своей палатке. Проводив Климова, Алёшкин только вернулся к ним, как Тая вскочила и с сияющими глазами протянула Борису небольшой бумажный свёрток, при этом она громко воскликнула:

– Боруленька! Поздравляю тебя с днём рождения! Прости, что с опозданием, вот мой подарок!

Надежда Петровна встала и, протянув Борису руку, тоже поздравила его. Он, занятый ежедневной работой, совсем забыл о своём дне рождения и был очень благодарен Тае, что она не забыла. Но ещё больше он обрадовался, когда развернул бумагу и увидел прекрасные карманные часы марки «Омега». До сих пор у Алёшкина никогда не было ни карманных, ни наручных часов, и этот подарок пришёлся ему очень по душе. А Тая, увидев, какую радость доставил её подарок Борису, прямо-таки расцвела:

– Что часы? Ты посмотри, какие шоколадные конфеты тебе привезла Надежда Петровна! И где она их только достала? Для Картавцева она привезла бутылку коньяка, так что сегодня, если не будет много работы, мы отметим день твоего рождения.

С этого времени Борис Алёшкин носил часы в нагрудном кармане гимнастёрки и часто на них смотрел с гордостью.

Глава четырнадцатая

Гитлеровские войска остановились на берегу Невы и у пригородов Ленинграда. Несмотря на яростные и многочисленные попытки, продвинуться вперёд они не могли, несли большие потери в живой силе. Прохоров рассказывал, что во время одной из бомбёжек по сигналам немецких шпионов были подожжены самые большие продовольственные склады Ленинграда, так называемые Бадаевские, пожар уничтожил почти все запасы продовольствия, и это значительно осложнило положение города. В ближайшее время ожидалось сокращение и армейского пайка.

В преддверии зимы Прохоров заказал в одной артели железные печки, которые на днях собирался привезти, они были необходимы. Хотя осень, и особенно сентябрь 1941 года, на юге Карельского перешейка, где в это время стоял медсанбат, выдался на редкость солнечным и тёплым, всё же по ночам в землянках было уже холодно. Кое-кто, используя разные подручные средства: жестяные банки из-под молока, старые вёдра и тому подобное, – начал мастерить в своих землянках маленькие печурки, проделывая дымоходы прямо в земле. Но, конечно, для отопления больших лечебных землянок нужны были полноценные железные печки и, главное, длинные трубы.

Ещё 8 сентября фашистские войска овладели городом и

крепостью Шлиссельбург, расположенном на берегу Ладожского озера, таким образом почти весь левый берег Невы от Колпино до Ладоги оказался в руках немцев. Переправиться через Неву враг не сумел и после ожесточённых боёв в районе Колпино, куда ему, как стало известно позже, пришлось перебросить значительные силы, сосредоточенные ранее в районе Пулково и предназначенные для штурма Ленинграда, был вынужден перейти к обороне, решив взять город измором. От Прохорова санбатовцы узнали, что в Ленинграде произошла смена командующего фронтом: вместо известного прославленного маршала К. Е. Ворошилова назначили нового, до сих пор малоизвестного генерала Г. К. Жукова.

Бои западнее и южнее Ленинграда продолжали носить очень тяжёлый характер. В войсках ощущались большие потери, госпиталей в городе не хватало, а эвакуировать раненых из города не удавалось. На этом участке фронта после небольшого затишья ожидалась бои и поступление раненых в медсанбат.

Информация, передаваемая Прохоровым, вызывала живой интерес и различные толкования, а разъяснить положение, дать правильную оценку событиям было некому. Политрук Клименко, в общем-то храбрый и неглупый человек, в такой сложной обстановке казался явно растерянным. Коммунисты партиячейки, состоявшей из пяти человек, объяснить положение, в котором пребывала страна, и в част-

ности Ленинград, тоже не умели. Политотдел дивизии, потерявший в прошедших боях большую часть своего состава, был занят работой в полках, в которых политработников почти не осталось. Так и получилось, что личный состав медсанбата варился в собственном соку, и каждый толковал происходившие события как умел. Надо сказать, что большинство этих толкований оказывались может быть, даже слишком оптимистическими. Это объяснялось, очевидно, тем, что после тяжёлой физической работы и сильного нервного напряжения, испытанного военнослужащими батальона во время боёв в августе, с прибытием в этот новый район все немного успокоились. Хлопоты по устройству подземных сооружений, хорошее питание, нормальный режим работы и отдыха и сравнительно размеренная жизнь слегка расслабили людей.

После окончания «строительного» сезона продолжалось улучшение и совершенствование построенных сооружений. Оно уже не требовало больших сил, а велось, так сказать, в текущем порядке. В медроте опять установили дежурства по операционно-перевязочному блоку, а так как раненых и больных поступало немного, то решили дежурить посуточно по два врача. Вне дежурства можно было бродить по лесу и собирать лесные дары: грибы и различные ягоды, имевшиеся вокруг лагеря в изобилии.

Иногда над санбатом пролетали немецкие разведчики, но, видно, ничего не обнаруживали. С самолётов разбрасыва-

лись листовки, и бродившие по лесу подбирали их. Листовки эти были составлены крайне глупо: помещённые в них карикатуры на Красную армию и Сталина были настолько наивны и неправдоподобны, а русские фразы печатались крайне безграмотно и с таким большим количеством орфографических ошибок, что, кажется, у всех медсанбатовцев, кроме смеха над издателями, ничего не вызывали. Однако полагалось найденные листовки немедленно сдавать политруку Клименко, который, отправив по одному экземпляру в политотдел дивизии, все остальные сжигал в печурке, установленной, наконец, в землянке комбата.

Кстати сказать, в последнюю поездку (кажется, это было числа 15 сентября) комбат Васильев явился из Ленинграда, где, как мы говорили, жила его семья – жена и двое маленьких ребят, совсем удручённый. Был чем-то встревожен и ездивший с ним Прохоров, но о причинах своего расстройства они никому не рассказали. В эту последнюю поездку они привезли железные печи и трубы к ним. Как говорил Прохоров, пришлось выдержать в мастерской целый бой из-за них. На его заказ хотело наложить лапу интендантство фронта, и изготовленные печки пришлось чуть ли не украсть, но теперь, к счастью, вопрос с отоплением землянок и палаток был решён.

В землянках сделали некоторую внутреннюю перестановку и проделали в крышах отверстия для вывода труб. Правда, пока топили редко, главным образом, днём, и, скорее, не

из-за холода, а для ликвидации сырости, которая под землёй давала себя знать.

О новом размещении медсанбата его командир Васильев уже давно, числа 7–8 сентября, доложил начсандиву, тот обещал приехать посмотреть, но, видимо, всё не находил времени. Ожидали его 10–12 сентября. Как раз перед этим подошло время помывки личного состава медсанбата, и все его подразделения по очереди пешком отправились к душевым установкам. Как мы уже говорили, они находились километрах в двух от батальона. Первыми ушли женщины из всех подразделений, за ними должны были идти мужчины из медицинской и госпитальной рот, а заканчивали помывку шофёры и хозяйственники. Для каждой группы отводилось строгое время, на мытьё давался один час. Но разве женщины, да к тому же не мывшиеся как следует больше месяца, смогут уложиться в час? И потому, когда медрота подошла к душевым установкам, то, конечно, обнаружила, что «наши дамы, – словами Льва Давыдовича, – продолжали плескаться, как утки». Пришлось расположиться на небольшом пригорке, ожидая своей очереди, но тут получилось следующее. Все армейские приспособления в армии не рассчитывались на оба пола, и потому были устроены так, что, если сама душевая и помещалась внутри закрытой палатки, то переход из неё в раздевалку (4–5 метров) был открыт со всех сторон. И потому пришлось «нашим дамам», а, скорее, юным девчонкам, с визгом и хохотом, под весёлые выкрики и смех на-

блюдателей, лететь в раздевалку галопом, закрываясь от любопытно-насмешливых взоров мочалками и просто руками.

Начсандив нагрянул в батальон неожиданно, да ещё и не один, а с начальником политотдела дивизии и армейским хирургом Фёдоровым. Это произошло 16 сентября, часов в 10 утра. В операционно-перевязочном блоке в этот день дежурило отделение Алёшкина. Ранним утром поступило два легкораненых, а затем привезли больного. После консультации с Прокофьевой и Картавцевым поставили диагноз: аппендицит. Борис заявил, что встретить аппендицит на войне – большая редкость, и потому он будет оперировать сам и не даст этого делать никому другому. Все согласились, но понаблюдать операцию пришлось много врачей. Если бы они знали, как волновался Борис, как ему хотелось, чтобы все эти непрошенные зрители провалились ко всем чертям! Ведь это была первая самостоятельная аппендэктомия в его жизни. Он, конечно, много раз ассистировал и даже оперировал аппендициты и в институте, и во время усовершенствования, но тогда рядом с ним стоял, помогал ему или руководил им кто-нибудь опытный: или профессор Керапьян, или кто-нибудь из его ассистентов, или один из солидных врачей клиники Вишневского. А здесь он был один, и ассистировала ему Тая, которую пока ещё за хирурга считать было рано. Но назвавшись груздем, полезай в кузов! Алёшкин, собрав всю свою волю, храбро приступил к делу. Во время мытья рук он старался до мельчайших подробностей вспомнить весь ход

операции именно так, как её делали у Вишневого.

Всё началось удачно. Он хорошо провёл анестезию, смело сделал разрез кожи, обезболит пространство под апоневрозом, расслоил мышцы, вскрыл брюшину, предварительно обезболив её, и уже подбирался к отростку, передвигаясь пальцами по видневшейся в ране слепой кишке. Всё его внимание было направлено на то, чтобы провести операцию как можно аккуратнее и чище, ведь за ним наблюдало столько глаз!

Его помощники – Катя Шуйская за столом операционной сестры и Тая, стоявшая напротив, оказались вполне на высоте. Они словно каким-то особым чутьём поняли, как ему трудно, и старались помочь так, чтобы он всем был доволен. И действительно, хирургические инструменты, шприц, марлевые шарики оказывались в его руках или в ране именно тогда, когда они были нужны, без каких-либо напоминаний с его стороны. С их помощью в ране было всегда относительно сухо, она удерживалась достаточно хорошо раскрытой. Благодарно поглядывая на своих помощниц, Борис продолжал работу. «А вот и он, проклятый!» – в ране показался конец слепой кишки, к которому был припаян толстый багрово-красный аппендикс. «Гангренозный! – подумал Алёшкин, – только бы не разорвать...», – и он бросил:

– Обложиться.

В тот же момент Тая ловким движением развернула поданную ей Шуйской большую марлевую салфетку и закры-

ла ею рану со всеми торчавшими из неё инструментами таким образом, что вытасченный Борисом кусок кишки с припаянным отростком очутился на чистом белом покрывале. И вдруг он услышал:

– Молодцы! Они, оказывается, не только раны умеют обрабатывать, руки и ноги отрезать!

От неожиданности Борис вздрогнул и чуть не упустил из пальцев скользкую кишку. Подняв голову, он увидел того, кто произнёс эти слова, – армейского хирурга Фёдорова. Прибыв в медсанбат, тот узнал о «мирной» операции, не преминул зайти в операционную и уже несколько минут наблюдал за работой Бориса и его помощников. Заметив смущение Алёшкина, Фёдоров кивнул ему:

– Ну, ладно-ладно, продолжайте, мешать не буду, – и вышел из операционной.

Дальнейший ход операции протекал более спокойно. Похвала Фёдорова, хотя и смутила Бориса, но и подбодрила его. Кроме того, количество зрителей уменьшилось, многие потянулись вслед за вышедшим начальством.

Через 10–12 минут всё было закончено, рану зашили, больного унесли в госпитальную палату. За время операции он не издал ни звука, и для многих это казалось удивительным. Почти все многократно видели операции аппендицита, и то, что её довольно часто делали под общим наркозом. Делали и под местной анестезией, но в последнем случае почти всегда больной стонал, жаловался на боли, а иногда и

просто кричал. Здесь же стояла абсолютная тишина. Видно, всё-таки четыре месяца в институте Вишневского, где Борису пришлось не один десяток раз проводить инфильтрационную анестезию при самых различных операциях, своё дело сделали: он-таки научился анестезировать, да, как ему казалось, и оперировать научился.

Врачи оживлённо обсуждали мастерство Алёшкина, а Лев Давыдович сказал:

– Ну, что же удивительного, он их, наверно, уже не один десяток нащёлкал!

Этим он вызвал улыбку переглянувшихся Бориса и Таи: из всех присутствовавших только они знали, что это его первая самостоятельная аппендэктомия. Они благоразумно промолчали.

* * *

Осмотрев все подземные сооружения медсанбата, начсандив, начальник политотдела и армейский хирург остались очень довольны, говорили о том, что многим госпиталям следовало бы поучиться так устраиваться. Через несколько дней после их посещения в медсанбат нагрянула целая комиссия во главе с начсанармом и представителями армейских госпиталей. Был с ними и фотограф, который заснял внутренность землянок и панораму батальона. На последней фотографии, кроме группы деревьев, небольших земля-

ных возвышений и стоявшей невдалеке группы полевых кухонь со столовой и сараем, собственно, ничего видно и не было, но в том-то и состояло достоинство сооружений – их маскировка получилась отличной. Конечно, эти землянки от прямых попаданий авиабомб и артиллерийских снарядов не спасли бы, но они могли отлично защитить от осколков и, самое главное, надёжно маскировали медсанбат и берегли дорогостоящие палатки.

Были засняты фотографом для армейской газеты и люди, участвовавшие в строительстве землянок, в число их попал и Алёшкин. Таким образом, медсанбат № 24 не только в дивизии, но даже и в армии, приобрёл известность и некоторый авторитет. Командира батальона Васильева почему-то это не радовало, он продолжал ходить хмурым и как будто чем-то всё время обеспокоенным. Что вызвало такое его состояние, пока никто не знал.

После напряжённой работы по обслуживанию раненых в августе и большого строительства, проведённого в начале сентября, в батальоне наступило затишье. По инициативе политрука Клименко решили возобновить подготовку концерта самодеятельности, который наметили на 25 сентября. В этот день в медсанбате политотдел дивизии решил провести совещание партийных работников всех полков. Для совещания выделили землянку эвакоотделения, как самую большую и совершенно пустовавшую. Там же предполагали провести концерт: соорудили небольшую эстраду, из оде-

ял сделали подобие занавеса. Руководили подготовкой концерта политрук Клименко и, к большому удивлению многих, Лев Давыдович Сангородский, он же взял на себя роль конферансье.

В программе было много весёлых песенных и танцевальных номеров. Одна из молодых врачей, прибывшая в это новое расположение батальона из Ленинграда (по специальности врач-лаборант, назначенная вторым врачом в лабораторию – толстенькая, молоденькая, смешливая и очень подвижная Муся, как её стали называть), выступила с подражанием Рине Зелёной, очень искусно. Лев Давыдович оказался неподражаемым конферансье, его шутки и реплики отличались большим остроумием, а так как он к тому же в совершенстве владел жаргоном настоящего одессита, то почти каждая его фраза вызывала смех и аплодисменты. Отлично исполнили свои номера и другие участники: певцы из санитаров сортировки оказались настоящими артистами, обладавшими отличными голосами, замечательные частушки пропели Катя Шуйская с другой операционной сестрой, Лидой, также с популярными песнями выступила начальник лаборатории врач Белавина, задорно плясала группа из шофёров. Одним словом, концерт удался. Его пришлось повторить дважды: землянка за один раз смогла вместить только участников совещания. Второй концерт давали на следующий день для всего личного состава батальона и выздоравливающих.

Успех концерта можно объяснить не только и, может быть, даже не столько прекрасной подготовкой и умением «артистов», сколько тем, что за время с начала боевых действий, то есть почти два месяца, в подразделениях и частях дивизии никаких зрелищных мероприятий не проходило, а люди в них нуждаются в любой обстановке, и на фронте, может быть, больше, чем в других условиях. Эта истина впоследствии стала бесспорной, но в начале войны многие этого не понимали и считали, что подобные «забавы» несовместимы с тем трагическим явлением, каким является война, особенно, когда боевые действия ведутся неудачно. К таким людям относились командир медсанбата, начсандив и сам командир дивизии.

Тем не менее начальник политотдела сумел настоять не только на том, чтобы разрешить проведение концерта в батальоне, но после его успеха решил проехать с ним по всем частям дивизии. Первый выезд намечался на 29 сентября 1941 года. Но, как очень часто бывает, и не только на войне (а на войне чаще, чем где-либо), внезапно всё изменилось.

28 сентября вечером дивизия получила приказ немедленно сниматься и передислоцироваться с Карельского перешейка в новый район, располагавшийся юго-восточнее Ленинграда, вдоль реки Невы для того, чтобы принять участие в намечавшихся там боевых операциях. Дивизия выходила из состава 3-й армии и включалась в особую организацию войск под названием НОГ (Невская оперативная груп-

пировка). Каковы будут задачи дивизии, в тот момент ещё никто не знал. Однако, исполняя приказ, полки были подняты по тревоге, дивизия – частью на своём транспорте, частью по железной дороге и даже пешим и конным порядком – отправилась в поход. Вместе с ней должен был покинуть с таким старанием оборудованные землянки и медсанбат. Начсанарм приказал передать эти помещения одному из подвижных госпиталей 3-й армии.

Чтобы не разрушать то, что было с таким трудом сделано, часть имущества – утепления, полога палаток, электрооборудование и другое, – медсанбат обменял у прибывшего госпиталя. Прохоров не оставил только большую часть железных печек и запаса фанеры, это было вывезено.

Глава пятнадцатая

30 сентября 1941 года колонна автомашин, гружёных имуществом батальона, с людьми, облепившими это имущество и державшимися на этом грузе бог весть каким способом, тронулась к восточной окраине Ленинграда, чтобы развернуться в отведённом районе пригорода. В этот день место, где стоял батальон, покрылось первым, лёгким, как пух, снегом. До поздней ночи колонна, освещаемая отблесками то там, то здесь возникавших пожаров, сопровождаемая непрерывным воем, и грохотом авиационных бомб, и свистом разлетавшихся осколков, плутала по восточным окраинам Ленинграда и наконец-таки выбралась в заданный для дислокации район.

Было совершенно темно, фары зажигать не разрешалось, дорога находилась в отвратительном состоянии, по ней недавно прошли части дивизии и несколько морских бригад (к этому времени организовались и такие соединения, созданные из моряков, снятых со стоявших в Кронштадте и Ленинграде судов). В мелком леске вблизи дач найти место и развернуть медсанбат оказалось невозможно.

Комбат собрал около своей машины весь командный состав и, подсвечивая фонариком, показал на карте место, где батальон должен быть размещён, и где колонна находится сейчас. Ей предстояло, свернув немного с проезжей части

на какую-то просеку, остановиться на ночь здесь. А группа разведчиков должна была идти пешком дальше и подбирать место для окончательной дислокации и утром привести туда всю колонну. Там батальон и начнёт разворачиваться. Командиром группы разведчиков комбат назначил Алёшкина, но прежде, чем она успела отойти, прибыл связной от начсандива, сообщивший, что с утра дивизия вступит в бой, и самое позднее к обеду медсанбат должен быть готов к приёму раненых.

Без подходящего места, конечно, развёртываться батальону никто не решился бы и предложить. Весь командный состав медсанбата за прошедшие два месяца боевой службы уже набрался достаточно опыта и знал, что лучше задержаться с развёртыванием на несколько часов, чем начать работать где попало.

Разведчики, снабжённые единственной картой, имевшейся у комбата, компасом и несколькими ручными фонариками, тронулись в путь. Заданный район лежал примерно в полтора-двух километрах от того места, где находилась колонна. Часа через три более или менее подходящее место нашли. В противоположность Карельскому перешейку, где имелось много озёр, речек, ручьёв и густых елово-сосновых лесов, в этом районе Ленинградской области лес большею частью состоял из лиственных деревьев – мелкой ольхи и осины. Листья уже опали, и потому размещение здесь не предполагало почти никакой маскировки, болотистая почва не позволяла

рыть землянки, да и времени для этого не было, значит, ориентироваться приходилось на установку палаток.

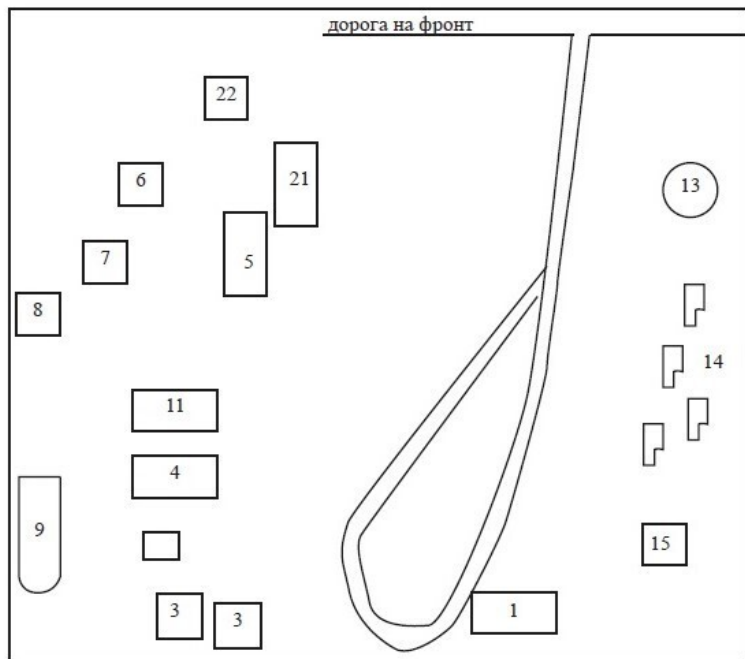
Группе Алёшкина удалось найти небольшой клочок елового леса, с довольно крупными деревьями и возвышением посередине. Вот, на опушке этого клочка, на обратном, западном скате возвышенности и решили разместиться. Борис и ещё несколько человек остались на выбранном месте, чтобы хоть приблизительно наметить расстановку палаток, а в батальон послали двух связных с заданием к рассвету привезти колонну на выбранное место. От основной дороги, идущей на передовую, участок будущей дислокации батальона находился метрах в трёхстах, дороги к нему не было, и прежде, чем машины смогут пройти, нужно было прорубить в осиннике и ольховнике просеку.

К счастью, уже несколько дней основательно подмораживало, и болотистая почва стала более или менее твёрдой. Оставалось надеяться, что машины по прорубленной просеке пройдут хорошо, тем более что вырубленный подлесок и кусты будут укладываться на дорогу, а само место дислокации выглядело достаточно сухим.

Выбрав при помощи фонариков место для постановки первых палаток, Борис с оставшимися у него людьми забрался под одну из елей и ещё пару часов поспал, но чуть забрезжил рассвет, как они уже вышли на дорогу, чтобы двумя топорами наметить контуры будущей просеки. Вскоре к ним присоединились люди из подошедшей колонны, и часа через

полтора первые машины въезжали на выбранное место. Оно находилось вот где (см. карту).

**Дислокация 24-го медсанбата
в период с 1/X по 15/XII 1941 г.
в составе Невской оперативной группировки**

- 1 - сортировка
- 2 - малая операционная и перев
- 3 - б/ операционная
- 4 - Госпитальный взвод
- 5 - Эвакоотделение
- 6 - жилье м/с
- 7 - жилье врачей женщин
- 8 - жилье мужчин врачей
- 9 - Кухня, столовая
- 10 - Штаб

- 14 - Стоянка автомашин
- 15 - жилье шоферов
- 16 - жилье Картавцева и А-Алешкина
- 17 - поляна морг
- 18 - кладбище,
- 20 - аптека
- 21 - палатка команды выздоравливающих
- 22 спец палатка

К обеду развернули сортировку, операционную и перевязочную. Раненых не поступало. Это позволило к утру следующего дня закончить развёртывание и возможную маскировку всех необходимых лечебных помещений. Затем принялись за постройку жилья. Санитаров разместили в палатке ДПМ, врачам-мужчинам, медсёстрам и врачам-женщинам в глубине елового леса, недалеко от госпитальной и эвакуопалаток поставили две палатки ППМ. Операционно-перевязочная и сортировка находились на противоположной стороне просеки, и Алёшкин решил своё жильё устроить около них. Взяв в помощь одного санитаря, он вырыл землянку площадью два на два метра, накрыл её сверху тонкими стволами осин, затем еловым лапником и засыпал землёй, у входа повесил плащ-палатку, оборудовал топчан и маленький столик. Выпросил у Прохорова три колена труб и поставил в одном из углов своего нового жилища привезённую с собой печурку, сделанную из ведра.

Поздно вечером прибыл начсандив. Созвав командный состав, он объяснил, что Невская оперативная группировка, а, значит, и 65-я стрелковая дивизия, получила задачу форсировать Неву и занять на её противоположном берегу плацдарм, который позволил бы развернуть наступление на фашистов и прорвать блокаду Ленинграда.

Конечно, ни Исаченко, ни даже командир дивизии, ни, пожалуй, сам командующий Невской группировкой не знали

истинных целей намечавшихся боёв. Гораздо, гораздо позже, почти через три десятилетия, они стали известны со всей достоверностью из воспоминаний того, кто на несколько недель принял командование Ленинградским фронтом от маршала Ворошилова, то есть генерала Жукова Г. К.

Эти удары по находившимся на левом берегу Невы фашистским войскам, создавая впечатление о попытке прорвать кольцо блокады, на самом деле были предназначены для сковывания сил противника, чтобы заставить его перебросить сюда войска, готовившиеся к окончательному штурму Ленинграда, и тем самым сорвать этот штурм. Но повторяем, в то время об этом никто не догадывался.

Начсандив сказал, что дивизия и приданные ей части морской пехоты совместно с другими соединениями будут наносить удар в район посёлка Невская Дубровка, бои обещают быть кровопролитными, и потому медсанбат должен быть готов к приёму большого количества раненых.

Поток раненых начался примерно через сутки после посещения начсандива, и батальон успел приготовиться довольно основательно. За это время неоднократно шёл снег. В палатках поставили железные печи, которые позволили, конечно, при непрерывной топке, сохранять внутри вполне приемлемую, а иногда даже и жарковатую температуру. Правда, расход дров для этих отопительных приборов оказался огромным, и пришлось выделить специальную группу санитаров-истопников.

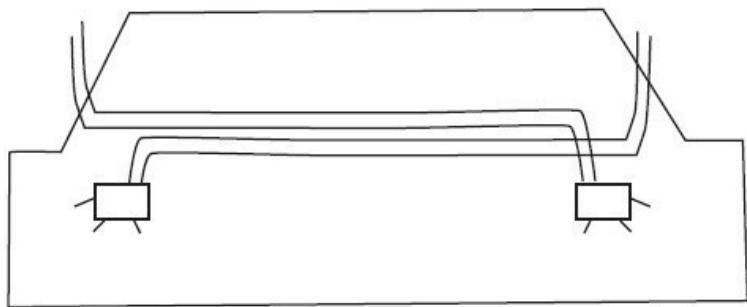
Вскоре выявился и второй недостаток печей. Оказалось, что, если днём они особенно батальон не выдавали, то ночью, выбрасывая из своих труб целые снопы искр, а иногда даже и языки пламени, являлись прямо-таки указующими факелами расположения не только батальона в целом, но и каждой палатки в отдельности. Кроме того, искры из труб представляли сами по себе большую опасность: иногда они, падая на брезентовую крышу палатки, не гасли сразу. Мокрый от талого снега брезент они, конечно, не могли зажечь, но прожигая в нём различной величины дырки, попадали на белый полог палатки – сухой и часто пропитанный парами эфира, которым давался наркоз, или бензина, которым обмывали раны. Они могли легко воспламенить полог. Это вскоре и случилось в одной из палаток операционного блока и могло бы привести к большому несчастью, если бы один из санитаров сразу не заметил возгорания, а все находившиеся в палатке не приняли энергичных мер по тушению пожара. Дело ограничилось тем, что в пологе недалеко от трубы прогорело отверстие около метра, его залатали куском простыни. Но Алёшкин, Прохоров, Сангородский и другие стали думать о способах защиты. Прежде всего они поняли, наконец, назначение больших клапанов над отверстиями в крыше, в которые выходили трубы. Оказалось, что в карманы этих клапанов надо было вставлять специальные железные листы, имевшиеся на складе, которые защищали брезент от нагретых труб и принимали на себя часть наиболее крупных

искр, падавших рядом.

Кто-то догадался сделать по бокам этих листов бортики и засыпать получившиеся таким образом противни мокрым песком, гасившим искры и не дававшим им скатываться с листов железа.

Как выяснилось в дальнейшем, этого оказалось мало, искры из труб продолжали лететь огромными снопами. Попробовали удлинить трубы, но в печах создавалась такая тяга, что они прогорали за минуту и требовали для своего обслуживания специального человека на каждую печку. Все понимали, это не выход.

Сангородский или кто-то из его санитаров додумались поменять трубы местами. Для того, чтобы это понять, надо посмотреть на ниже помещённую схему.

Такое нововведение дало изумительные результаты: искры из труб почти не летели, от висевших в середине палатки

труб шло дополнительное тепло, дрова в печах горели значительно медленнее, печи нагревались сильнее, расход топлива сократился. В ближайший день таким же образом было переделано отопление во всех палатках.

Недостаток этого способа заключался в том, что в поперечных трубах сравнительно быстро накапливалась сажа, которую приходилось чистить. Естественно, что внутренний вид палатки от протянутых вдоль неё железных труб не выигрывал. Но эти недостатки были не так значительны по сравнению с полученными выгодами.

Для палаток ППМ по аналогии придумали изгибать трубы в форме различных зигзагов. Естественно, что подобные усовершенствования, начатые с лёгкой руки сортировки, потребовали большого количества труб. Вскоре все имевшиеся в распоряжении интенданта трубы расхватили, а они ещё были нужны для переоборудования многих палаток. Пришлось ему и его работникам пуститься на поиски, которые увенчались успехом. Недалеко, километрах в двух от расположения батальона, находилась небольшая деревня. Предыдущими бомбёжками и артобстрелом все дома в ней были разрушены и сожжены, жителей не было, но на пожарищах валялось много кровельного обгоревшего железа и водосточных труб. Среди санитаров оказались два кровельщика, которые в дальнейшем и обеспечивали трубами все подразделения.

Через несколько дней пришлось делать ещё одно приспособление в отоплении. От раскалявшегося докрасна дна же-

лезной печи, а также выпадавших из её дверцы угольков, а иногда и целых головёшек, часто загорался брезентовый пол палатки, что тоже доставляло немало хлопот. Для устранения этого недостатка пришлось соорудить нечто вроде ящика с песком и ставить печку в этот песок. Кажется, на этом усовершенствование и рационализация отопительных приборов в медсанбате окончилась. За все последующие годы войны ничего лучшего для отопления палаток придумать так и не удалось.

Мы описали это как будто незначительное дело для того, чтобы показать, как необходима была сноровка, изобретательность и находчивость даже в самых простых делах по устройству батальона в полевых условиях, и как мало был подготовлен для этого его персонал. В дальнейшем мы ещё не раз остановимся на том, как люди медсанбата, в том числе и наш главный герой, выходили из затруднительных положений в разрешении самых неожиданных и самых, казалось бы, мелких вопросов, которые, конечно, никакими наставлениями, уставами и приказами не предусматривались, да, пожалуй, и не могли быть предусмотрены.

Отвлёкшись на описание организации отопления в медсанбате (первого отопления в первую военную зиму), мы не сказали того, что все эти изменения, усовершенствования и переделки пришлось делать уже тогда, когда пошёл поток раненых, а поток этот был велик. Хотя эвакуация всех обработанных проходила вполне своевременно, и большого коли-

чества раненых в батальоне не накапливалось, однако, все звенья санбата должны были работать с большим напряжением и предельной нагрузкой.

Помня об ошибках первых дней работы и считая, что поток раненых может длиться неопределённо долго, так как стало известно, что бои у Невской Дубровки идут очень ожесточённые и пока видимого успеха не приносят, Алёшкин решил в медицинской роте с первых же часов установить строгий график работы с выделением для каждого врача, медсестры и санитаря обязательного времени на отдых. Люди, понимая необходимость такого графика, строго его придерживались, и единственным нарушителем был, пожалуй, сам Борис. Ему после работы в операционной, в которой он проводил столько же времени, сколько и другие хирурги, как командиру медроты, в часы отведённого для отдыха времени приходилось решать большое количество организационных и административных вопросов.

Затруднительное положение личного состава батальона усугублялось ещё и тем, что питание его значительно ухудшилось. Запас продуктов, взятый с собой из Софрина и с Карельского перешейка, кончился, а новую выдачу продовольствия начали проводить по сокращённым нормам. Резко сократилось количество выдаваемого мяса, круп, жиров, с 1 октября снизилась и норма получаемого хлеба: вместо 800 граммов стало 600. Значительно ухудшилось и качество хлеба, в нём было много суррогатных примесей.

Состав получаемого хлеба: муки ржаной – 63 %, льняного жмыха – 4 %, отрубей – 4 %, овсяной муки – 8 %, соевой муки – 4 %, солодовой муки – 12 %, муки из затхлого зерна – 5 %.

В ближайшие недели резко снизилось количество ржаной муки, качество хлеба ещё ухудшилось: в него стали добавлять хлопковый жмых до 10 % и пищевую целлюлозу, содержание которой вскоре тоже выросло до 10 %. Очень часто этот хлеб было невозможно сохранить и перевезти, так как от перемены температуры он разваливался, крошился, и выдаваемая норма уменьшалась. На хлебозаводах его сушили сразу же после выпечки. В военные части, в том числе и в медсанбат, выдавались сухари (норма рассчитывалась как 50 % от нормы хлеба). Такое питание начало подтачивать силы батальона, а объём работы у каждого не только не уменьшался, а, наоборот, значительно увеличился, и происходило это вот почему.

Специальным приказом Главсанупра РККА с 15 октября изменялись штаты медсанбатов. Многие, в том числе Алёшкин, Сангородский и другие врачи, не раз говорили, что штаты батальона раздуты, что в нём много лишних единиц, которые только затрудняют передислокацию. Видно, это поняли в Главсанупре, и вот пришёл приказ: число людей в батальоне сокращалось с 205 человек до 124. Количество врачей сокращалось на восемь человек, фельдшеров и медсестёр на шесть, рядовых на 67. Одновременно с сокращени-

ем в медсанбате произошла и довольно существенная реорганизация всей структуры. Из самостоятельных больших подразделений осталась только одна медрота, состоявшая из операционного и перевязочного взводов. Госпитальная рота превратилась в госпитальный взвод со штатом из двух врачей и четырёх медсестёр. Отделения – эпидемиологическое, лабораторное, химзащиты и взвод охраны были ликвидированы вообще. Значительно сократилось число автомашин и шофёров, сократили складской и хозяйственный аппарат батальона. Приказ об этом сокращении в батальоне был получен в последние дни октября, причём начсандиву и комбату приказали закончить приведение состава батальона к новому штату в течение трёх дней. Всех освобождавшихся от работы в батальоне врачей необходимо было направить в Ленинград, где организовывали дополнительную госпитальную сеть (вывоза раненых из Ленинграда ведь почти не было). В первую очередь приказали освободить медсанбат от больных, престарелых и женщин. Из батальона отчислили Башкатова, Климову, Симоняка, Крумм, Скворец, Эдельман, Красовскую, Белавину. В медроту взамен ушедших были назначены: командиром операционно-перевязочного взвода – Бегинсон, врачами отделений – Картавцева и Ивановская. Кстати сказать, до сих пор они фактически и работали в медроте. Врача Криворучко перевели в госпитальный взвод.

Среди отчисляемых только Скворец была молодой жен-

щиной, и это удивило Бориса. После объявления решения об её откомандировании он уже собрался идти к начсандиву, чтобы выяснить причину отчисления, но, к его удивлению, Тая заявила, что она почувствовала резкое ухудшение здоровья, боится серьёзно расхвораться и поэтому просила об этом сама. Выслушав её доводы, Борис согласился, он и сам заметил, что в её поведении в последнее время появились странности. Во время работы в операционной она иногда едва стояла на ногах. Бывало, что, закончив обработку очередного раненого, садилась в предоперационной на ящик, заменявший стул, с таким утомлённым видом, что на неё было жалко смотреть. Заметил он также и изменение отношения Таи к себе. Всё это Борис приписывал переутомлению молодой женщины, расстройству нервной системы от постоянного перенапряжения и решил её отъезду не мешать. Откровенно говоря, он и сам чувствовал себя уставшим сверх всякой меры, «ну, а женщина, – думал он, – что ни говори, всё-таки женщина».

20 октября отчисленные врачи и медсёстры, погрузив свои пожитки на санитарную машину, забравшись в неё сами, отправились в Ленинград. При расставании не обошлось без слёз. Бориса вызывали в операционную, поэтому он простился с Таей буквально на ходу.

На следующий день в медсанбат явился помощник начальника штаба дивизии, молодой майор, недавно прибывший в пополнении. Он приказал построить весь рядовой со-

став батальона. Осмотрев строй, он сказал, что сейчас в полках большая убыль народу, и на передовой находятся люди гораздо менее здоровые, чем те, которые сидят здесь в тылу. Он заявил, что забирает из медсанбата всех здоровых санитаров, и предложил заменить их легкоранеными из числа пожилых ополченцев, которые поступают в медсанбат.

К счастью, начсандив Исаченко в этот момент тоже был в батальоне, его вмешательство и настойчивые возражения Сангородского и Алёшкина заставили майора изменить своё распоряжение и оставить санитаров, работавших в операционной, как специалистов, а также и санитаров-носильщиков из сортировки. Всем же остальным, в том числе и старшине Красавину, он приказал немедленно собрать свои вещи и следовать пешим порядком к штабу дивизии, где их ждало распределение по частям.

Эвакоотделению, госпитальному взводу, хозяйственникам и санитарному отделению пришлось срочно подбирать новых санитаров из числа легкораненых. Нельзя сказать, чтоб это было простой задачей, ведь надо учесть, что рассчитывать приходилось только на тех рядовых бойцов, которые не имели никакой военной специальности, могли поправиться в кратчайший срок и не стать совершенно годными к строевой службе, но в то же время не быть совсем беспомощными. А так как в этом деле ни у кого из командиров подразделений медсанбата не было опыта, то при подборе произошло немало ошибок.

Однажды Борис, обрабатывая одного бойца и расспрашивая его, узнал, что этот пожилой человек родом со станции Батецкой возле Ленинграда, его посёлок давно уже захвачен немцами, у него есть семья – жена, сын и две дочки. Что с ними случилось, он не знал. Его взяли в дивизию народного ополчения ещё в июле, в августе он был ранен в ногу, поправился, в конце сентября попал в 65-ю стрелковую дивизию и вот, здесь снова получил ранение. Оно оказалось не тяжёлым: осколок мины провёл длинную черту от левого уха почти до затылка, перерезал кожу и мышцы, но не повредил ни крупных сосудов, ни кости. Рана, хотя и выглядела страшной, на самом деле опасной не была. Алёшкин, в нарушение всех правил, решил зашить её и оставил раненого в медсанбате под наблюдением. Звали его Николай Игнатьевич Игнатьев, ему было 52 года.

Борис попросил Перова взять Игнатьева к себе в отделение (из санвзвода сделали отделение), пока там физической работы не прибавилось. Оставить его в медроте было нельзя: здесь требовались молодые, физически сильные люди. Забегая вперёд, скажем, что вскоре Игнатьич стал связным у Перова, чем-то вроде ординарца, и справлялся с этой работой очень хорошо.

Как можно было заметить, в последние дни работы медсанбата его командир Васильев почти устранился от всякой деятельности, вместо него распоряжаться пришлось Сангородскому и Алёшкину. Это всех удивляло, но объяснение,

и довольно трагическое, последовало быстро и для личного состава батальона совершенно неожиданно.

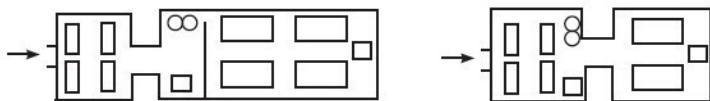
Дня через три после отъезда врачей и переформирования медсанбата в его расположение явился в полном составе трибунал дивизии. Председатель вызвал к себе начальника штаба Скуратова и командира медроты Алёшкина. Им было объявлено, что скоро начнётся суд над командиром медсанбата военврачом третьего ранга Васильевым, который уже около месяца находился под следствием. Следствие закончилось, и командир дивизии приказал провести судебное заседание в медсанбате немедленно. Для этого необходимо подготовить большую палату и собрать в неё всех свободных от дежурства людей. Борис ответил, что всё это сделает товарищ Скуратов, а у него начинается смена в операционной, и поэтому он вряд ли может быть чем-нибудь полезен. По этой же причине он не сможет и присутствовать на суде. После такого заявления прокурор, находившийся тут же, а это был тот самый прокурор, машиной которого Алёшкин так бесцеремонно воспользовался в Хумалайнене, улыбнулся и остановил пытавшегося возразить председателя трибунала:

– С этим доктором лучше не спорить, я уж его знаю! Пусть идёт в операционную, мы тут как-нибудь и сами справимся.

Борис вздохнул с облегчением, направился в операционную, сменил Картавцева и рассказал ему о предстоявшем суде. Тот также, как и Алёшкин, очень удивился этой новости и пообещал сразу же после суда зайти и всё рассказать.

Раненых было много, Борис быстро надел халат и приступил к мытью рук. Теперь перевязочную и обе операционных в медсанбате устроили по-другому, понимая, что сортировку надо разгружать быстрее, и для этого часть ожидавших обработки раненых следует держать поближе к операционной. Поэтому оперблок стали развёртывать из двух палаток, соединённых вместе. В палатке ППМ с раненого снимали часть верхней одежды, которую можно было снять, обувь и, по возможности, обмывали обнажённые участки тела. После обработки раненых тут же одевали. Вторая палатка, ДПМ, служила местом хирургической обработки раненых. В ней же простынёй отгораживался угол, где хирург мыл руки и стоял столик писаря, заносившего данные о раненом в карту передового района.

Соединённые палатки выглядели так:

Часа через три в операционной появился Картавец. Он выглянул из-за простыни, отделявшей моечную, и негромко позвал Алёшкина. Тот только что управился с очередным раненым и в ожидании нового подошёл к столу писаря, взял

из лежавшей пачки «Норда» папиросу и с наслаждением закурил её, присел на стоявший у стола ящик из-под перевязочного материала, заменявший и кресло, и табуретку.

Картавец негромко сказал:

– Знаете, Борис Яковлевич, нашего комбата-то к расстрелу приговорили и сразу же увезли. Начсандив приехал на оглашение приговора, назначил командиром медсанбата Перова. Говорят, что его теперь утверждают постоянно. Исаченко привёз с собой и нового командира санотделения – молодого врача, кажется, по фамилии Емельянов. Он эпидемиолог, инфекционист, чуть ли не кандидат наук, а с виду такой щупленький, беленький и ещё совсем молодой.

Борис от неожиданности чуть не выронил папиросу и, не дослушав Картавцева, воскликнул:

– Как к расстрелу? За что? Что он такого сделал? Что батальоном не очень хорошо командовал – так ведь он же не умеет, он же в этом не виноват! Говорили, что он даже отказывался от этой должности.

– Да нет, тут совсем другое дело. Помните, как Васильев в Ленинград ездил вместе с Прохоровым за разными материалами, ещё с Карельского перешейка, да уже и отсюда пару раз?

– Ну да, конечно, ведь у него в Ленинграде семья: жена и, кажется, двое детей. Ему, наверно, повидаться хотелось.

– Если бы только повидаться, а то ведь он каждый раз с собой продукты вёз, да помногу: то ящик сгущённого моло-

ка, то ящик макарон, то консервы мясные или рыбные, то овощи сухие, то сахар... Ещё в одной из поездок с Карельского перешейка его задержали на КПП с мешком сушёного картофеля. Он как-то отговорился, его пропустили, но, видимо, начали следить. Сделали обыск на квартире в Ленинграде, нашли большие запасы продовольствия. Жена Васильева сказала, что это муж привозил, говорил, что это паёк у него такой. Ну, тут пошли всякие хозяйственные проверки. Мы-то за работой ничего не замечали, а ведь уже более двух недель в батальоне всех хозяйственников трясут. Кладовщик Капустянского неделю назад арестовали, он, оказывается, все эти продукты выдавал комбату, а затем списывал на раненых. Его тоже вчера привезли, уже под конвоем, и судили вместе с комбатом. Учили, что он был подчинённым Васильева и, по существу, выполнял его приказания, дали 10 лет с заменой на пребывание в штрафной роте. И Прохорова, оказывается, тоже трясли основательно, но он сумел доказать, что все эти махинации творились за его спиной. Да и оба обвиняемых показали, что Прохоров ничего не знал. Так что он отделался только нервотрёпкой и лёгким испугом. Пострадал ещё писарь хозчасти, его тоже в штрафную роту направили.

Борис вспомнил, что, действительно, он уже несколько дней не видел Капустянского – толстого, коротконогого, рыжеватого еврея с хитрыми узенькими глазками, служившего до войны инспектором в каком-то райпотребсоюзе и по

прибытии в батальон назначенного старшим кладовщиком продсклада. Ему этого человека было совсем не жалко. Капустянский с его лоснящейся круглой физиономией, встречавший врачей и других командиров какой-то угодливой улыбочкой, а всех рядовых – нахально-высокомерным видом, был ему антипатичен. Зинаида Николаевна Прокофьева прозвала его Дзуликим Янусом, и это прозвище ему очень подходило. «Пусть-ка теперь попробует солёного на передовой в штрафной роте», – без злобы, но и без сожаления, думал Борис. Но вот Васильева было жалко. Он, конечно, и в душе, и вслух ругал его за глупость и проявленную элементарную нечестность, но в то же время как-то и оправдывал его, ведь этот несчастный человек, навещая семью, видел, как начинают голодать его дети, и пошёл на преступление, стараясь спасти их. «Мало ли родителей готовы нарушить закон ради спасения жизни своих детей? Ведь Васильев крал не для спекуляции, не для продажи. Конечно, его нужно было наказать, ведь он, грубо говоря, воровал у раненых, но приговор всё же слишком суров», – думал, продолжая работать, Алёшкин.

В последующие несколько дней жизнь медсанбата особенно не изменилась. Люди втянулись в работу и выполняли её как бы уже по инерции, механически. В обработке раненых, особенно имевших лёгкие ранения или средней тяжести, Алёшкин и Картавец, по очереди возглавлявшие бригады, приобрели большую сноровку, и в смену через их ру-

ки проходили иногда до 120 человек. Тяжёлых раненых, особенно с ранениями в живот (их было не очень много), чаще всего оперировали доктор Бегинсон и Ивановская. Сравнительно близко от батальона, в двух-трёх километрах, стояли полевые госпитали № 27 и № 21, и тяжёлых, большей частью без обработки, а иногда даже без выгрузки из машин, Сангородский переправлял туда.

Между прочим, Пальченко, начальник аптеки, сопровождавший откомандированных врачей, при возвращении сказал, что все они назначены в эвакогоспиталь № 74, вновь созданный и размещённый в здании бывшего Лесного инженерного института, за исключением доктора Башкатова, который был сразу помещён для лечения в клинику Военно-медицинской академии.

Вскоре в батальоне стало известно, что приговор трибунала в отношении Васильева командующий Невской опергруппой не утвердил, заменив его 10 годами заключения с отбытием срока наказания в штрафной роте в качестве рядового бойца. Многие из врачей батальона никак не могли себе представить, как это можно пробыть в штрафной роте 10 лет. Неужели война будет длиться 10 лет? А что делать в штрафной роте в мирное время?..

Как-то вечером, во время небольшого перерыва в поступлении раненых, несколько санбатовцев, в том числе и Борис, сидели у печки в сортировке, «председательствовал» Сангородский. Вообще, он умел привлечь к себе людей, и вра-

чи, пожилые и молодые, охотно собирались вокруг него, чаще всего в сортировочной палатке, но даже и просто на улице. Все с удовольствием слушали разные забавные истории и анекдоты, которых он знал великое множество и рассказывал с неподражаемым умением. Правда, недавно у него появился соперник – следователь, майор Цейтлин. Случилось так, что по некоторым причинам, о которых мы расскажем позже, он оказался прикреплённым к батальону, встал на довольствие и почти год жил в нём. В тот вечер, о котором идёт речь, Цейтлин только что прибыл в медсанбат и за неимением другого места пока поселился в сортировке. Собравшиеся врачи упросили его рассказать о том, что значило пребывание в штрафной роте, спрашивали и о положении на фронте дивизии. До сих пор об этом можно было судить только из отрывочных рассказов раненых, которые, как правило, отличались большим субъективизмом, и очень часто бывали далеки от действительного положения вещей.

Иосиф Абрамович, так звали Цейтлина, рассказал, что после очень скудной артиллерийской подготовки (не хватало боеприпасов), используя самые разнообразные плавучие средства (лодки, плоты и даже просто брёвна), 65-я стрелковая дивизия, 2-я морская бригада и ещё какие-то части сумели форсировать Неву в районе Невской Дубровки, от которой осталось только одно кирпичное здание какого-то завода, и захватить на том берегу небольшой плацдарм. Правда, при этом форсировании дивизия почти полностью потеря-

ла свой 50-й стрелковый полк, но два других, хотя и с большими потерями, обосновались на крошечном пятачке длиной от одного до полутора и шириной до четырёх километров по берегу Невы. Пятачок этот простреливается пулемётным и миномётным огнём вдоль и поперёк. Но переправившиеся части, вырыв окопы полного профиля, ходы сообщения, устроив блиндажи, используя оставшиеся части построек посёлка, крепко держали оборону и больших потерь не несли. Однако расширить занятую территорию не было никакой возможности – немцы охватили этот пятачок кольцом своих оборонительных сооружений и буквально не давали поднять головы.

По приказу командующего Невской группировкой первый эшелон штаба дивизии вместе с командиром и комиссаром находились на этом пятачке. Артполк и все тыловые части стрелковых полков и дивизий располагались в большом сосновом лесу на правом берегу Невы, они несли значительные потери от миномётно-артиллерийского обстрела. Особенно много людей погибло во время переправы через Неву, когда переправлялись на левый берег в передовые части военнослужащие, боеприпасы и продовольствие и когда обратно с пятачка увозились раненые. Конечно, переправа происходила ночью, но немцы без конца пускали осветительные ракеты.

По словам Цейтлина, из 11–12 лодок, пересекавших Неву, невредимыми до другого берега достигали едва ли две-три,

остальные прибывали полузатонувшими или полностью то- нули, и тогда перевозимые ими люди, если они не погибли сразу, добирались вплавь.

Самым опасным местом в дивизии считалась именно переправа, поэтому на обслуживание её, помимо сапёров, занимавшихся починкой лодок, устройством плотов и т. п., назначили штрафную роту, люди которой служили перевозчиками. И, как говорил Цейтлин, если удастся такому перевозчику переправить свою лодку или плот раза три-четыре подряд и при этом остаться живым и не раненым, это считалось большим счастьем.

Объяснил он также и то, что по существующим законам пребывание в штрафной роте продолжается до первого ранения, выведившего бойца из строя, после чего он из разряда штрафников отчисляется и, если поправится, то в дальнейшем свою службу несёт в обычной части. А некоторым, наиболее отличившимся, после ранения даже возвращалось и имевшееся у них до того звание.

– Но, – уточнил он, – таких счастливицков, которые после ранения могли бы опять служить в строю, бывает, как правило, не больше 10 %. Остальные или гибнут на месте, или получают тяжёлые ранения и по выздоровлении становятся инвалидами.

Он рассказал, что однажды по приказанию прокурора был на том берегу, и хотя переправа для него окончилась благополучно, пребывание даже в блиндаже командного пункта

дивизии в течение 12 часов, которые он там провёл, показались ему кошмаром. Обстрел пятачка немцы не прекращали в течение дня ни на минуту, люди сидели, прижавшись к земляным стенкам окопов и блиндажей. Раненых и убитых было не так много, но беспрерывно слышимый свист пуль, шелест, а иногда и вой осколков снарядов внушал страх. Продовольствие на пятачок не поступало сутками, и к тяжёлому ожиданию под беспрерывным обстрелом присоединялись голод и жажда. Раньше, в первые дни, когда к фашистам прибыло пополнение, они неоднократно пытались контратаковать войска дивизии, но, понеся при этом значительные потери, решили воздействовать на защитников пятачка психически, подвергая и их, и снабжавшую их переправу непрерывному миномётному и артиллерийскому обстрелу. Как правило, он продолжался до темноты, затем миномёты и артиллерия начинали бить по переправе, и всё равно в это время там велась работа.

Начсандив Исаченко постоянно находился на пятачке и лично руководил переправой раненых через Неву. Сопровождали их во время переправы санинструкторы и фельдшеры из полевых медпунктов, многие уже погибли. Часть среднего медперсонала находилась в окопах на пятачке и оказывала помощь раненым, ожидавшим ночной переправы. Иногда её приходилось ждать более суток.

По мнению Цейтлина, начсандив занимался не своим делом: это дело полковых врачей, а он должен был находить-

ся на правом берегу, чтобы руководить работой медслужб всей дивизии. Если пребывание его в первые дни на плацдарме, когда предполагалось развитие и дальнейшее расширение наступления, и было оправдано, то присутствие там начсандива в это время казалось бессмысленным.

– Кажется, – добавил Иосиф Абрамович, – это начинают понимать и сам Исаченко, и командир дивизии. Кстати, нахождение последнего на противоположном берегу Невы вряд ли тоже оправдано, но Климову ставят в вину неумелую операцию по форсированию Невы, приведшую к огромным потерям, и, кажется, его вот-вот снимут.

Затем Цейтлин рассказал, почему он, собственно, очутился здесь, в батальоне, и какое задание получил от комиссара и прокурора. Описав, с каким трудом он переправился обратно, как их лодку продырявило несколько осколков, как был убит их перевозчик и вторично ранено несколько человек из переправлявшихся раненых, он сказал:

– Мы спаслись каким-то чудом. Лодка пошла ко дну в 10–15 метрах от берега, где, к счастью, оказалась глубина по грудь. Мы все, поддерживая наиболее тяжёлых раненых, побрели к берегу в ледяной воде (ведь был уже октябрь). Навстречу по воде к нам бежали штрафники, и, не обращая внимания на сыпавшиеся дождём осколки, вместе с подбегавшими санитарями подхватывали ослабевших раненых, укладывали их на носилки и бегом несли или, обняв, вели под сень огромных сосен, где в 100–150 метрах от берега в

убогих землянках примостились полковые медпункты. Палаток они не развёртывали, так как первая же палатка, которую они попытались поставить ещё в самом начале боёв, была сбита артиллерийским снарядом, и все находившиеся в ней люди – врач, медсестра, санитары и несколько раненых – погибли. Так вот, – продолжал Цейтлин, – несмотря на трудности и опасности переправы, некоторые, наиболее несознательные бойцы, устав от сидения в окопах под непрекращающимся огнём, хотят с пяточка уйти и ищут для этого разные пути. Самый лёгкий и наиболее доступный путь – это получить ранение, но ранение такое, чтобы оно не грозило смертью, а только вывело бы из строя. Некоторые пытаются прострелить себе руку или ногу сами, а другие предпочитают «голосовать», то есть высовывают из окопа над бруствером руку, и почти всегда через несколько минут такого «голосования» какой-либо шальной осколок или пуля эту руку пробивает. Ранение есть – раненого из проклятого пяточка вывозят в медсанбат, лечат, эвакуируют в госпиталь Ленинграда. А там же ведь всё-таки спокойнее, чем на пяточке. Вот я и получил задание, – закончил свой рассказ Цейтлин, – помочь вам, врачам санбата, где в первой медицинской инстанции начинают по-настоящему хирургически обрабатывать рану, таких подозрительных раненых разоблачать. Прошу вас о каждом подобном случае немедленно ставить меня в известность, в дальнейшем я буду «лечить» их сам.

Слушая Цейтлина, Борис вспомнил, что ему приходилось

видеть раненых в руки и в ноги, ранения которых, если пока и не внушали подозрения, то вызывали удивление как своим видом, так, главным образом, направлением пулевого канала. Он обсудил это с Цейтлиным.

Октябрь подходил к концу, близились ноябрьские праздники, но никто даже не думал о них. Все были настолько поглощены работой и различными мелкими делами по улучшению быта, маскировки и устройства отопления в медицинских палатках и прочими заботами, что как-то забыли о наступавшем празднике. Весь месяц стояла пасмурная погода, сопровождавшаяся частыми снегопадами. К началу ноября переправа раненых через Неву ещё более затруднилась. На реке появилась шуга и даже льдины, что замедляло передвижение лодок и подвергало их ещё большей опасности. Вместе с ранеными стали поступать обмороженные. Пока раненого после гибели лодки вытаскивали из воды, а затем везли до медсанбата в неотопливаемой машине при температуре воздуха иногда значительно ниже 0 градусов, он успевал основательно обмёрзнуть.

Стало совершенно очевидно, что во избежание излишних потерь нужно что-то экстренно предпринять, надежда была только на Исаченко. Командир дивизии Климов, наконец, направил его из первого эшелона дивизии во второй, чтобы решить вопрос с передвижением раненых. Он предложил заменить его кем-нибудь из полковых врачей. Начсандив передал свои полномочия по организации эвакуации с пятач-

ка старшему врачу 41-го стрелкового полка Иванцову, а сам решил в эту же ночь переправиться на правый берег. Переправа для него оказалась неудачной: он получил серьёзное ранение.

Глава шестнадцатая

Исаченко доставили в санбат утром следующего дня в довольно тяжёлом состоянии. Оперировать его взялся Борис Алёшкин. Ранение казалось серьёзным, но, по мнению Бориса, для жизни неопасным. Начсандива ранил осколок мины, находившийся, видимо, на излёте, и потому значительно утративший свою убойную силу. Осколок попал в лоб, чуть правее переносицы, пробил наружную пластинку лобной кости и застрял в лобной пазухе. От удара Исаченко потерял сознание, но затем пришёл в себя и жаловался только на сильную головную боль.

При осмотре Алёшкин предположил, что осколок, торчавший во лбу, пробил лобную кость, а возможно, и мозговую оболочку, и своим концом давил на мозговое вещество, чем вызывал, помимо разрушения клеток передней доли правого полушария, кровотечение, повышающее внутричерепное давление, что и было причиной нестерпимой головной боли. Если бы не эта боль, то раненого отправили бы прямо в госпиталь, но тот и сам настаивал, чтобы его оперировали именно в медсанбате, так как надеялся остаться в дивизии.

Посоветовавшись с Картавцевым и Бегинсоном, Борис решил приступать к операции, помогал ему Картавцев. Попытки выдернуть торчащий осколок пинцетом, а затем и кор-

цангом, ни к чему не привели. Само собой разумеется, что прежде, чем приступить к манипуляциям, он произвёл соответствующее обезболивание и обработку окружности раны. После неудачной попытки извлечь осколок Алёшкин решил произвести скусывание части лобной кости кусачками. Подвести кусачки сразу оказалось невозможным, и потому после рассечения кожи лба, отделения её от кости и отодвигания в сторону при помощи долота, удалили небольшой кусочек кости, затем кусачками расширили отверстие с одной стороны и после этого, захватив осколок зубо-врачебными щипцами, его немного повернули и извлекли из раны. Он оказался крючкообразной формы с зазубренным, как у остроги, концом, и был обращён своей гладкой стороной в глубину раны. После удаления осколка из раны хлынула жидкость, окрашенная в тёмно-розовый цвет, но значительного кровотечения не было. Осушив рану, удалось разглядеть, что твёрдая мозговая оболочка каким-то чудом уцелела, видимо, действительно, осколок был на излёте, истратил всю свою силу на пробивание пластинок лобной кости, а мозговую оболочку только отодвинул. Таким образом и сосуды её оказались целыми. Способствовало этому то, что осколок, как мы уже сказали, был обращён к мозгу не острым жалом, а гладкой стороной. Пробив кость, он как бы скользнул по мозговой оболочке и зацепился за обратную (внутреннюю) сторону лобной кости. После удаления осколка и скопившейся жидкости раненый сразу почувствовал облегчение, головные

боли почти прекратились.

Исаченко совершенно бодрым голосом заявил, что теперь всё в порядке, осталось только завязать рану, и он может возвращаться в штаб дивизии. Но Алёшкин и другие врачи прекрасно знали, что это невозможно – ранение серьёзное: остался дефект лобной кости размером два на полтора сантиметра, осколок пробыл в ране дольше шести часов, и травма, нанесённая мозговой оболочке, хотя и не вызвала её разрыва, всё-таки была значительна. Очевидно, без воспаления (менингита) дело не обойдётся. В те времена менингит считался чрезвычайно грозным, часто смертельным заболеванием, ведь кроме белого стрептоцида, да и то в ограниченных количествах, в распоряжении медиков ничего более существенного не имелось. Исаченко и был назначен стрептоцид в больших дозах. Лекарство в виде порошка ввели в рану, а сверху наложили повязку с мазью Вишневского.

Когда начсандиву сказали, что ему предстоит немедленная эвакуация, он стал упорно возражать и требовать, чтобы его поместили в госпитальную палатку. С очередной машиной, едущей в тыл, санотдел группы отправил сообщение о его состоянии и нежелании эвакуироваться.

К вечеру этого же дня температура у Исаченко поднялась до 39 градусов, появился бред. Ночью прибыл хирург санотдела Невской оперативной группы, им оказался один из ассистентов А. В. Вишневского, кандидат медицинских наук Юлий Осипович Зак. Он отлично помнил Алёшкина по

курсам усовершенствования в институте Вишневецкого, Борис ему неоднократно ассистировал при операциях. Оба обрадовались встрече, в особенности Борис.

Юлий Осипович одобрил действия Алёшкина, и, осмотрев раненого, присоединился к мнению врачей о необходимости немедленной эвакуации Исаченко, но не в распределительный эвакуопункт, не в полевой госпиталь, а прямо в эвакуогоспиталь, развёрнутый на базе одной из клиник. Для этого он написал на карточке передового района соответствующее направление. Через полчаса Исаченко погрузили в специально выделенную санитарную машину и в сопровождении начальника эвакуотделения Долина отправили в Ленинград.

Зак после совещания с командиром медсанбата Перовым отдал распоряжение назначить начсандивом 65-й дивизии военврача третьего ранга Емельянова. Тот, приняв это назначение без особого энтузиазма, приготовился выехать в штаб дивизии, чтобы представиться командованию. Юлий Васильевич заверил, что не позднее, чем через день, об этом назначении последует приказ начальника санотдела Невской оперативной группы.

Осмотрев расположение медсанбата, он одобрил его планировку, похвалил за соединение палаток, заметив, что так догадались сделать и в других местах. Зак посетовал только на то, что санбат от частей дивизии находится далеко. Если бы не зима, когда передислокация так затруднена, он пред-

ложил бы батальону перебраться километра на три ближе к передовой. Кстати сказать, вскоре это и пришлось сделать, невзирая ни на какие трудности.

Емельянов явился во второй эшелон штаба дивизии, где представился начальнику штаба. Тот связался по телефону с первым эшелоном (телефон на этот раз действовал, хотя вообще-то связь часто прерывалась, и восстановление её стоило не одной жизни связистов) и сказал, что комиссар и комдив требуют явки Емельянова. Следующей ночью новый начсандив благополучно добрался до первого эшелона, представился командиру Климову и комиссару, но в это же время сюда явился и новый командир дивизии полковник Володин. Емельянову пришлось представляться и ему. Тот, хотя ещё и не принял полностью командование дивизией, однако, сразу приступил к делу. Одним из первых его распоряжений было максимальное сокращение числа людей в этом эшелоне штаба дивизии. Он заявил, что командиру и комиссару обоим здесь делать нечего, и что комиссару следует немедленно переехать на правый берег Невы и заняться упорядочением организации переправы и работы тыловых частей. Он считал, что большая часть начальников служб также здесь не нужна, на правый берег должны немедленно переправиться начсандив, начхим, прокурор, начальник политотдела и другие. У себя он оставлял начальника разведки, помначальника штаба по оперативной работе, начальника связи, командира сапёрного батальона и старшего ин-

структора политотдела. Володин дал приказ медсанбату переместиться ближе к Неве и поручил начсандиву и комиссару дивизии выбрать соответствующее место.

Возвращение на правый берег всех отправленных из первого эшелона, в том числе и бывшего командира дивизии Климова, если не считать страхов, которых они натерпелись от близких разрывов мин и снарядов, и того, что все насквозь промокли, а, следовательно, основательно промёрзли, прошло благополучно.

Вообще, в последние дни после того, как Нева встала, потери уменьшились. Передвижение на переправе пока ещё продолжалось на лодках, медленно скользивших в крошеве льда от одного берега к другому, но теперь мины и снаряды, как правило, разрывались подо льдом, пробивая его при падении. Он был не очень прочным, но осколки снарядов и особенно мин пробить лёд не могли и, ударяясь с его обратной стороны, наружу почти не вылетали. Немцы это тоже учли и стали вести огонь по переправе шрапнельными снарядами, но редко. Теперь фашисты усилили артиллерийский миномётный огонь по подразделениям дивизии и других соединений, расположенных на правом берегу Невы. Медсанбат не замедлил почувствовать это на себе.

Место для дислокации первого эшелона санбата, состоявшего из сортировочной палатки, одной операционно-перевязочной и одной эвакуационной палатки, подобранное новым начсандивом и комиссаром дивизии, находилось в небольшом

леске, в районе нового посёлка, почти рядом с полевым медпунктом 50-го стрелкового полка, на расстоянии примерно двух с половиной километров от берега реки. Оно, очевидно, достаточно хорошо просматривалось с наблюдательных пунктов противника, потому что, как только этот медсанбат развернулся, а развёртывался он ночью, утром следующего дня по месту его расположения был произведён артиллерийский налёт. Одна палатка сгорела, две другие были продырявлены осколками и свалены на землю. Во время обстрела была разбита одна санитарная машина и, самое главное, произошли потери в людях. Погибла, получив смертельную рану, врач Семёнова, были убиты две медсестры, один санитар и один шофёр. Несколько человек получили ранения различной тяжести. Руководил этой группой командир оперативно-перевязочного взвода доктор Бегинсон, он натерпелся порядочно страху, но сам не пострадал.

После налёта Емельянов уговорил комдива об отмене распоряжения о столь близком расположении частей медсанбата к передовой, больше таких экспериментов не проводилось.

В начале ноября, почти перед самым праздником, после одной из поездок за перевязочным материалом и медикаментами в Ленинград начальник аптеки Пальченко привёз Борису весточку от Таи. В своём письме она сообщала, что работает в эвакогоспитале № 74, расположенном в здании бывшего Лесного института, служит ординатором в одном из

гнойных отделений и к ней не раз поступали раненые, оперированные Борисом и другими врачами медсанбата. Писала она о том, что чувствует себя удовлетворительно, и если бы не постоянное ощущение голода, да не проклятые бомбёжки, то было бы всё хорошо. Она очень скучает по медсанбату и, конечно, прежде всего по своему Бореньке. Ей предлагали эвакуироваться на Большую землю, но она пока отказывается.

Получив это письмо, Борис взгрустнул. Он вспомнил её ласковые руки, её всегда, как бы о чём-то просящие тёмно-карие глаза, но в то же время и задумался: «Странно всё-таки, почему она так переменялась в последнее время. Устала? Испугалась? Здесь ведь гораздо страшнее и сложнее, чем в прежних местах дислокации батальона. Снаряды и даже мины часто падают рядом с территорией медсанбата, и их осколки уже успели продырявить крыши некоторых палаток. Но тогда почему она ничего не говорила мне? Надо бы обязательно с нею увидеться, переговорить. Ведь мы и проститься-то как следует не успели, как-то на ходу... Я торопился в операционную, она на машину. Надо будет её повидать!» Но пока об этом не могло быть и речи: работы было по-прежнему очень много.

* * *

Между прочим, за этот период времени произошло ещё

два события, которые основательно взволновали весь состав медсанбата. При помощи Сангородского и других врачей Цейтлин выявил несколько самострелов, которые после его умелого допроса раскололись и сознались в своих преступлениях. Ранения у них были несерьёзные и могли зажить в течение двух-трёх недель. Трибунал приговорил их к разным срокам заключения с направлением по выздоровлении в штрафную роту, а пока они продолжали лечиться в санбате в команде выздоравливающих. Но один из самострелов, грузин или осетин по национальности, нанёс себе ранение в правую руку настолько серьёзное, что даже после излечения, на что, вероятно, потребовалось бы около четырёх месяцев, к службе в армии был бы не годен. Трибунал приговорил его к расстрелу.

В назидание остальным приговор решили привести в исполнение в расположении медсанбата. Для этого весь личный состав батальона и все имевшиеся в этот момент раненые из команды выздоравливающих были построены большим четырёхугольником на поляне около эвакуопалатки. В центре поляны вырыли яму, к ней был подведён под конвоем осуждённый, который или не сознавал, что его ожидает, или надеялся на изменение приговора в последний момент, или попросту не понимал смысла происходившего. Он как-то уж чересчур безразлично подошёл по указанию конвойного к яме, на краю которой по приказу и остановился. Один из членов трибунала зачитал приговор, и в момент произне-

сения им слова «расстрелять» один из конвойных, стоявших ближе всех к осуждённому, выстрелил ему из пистолета в затылок. У того как-то странно дёрнулась голова, подогнулись колени, и он, перегнувшись через край ямы, сполз в неё.

Первый раз в жизни видел Алёшкин расстрел и, хотя он знал и твёрдо верил, что приговор справедлив, строгое наказание таких людей прямо-таки необходимо, сама казнь произвела на него гнетущее впечатление. Он заметил, что она так же подействовала и на других. Санбатовцы расходились подавленными, не глядя друг на друга, как будто все они принимали участие в нехорошем, постыдном деле. Видимо, эта публичная казнь была осуждена и политотделом, и комиссаром дивизии, потому что, хотя членовредители и выявлялись, некоторые из них приговаривались к смерти, больше подобного в пределах батальона никогда не проводилось.

Вторым событием, менее трагическим, но имевшим для Бориса Алёшкина довольно серьёзное значение, явилось то, что он заболел. По вечерам у него стала повышаться температура, днём бывали приступы кашля, он стал сильно потеть. При скудном пайке, продолжавшем уменьшаться, который полагался каждому, такое состояние здоровья стало внушать ему опасение. Он обратился за помощью к наиболее опытному терапевту батальона Зинаиде Николаевне Прокофьевой. Та, выслушав его жалобы и прослушав лёгкие, обнаружила хрипы в верхушке правого лёгкого. Она прописала лекарства, которые Пальченко немедленно приготовил, и

Борис стал их принимать. Однако Прокофьева считала, что этого недостаточно, следовало бы провести рентгеноскопическое, а, может быть, и рентгенографическое, исследование. Об этом доложили командиру батальона В. И. Перову и начсандиву Емельянову. Оба они согласились с заключением Зинаиды Николаевны и решили, что лучше всего сделать рентген в каком-нибудь крупном госпитале Ленинграда. Алёшкин получил разрешение съездить в город, ему дали направление в тот госпиталь, где работали бывшие врачи медсанбата. Решено было совместить эту поездку с очередным получением медикаментов для батальона, которая ожидалась числа 10–12 ноября.

День 7 ноября 1941 года в медсанбате отметили праздничным обедом, в котором, кроме обычного пшённного супа, было и второе блюдо из гречневой каши. Кроме того, всем командирам был выдан дополнительный паёк, в котором, помимо папирос, пачки печенья, коробки рыбных консервов, плитки шоколада, была даже бутылка вина. Вечером в эвакуационной палатке провели торжественное собрание. Доклад делал начальник политотдела П. А. Лурье. После собрания он зашёл в землянку Алёшкина, где тот продолжал жить, и долго беседовал с ним.

Павел Александрович имел звание батальонного комиссара, был очень начитанным, развитым, интеллигентным человеком. До войны он преподавал обществоведение в каком-то ленинградском вузе. Лурье, очень интересный и приятный

собеседник, оказался большим любителем шахмат и преферанса. Шахматы в штабе батальона были. Заступать на работу Борису нужно было только утром, они просидели за игрой почти до утра. Между прочим, Лурье подробно рассказал Борису о тяжёлом положении на фронтах, о том, что фашисты овладели Тихвином, что жители Ленинграда по-настоящему голодают, что фашистские войска подошли вплотную к Москве, и что страна наша стоит на грани катастрофы. Оба они пожалели, что в медсанбате, да и в политотделе дивизии нет радиоприёмника, и нет возможности узнавать, что делается около Москвы, да и на других фронтах.

Остаток ночи Лурье провёл на топчане в сортировке. Уходя от Алёшкина, он посоветовал Борису переселиться в палатку к врачам:

– Жить отшельником нехорошо! Нельзя отрываться от людей, сейчас нам надо держаться всем вместе. Да ведь и необходимости в этом больше нет, – добавил он, усмехнувшись.

При последних словах начальника политотдела дивизии Борис покраснел так, что у него слёзы выступили из глаз, хорошо, что в землянке было почти темно. Он никак не предполагал, что о его личной жизни известно даже в политотделе дивизии. Алёшкин учёл это замечание, но до нового места дислокации решил землянку не покидать.

8 ноября пришёл новый приказ о сокращении норм питания. С этого дня количество выдаваемого мяса (конины)

устанавливалось 50 грамм на человека, хлеба – 400 грамм или 200 грамм суррогатных сухарей, крупы – 50 грамм. Сокращались овощи, даже сухого картофеля уже более двух недель не выдавалось вовсе. Такое питание стало отражаться на состоянии здоровья личного состава батальона. Папирос тоже теперь давали меньше.

Первыми стали сдавать санитары. На их долю выпадала тяжёлая физическая работа: ежедневная переноска десятков, а иногда и сотен раненых, заготовка и доставка дров требовали много сил. Никаких дополнительных ресурсов питания у них не было. Для получения витаминов, по указанию сануправления Ленинградского фронта, стали готовить настой из сосновой хвои, его выдавали по стакану в день. У некоторых санитаров появились отёки ног. С такими же отёками стали поступать и многие раненые. У следователя Цейтлина вначале даже возникли подозрения, не является ли это новым видом членовредительства, но после довольно долгих споров З. Н. Прокофьева и другие врачи сумели ему доказать, как, по-видимому, пришлось доказывать врачам и в других местах, что так называемые безбелковые отёки являются следствием голодания.

Вскоре появился и новый диагностический термин – алиментарная дистрофия. Этот диагноз стал сопутствовать тому или иному ранению всё чаще и чаще. Такие раненые, как правило, всякие хирургические вмешательства переносили труднее и нередко погибали. В медсанбате появлялось всё

больше нетранспортабельных, которых дальше, чем на два-три километра, перевозить было нельзя.

Наконец, 10 ноября Алёшкин вместе с Пальченко и Прохоровым на двух автомашинах поехали в Ленинград. Ему нужно было пройти рентген и показаться специалистам в госпитале № 74, а его спутникам – получить в штабе Ленинградского фронта медикаменты, перевязочный материал и горючее, которое в санбате подходило к концу.

Поехали поздно вечером. Днём все дороги, ведущие к Ленинграду, подвергались регулярному артиллерийскому обстрелу, и передвигаться по ним в дневное время без особой необходимости было запрещено. Поездка ночью тоже ничего хорошего не предвещала, так как дорога была сильно разбита. Это была обычная грунтовка, в ней ещё с ранней осени остались глубокие колеи и выбоины. Выпавший снег не сгладил дорогу, а лишь замаскировал все её неровности, и шофёры, вынужденные ездить в темноте с выключенными фарами, то и дело заводили машину в какую-либо колдобину или, провалившись в глубокие колеи, цеплялись днищем машины за межколейное пространство и застревали. Чуть ли не через каждые четверть часа всем приходилось вылезать из машины и при помощи лопат, различных слег, валежника и, главным образом, собственной физической силы, проталкивать то одну, то другую застрявшую машину вперёд. Немудрено, что при таком способе передвижения на преодоление тех 20 километров, которые отделяли санбат от Ленинграда,

пришлось потратить всю ночь, и в город они приехали только на рассвете.

Госпиталь, в который нужно было доставить Алёшкина, находился по дороге к штабу фронта, откуда шло снабжение Невской оперативной группировки, поэтому его довели до самых ворот каменной ограды здания Лесного института, где помещался госпиталь. День обещал был пасмурным, шёл небольшой снег.

Город поразил Бориса, ведь он был в Ленинграде впервые в жизни, но, судя по довоенной Москве, он представлял себе, каким должен быть не уступавший ей по величине и красоте Ленинград. Однако сейчас он выглядел по-иному. Во-первых, в городе было совершенно темно. Все уличные фонари были погашены, ни из одного окна не пробивалось ни лучика света. Никакого транспорта – ни трамваев, ни троллейбусов, ни автобусов, ни даже отдельных автомашин на улицах, по которым они проезжали, не встретилось. Борис подумал, что это из-за слишком раннего времени, хотя часы показывали уже семь утра. Большие города к этому часу уже достаточно шумны и оживлённы. Здесь же царила тишина и пустота, на улицах не было видно и людей. Лишь изредка, где-нибудь у стены двигалась – именно двигалась, а не шла – какая-нибудь фигура, закутанная так, что ни пол, ни возраст определить было невозможно.

На КПП около городской заставы, где было устроено нечто вроде баррикад и стояло много железобетонных пира-

мид и противотанковых надолб, молоденький лейтенант долго и придирчиво проверял документы Алёшкина и его спутников. Когда, наконец, он приказал поднять шлагбаум, то одновременно строго предупредил их, чтобы в городе дольше указанного в их предписании срока не задерживались, зря по городу не бродили и при передвижении по улицам не зажигали фар, не давали гудков.

Когда Борис подошёл к воротам госпиталя, его остановил часовой, который проверил его документы и направление на лечение. Часовой сказал, что Алёшкин прибыл слишком рано, ему придётся ждать приёма врача ещё часа два-три. Он предложил Борису зайти в будку, где помещался караул, и обогреться. Поблагодарив за приглашение, Алёшкин с удовольствием примостился у топившейся железной печурки, установленной на ящик с песком. «Совсем как у нас в палатке», – подумал он.

В дороге он основательно промёрз; кроме шинели, обмундирования и кирзовых сапог, на нём ничего не было, а температура ночью упала, наверно, градусов до 20. Немного отогревшись, Борис достал папиросу и закурил. Запах табака окончательно разбудил одного из сменных часовых, дремавшего у стола, и тот, открыв глаза, с вожделием глядя на дымящуюся папиросу, несмело обратился к Борису:

– Товарищ командир, закурить у вас не найдётся?

Алёшкин щедро протянул ему пачку, тот заскорузлыми пальцами достал папиросу и с наслаждением затянулся.

– Вы, наверно, с передовой? – через минуту спросил он.

– Да-а, – ответил Борис.

– Оно и видно – ещё папиросы курите, а у нас в городе уж и махорки со всякими примесями стали в обрез давать, хорошему курильщику – на одну затяжку. Вот, теперь и маемся. Хорошо ещё, что сёстры да врачихи нам свою пайку табака жертвуют, а то бы совсем хана! А вы, товарищ командир, заболели, что ли? Ранения-то как будто у вас нет. Или к нам служить? – осведомился, видимо, словоохотливый и любопытный боец, после папиросы проснувшийся окончательно.

– Да, как сказать? И заболел, нужно на рентген, да коекого и повидать хочу.

– Знакомого?

– Знакомую, – ответил Борис, – она в этом госпитале врачом служит.

– Так чего же вы сидите тут? Надо идти в здание и найти её!

– Так ведь ещё рано, да я и не знаю, куда идти.

– Как рано? Они целыми ночами не спят, пойдёмте, я вас провожу.

Боец встал и вместе с Борисом отправился к большим парадным дверям института. В высоком огромном вестибюле, в который они вошли, было пусто и почти темно, на небольшом столе около одной из колонн теплился маленький огонёк коптилки, сделанной из ватного фитилька и лекарственного пузырька. У стола сидела девушка в халате и читала ка-

кую-то книжку. Боец подошёл к ней:

– Сестрица, – сказал он, – вот тут командир, с передовой приехавший. Говорит, знакомая у него здесь служит, провести зашёл, как бы им свиданьице устроить?

Девушка поднялась, и с любопытством взглянув на Алёшкина, спросила:

– А как зовут вашу знакомую, кто она?

– Врач, – ответил Борис, – её фамилия Скворец.

– Ах, это Таисия Никифоровна! Я её знаю, мы ведь в одной комнате с ней жили, но только она не в госпитале. Её несколько дней тому назад отправили на самолёте вместе с группой тяжелораненых в качестве сопровождающей в Москву, да ей ведь и самой надо было на Большую землю. Вы ведь знаете?..

Борис, уловивший из всего сказанного только то, что Таи здесь нет, что она уехала и он её не увидит, как-то машинально сказал:

– А, знаю, знаю, – и замолчал.

Сестра, заметив обеспокоенность собеседника, по-своему поняла его волнение и поэтому добавила:

– Да вы не волнуйтесь, всё хорошо будет, они уже прилетели в Москву, а перед отъездом она говорила, что обязательно напишет вам.

Сестра хотела ещё продолжить, но в этот момент в вестибюль вышла пожилая женщина-врач, она, видимо, только что проснулась. Увидев у столика сестры посторонних лю-

дей (кроме Бориса там продолжал стоять и боец, приведший его), врач подошла к ним и, взглянув на Алёшкина, громко воскликнула:

– Ой, да это Борис Яковлевич! Ну, смотрите, совсем немного опоздали, недаром Тая так не хотела уезжать, чуяло, наверно, её сердце, что вы появитесь.

Увидев женщину и услышав знакомый голос, Борис узнал в подошедшей Розалию Самойловну Крумм. Да, это была она, но даже месяц пребывания в голодающем Ленинграде совсем её изменил. Она сильно похудела, глаза ввалились, лицо покрылось многочисленными морщинами. Алёшкин невольно подумал: «А как же Тая? Ведь она и так, больная, уехала из медсанбата... Хорошо, что уже выбралась из Ленинграда».

– Да, не удалось вам встретиться с Таей. Свидание, как говорят, сорвалось. Ну что же, я сейчас сменяюсь с дежурства, пойдём к нам, поговорим. Расскажите всё про медсанбат, а я вам про Таю расскажу. Она часто вспоминает вас, да ведь и есть чем! – многозначительно посмотрев на Бориса, добавила она.

Он ничего не понимал. Отсутствие Таи и огорчило, и обескуражило его так, что несколько мгновений он не знал, что сказать. Наконец собрался с мыслями:

– Розалия Самойловна, я ведь сюда приехал не только, и даже не столько на свидание, а по направлению.

– По направлению?! – воскликнула Крумм, – Вот здорово,

опять значит вместе работать будем! Ах, как здесь не хватает квалифицированных хирургов!

Борис усмехнулся:

– Да нет, не работать... Кто же меня сейчас из санбата отпустит? Да я и сам не хочу. Зинаида Николаевна наслушалась у меня что-то в лёгких и направила в какой-нибудь ленинградский госпиталь, чтобы рентгеноскопию сделать. А если найдётся специалист, чтобы и он посмотрел. Она боится, нет ли у меня туберкулёза.

Крумм всплеснула руками:

– Этого ещё вам недоставало! Но то, что вы пришли в наш госпиталь, это просто замечательно: у нас заместитель начальника госпиталя по лечебной части – профессор-фтизиатр. Я вас сейчас же поведу к нему, он, наверно, уже не спит, вот только дежурство сдам, – и она направилась к показавшемуся в конце коридора, в который они до этого зашли, какому-то пожилому мужчине.

Следом за ней с папкой историй болезней в руках помчалась и медсестра. Борис обернулся ко всё ещё шедшему рядом с ним бойцу и сказал:

– Ну, спасибо, друг! Хоть и не совсем удачен мой приезд, но ничего не поделаешь. Нате вот, возьмите папиросы, покурите там с товарищами, у меня ещё есть. А там, дома, – он невольно усмехнулся: медсанбат – уже «дом», – у меня ещё запас.

Красноармеец козырнул и поспешил к выходу.

Через несколько минут подошла Розалия Самойловна:

– Борис Яковлевич, да на вас лица нет, вы, кажется, серьёзно больны.

– Да нет, это все перестраховка Зинаиды Николаевны, просто я всю ночь в дороге не спал, а перед этим почти сутки работал.

Крумм, позвав за собой Бориса, быстро пошла в противоположную сторону коридора, затем, спустившись в полуподвальный этаж, постучалась в дверь, на которой висела картонная табличка «Зам. начгоспиталя по лечебной части». Из-за двери послышался старческий скрипучий голос:

– Входите, входите! Я не сплю!

Войдя в маленькую, освещённую коптилкой комнату, Борис увидел склонившегося над столом, заваленным историями болезней и какими-то исписанными бумагами, небольшого седого старичка с пенсне на носу и с подстриженной клинышком седой бородкой. «Ему, наверно, лет 70», – мелькнуло у Алёшкина.

– А, это вы, коллега, – сказал он, обращаясь к Розалии Самойловне. – Ну, в чём дело? Опять какой-нибудь раненый не согласен на ампутацию, и вы тоже делать её не хотите, а начальник отделения настаивает? Да? Значит, за «высшим» судом пришли.

– Нет, – ответила Крумм, – на этот раз дело в другом. Я привела к вам своего товарища, хирурга Алёшкина. Мы вместе в медсанбате работали. У него подозревают туберкулёз,

послали сюда на рентген, вот я и решила сперва его вам показать.

– А-а, – оживился профессор, – туберкулёз – это здорово, вот по чему я соскучился! Понимаете, – обратился он к Борису, – вот уже три месяца воюю, и ни одного туберкулёзника, а сейчас такой сюрприз, прямо мирными днями запахло. Ну же, молодой человек, раздевайтесь быстренько.

Он расспросил Бориса, затем быстро выслушал и простукал его и, поворачиваясь к Розалии Самойловне, сказал:

– Вот что, голубушка, сведите его сейчас же к Арнольду Вениаминовичу и скажите, чтобы он его снял. Это я приказываю, и пусть не жалуется, что плёнок нет. Вечером я посмотрю снимок и скажу окончательный диагноз. Ведь вы можете подождать до вечера? – обратился он к Борису.

– Да, конечно, у меня увольнение на двое суток, – ответил Алёшкин.

После того, как была сделана рентгенография грудной клетки, Крумм спросила Бориса, есть ли у него еда. Тот потряс вещевым мешком и объяснил, что у него здесь сухой паёк на двое суток, и он вполне обеспечен.

Она пригласила его в комнату, где жила вместе с тремя медсёстрами, и предложила ему кипятку. Он, в свою очередь, высыпал на стол несколько кусков сахара, четыре больших сухаря и банку шпрот. Увидев такое продуктивное богатство, Розалия Самойловна сказала, что они сейчас устроят пир на весь мир. Две девушки-медсестры (одна из них была

уже знакома Борису) в это время тоже находились в комнате, и Крумм с молчаливого согласия Алёшкина пригласила и их. Все уселись вокруг стола и налили в большие эмалированные кружки какую-то буроватую горячую жидкость из большого жестяного чайника.

– Кофе по-турецки на ленинградский манер из пережжённого овса и еще какой-то гадости! – объявила Розалия Самойловна, открывая коробку консервов и ломая на кусочки сухари. Борис тем временем поколол сахар и предложил его всем. Немного стесняясь, приняли участие в «пиршестве» худенькие, с ввалившимися глазами, девушки. Во время чаепития все трое рассказывали Алёшкину о том положении, в каком находился госпиталь и его работники.

– Уже много дней не действует водопровод, за водой сёстры и санитары бегают в пока ещё действующую колонку почти за полтора квартала от здания госпиталя. Раненых около 1000 человек, все они хотят пить, есть – значит, надо обеспечить водой кухню. Хоть один раз в сутки умыть каждого тоже нужно, а сколько воды тратит операционный блок! – возмущалась Розалия Самойловна. – А эти худышки за раз больше полведра не могут нести, да и санитары тоже не намного сильнее их. А с туалетом? Уборные не действуют (воды-то нет), ходячие бегают в парк, там у нас такие же ровики, как в санбате были вырыты, а с лежачими прямо беда... А тут вот уже с неделю как свет электрический отключили, во всех палатах вот такие «люстры» горят, как у нас, – Крумм пока-

зала на маленькую коптилку, стоявшую на столе. – Только в операционно-перевязочный блок, да в рентген-кабинет свет дают от какого-то постоянно барахлящего движка. Вот так и живём! И ничего, работаем, лечим, вылечиваем и даже обратно в строй отправляем, как настоящие тыловые госпитали, – с некоторой гордостью закончила свою речь Розалий Самойловна.

Но тут вмешалась одна из сестёр:

– Это всё ещё ничего, сегодня, славу Богу, пасмурно, самолёты летать не могут, а то...

– А то? – спросил Борис.

– Вы ничего не знаете! Пока была лётная погода, да и сейчас, стоит только выдаться хоть одному ясному дню или ночи, как немцы посылают на наш бедный город десятки и сотни самолётов... Начинается такое, что вы себе и представить не можете! Бомбы свистят, рвутся, слышен грохот падающих зданий, то там, то здесь вспыхивают пожары, бьют, как сумасшедшие, зенитки. Прямо ад какой-то! А у нас ещё хуже: как только начинается воздушная тревога, мы всех раненых обязаны свести и отнести в подвал, в бомбоубежище, а ведь их около тысячи. Санитаров почти нет, носить лежачих приходится дружинницам и нам, вот таким же девушкам, как я, и пожилым врачам... Отбой – и обратная картина. Надо всех раненых развести и разнести по всем трём этажам на свои места. Бывали сутки, когда это приходилось делать по два и даже по три раза.

И снова продолжила Крумм:

– А тут ещё и питание становится всё хуже и хуже. Нас, личный состав госпиталя, кормят почти так же, как гражданское население, правда, как рабочих. Вот теперь хлеба дают 300 грамм, вернее, сухарей – 150, круп в месяц – 600 грамм, жиров по норме – 150 на месяц, но фактически и этого не бывает, мясо (конина) – редкость. Мы на руки, конечно, ничего не получаем, всё, кроме сухарей, идёт в столовую, как там умудряются что-либо приготовить, просто удивительно. А сухаря на день никак не хватает.

После чаепития Розалия Самойловна отвела Бориса в кабинет комиссара госпиталя, представила его как фронтового коллегу, приехавшего на консультацию, и просила организовать возможность отдыха фронтовику. Она добавила:

– Борис Яковлевич, вы знаете, где я живу. Выспитесь, отдохните там, где вас комиссар пристроит, а потом приходите ко мне, сходим вместе к профессору и выясним, как вам быть дальше, – с этими словами она вышла.

– Знаете что, доктор? Самое лучшее, что я вам могу предложить, вот этот диван в моём кабинете. Хоть здесь и холодно, как, впрочем, и во всём госпитале, но зато диван мягкий, есть одеяло, укроетесь ещё своей шинелью и поспите. Судя по всему, ночь-то вы не спали, ну а я вам мешать не буду, пойду по палатам, вернусь только к обеду. Отдыхайте.

Алёшкин не заставил себя долго просить, он действительно чувствовал большую усталость и какую-то слабость, и по-

тому, сбросив шинель и сапоги, сейчас же улёгся на мягкий кожаный диван, укутался, и едва комиссар закрыл за собой дверь, как он заснул.

Проснулся Борис часов через шесть, то есть около трёх часов дня и, вероятно, оттого, что с него сползла шинель, он основательно замёрз. Едва он успел поднять её с пола и снова закутаться, как дверь открылась, в комнату зашёл комиссар, а за ним санитар, несший на подносе две миски с чем-то горячим и два крошечных сухарика на тарелке.

– А, товарищ военврач уже проснулся, вот и хорошо, будем обедать, – с несколько наигранным весельем сказал комиссар.

По лицу его было видно, что ему совсем не весело. Борис молча поднялся, вытянул из-за дивана брошенный туда им вещевой мешок, извлёк из него два довольно больших сухаря и вторую банку шпрот. Увидев эти продукты, комиссар усмехнулся:

– Давно уже, кажется, мы не видели такой роскоши, хотя прошло с тех пор всего-то пять с половиной месяцев. Вот как время тянется, когда плохо с едой. Сейчас по палатам прошёл и опять расстроился. Врачи стараются, оперируют, а раненые всё равно гибнут. Повышенный паёк у них, но и на нём в послеоперационном периоде не выдержишь. А тут ещё и эвакуация совсем прекратилась. Что будем дальше делать, прямо ума не приложу, хоть бы скорей прояснилось, что ли! Самолётами хоть сколько-нибудь вывезем. Не все самолёты

до Большой земли долетают, а всё же кто-то да будет спасён.

После обеда Алёшкин оделся и вышел на улицу. Часовые при входе теперь уже были ему знакомы, они приветствовали его, и так как начинало темнеть, то посоветовали далеко от госпиталя не отходить. Он всё-таки решил побродить часа два по улице, чтобы осмотреть хоть немного город.

Картина полуживого Ленинграда поразила его. Улицы были занесены снегом, лишь на тротуарах протоптаны узкие тропки. Людей он не встретил, уличного света так и не было. Впечатление это производило настолько гнетущее, что Борису нестерпимо захотелось как можно скорее вернуться в свой медсанбат, где жизнь бурлила в постоянной работе, где не успеваешь думать о том огромном несчастье, которое обрушилось на страну. «Ведь если Ленинград так выглядит, то как выглядят те города, которые захвачены фашистами? Наверно, ещё хуже. Как же там люди живут? Неужели мы так и не найдём в себе сил, чтобы оказать должный отпор врагу? О чём же мы раньше думали?...» – размышлял он, подходя к воротам госпиталя.

Поговорив с профессором, Борис узнал, что у него, действительно, имеется туберкулёзный очаг в подключичной области правого легкого, и что ему, конечно, нужно лечиться.

– Эта форма туберкулёза не представляет опасности для окружающих, но, – сказал профессор, – вы, коллега, понимаете, что в условиях Ленинграда необходимое лечение обес-

печить невозможно. Эвакуировать вас тоже нельзя, даже тяжёлых больных и раненых мы не можем эвакуировать. Пожалуй, самое лучшее место для вас сейчас – это то, которое вы занимаете. Постоянно свежий воздух и питание лучше, чем в городе. Берегитесь простуды и, если сумеете что-либо достать из продуктов, питайтесь получше.

Алёшкин выслушал профессора без особого волнения, а полученное им письменное заключение для НОД и врачей медсанбата он запрятал как можно дальше, решив его никому не показывать.

Выйдя из кабинета, Борис, наконец, решился расспросить Розалию Самойловну о Тае. До этого он не задавал вопросов, потому что при каждом упоминании об эвакуации её из Ленинграда Крумм так странно поглядывала на него, что ему становилось неловко. Да и неудобно было затевать этот разговор в присутствии медсестёр.

Он постучался в дверь комнаты. Крумм, к счастью, была одна, сёстры ушли на дежурство, а ей предстояло заступать через час. На первый же вопрос о Тае, Розалия Самойловна многозначительно ответила:

– Да вы, Борис Яковлевич, не волнуйтесь, всё нормально будет! Она женщина здоровая, молодая, а теперь ещё и в лучших условиях, чем здесь, жить будет, так что всё пройдёт благополучно.

Бориса изумила эта фраза. Он несколько секунд помолчал, а затем неуверенно спросил:

– Да что благополучно-то? Она какой-нибудь серьёзной болезнью заболела?

Крумм рассмеялась:

– Ну, все мужчины в этих вопросах, как мальчики! Никакой болезнью она, к счастью, не болеет, у неё то, что у всех почти женщин бывает. Неужели вы ничего не знаете?

– Нет, Розалия Самойловна, честное слово, не знаю, о чём вы говорите.

– Да как же так? Живёте с женщиной и не знаете, что бывает после этого? Дети бывают! Неужели вы не понимаете? Беременна Тая, беременна, и уже с немалым сроком. Поэтому её эвакуировали. У нас после ранения лечились какие-то важные командиры, их самолётом решили отправить для долечивания в Москву. Им был нужен сопровождающий врач, а поскольку Тае переносить беременность в условиях Ленинграда стало трудно, наш начальник, человек очень добрый, назначил сопровождающей её. По радио уже получено известие, что самолёт этот благополучно прибыл в Москву, так что Таечка сейчас или там, или, может быть, уже дома. Готовьтесь, месяца через три-четыре вы снова папашей станете, теперь уже в четвёртый раз.

Борис растерянно молчал. Крумм приписала его смущение и растерянность неожиданностью полученного известия и поэтому не удивилась. Она удивлялась только тому, почему Тая не сказала о своей беременности Борису. Понимая, что Алёшкину хочется побыть одному, она быстро прогово-

рила:

– Ой, заболталась я тут с вами, мне на дежурство в опер-блок пора. Отдохните тут на моей койке, ведь ночью за вами заедут, опять спать не придётся. Не прощаюсь, наверно, ещё увидимся, – и она вышла из комнаты.

Борис закурил, прилёг на кровать и задумался. «В какое же положение я попал? – думал он, – ведь у меня есть жена, которую я люблю и ни на кого не променяю... С Таей мне было хорошо. Невольная резкая перемена обстановки, невероятно тяжёлые условия жизни и работы, видно, требовали какой-то взаимной поддержки. Пожалуй, естественно, что такой поддержкой оказалась она, ведь как-никак Тая была единственным человеком, кого я знал в довоенное время. Вероятно, она испытывала то же, да она так и говорила. Наверно, естественно и то, что наша дружба быстро перешла в близость, война всё ускоряет. Но вот то, что у Таи от меня будет ребёнок, это неожиданно и даже немного страшно. Ведь я не могу, да и не хочу оставить своих троих дочурок. Но и этот новый ребёнок, ещё не появившийся на свет, тоже должен иметь отца. Как быть? Да ведь и Тая замужем! Каково будет её положение? Да, Борис, в хорошенькую историю ты влип... На самом деле, ты что, не понимал, что могут быть дети? Ведь прекрасно понимал... На что надеялся? На авось? Вот теперь и расхлёбывай кашу! Но почему я-то ничего не заметил? И она молчала. Странно всё это... Что же, – наконец решил Борис, – родит, сообщит мне. Буду

ей помогать, выделю ей рублей сто или двести, а дальше посмотрим». Так, ничего окончательно и не придумав, Борис как-то неожиданно заснул.

Его разбудила Крумм, вернувшись с дежурства. Они работали в операционной два раза в сутки по шесть часов и уставали гораздо меньше, чем врачи медсанбата, хотя делали почти столько же. Борис решил и в своей медроте завести подобный порядок. Уже наступала ночь, и чтобы не беспокоить больше Розалию Самойловну, Борис решил дожидаться своей машины у ворот госпиталя.

Распростившись с ней, поблагодарив за заботу и помощь в консультации, Борис отдал ей все остававшиеся в его мешке сухари и последнюю банку рыбных консервов и направился к выходу из госпиталя.

Провожая Алёшкина, Крумм пожелала ему скорейшего выздоровления, благополучного возвращения в медсанбат и встречи с Таей Скворец. Конечно, не думали тогда ни она, ни он, что если первое её пожелание исполнится, то встреча с Таей не состоится никогда.

На улице было совсем темно и Борис, встав у калитки, около получаса ждал машину медсанбата, а когда она подъехала, он её еле различил в темноте. Ему опять пришлось ехать в кузове машины, так как Прохоров и Пальченко, заняв места в кабинах, не догадались предложить ему место там, да и сам он на это не согласился бы. Теперь ехать было не так холодно. Борис залез между тюками перевязочного ма-

териала и накрылся сверху брезентом, так что в его «гнезде» было, пожалуй, теплее, чем в кабине: кабины-то не отапливались, да и стёкол в дверцах не было.

Глава семнадцатая

Ехали довольно спокойно. Дорогу за прошедшие сутки накатали и остановок стало меньше. Пассажиры и шофёры на этот раз были в большей безопасности. Обычно во время налётов своей авиации фашисты артиллерийский обстрел прекращали, так было и сейчас. Небо прояснилось, и поэтому шла довольно интенсивная бомбёжка где-то в юго-западном районе города и пригородов. Санбатовцы ехали в противоположном направлении.

После проезда последнего городского КПП Прохоров и Пальченко, основательно замёрзнув в кабинах, перебрались в «пещеру», устроенную в кузове Борисом. Когда их оказалось трое в этом небольшом пространстве, хорошо защищённом от ветра, стало совсем тепло. Прохоров рассказал, что ему удалось получить бочку горючего и немного масла, из продуктов выдали один мешок крупы – пшеница, немного рыбных консервов для командиров, папирос и мешок табака. Табак – суррогат махорки, то есть махорка с большим количеством самых разнообразных примесей. Уже второй раз из-за отсутствия бумаги её выдавали не в пачках, а в бумажных мешках весом 15–20 кг. Везли также мешок сахарного песка и три ящика сгущённого молока. Пальченко получил четыре тюка бинтов, спирт и немного разных медикаментов.

– Ваты не дали, – сказал Пальченко, обращаясь к Алёш-

кину. – Придумывайте вместо неё что-нибудь другое и экономьте старую. У меня её запасы кончаются.

Везли также несколько пачек центральных газет, правда, за старые числа, но знали, что и им все будут рады. Как ни холодно, ни голодно было жить, новости знать хотели все, а они попадали в медсанбат со значительным опозданием, и часто о них узнавали по слухам, которые не всегда соответствовали действительности. Получаемая более или менее регулярно дивизионная газета «На боевом посту» об общем положении на фронтах сообщала очень скупо.

Подробных географических карт в батальоне не было, так что оставление нашими войсками тех или иных пунктов, о которых читали в центральных газетах, не позволяло судить об истинной линии фронта. Политработника, который мог бы это объяснить, в санбате всё ещё не было. В результате даже о таком чрезвычайно важном для Ленинграда и защищавших его войск, а, значит, и для 24-го медсанбата, событии, как захват немцами города Тихвина и, следовательно, полной окончательной блокады Ленинграда с суши, все трое узнали, только находясь в городе, хотя это произошло за несколько дней до их выезда из батальона.

Тогда они как-то не понимали серьёзности этого положения, но в действительности после занятия немцами Тихвина положение для осаждённого города стало поистине катастрофическим. Вопрос об организации питания войск и населения неизмеримо усложнился.

Прохоров сказал, что именно поэтому в продотделе не выдали ни мяса, ни дополнительных жиров и ни одного грамма овощей, даже сухих. Рассказывая об этом, он удивлённо разводил руками и приговаривал:

– Что будем есть, ума не приложу. Ну, ладно ещё мы, а что будут есть раненые? Вот, выдали молоко, сказали, что до нового года больше не дадут и приказали выдавать его по 30 грамм, разведя кипятком, каждому раненому в сортировке сразу по прибытии до обработки, а затем больше не кормить, а стараться быстрее эвакуировать. Тех же, которых транспортировать будет нельзя, кормить наравне с личным составом. Трудное положение, не знаю, как и выкарабкаемся... Тут наши ребята нашли неподалёку, километрах в трёх от нас, почти у передовой, капустное поле, на нём полностью капусту снять не успели, вот они и пробираются туда, чтобы выкопать из-под снега её и потом сварить. Беда только в том, что это поле было раньше заминировано какой-то частью, и никто не знает, как расставлены мины. Из соседних частей уже пытались там запастись капустой, но когда два человека подорвались на минах, то командир части эти походы запретил. То же сделал и я, но голод не тётка, идут поодиночке, в обход запрещения. Надо будет поговорить с Перовым, может, что-нибудь придумаем. А тут ещё вскоре на новое место переезжать придётся, бензину дали очень мало, в будущем обещали лимит ещё больше урезать. Так что придётся ближе к передовой перебираться.

– Да-да, – подтвердил и Пальченко, – я в санотделе тоже об этом слышал. Теперь, говорят, медсанбаты от своих полков должны стоять не дальше четырёх километров, а ведь мы находимся почти на десять.

Алёшкин только слушал и думал: «Славу Богу, что Катенька и ребятишки так далеко от фронта и не испытывают ужасов, подобных тем, которые я видел в Ленинграде и которые там происходят ежедневно, если не ежечасно. Ведь при бомбёжке и при артиллерийском обстреле рушатся прекрасные здания, гибнут мирные люди и прежде всего старики, женщины и дети. Эвакуировали далеко не всех. Да, наверно, то же самое творится и в Ростове, и в Москве, и в других городах... Хорошо, что мы жили в такой глуши, всё-таки там и хозяйство кое-какое есть, и по аттестату получают, как-нибудь вывернутся, проживут... Главное – от фронта далеко. Конечно, трудно им сейчас, в особенности Катеньке, но ведь сейчас всем трудно. Теперь и наши письма к ним не доходят, да и посылка с одеждой, наверно, пропала. Говорили, что посылки повезут через Ладогу на Тихвин». Последнюю фразу Борис произвольно произнёс вслух. Прохоров ответил:

– Письма, говорят, самолётами, как и газеты, возят. Хотя много самолётов гибнет, но всё же часть долетает, и кое-какая почта доходит. А вот посылки, наверняка, к немцам угодили. Ну, да ничего не поделаешь, сейчас не это главное. Сейчас нужно во что бы то ни стало выстоять, удержать Ленинград, об этом все и везде говорят. Немцы пишут в своих

листовках, они их много сбрасывают около Урицка, Пулково, Колпино, что бессмысленно сопротивляться, что они даже и стрелять не будут, что все защитники Ленинграда сами перемерут от голода, и самое лучшее для всех нас – это сложить оружие и сдаться в плен. Это мне один майор интендантский рассказывал. Да так сочувственно он говорил, я ему чуть в морду не дал! Есть же такие гады, поди, ещё партийный билет носит. Как бы у нас такие разговоры не начались. Комиссара нет, ты, Пальченко, так завяз со своей аптекой, что партийными делами совсем не занимаешься. А ведь у нас теперь и начсандив, и комбат беспартийные. Да и ты тоже хорош, – обернулся Прохоров к Борису, – почему не в партии? Чего ты ждёшь, нашей победы? Или боишься? – спросил он уже раздражённо.

Алёшкин понимал состояние Прохорова: иметь около 200 человек (вместе с выздоравливающими) и не знать, чем их завтра накормить, а в то же время требовать от них работы, иногда превосходящей человеческие силы, – это хоть кого выведет из равновесия. А ведь за их питание отвечает он и никто другой. Конечно, ему нелегко!

– Ладно, не кипятись, этим делу не поможешь. Вот о капусте подумай, может быть, и картошку невыкопанную где-нибудь найдут. Да, надо посмотреть в лесу какие-нибудь ягоды, рябина, калина, черёмуха, морошка есть, их тоже использовать нужно, – сказал Борис. – А насчёт партии... Что ж, слушайте, как-никак один из вас – секретарь партячейки, дру-

гой – член бюро, всё равно узнать должны, – и Алёшкин рассказал свою безрадостную историю, как и кем он работал, что для него была и есть партия и как тяжело переживал он своё такое несправедливое и незаслуженное, с его точки зрения, исключение.

Пальченко, выслушав историю Бориса, помолчал немного, а затем заметил:

– Если ты говоришь правду, а мне кажется, сейчас тебе врать ни к чему, то с тобой действительно поступили по-свински. Но обижаться-то ты имеешь право только на этих людей, на партийных бюрократов, ведь ты знаешь, что и такие, к сожалению, имеются. А на партию обижаться глупо.

– Да, я это уже давно понял, – ответил Алёшкин, – но хотелось мне в партию вернуться не с пустыми руками, не так, чтобы кто-нибудь мог сказать, что я в партию лезу, чтобы мне она учиться помогла. Хотел доучиться сам, а после решил года два поработать. Узнают меня, тогда и вступлю опять или о восстановлении буду хлопотать. У меня уже разговор об этом с секретарём нашей станичной партячейки товарищем Пряниным был, да вот война помешала. А тут меня ещё мало знают.

– Ну, война как раз не может помешать! Кто с сердцем и преданностью к нашей партии, к Родине и советской власти служит, того сразу видно, – сказал Прохоров.

– Я с тобой, Борис Яковлевич, не зря этот разговор затеял. Вступай в партию, я тебе рекомендацию дам без разговоров.

Сейчас преданные люди партии особенно нужны. А эти свои интеллигентские штучки брось... Видишь, с пустыми руками не хотел идти! Партии человек нужен, а не его багаж. Багаж – дело наживное. А у иных он так тяжёл, что и в партию не пустит. Так ведь? – обернулся он к Пальченко.

– Справедливо, – сказал тот, – подумайте, товарищ Алёшкин, над словами Прохорова, двери в партию для вас не закрыты, ну а если при приёме и пропесочат коммунисты вас, так, наверно, по заслугам...

– Э, смотрите-ка, а ведь мы приехали уже, и ни разу вылезать не пришлось.

Действительно, в этот момент машины въехали в расположение батальона и остановились около палатки склада. Борис был рад окончанию разговора. Он выскочил из машины и, пожелав спутникам спокойной ночи, пошёл к операционной.

Там шла обычная будничная работа. Раненых поступало не очень много, работали без особого напряжения. Картавцев, увидев Алёшкина, весело крикнул:

– Прибыли, товарищ комроты? Ну как, наверно, все эти терапевты выдумали про туберкулёз-то?

Борис не стал его разуверять:

– Да так, ничего серьёзного пока. Как тут у вас?

– Управляемся. Идите отдыхайте, до утра ещё часа четыре, поспите, а потом придёте. Я дотяну. Вот, откровенно говоря, жрать хочется! Как там, привезли что-нибудь?

– Привезти-то привезли, да немного. Так что животы придётся ещё подтянуть покрепче.

– Это худо! Совсем худо.

– Вы знаете, немцы Тихвин взяли.

– Тихвин, это где? Пойдите, пойдите, да ведь он намного восточнее Волхова, что же и Волхов, значит, тоже?!

– Насчёт Волхова не знаю, а вот о Тихвине в газетах напечатано.

– А знаете, Борис Яковлевич, ведь тогда нам, пожалуй, крышка, не выбраться отсюда. Положеньице... Да иду, иду! – отмахнулся Картавцев от Кати Шуйской, высунувшейся из-за занавески и докладывающей, что раненый уже на столе.

– Вы пока особенно об этом не распространяйтесь, пусть подольше не знают.

– Хорошо, понимаю... – как-то вяло сказал Николай Васильевич. – Ну, идите отдыхать.

Борис вышел из палатки. Стояла тихая, морозная ночь, луна уже зашла, на небе мерцали мириады ярких звёзд, что для Ленинградской области было явлением нечастым. Тихонько постукивал электродвижок. Издалека, с западной стороны Ленинграда доносилось громыхание ещё продолжавшейся бомбёжки. Небо в той стороне временами вспыхивало розоватыми отблесками и где-то в вышине, как тоненькие голубовато-белые стрелки, скользили лучи прожектора.

Борис пошёл в свою землянку, там было тепло. Оказывается, Игнатич, так стали все в медсанбате звать нового

связного комбата, по собственной ли инициативе, или по приказанию начальства, следил за землянкой Алёшкина и аккуратно её протапливал. Борис снял сапоги, гимнастёрку и улёгся на свой довольно-таки жёсткий топчан. Через несколько минут он заснул.

На следующее утро, во время дежурства Алёшкина в операционный блок зашёл Перов. Он вызвал Бориса в предоперационную и сказал, что к нему есть особый пациент.

– Кто же такой? – спросил Борис.

– Это директор военторга нашей Невской оперативной группы. По приказанию командования он лично проверял работу автолавок, курсирующих по тылам дивизий и бригад. Ну, а ты знаешь, что наши тылы под постоянным миномётным и артиллерийским обстрелом, вот и он угодил под такой налёт. Машину, на которой он ехал, основательно покалечило, одного из его спутников тяжело ранило, его прооперировал Бегинсон и уже отправил в госпиталь. Машину чинят наши шофёры, а самого директора, кстати, он в звании интенданта первого ранга (носит три шпалы), пока я приютил у себя, тем более что у него с собой порядочный запас коньяка оказался. Сказал, что, кроме как у тебя, ни у кого оперироваться не желает. У него застрял осколок где-то в середине ладони и, видимо, причиняет ему страдания. Бегинсон предлагал удалить, но только под общим наркозом, а Гольдман, так звать директора, наркоза очень боится. Говорит, что его раз оперировали под наркозом, так он от него чуть не умер. В

батальоне все считают, что лучше тебя никто местное обезболивание не делает, вот и решили ждать твоего возвращения, да и он про тебя в армейской газете ещё на Карельском перешейке читал. Ну как, вести? – закончил свой рассказ Виктор Иванович.

Борис усмехнулся:

– Ну, ладно, веди, посмотрим на твоего директора. Видно, хороший коньяк у него был, что ты так хлопочешь.

– Да ты не смейся, он и тебя не забудет. Это настоящий торговый работник, ловкач! У него в машине, наверно, целая куча разного добра.

Через несколько минут раненый уже вошёл в операционную и с надеждой обратился к Алёшкину, приступившему к осмотру раны:

– Скажите, товарищ военврач, а пальцы будут двигаться? Ведь рука-то правая, – неожиданно тонким голосом прозвучал вопрос этого высокого толстого мужчины, явно напуганного своим ранением.

– Посмотрим, посмотрим, думаю, что будет, – ответил Борис, делая первый укол 0,25-процентного новокаина.

Раненый, конечно, уже лежал на столе. Через несколько минут, когда обезболивание было полностью введено, рана на ладони, имевшая неровную звёздчатую форму, немного расширена, Борис нащупал пинцетом осколок, застрявший между третьей и четвёртой пястными костями, и извлёк его. Он убедился, что ни крупные сосуды ладони, ни сухожилия

сгибателей третьего и четвёртого пальцев не повреждены. Осколок был величиной с небольшую фасоль, плоской формы и довольно острыми краями. Каким чудом он не повредил ладонной артерии и сухожилий, для Бориса было загадкой. Благодаря своей форме осколок врезался в ладонь, и рана почти не имела размозжённых краёв. Проникнув внутрь, он прижал к одной из костей веточку проходящего к третьему пальцу нерва, чем и причинял раненому сильные боли.

Очистив края раны, Борис решился, в нарушение всех правил (уже вторично на этом месте дислокации), зашить рану, что и исполнил, введя под кожу больному противостолбнячную сыворотку, а в рану – и противогангренозную. После наложения бинта и лёгкой фанерной шины, он посоветовал раненому пожить несколько дней в санбате, и, если не будет повышаться температура и беспокоить боли, то явиться на перевязку через три дня.

К вечеру Гольдман стал чувствовать себя настолько хорошо, что решил ехать в штаб группы, чтобы доложить о выполненном задании, а также и о своём ранении. Больше его Борис не видел. Он даже не приехал, чтобы снять швы.

Как-то в свободное от работы время Борис сидел в землянке Перова, с которым он не то что подружился, но после отъезда Таи стал как-то чаще и ближе встречаться, ведь как-никак он был тоже «свой» – нальчикский, кабардинский. Из всех кавказцев, кроме Бориса, в медсанбате остался он один. Так вот, сидя с ним за кружкой горячего чая (заварной чай в

батальоне ещё был, а вот сахар уже кончился), Борис немного насмешливо сказал:

– Что-то твоего военоторговского приятеля не видно, даже спасибо не сказал, уехал. Хорошо бы сахарку от него разжиться, хоть бы показаться приехал. Как у него там рана-то? Не дай Бог, к большому какому-нибудь медицинскому начальству на глаза попадёт – скандалу не оберёшься.

– Это почему? – забеспокоился Перов.

– Да как же, ведь я зашил ему рану-то, а этого делать нельзя.

– Да-а?! – недовольно протянул Перов. – Эх ты, наделал делов! Действительно, может скандал выйти. Дёрнул тебя чёрт инициативу проявлять!

Однако под наплывом дальнейших событий, а их в батальоне происходило каждый день столько, что хоть отбавляй, про Гольдмана они оба как-то забыли. Он о себе напомнил сам.

Как-то, придя с дежурства в свою землянку и зажигая стоявшую на столе, сделанном из ящика от перевязочного материала, маленькую коптилку, Борис увидел на топчане довольно объёмистый пакет. Он удивился и только хотел его рассмотреть, как в землянку вошёл Игнатьич с котелком супа из пшённой крупы, который был теперь ежедневной и почти единственной пищей всех медсанбатовцев, да и того давали всего на два-три пальца от дна котелка. Многие санитары и даже некоторые врачи – Дурков, Картавец и другие,

чтобы создать хоть какое-то впечатление сытости, добавляли в котелок ещё стакана два кипятка, и эту, по существу, уже почти совсем пустую воду, выпивали чуть ли не залпом. К этому времени нормы довольствия, хотя с ноября пока ещё и не сокращавшиеся, вследствие фактического отсутствия продуктов, дошли до того, что весь состав батальона начал по-настоящему голодать.

Игнатьич поставил котелок на стол, положил около него кусок сухаря размером с ладонь маленького ребёнка и толщиной в один сантиметр и сказал:

– Товарищ военврач, а вам письмо.

Борис обрадовался:

– Откуда, из дома?!

– Нет, ответил Игнатьич, – от того интенданта, что у комбата жил, и которого вы лечили. Его шофёр привёз и вот этот свёрток тоже.

Борис разочарованно взял заклеенный конверт, на котором было написано только «24-й медсанбат» и, хлебая из котелка остывавший жидкий суп, распечатал его.

«Дорогой доктор! – прочёл он. – Большая благодарность вам за ваше искусное лечение, рана зажила отлично. Правда, хирург в госпитале, в котором мне снимали швы, очень удивился, что рана оказалась зашитой, но, так как она зажила очень хорошо, то он никаких претензий не предъявил, хотя и спрашивал, где мне делали операцию, однако этого я ему не сказал.

Итак, все хорошо. Пальцы двигаются, рука не болит, ещё раз благодарю. Примите мой маленький подарок. С уважением, Г.»

Как видите, интендант был действительно ловким человеком: он нигде не упомянул ни одного имени, ну, а своему шофёру он, очевидно, доверял.

Игнатич, передав письмо, вышел, а Борис, похлебав суп, принялся разворачивать тщательно упакованный свёрток. Когда он освободил его от бумаги, то был поражён представшим его глазам изобилием. В свёртке оказалось 10 плиток шоколада, 10 пачек папирос «Казбек», круг копчёной колбасы, пачка печенья, бутылка коньяку, пара тёплых шерстяных перчаток и несколько носовых платков. Если учесть, что всё это было получено в районе голодающего блокированного города, то будет понятно, как удивился и обрадовался Борис. Он пожалел, что ничего из этих запасов не сумеет послать домой, но всё-таки решил кое с кем поделиться. Коньяк он отдал Перову, тот с радостью принял его, но удивился:

– Неужели тебе не жалко? Ну, хоть выпей со мной.

Но Борис отказался, спиртные напитки никогда его не привлекали. Сангородскому и Картавцеву он дал по пачке папирос. Зинаиде Николаевне Прокофьевой подарил плитку шоколада, такую же плитку он отдал сёстрам, помогавшим при операции Гольдмана. Половину колбасы вручил Игнатичу, а всё остальное спрятал у себя.

В продолжение двух недель, преодолевая страшное иску-

шение съесть всё сразу, он позволял себе лишь тоненький ломтик колбасы и небольшой кусочек шоколада в день.

Кто знает, может быть, только благодаря этому дополнительному питанию ему удалось сохранить некоторые силы, чтобы справиться с начинавшейся у него болезнью и, кроме того, выполнять свои далеко не лёгкие служебные обязанности.

20 ноября 1941 года произошло новое официальное снижение норм. С этого дня личный состав медсанбата должен был получать в день на человека 300 грамм хлеба (150 грамм сухарей), 50 грамм мяса и примерно столько же крупы. Но если принять во внимание, что овощей не выдавалось, очень часто не выдавалось и мясо, а сухари делались не из настоящего хлеба, а из суррогатного, то станет понятно, как тяжело пришлось всем. Всё чаще и чаще санитаров пожилого возраста, медсестёр и врачей дистрофия валила с ног. Короткое пребывание в терапевтической палатке, где истощённым людям к общему пайку ежедневно добавлялось по 25 грамм сгущённого молока, немного восстанавливало их силы, но через несколько дней работы наступал рецидив. Состояние этих людей становилось ещё более тяжёлым, и их приходилось отправлять в ленинградский госпиталь, в надежде на эвакуацию на Большую землю – так уже почти официально стали называть ту часть страны, которая находилась по другую сторону блокадного кольца. Но этой счастливой Большой земли достигали немногие из эвакуированных, сообще-

ние с ней было возможно пока только по воздуху, который полностью контролировался вражескими истребителями, и далеко не всем транспортным и санитарным самолётам удавалось благополучно перелететь линию фронта.

Несмотря на такое, можно сказать, отчаянное положение, не было среди медсанбатовцев, пожалуй, ни одного человека, кто не относился бы к своей работе со всей добросовестностью и не отдавал бы ей все свои силы. Правда, каждый почти всё время думал о еде и пытался как-то увеличить свой скудный дневной паёк. Одним из способов была поездка на передовую за ранеными. Там давали более высокий паёк, и сердобольные старшины полевых медпунктов обязательно кормили приезжих гостей. Поездки были опасны: немцы пристреляли дороги к полкам и подвергали их регулярному методическому артиллерийскому и миномётному обстрелу. Случаи прямого попадания в автомашину были редки, но осколки мин и снарядов, разрывавшихся вблизи от машины, очень часто ранили, убивали и водителей, и санитаров, и медсестёр, и перевозимых раненых. И всё-таки, несмотря на это, вечерами, при распределении нарядов на следующие сутки старшине Ерофееву приходилось очень трудно: желающих попасть на эвакуацию к передовой было всегда гораздо больше, чем требовалось.

Кстати, следует сказать, что с начала ноября, в связи со значительной убылью личного состава батальона большая часть его – санитары, дружинницы и медсёстры – на все ра-

боты назначалась по специальной разнарядке, составляемой начальником штаба Скуратовым и старшиной. Не коснулось это только людей операционно-перевязочного взвода и врачей, которые продолжали выполнять свою работу в соответствии с занимаемыми ими должностями, заменяя заболевших или раненых товарищей в своём подразделении.

А среди врачебного состава убыль была тоже довольно значительна. Кроме тех, кто временно выбывал, а затем вступал в строй снова, были теперь и такие, которые покидали батальон навсегда. Мы уже говорили о бывшем начсандиве Исаченко, о комбате Васильеве, враче Семёновой. Перед ноябрьскими праздниками при возвращении с передовой был тяжело ранен начальник эвакуотделения врач Долин. Немного позднее артиллерийский снаряд угодил в палатку аптеки, его осколками была убита одна из помощниц Пальченко, а сам он тяжело ранен и эвакуирован в госпиталь. Хорошо ещё, что вторая палатка аптеки (склад) стояла в стороне, и пострадала только небольшая часть медикаментов и перевязочного материала. Сама палатка взрывной волной была разорвана в клочья, а аптечная аппаратура раскидана на большом расстоянии.

Между прочим, в последнее время артобстрелы района медсанбата участились. И снаряды всё чаще и чаще рвались в его расположении. Пока, правда, кроме аптеки, пострадал только автовзвод. Во время этого артиллерийского налёта большая часть снарядов упала в стороне от батальона, и

лишь несколько разорвались в местах стоянки автомашин, осколком был убит командир взвода Сапунов.

От истощения и голода из врачей пока не умер никто, но хуже всех чувствовала себя врач Криворучко. Уже более двух недель она совсем не вставала с постели, жизнь в её худеньком, почерневшем теле еле теплилась, но она продолжала категорически отказываться от госпитализации в госпитальную палатку и предпочитала лежать на своём топчане, сооружённом из носилок в палатке общежития женщин-врачей.

Её зачислили на госпитальное питание, дополнительные продукты приносились ей на дом. Но, видимо, процесс истощения зашёл так далеко, что улучшения не наступало. Временами она теряла сознание и находилась в беспамятстве по нескольку часов. Решили эвакуировать её в Ленинград.

Все понимали, что это надо сделать в один из периодов её беспамятства, в остальное время добиться от неё согласия на эвакуацию было невозможно. На все предложения она отрицательно качала головой, говорить ей было трудно. И вот, в один из дней, кажется, 28 ноября, врач Криворучко, находившаяся во сне или без сознания, была закутана в несколько одеял, переложена на носилки и погружена в санитарную машину. Врачи и медсёстры, собиравшие вещи больной, к своему глубочайшему удивлению, обнаружили, что её вещевой мешок, стоявший под топчаном, был почти доверху набит сухарями, под подушкой нашли около килограмма саха-

ра и две фляжки, заполненные сгущённым молоком. Видел эти продукты и Борис, и если женщины, собиравшие Криворучко, были поражены этим изобилием, то он удивился поведению этих женщин. Ни одна из них даже на секунду не подумала о том, чтобы воспользоваться хоть чем-нибудь из этих запасов. Наоборот, всё было собрано до мельчайшей крошки, упаковано и вместе с вещами Криворучко отправлено в Ленинград.

Вечером в палатке комбата Перова, где довольно часто, кроме Бориса, собирались Сангородский, Прокофьева и Бегинсон, они обсуждали это происшествие и пришли к выводу, что такое собиравание продуктов, очевидно, являлось признаком особого психического расстройства, которое Лев Давыдович назвал голодным помешательством: стремление сохранить хоть что-то про запас, на случай ещё большего голода, даже в ущерб собственному здоровью и жизни.

Алёшкин рассказал, как его поразило поведение медицинских сестёр, которые были невероятно голодны, но не польстились даже и на крошку хлеба, принадлежавшего Криворучко. Сангородский и Прокофьева, в свою очередь, подтвердили, что и они отмечают сознательность санитаров и медсестёр сортировки и госпитальной палаты, безусловно, постоянно голодных, через руки которых проходит сравнительно большое количество разных продуктов и прежде всего сгущённого молока, сахара и хлеба, и которые не берут из этих продуктов ни одной капли, ни крошки. При этом

Лев Давыдович вспоминал, как во времена его молодости, в Первую мировую войну, многие медицинские работники больниц и госпиталей не только ели сами, но и тащили продукты, отпускаемые больным, на продажу. Их ловили и очень строго наказывали, но никто этому воровству особенно не удивлялся, это было как бы в порядке вещей.

– Видно, много поработал комсомол, партия и советская власть с нашим народом, что удалось воспитать такую молодёжь, – заметил Борис, а сам невольно покраснел.

Он вспомнил про шоколад, полученный от директора военторга, из которого у него оставалась ещё целая плитка. «Ведь этот шоколад, наверно, тоже ворованный, может быть, он предназначался для раненых? – подумал он, но тут же себя и успокоил. – Что это я придумываю? Ведь военторг раненых не снабжает, он продаёт свой товар в штабах и, как правило, не ниже штаба дивизии. Ну, а если какая-нибудь машинистка из штаба съест шоколада на плитку меньше, то с ней ничего не случится. И вряд ли директор военторга станет так просто воровать, наверно, за этот товар он полностью заплатил. А я чувствую себя относительно бодро, пожалуй, благодаря только этому шоколаду. Вон Бегинсон, Картавец и Дурков совсем ослабели».

И действительно, почти все врачи операционного взвода батальона могли работать всего по 5 часов в сутки, остальное время они вынуждены были лежать. И если бы у Алёшкина не было сил больше, чем у остальных, батальон не справился

бы с обработкой даже того сравнительно небольшого потока раненых, который всё ещё продолжался.

Поступление их колебалось в пределах 50–60 человек в сутки, но было почти стабильным. Беда заключалась в том, что раненые, прибывающие с передовой, оказывались уже значительно истощены, и потому восстановление даже при небольшом ранении протекало у них тяжело. Легкораненых (их было большинство) эвакуировать в ленинградские госпитали, и без того переполненные, было запрещено, и они оседали в батальоне, создавая огромную команду выздоравливающих, а выздоровление задерживалось всё ухудшавшимся питанием. Многие из бойцов и особенно командиров, получив первую квалифицированную хирургическую помощь, пробыв в батальоне несколько дней и не дожидаясь окончания лечения, настойчиво требовали возвращения в часть, на передовую, где, как они знали, хотя и рискуют с большой вероятностью снова быть ранеными, или даже убитыми, но, по крайней мере, станут более сносно питаться. Врачи, и в частности Алёшкин, шли на это, договариваясь с бойцами, если ранение внушало какие-либо опасения, чтобы они периодически наведывались в батальон и показывали свои раны, а перевязки систематически делать в полковых медпунктах, у своих санинструкторов или батальонных фельдшеров.

В самом конце ноября в медсанбат приехали начальник сануправления Ленинградского фронта генерал-майор мед-

службы Верховский и ведущий хирург фронта, военврач первого ранга профессор Куприянов. Они осмотрели батальон, побывали даже в одном из ППМ, провели совещание со старшими врачами полков и командным составом медсанбата, на котором предложили приблизить батальон к передовым позициям и передислоцировать его километров на пять ближе к Неве. Предложение, вернее, приказание своё, генерал Верховский мотивировал следующим: отсутствие в Ленинграде горючего заставляет резко сократить количество подвижного автотранспорта, медсанбат большую часть своих машин должен законсервировать; из полков забирать на машинах только тяжелораненых, все остальные должны следовать своим ходом или использовать попутный транспорт.

– Как выяснилось, – заявил он, – многие раненые лечатся в медсанбате, но продолжают находиться в своих частях, посещение ими батальона при его приближении к передовой значительно облегчит им эту задачу.

И, наконец:

– Немцы, очевидно, нащупали ваше местонахождение или, во всяком случае, близки к этому. Свидетельство тому – два артиллерийских налёта за последнюю неделю, принесшие батальону чувствительные потери. Не сомневаюсь, – закончил он, что в ближайшие три-четыре дня будет новый артналёт, и он вызовет новые бесполезные жертвы. Поэтому, сознавая всю трудность передислокации, я всё-таки приказываю с завтрашнего дня приступить к переезду и закон-

читать его за двое суток. Место начсандив уже подыскал. Раненых, требующих дальнейшей госпитализации и эвакуации, завтра утром у вас заберут, машины для этого я пришлю. А опасность для батальона на новом месте, хотя и расположено оно ближе к передовой, по крайней мере, первое время будет меньше, чем здесь.

Начсандив Емельянов сказал, что, с разрешения командира дивизии, медсанбат может занять бывшее местоположение второго эшелона штаба дивизии. Там хотя бы было кое-какое жильё – землянки для личного состава, да и дороги проторены. Второй эшелон продвинулся вперёд и уже обосновался в районе Нового посёлка. Место для медсанбата намечалось восточнее деревни Малое Манушкино, в одном километре от медсанбата 80-й дивизии НКВД. На передислокацию штабом дивизии выдали 200 литров бензина, что по тем временам было очень щедро, получить его следовало немедленно и расходовать экономно.

Глава восемнадцатая

Эта передислокация была, пожалуй, одним из самых тяжёлых эпизодов в жизни 24-го медсанбата. Палатки, поставленные в начале осени, ко времени переезда, к 30 ноября, были занесены снегом так же, как и вся территория батальона. При расчистке дорожек снег в целях утепления приваливался к их стенкам. Изнутри палатки обогревались, поэтому у краёв их, кроме снега, образовывались толстые наледы, а сам брезент – то оттаивавший от внутреннего тепла, то замерзавший от наружного холода – пропитался влагой, и все стены и крыши покрылись ледяными корками различной толщины. И вот, нужно было не только вырубить вмёрзшие в сугробы снега и льда, а иногда и примёрзшие к земле, края палаток, но и очистить от обледенений крыши и стены, снять палатку с шестов и свернуть её (не поломав заледеневшего брезента) так, чтобы свёрток хотя бы одной палатки уместился на машину. Труд оказался очень тяжёлым, причём особенно ещё и потому, что все работавшие были истощены и обессилены голодом.

К выполнению физических работ по передислокации, кроме санитаров, были привлечены все медсёстры, врачи и, конечно, раненые из команды выздоравливающих. На перевозке имущества работали всего четыре машины, остальным дали несколько литров бензина, и они должны были, сделав

по одной поездке, захватить кое-какое имущество и законсервироваться.

Поскольку людей не хватало, то решили на новом месте палатки не ставить, а сваливать их пока с машин просто так, чтобы быстрее выехать с прежней стоянки. Предсказание генерала о возможном новом артналёте, учитывая немецкую аккуратность, могло исполниться в самые ближайшие дни. Между прочим, так и случилось.

Почти через час после того, как из бывшего расположения медсанбата выехала последняя гружёная машина, на это место обрушился шквал артиллерийских снарядов. Артобстрел длился около 15 минут, за которые на эту территорию упало более полусотни снарядов. И если бы палатки батальона стояли на своих местах, а люди продолжали работать в них, то не досчитались бы многих. К счастью, немецкая пальба пришлась уже по пустому месту и вызвала у побывавших там через несколько дней Алёшкина и Перова только содрогание от вида многочисленных воронок, из которых каждая могла бы быть их могилой.

Возвращались они туда для того, чтобы нанести на карту место кладбища, оставленного на стоянке батальона. Кажется, именно с этого времени медсанбат и начал вести учёт своим захоронениям. В первый же месяц, во время быстрого отступления по Карельскому перешейку, когда они редко стояли на одном месте более суток, все умершие записывались в специальную книгу без точного указания места захо-

ронения. В батальоне в то время военно-полевых карт не было. А так как многие из умерших в батальоне (а умирали они, как правило, в первые же часы после прибытия, часто даже не приходя в сознание) не имели при себе никаких документов, ибо поступали, минуя полковые пункты, то в книге за тот период времени можно было встретить немало записей такого содержания: «Рядовой неизвестный, умер от ранения в живот, похоронен возле Хумалайна, к северо-западу, в братской могиле». И этот рядовой, а иногда и командир, так и остался на очень долгие годы, если не навсегда, неизвестным солдатом. Вероятно, через год разыскать даже следы его могилы уже было почти невозможно.

Но после Невской Дубровки на каждого умершего в батальоне в специальную книгу заносились точные данные о местоположении могилы, на ней ставился деревянный обелиск с металлической красной звездой, на обелиске раскалённым гвоздём выжигалась фамилия, имя и звание умершего. В похоронную книгу прикладывали схему-карту местности, на которой точно обозначалось место захоронения.

Продолжим рассказ об этой злосчастной передислокации.

Как ни старались при свёртывании палаток действовать аккуратно, всё-таки у многих из них основательно попортили края стен. Во время вырубки изо льда доставалось не только льду, но и брезенту, края некоторых палаток превратились в бахрому. Но это было полбеда; самая большая беда, которой никто не ожидал, оказалась в том, что если заморо-

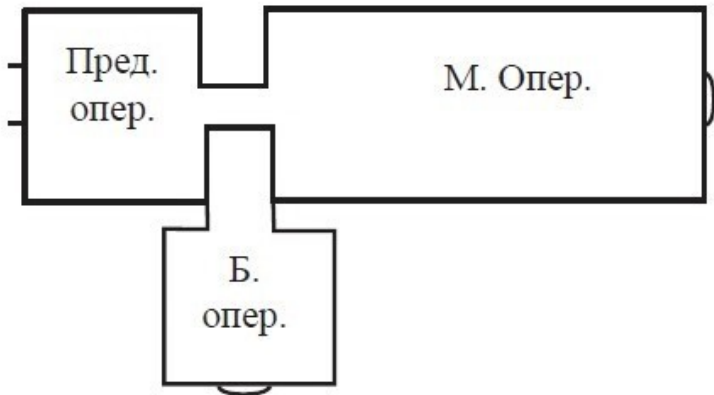
женные, обледенелые палатки, скатанные в огромные тюки и пролежавшие в таком виде при морозе ниже 25 градусов сутки, и удавалось развернуть, то поднять их на шесты и поставить было делом совершенно непосильным для нынешнего состояния медсанбатовцев. После нескольких изнурительных и совершенно бесплодных попыток поставить сортировочную и операционную Борис чуть не со слезами пришёл в землянку к Перову и начсандиву (они заняли благоустроенную землянку бывшего начштаба) и доложил о невозможности развернуться для приёма раненых к указанному генералом Верховским сроку.

Вызвали Прохорова и вместе с ним нашли выход. На складе батальона имелось три палатки ДПМ и две ППМ, не бывших в употреблении, решили поставить их. Одну использовать как сортировку, другую – как операционно-перевязочную, а в третьей начать поочерёдное оттаивание и сушку замёрзших палаток, привезённых с прежнего места дислокации. Усилиями всего персонала батальона новые палатки поставили, и к вечеру они были развёрнуты так, что могли принять первых раненых. Временно решили половину сортировочной палатки использовать как госпитально-эвакуационную. После этого Емельянов уехал в штаб дивизии, чтобы доложить комдиву и начальнику сануправления фронта о развёртывании медсанбата. Теперь дивизия временно подчинялась непосредственно штабу фронта, Невская оперативная группировка была расформирована.

Работа по приведению старых палаток в работоспособное состояние отняла порядочно времени и сил, последних у людей батальона и так оставалось очень мало, и они таяли с каждым днём. В выделенной для сушки палатке установили две огромные печи, сделанные собственными умельцами из пустых бочек от бензина. Печи эти создавали в палатке очень высокую температуру, и сам процесс сушки подвигался быстро, но они пожирали огромное количество дров. А ведь надо учесть, что рубить дрова вблизи расположения батальона было нельзя, приходилось уходить за километр и дальше и потом тащить на себе тяжёлые сырые берёзовые чурки. Рубили, конечно, берёзу, она давала больше жара. Оттаять и высушить предстояло 16 палаток, в том числе шесть ДПМ. Больше, чем одну палатку за сутки, сушить не удавалось.

Как ни тяжела была эта работа, но и с ней батальон в конце концов справился. Вскоре развернули вторую операционную из палатки ППМ. Операционный блок решили составить из трёх палаток: одной ДПМ и двух ППМ. Так сделали впервые, и это оказалось очень удобным.

Операционный блок имел следующий вид:

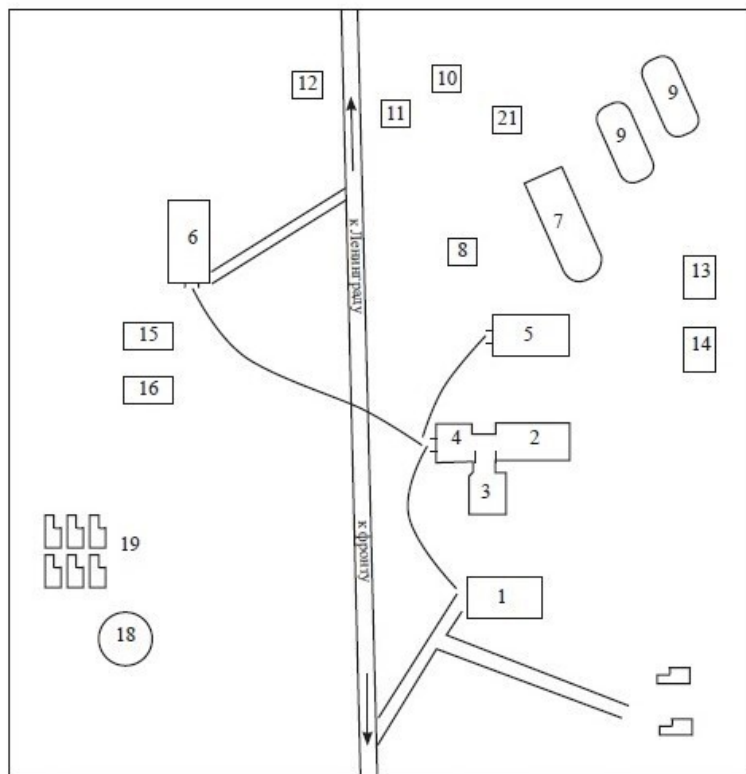
Поставили ещё две палатки ДПМ для эвакуационного и госпитального взводов и пока этим решили ограничиться. Остальные палатки после просушки и простейшего ремонта свернули и уложили на склад.

На месте расположения штаба, которое занял медсанбат, имелось много небольших и три больших землянки. Но, к сожалению, выезжая, работники штаба не очень-то заботились о сохранности оставляемого ими жилья и при выламывании печей, окон и топчанов многие землянки так разрушили, что использовать их оказалось невозможно. Пришлось ограничиться поправкой лишь части из них, но, конечно, это было значительно легче и практичнее, чем рыть новые или развёртывать высушенные палатки.

Отремонтировали две большие землянки, в которых

раньше размещались бойцы охраны штаба. В одну из них поместили всех санитаров и выздоравливающих, в другую – младших медсестёр. В землянки меньшего размера поселили старших медсестёр и женщин-врачей. Мужчины-врачи отремонтировали одну, побольше – для себя, маленькую землянку приспособили под аптеку, другую – под штаб и третью – под электростанцию. Все три кухни (работала только одна из них) поставили под навес, где раньше стояли легковые штабные машины. Продуктов было так мало, что для их приготовления вполне хватало одной полевой кухни. Постоянно работал тут же стоявший кипятильник: кипятка и кипячёной воды батальон использовал много.

СХЕМА
дислокации 24-го медсанбата в районе села Малые Манушки.
Декабрь 1941 г.

1 Сортировка.	13. Жилье Прохорова и Скуратова.
2 Операционный блок.	14. Жилье женщин-врачей и старших медсестер.
3. Большая операционная.	15. Жилье мужчин-врачей.
4. Предоперационная.	16. Жилье младших медсестер.
5. Госпитальная палатка.	17. Жилье санитаров и команды выздоравливающих.
6. Эвакопалатка.	
7, Кухни и столовая.	

Сразу обнаружился один из серьёзных недостатков этого места дислокации: около него не было водного источника – ни речушки, ни ручья. Недалеко, в одном из разрушенных дворов селения Малые Манушки находился колодец, водой которого пользовался второй эшелон штаба. С наступлением холодов воды в этом колодце становилось всё меньше, да и потребность в ней у батальона была значительно больше, чем у штаба дивизии. Пришлось воду возить из Больших Манушек (километра за два), где колодцев сохранилось больше. Никаких цистерн для перевозки воды в медсанбате, конечно, не было, в бочках из-под горючего воду возить было нельзя, бензин отравлял её. Пришлось опять изобретать. Взяли один из новых брезентовых полов от палатки ППМ, постелили его в полуторатонную машину так, что края свешивались через борта, воду наливали в этот импровизированный чан. Сверху клали несколько толстых досок, они плавали по поверхности и не давали воде при перевозке сильно расплёскиваться. Инициатором этого изобретения был один из уже известных нам санитаров, Аристархов. Привезённую воду сливали в пустые полевые кухни, кастрюли и собранные в посёлке кадушки.

Первое время брезент иногда соскальзывал при движении, и часть перевозимой воды проливалась, но затем он замёрз, под давлением воды принял форму кузова и образовал настоящий брезентовый резервуар. Он и выручал медсанбат.

Кстати сказать, в это время от Больших Манушек также, как и от Малых, фактически остались только названия. Все дома и сараи в них или были разрушены артиллерийским огнём, или сгорели, или были растащены на строительство землянок и блиндажей. Само собой разумеется, что жители из этих посёлков эвакуировались ещё в начале осени. Из всех построек уцелело только несколько бань, и командир медсанбата Перов сумел в одной из них организовать помывку личного состава почти сразу же после передислокации. Необходимость в такой помывке была огромной: до этого медсанбат ходил в баню в начале сентября в Авволове, а на дворе уже стоял декабрь.

Да, начался уже декабрь 1941 года, а по поступавшим в батальон, к сожалению, нерегулярно, газетам – «Правде» и «Ленинградской Правде» можно было судить, что положение на фронтах Великой Отечественной войны, как недавно её стали называть, не улучшается, а продолжает ухудшаться. Правда, Ленинград всё ещё держался, и враг, остановленный почти у самых окраин города, дальше пока продвинуться не смог. Но ещё в сентябре фашисты захватили Киев, в октябре пала Одесса. В тяжёлом положении находился блокированный врагами Севастополь. А 8 ноября фашисты прорвали оборону юго-восточнее Ленинграда и захватили город и железнодорожный узел Тихвин.

Доклад товарища Сталина на торжественном заседании, посвящённом 24-й годовщине Великой Октябрьской рево-

люции, и в особенности его речь на традиционном московском параде, который, несмотря ни на что, 7 ноября 1941 года состоялся на Красной площади столицы, заставили воспрянуть духом всех, даже самых завзятых пессимистов медсанбата. Все говорили:

– Раз в Москве проводят парад в торжественные дни, и фашисты не в силах этому помешать, значит, наше дело не так уж плохо, и мы ещё в состоянии противостоять могущественному противнику даже и без какой-либо помощи извне.

Ведь до сих пор не была ясна окончательная позиция Англии и США, и многие из «политиков» медсанбата склонны были думать, что эти страны могут заключить с Гитлером мир и, если не встать на его сторону, то, во всяком случае, сохранить такой же нейтралитет, какой они сохраняли при фашистском перевороте в Испании или при захвате фашистами Чехословакии и Польши.

Во время передислокации всем было не до печатного слова, но вот когда переехали, немного разобрались, и, увидев последние, десятидневной давности, номера газет, пришли в ужас. Оказывается, 16 ноября 1941 года фашисты начали новое наступление на Москву и, сумев преодолеть сопротивление частей Красной армии, оборонявших город, подошли в некоторых местах чуть ли не к окраинам столицы. Они захватили Наро-Фоминск, Малоярославец, Клин, Яхрому, велись бои на окраине Дмитрова. Таким образом, немцы заняли даже часть канала Москва–Волга. Все поняли, что поло-

жение здесь создалось катастрофическое, и со страхом ждали, что может произойти самое страшное – немцы возьмут Москву.

Люди прекрасно сознавали, что страна наша огромна, что даже после падения Москвы в распоряжении советского правительства и Красной армии останутся ещё достаточные просторы для больших оперативных действий, и этому уже были исторические примеры, ведь Наполеон, взяв Москву, всё же с позором был изгнан из пределов России. Но тем не менее всем казалось, что взятие фашистами столицы нанесёт огромный ущерб делу обороны страны. В беседах друг с другом санбатовцы говорили только об одном: чтобы Красная армия сумела удержать врага и не пустить его в Москву. Они были очень рады тому, что любимый вождь, Верховный главнокомандующий И. В. Сталин и его ближайшие соратники находятся в Москве и, следовательно, верят в то, что фашисты там не появятся.

Как раз в это время Борис прочитал в одной из центральных газет от 11 или 12 ноября постановление ЦК ВКП(б) об укреплении Красной армии коммунистами. Ему мучительно захотелось вновь быть коммунистом, и стало невыразимо стыдно, что в этот тяжелейший для Родины и партии час он вне её рядов. Кстати, большинство личного состава батальона, многие из работников штаба, дивизии, политотдела и врачей полков, зная Алёшкина, его отношение к службе, его самоотверженную работу во время отступления на Карель-

ском перешейке, его бодрое, энергичное поведение в текущем моменте, когда у многих врачей медсанбата от тяжёлых вестей с фронтов, от страшного и всё более усиливающегося изнурительного голода буквально опускались руки, считали его большевиком и часто обращались к нему за разъяснением тех или иных вопросов, как к человеку партийному. Тогда он чувствовал себя таким же коммунистом, каким был в то время, когда партийный билет лежал у него в кармане, но формально членом партии он всё-таки не был. И Борис решился.

После ранения и выбытия из медсанбата Пальченко, временно секретарём ячейки стал техник-интендант Прохоров. Всего в батальоне на 1 декабря 1941 года осталось четыре коммуниста: упомянутый нами Прохоров, начштаба Скуратов, старшая операционная медсестра медроты Наумова и шофёр Ряховский. Работа партячейки была малозаметной, все коммунисты, загруженные своей повседневной деятельностью и истощённые голодом, почти не вели никакой агитационной работы. Кроме того, они не имели никакого руководства от политотдела дивизии, следовательно, их влияние на рядовой и командный состав медсанбата почти не чувствовалось.

Необходимо помнить, что с начала ноября, когда из батальона отозвали и направили в строевую часть политрука Клименко, политического руководителя в санбате не стало вообще, а партийная организация нуждалась в укреплении,

и Алёшкин, считая себя способным помочь этому делу, обратился к Прохорову с устным заявлением о приёме его в кандидаты ВКП(б).

Естественно, что во время этого разговора он повторил Прохорову всю свою историю, которую мы раньше описывали, и говоря о желании в дальнейшем стать снова коммунистом, не преминул заявить, что, пожалуй, только сейчас осознал свою ошибку – обиду на несправедливость отдельных партийных работников и то, что не старался добиться восстановления в партии. Теперь он считал себя не вправе находиться вне рядов ВКП(б).

Прохоров, внимательно выслушав Бориса, отнёсся к его злоключениям сочувственно и посоветовал ему оформлять необходимые для вступления в партию документы, то есть писать автобиографию, заявление и подбирать рекомендации. По указаниям, внесённым в устав ВКП(б) XVIII съездом партии, Алёшкину надо было набрать три рекомендации. Дело осложнялось тем, что их могли дать только коммунисты, знавшие его не менее года, таких в медсанбате не было, а посылать за рекомендациями запросы в Александровку или Краснодар было просто бессмысленно, во-первых, потому, что связи Ленинграда с внешним миром фактически не существовало, а во-вторых, и потому, что знавшие его коммунисты в этих местах, по всей вероятности, сами находились где-нибудь на фронте, и разыскать их было бы невозможно. Прохоров, однако, успокоил Бориса, заявив, что, ка-

жется, уже вышло (или вот-вот выйдет) такое постановление, что для служащих в действующей армии годовой срок необязателен, и поэтому, например, он, Прохоров, вполне мог бы дать рекомендацию. Он считал, что Алёшкин достоин членства в партии и, как коммунист, принесёт Родине большую пользу.

– Вероятно, вторую рекомендацию даст товарищ Скуратов, он о вас тоже хорошего мнения, – заметил Прохоров, – а вот достать третью будет труднее. Остальные наши коммунисты состоят в партии менее двух лет и право на дачу рекомендаций не имеют. Третью придётся искать в штабе дивизии.

Необходимые документы Алёшкин подготовил в течение нескольких дней, но на этом пока дело приостановилось. Выехать в штаб дивизии на поиски третьей рекомендации было невозможно. Поток раненых, поступавших в санбат, хотя и не был особенно велик, так как действия на всех участках Невского пятачка приняли сугубо оборонительный характер, и больших потерь наши войска не несли, но нагрузка на Алёшкина была значительной. Почти совсем вышли из строя врачи Бегинсон и Дурков, они могли пробыть в операционной или перевязочной не более одного-двух часов в сутки. Ослабел и Картавец – он работал не более пяти часов. И только Борис пока ещё имел силы, чтобы выстаивать у операционного стола целую десятичасовую смену, а иногда захватывать и более длительное время. Поэтому ему при-

шлось нести основной груз работы операционно-перевязочного взвода.

Разумеется, все его дополнительные питательные ресурсы уже закончились, и он чувствовал, что начал слабеть с каждым днём всё больше. Плохо было и со средними медработниками. Пожилые медсёстры – Наумова, Панкратова и некоторые другие – едва передвигались, и лишь более молодые ещё сохранили достаточно сил, бодрости и даже некоторое веселье. Если первые, жившие отдельно, даже почти не улыбались, то в землянке молодых иногда раздавалось пение и даже смех.

Из врачей удивлял всех Сангородский. Он, кажется, совсем высох, превратился в какой-то ходячий скелет. И раньше-то он не отличался полнотой, а теперь это были кости, обтянутые кожей. Но он каким-то чудом сохранил достаточно сил, по-прежнему бодро орудовал в своей сортировке и оживлял шутками приунывших товарищей по землянке.

На этом месте дислокации все мужчины-врачи, кроме комбата Перова и начсандива, поселились в одной, довольно вместительной землянке, с общими нарами, сделанными из жердей, на которых ещё имелись остатки сена. Эти нары закрыли плащ-палатками, в оконный проём вставили палаточные рамы, поправили большой стол с настоящей столешницей, прибитой к четырём кольям, вкопанным в землю, установили в углу железную печку, двери завесили двумя плащ-палатками. Выпросили у Прохорова по одеялу и соорудили

из вещевых мешков подобие подушек, потребовали от комбата, чтобы к землянке провели электрический свет и убедились, что тут вполне можно будет перезимовать. А думать об этом приходилось всё чаще, морозы крепчали, и в дополнение к дистрофикам среди раненых стали попадаться и обмороженные. Правда, личный состав санбата и строевые части уже около месяца как получили зимнее обмундирование, и оно было неплохим, но крепнувшие морозы давали о себе знать.

Алёшкин, как и другие врачи, и средний медперсонал, получил суконные шаровары, такую же гимнастёрку, шапку-ушанку, суконные портянки, пару тёплого белья и меховой жилет, надеваемый под шинель (в оперблоке – под халат). Рядовым санитарам выдали то же самое, только вместо жилета – ватные куртки, вместо суконных брюк – ватные. На передовой почти всем выдали валенки, а многим и полушубки.

Тёплая одежда, конечно, была очень нужна, и то, что её получили, было хорошо, но она не заменяла пищи, а, кроме еды да положения на фронтах, сейчас почти никто ничего не обсуждал.

Через сутки проживания врачей в этой землянке обнаружили её серьёзные недостатки. Все землянки строились сапёрами для штаба дивизии поздней осенью, наспех. Накаты – два, а иногда и три – накладывались сверху как перекрытие, неплотно, между ними оставались щели иногда в палец

шириной, сверху они засыпались землёй, перемешанной со снегом. В тех землянках, которые в своё время предназначались под жильё, все неприятности пережили ещё прежние их владельцы, и новым, например, женщинам-врачам, комбату, служащим аптеки и другим, после заселения понадобилось только хорошенько протопить печку, как сырость, образовавшаяся за время бездействия землянки, быстро исчезла. Там же, где поселились мужчины-врачи, было по-другому. У прежних хозяев здесь размещался оперативный отдел штаба, печка топилась недолго, люди работали в верхней одежде и, поэтому землянка не протаивала. При занятии её санбатовцами она выглядела даже лучше и суше, чем все остальные землянки. Это, между прочим, и прельстило Сангородского, выбиравшего жильё. Когда врачи там поселились, печка стала гореть круглосуточно, и тёплый воздух, проникая через перекрытия, вызвал таяние снега, находившегося в земле, покрывавшей землянку. Естественным следствием этого явилось то, что с потолка в самых разнообразных местах появилась вода: сперва она капала, а затем потекла струйками. Пришлось срочно вытаскивать плащ-палатки из-под себя и кое-как прикреплять к потолку. Это на время прекращало протечку, но затем вода находила дырку и лилась через неё. Приходилось подставлять под эту струйку котелок или консервную банку.

Скоро все нары были уставлены приспособлениями, собиравшими воду. За ними нужно было постоянно следить, что-

бы они не переполнялись и не опрокидывались. Укладывание на нары между этими банками требовало прямо-таки акробатической ловкости. Однажды произошло такое, что заставило многих подумать о более удобном жилье. Угол одной из палаток, находившийся над Бегинсоном, видимо, под тяжестью скопившейся воды, внезапно оторвался, и около полуведра воды потоком хлынуло на бедного доктора и промочило его насквозь. У Бегинсона произошедшее вызвало гнев и возмущение, а у соседей смех. После этого случая покинул землянку Сангородский, он переселился в свою сортировочную палатку, выгородив себе там уголок.

– Хоть холоднее, да суше. Плавать в постели у нас приучен только один Бенья, – так он называл Бегинсона, – а я пока предпочитаю спать на сухом, – говорил Лев Давыдович.

Следующим ушёл из землянки Алёшкин. Вследствие постоянной капли в землянке образовалась страшная сырость и грязь. Возможно, от этого, а вероятнее всего, и от постоянного нервного напряжения и голода, у Бориса начали появляться экзематозные раздражения в области голеностопных суставов и, что было особенно неприятно и тяжело, на шее и подбородке. Последнее привело к тому, что Алёшкин вынужден был прекратить бритьё. Брился он безопасной бритвой, поэтому даже намыливание участков кожи, поражённых экземой, вызывало жгучую боль. Прикосновение же лезвия доставляло такие мученья, что пришлось от него отказаться.

Как мы уже упоминали, Виктор Иванович Перов по спе-

циальности был дерматологом. Борис обратился к нему, и тот выписал лекарство, но единственная женщина-фармацевт, оставшаяся в аптеке, была, видимо, не очень подготовлена, а может быть, в её распоряжении не было необходимых ингредиентов. Так или иначе, а сделать заказанную Перовым болтушку она не смогла. Ограничились приготовлением серной мази, которую Борис усердно использовал. Мазь эта, хоть и не особенно помогала, но всё же распространение экземы на шее приостановила. Однако бриться Борис всё ещё не мог, и потому начал быстро обрастать довольно густой и неприглядной рыжеватой щетиной.

Однажды, это произошло 9 декабря 1941 года, где-то вдалеке на востоке послышалась орудийная канонада, затем грохот отдалённой бомбёжки. Все строили предположения, что бы это значило, а так как никаких известий ниоткуда не получали, то полагали, что, по-видимому, немцы вновь начали наступление в сторону Волхова, чтобы обойти Ладожское озеро и соединиться с наступавшими с севера финнами. К вечеру, однако, орудийная канонада стала слышнее, а на следующий день Прохоров, приехавший из штаба дивизии, рассказал, что армия под командованием генерала Федюнинского начала наступление, будто бы освободила Тихвин и движется на запад, а немцы отступают, бросая орудия и машины. Пока они сидели в посёлках, окопах и блиндажах, ещё могли выдержать крепчайший мороз, а как только их выбили из тепла, так они в своём летнем обмундировании

сражаться отказываются и драпают вовсю. Новости всех обрадовали, ведь это была первая победа над фашистами – победа, заставившая непобедимых немцев отступить, удалось освободить ряд захваченных ими населённых пунктов. Победа эта пришла на «нашем» Ленинградском фронте, и все этим гордились.

Стали говорить, что теперь, наверно, недалёк тот час, когда будет прорвана блокада Ленинграда, и ленинградцы, а также и войска, обороняющие город, вздохнут свободнее, а главное, как сказал Сангородский, досыта наедятся. Но, увы, этим надеждам так скоро сбыться не довелось.

Как стало известно из газет, войска Волховского фронта под командованием маршала Мерецкого, силами армии генерала Федюнинского действительно освободили город Тихвин и оттеснили противника километров на 50, а местами и на 60, на запад, приблизительно на линию обороны, которую немцы занимали до 8 ноября 1941 года. Здесь части Красной армии вынуждены были остановиться. Они натолкнулись на прочную оборонительную полосу, созданную врагом в период с 21 сентября по 8 ноября и тщательно им поддерживаемую, а наступательных сил и, главным образом, артиллерии в войсках Мерецкого не доставало.

О слабости нашей артиллерии в то время санбатовцы могли судить и сами по тому, что на предыдущей стоянке позиции тяжёлой артиллерии находились всего в одном-полутора километрах от расположения батальона, и артиллеристы

в поисках женского общества довольно часто наведывались в медсанбат. На вопросы, почему так мало стреляют наши пушки, в то время, как немцы засыпают снарядами отдельные участки, артиллеристы сумрачно отвечали:

– Эх, нам бы столько снарядов, мы бы им показали! А нам больше трёх выстрелов в день делать не разрешается. Как же нам с ними артиллерийскую дуэль вести? Вот и молчим, копим снаряды.

Прошло несколько дней, ни в медсанбате, ни на участке дивизии положение не изменилось: по-прежнему поступали раненые, обмороженные и дистрофичные, по-прежнему, собирая остатки сил и мужества, врачи, медсёстры и санитары батальона оперировали, перевязывали и переносили раненых. Но теперь нередко были случаи, когда та или иная сестра во время работы, даже не окончив перевязки, вдруг бледнела, выпускала из рук бинт и падала на брезентовый пол. Ещё чаще голодные обмороки испытывали санитары-носильщики, и уже дважды они закончились смертельным исходом. Все понимали, что в очень скором времени голод свалит всех, и медсанбат окажется в дивизии бесполезным балластом, заполненным голодающими, истощёнными, неспособными ни к какому труду людьми.

Кажется, все уже дошли до предела, но, когда 15 декабря 1941 года пришла газета со сводкой Совинформбюро от 13 декабря, в которой сообщалось об успехе наступления Красной армии под Москвой, начатом ещё 5 декабря, о том, что

за семь суток был разгромлен кулак врага, святотатственно занесённый им над столицей первого в мире социалистического государства, когда были прочитаны строки, сообщавшие об огромных потерях, понесённых фашистами, о тысячах орудий, автомашин и танков, уничтоженных или захваченных войсками Красной армии, все были настолько обрадованы, что даже как будто забыли и про голод. Это сообщение как бы придало каждому новых сил, и все стали говорить, что, очевидно, теперь-то уж наши войска быстро погонят фашистов прочь.

Как раз в это время в батальон просочился слух, который пока передавался как секретная новость, о новом оружии, появившемся в Красной армии и применявшемся под Москвой. Говорили, что это какая-то сверхсекретная автоматическая автомобильная установка, которая в состоянии в течение нескольких минут выпустить на значительную площадь массу снарядов, и там не останется ничего живого, будут разрушены все строения. Говорили также, что эти страшные орудия или установки красноармейцы прозвали «Катюшами», и их устройство держится в таком большом секрете, что даже те, кто из них стреляет, толком не знает, как они действуют: дело этих бойцов заключается только в том, чтобы своевременно нажать нужные кнопки. По слухам, «Катюши» впервые применялись осенью где-то под Оршей или Смоленском, но под Москвой это оружие было применено массово.

Следующие газеты принесли известия о продолжавшемся наступлении под Москвой и об освобождении Ростова-на-Дону (взятие этого города фашистами для многих, в том числе и для Алёшкина, осталось в своё время незамеченным). Сообщалось также и о тех ужасах, которые увидели бойцы Красной армии в освобождённых ими городах и сёлах, о десятках и сотнях замученных фашистами советских людей, о бесчеловечном отношении немецких солдат и офицеров к мирным гражданским жителям, о варварском обращении с попавшими в плен бойцами и командирами Красной армии.

Особенно потряс Бориса и его ближайших друзей рассказ в «Правде», называвшийся «Таня». В этом рассказе говорилось об ужасных пытках, издевательствах и, наконец, изуверской казни юной восемнадцатилетней советской партизанки, захваченной фашистами в одной из деревень Московской области, стойко державшейся на допросах, и назвавшейся Таней. Прочитав этот рассказ, некоторые в медсанбате даже высказали мысль, что автор наверняка кое-что присочинил. Однако, вскоре в «Правде» было опубликовано подлинное имя героини – Зоя Космодемьянская, показания свидетелей, видевших издевательства, творимые над ней, и её казнь собственными глазами. Может быть, именно после знакомства с этим случаем у Бориса появилась настоящая ненависть к фашистским выродкам, хозяйничавшим на советской земле. До сих пор он даже не представлял себе, что регулярные войска какой-либо армии могут так вести себя на территории

побеждённого противника. Пожалуй, именно теперь и он, и многие его товарищи осознали весь ужас фашистского господства. Люди невольно задавали себе вопрос:

– Если фашисты за сравнительно короткий срок своего пребывания под Москвой сумели принести нам столько страданий и зла, то что же делается на тех территориях, которыми они владеют с начала войны и на которых они будут находиться ещё неизвестно сколько времени?

– Да, – говорил Алёшкин, – теперь я по-настоящему понял лозунг «Смерть немецким оккупантам!». Таких зверей нужно действительно безжалостно и беспощадно истреблять.

Дни декабря 1941 года тянулись невыносимо медленно. Как-то машинально, механически обрабатывались поступавшие раненые, большинство которых из-за тяжести их состояния после обработки старались при малейшей возможности эвакуировать в ближайший госпиталь, где уход всё-таки был лучше, чем в батальоне. Ближайшим был 27-й хирургический полевой госпиталь, стоявший в двух с половиной километрах северо-западнее медсанбата. Обработку и операции, требовавшиеся раненым, теперь делали только два врача – Алёшкин и Картавец. Остальные хирурги настолько обессили от голода, что с трудом подымались с нар и, конечно, ни о какой работе не могло быть и речи. Эти же двое оказались более выносливыми, а кроме того, им опять посчастливилось.

Связной Перова Игнатъич, бродя около батальона в по-

искал чего-нибудь съедобного, набрёл на полянку, где когда-то стоял ветеринарный лазарет, там нашёл место, где в своё время убивали раненых лошадей. Мясо их шло в пищу и раздавалось частям ещё в октябре и в начале ноября как паёк. В декабре в дивизии, да, пожалуй, на всём этом участке фронта, ни одной живой лошади уже не было. Так вот, Игнатичу посчастливилось найти под снегом на этом месте несколько штук лошадиных копыт. Он их подобрал, старательно отмыл, отодрал имевшиеся на некоторых из них подковы и, выпросив у повара большую кастрюлю, сварил из этих копыт некоторое подобие студня, который, вообще-то говоря, по вкусу, цвету и тошнотворному запаху больше походил на плохой столярный клей. Комбат и другие врачи, несмотря на голод, от этого блюда отказались. Попробовали его, а впоследствии вместе с Игнатичем питались им почти четыре дня лишь Алёшкин и Картавец. Как ни отвратителен на вкус и запах был этот «студень», однако, он имел в себе некоторые питательные свойства и дал возможность поддержать кое-какие силы.

Чуть ли не на второй день после получения известия о победе под Москвой в медсанбате появился новый человек, его приезд в первые часы внёс некоторый переполох. В операционную, где в это время работал Борис, зашёл Сангородский и сказал:

– К нам какое-то большое начальство прибыло. Смотрите, наведите порядок.

Прибывший имел звание полкового комиссара и был назначен комиссаром медсанбата. Когда Борис с ним познакомился ближе, оказалось, что это очень хороший и приятный человек. Николай Иванович Подгурский, так звали нового комиссара, – старый коммунист, участник Гражданской войны, во время которой он был комиссаром корпуса. Затем окончил институт Красной профессуры и перед войной заведовал кафедрой обществоведения в каком-то ленинградском вузе. Он одним из первых записался в ряды народного ополчения и был направлен комиссаром дивизии, которую, не дав как следует экипироваться, бросили для закрытия бреша на Западном фронте, куда-то в район Гатчины. Укомплектованная плохо обученными бойцами и командирами, часть которых после Гражданской войны в течение 20 лет занималась мирным трудом, а другая часть состояла из молодёжи, впервые в жизни взявшей оружие в руки, да к тому же и плохо оснащённая, почти не имевшая необходимого количества артиллерии и пулемётов, эта дивизия сумела продержаться на своём оборонительном рубеже несколько дней, затем в результате боёв была буквально разгромлена фашистскими танками и самолётами. Правда, погибла она не напрасно: за время неравного боя, выдержанного ею, командование фронтом успело перебросить с другого участка на её место свежее кадровое соединение, закрыть образовавшуюся брешь и в конце концов остановить врага, но сама ополченческая дивизия практически перестала существовать.

Как это часто бывает, в неудаче, постигшей дивизию, оказались виноваты командир и комиссар. Командира понизили в звании и направили командовать каким-то стрелковым полком, а комиссара до декабря держали в резерве политуправления фронта и, наконец, предложили ему идти комиссаром или в госпиталь, или в медсанбат. Он выбрал последнее и был назначен в 24-й медсанбат, где политработника не было уже около двух месяцев, и где его присутствие, конечно, считалось необходимым.

Внешне Подгурский был не очень привлекателен: человек лет 55, среднего роста, широкий в костях, с порядочным брюшком и почти совершенно лысый. Питание в резерве было хуже, чем в батальоне, и полковой комиссар основательно похудел, глаза у него ввалились, щёки обвисли серыми складками, а обмундирование, раньше бывшее ему впору, теперь висело мешком. Однако он был человеком большой выдержки, имел общительный и довольно жизнерадостный характер и, очевидно, огромную политическую, да и общую, эрудицию.

Он ужаснулся тому, что в батальон неделями не поступают газеты, что в медсанбате нет ни одной географической карты, что о положении на фронтах личный состав батальона, даже врачи и командиры подразделений, осведомлены очень приблизительно, что никаких регулярных политбесед никто не проводит. И никого в этом не виня, он немедленно принялся за налаживание регулярной политработы.

В первый же день он собрал всех свободных от дежурства людей, рассказал им о положении на Ленинградском фронте, в самом городе, о начавшей функционировать «Дороге жизни» и о том, какое громадное политическое значение имеет победа наших войск под Москвой. На этой его беседе-лекции присутствовал и Алёшкин, после неё он проникся к Николаю Ивановичу большой симпатией и уважением. Они быстро познакомились, и комиссар, в свою очередь, видимо, тоже почувствовал расположение к Борису.

Однако нет солнца без пятен, так и у Подгурского оказались свои довольно существенные недостатки. Он совсем не знал воинской дисциплины, не знал строевого и дисциплинарного устава (ведь в то время, когда он воевал, их не было) и, благодаря этому, часто попадал в неловкое, а иногда и смешное положение. Другой его недостаток был в том, что он совершенно не умел приказывать и командовать, а это тоже влияло на качество его работы.

Как бы там ни было, но с появлением в батальоне Подгурского, все как-то немного приободрились и подтянулись и, главное, стали чаще общаться друг с другом. Комиссар ежедневно собирал людей на беседы, добился регулярной доставки газет, в батальоне как будто стало больше народа. До его приезда почти все знали только один путь – от своей землянки или палатки до операционно-перевязочного блока или госпитальной палатки и обратно. Комбат Перов, переносивший голод не легче других, из своей землянки вообще

выходил редко. Единственными людьми, которые ежедневно обходили все палатки и землянки, были начштаба Скуратов и Прохоров. Разобщение людей очень пагубно влияло на их настроение.

Дня через три или четыре после прибытия Подгурского в медсанбат неожиданно нагрянуло действительно высокое начальство, это был новый комиссар дивизии. В батальоне уже знали, что в 65-й стрелковой дивизии произошла смена руководства: вместо подполковника Климова, обвинённого в недостаточно активных и тактически грамотных действиях дивизии под Невской Дубровкой, командиром назначили прибывшего из Москвы полковника Володина, а ещё через месяц в дивизию назначили и нового полкового комиссара Марченко. До этого он служил комиссаром пограничного отряда где-то на юге страны. Об этих переменах в командовании дивизии в медсанбат принёс известие начсандив Емельянов, приехавший в батальон не реже раза в неделю.

До сих пор ни новый комдив, ни комиссар дивизии в медсанбате не появлялись, но в один далеко не прекрасный (особенно для нашего героя) день совершенно неожиданно в батальон приехал Марченко. Это было ранним утром. Борис нёс в котелке несколько ложек пшённого супа – только что полученный завтрак. Он направлялся к операционно-перевязочному блоку, где в сущности жил после того, как потекла землянка, отдыхая после работы на свободных носилках в предоперационной.

Когда он уже сворачивал на тропинку, ведущую к оперблоку, из сортировки быстрыми шагами вышел высокий, черноволосый, черноглазый, стройный, одетый в новую пограничную форму, в зелёной фуражке (хотя на улице было более 15 градусов мороза), чем-то очень рассерженный и возбуждённый командир с четырьмя шпалами в петлицах. За ним следовал молоденький юркий лейтенантик, видимо, только что выпущенный из школы, тоже в новом обмундировании, с блестящими ремнями и новенькими кубиками в петлицах.

Алёшкин остановился, во-первых, от неожиданности такой встречи, во-вторых, от изумления: давно уже, пожалуй, с самого начала войны, он не видел подобного командирского великолепия, такой выправки, чистого обмундирования и, главное (это сообразил он уже потом), таких румяных, сытых лиц. Каждый день ему приходилось видеть раненых командиров и бойцов, они прибывали в батальон в грязном, большей частью разорванном и почти всегда окровавленном обмундировании. Страдание, а иногда прямо печать смерти, отражались на их лицах. А в последнее время к этому ещё прибавилась чрезмерная худоба и землисто-серый цвет кожи. В-третьих, Бориса очень смутил его собственный внешний вид. Прямо сказать, то, как он выглядел, никак не подходило для встречи с любым начальством, а тем более с таким холёным и, по-видимому, требовательным, каким был встреченный командир. Алёшкин работал всю ночь: с вечера при-

было две машины раненых, да и в течение ночи поступило несколько человек, только к утру удалось со всеми управиться. Никто не знал, каков будет день, и Борис, сбросив халат и накинув на не подпоясанную гимнастёрку шинель, а на голову кое-как нахлобучив шапку, выскочил на кухню, чтобы получить завтрак и поесть в предоперационной. То же сделали и его помощницы-медсёстры, они в этот момент выходили из-под кухонного навеса, но, заметив незнакомых командиров, быстро юркнули в проход между палатками и, пробираясь за ними, помчались к оперблоку, чтобы навести там хоть немного порядок и поторопить санитаров, одевавших и укутывавших одеялами последних обработанных раненых.

Борис стоял перед этим сравнительно молодым и подтянутым полковником в своей распахнутой шинели, без ремня, в шапке с полуспущенными ушами, заросший рыжеватой щетиной, с ввалившимися щеками и глубоко запавшими глазами, с руками, занятыми едой (в одной из них был котелок с супом, в другой небольшой кусок сухаря – ежедневная норма хлеба).

– Ну что же, так и будем стоять? – нарушил молчание незнакомец. – Что здесь такое, воинская часть или бардак? – очевидно, подогреваясь собственными словами, всё более сердито кричал он.

– Простите, а кто вы такой будете? – сдерживая злость, почему-то возникшую у него, ответил вопросом Алёшкин.

Он злился на этого сытого красавца-командира, на его

безупречное обмундирование, на свой нелепый вид, на то, что этот человек, очевидно, ничего не понимал в том положении, в котором оказались люди под Ленинградом, и, наконец, на то, что, видно, ещё существовали места, где жили вот такие сытые и красиво одетые люди. Он смерил полковника далеко не дружелюбным взглядом.

– Это комиссар дивизии! – выскочил из-за спины командира молоденький лейтенантик. – Почему не рапортуете?! – крикнул он высоким, почти мальчишеским голосом.

– Тихо! – сказал тот, обернувшись к своему путнику. Он уловил взгляд Бориса, разглядел следы невероятного утомления и истощения на его лице, заметил шпалу, привинченную к петлице гимнастёрки Алёшкина, и ему, видимо, стало немного неловко за свой грубый тон.

– Да, – сказал он несколько тише, – я действительно комиссар 65-й стрелковой дивизии, полковой комиссар Марченко, на днях принял дивизию и вот со своим адъютантом объезжаю тыловые учреждения дивизии. Убедился, что разболтаны они до безобразия. Взять хотя бы ДОП, на котором я вчера ночевал, да и ваш медсанбат тоже не лучше. Теперь вы знаете кто я, потрудитесь ответить, кто вы и почему в таком виде.

Борис понял, что злиться глупо и, приняв положение «смирно», насколько ему позволяли занятые руки и расстёгнутая шинель, как можно чётче ответил:

– Товарищ полковой комиссар, командир медицинской

роты, военврач третьего ранга Алёшкин находится на дежурстве в операционно-перевязочном блоке. В настоящий момент, получив завтрак, возвращается к месту дежурства.

– Рапортуете-то по-военному, но видок у вас, товарищ комроты, прямо скажем, аховый. Если вы таким разгильдяем ходите, то как же ходят ваши бойцы, наверно, совсем без штанов? – усмехнулся комиссар, а лейтенант откровенно расхохотался.

Утихшая было злость к этому сытому и, видимо, самодовольному человеку вспыхнула у Бориса с новой силой, и он не выдержал:

– Нет, товарищ комиссар, вы ошибаетесь. Мои бойцы – это врачи, медсёстры и санитары – не ходят без штанов. Почти все они лежат, ходить уже не могут. Вот с этого дневного пайка, – и Алёшкин гневно протянул чуть ли не к самому лицу комиссара кусок сухаря из суррогатного хлеба, – много не находишь, даже и без штанов! А мы всё-таки ещё пока ни одного раненого без соответствующей медпомощи не отпустили, и сегодня за ночь я с моими помощниками прооперировал более 30 человек. А вид у меня, действительно, не для представления начальству... Извините, не ждали!

Неизвестно, чем бы кончилась стычка, если бы в этот момент к группе не подошли Перов и Подгурский. Оба они были выбриты, тщательно застёгнуты на все пуговицы, подпоясаны ремнями и вообще, несмотря на видневшиеся на их лицах следы голода и истощения, имели довольно бравый вид.

Увидев, что комиссар их заметил, они ускорили шаги, приостановились от него на положенном расстоянии и громко представились, назвав свои должности и звания. А Перов, кроме того, и отрапортовал, как всегда в таких случаях:

– Во вверенном мне медсанбате никаких происшествий не случилось.

– Как не случилось?! – вскричал Марченко. – А то, что комиссар дивизии полчаса бродит по медсанбату и натывается или на спящих людей, или на таких вот «ланцепупов», как этот ваш командир роты? А то, что у вас территория захламлена, дорожки не подметены, кругом валяются окровавленные бинты, вата и ещё чёрт знает что – это, по-вашему, не чрезвычайное происшествие?! А куда смотрите вы, комиссар? А ещё носите звание полкового комиссара! Наверно, уже совсем из ума выжили, что на старости лет в таком звании до комиссара медсанбата докатились! – продолжал бушевать Марченко.

Борис чувствовал, как от возмущения и ярости у него начинает дрожать левая нога, и был готов сейчас сказать этому наглому и, главное, сытому самодуру, что-нибудь такое, что, возможно, стоило бы ему, Алёшкину, если не жизни, то, во всяком случае, принесло бы огромные неприятности. Подгурский заметил его состояние, и поэтому осмелился прервать Марченко:

– Простите, товарищ комиссар, может быть, мы пройдем в нашу землянку и продолжим разговор там, где нам не будут

мешать?

А в это время уже и на самом деле около них собралась порядочная группа слушателей: тут были и санитары, и бойцы команды выздоравливающих, и осмелевшие медсёстры, и, конечно, Сангородский.

– Да и командира медроты надо отпустить, он ведь на дежурстве. Видите, дрожит весь, наверно, и замёрз к тому же, он ведь на минутку из палатки выскочил.

– Хорошо, пойдёмте к вам, – ответил Марченко, очевидно, сообразивший, что такой разнос начальства в присутствии уже целой толпы бойцов подрывает авторитет не только их, но и его самого.

– Вы тоже можете идти, – обернулся он к Алёшкину, – да не забудьте побриться, – крикнул он уже на ходу, направляясь быстрыми шагами за командиром и комиссаром к ним в землянку.

Борис забежал в предоперационную, откуда уже выносили последнего раненого и где сёстры старались навести возможный в этих условиях порядок. В перевязочной и операционной они успели уже всё прибрать.

Увидев входящего Алёшкина, они испуганно переглянулись, и кто-то полушёпотом спросил:

– Уже идёт сюда?

– Да нет, – рассеянно ответил Борис, сбрасывая шинель на пустые носилки, передав кому-то свой котелок и торопливо натягивая халат. – Вот солдафон, вот солдафон, сатрап! –

гневно повторял он, нервно закуривая папиросу и быстро шагая по палатке.

– Товарищ комроты, – обратилась к нему операционная сестра Шуйская, – садитесь к столу, суп ваш уже разогрелся... Вы замёрзли? Дрожите весь! Я вам немного спиртику налью, а?

– А, чёрт с ним, налейте мензурку, – сердито сказал Борис. Проглотив грамм 50 обжигающей жидкости, заел её несколькими ложками жиденького, почти обезжиренного пшённного супа, и стал грызть жёсткий, весь пронизанный какими-то колючками сухарь.

«Вот ведь, – думал он, – есть же такие люди! Ни в чём не разберутся, а начнут кричать, обзывать тебя на людях любым словом, и ты им сказать ничего не можешь! Что же это за жизнь дьявольская такая? – продолжал думать он, машинально закуривая и пряча половину недогрызенного сухаря в карман. – Тебя бы так, чёрта гладкого, покормить! Небось, по-другому бы запел... А, впрочем, – через некоторое время подумал Алёшкин, – в чём-то он, конечно, прав. Ведь в последнее время люди батальона действительно совсем опустились... Не бреются, не застёгивают и не подпоясывают шинели, даже некоторые и не умываются... А наши санитары просто безобразничают: тазы с окровавленным использованным материалом выбрасывают прямо на снег, чуть ли не возле палаток, еле припорашивая их снегом. Может быть, ведь и отнятые конечности где-нибудь поблизости, а ампутаций

было порядочно. Как ещё этот комиссар ни на чью ногу не наткнулся, вот было бы дело!» – продолжал думать Алёшкин. Представив себе лицо комиссара и особенно его адъютанта, молоденького лейтенанта, увидевших на снегу отрезанную человеческую ногу, Борис невольно улыбнулся: «Да, это была бы картина, надо будет самому всю территорию повнимательнее осмотреть и потребовать наведения порядка».

Заметив, что командир немного успокоился и как будто даже развеселился, к нему подошла Шуйская. Остановившись на положенное по строевому уставу расстояние и приняв стойку «смирно», она произнесла:

– Товарищ комроты, разрешите обратиться?

– Катя, почему так официально? – усмехнулся Борис. – Ну, обращайтесь.

– Товарищ комроты, разрешите мне отлучиться из части до вечера?

– Отлучиться? Куда? – удивлённо спросил Борис.

– Мне надо съездить на передовую, а сейчас как раз машина в ППМ 41-го полка едет.

– Зачем тебе на передовую, подкормиться хочешь? – ещё больше удивился он.

– Видите ли, – слегка покраснев, сказала девушка, – мне надо проведать одного человека... Что-то от него вестей нет, – закончила она почти шёпотом.

– Кого это проведать?

– Да его же, Красавина, – выдавила, наконец, окончательно-

но покраснев, Катя.

– Ах, Красавина! – воскликнул Алёшкин.

Тут он вспомнил, что, действительно, в батальоне уже давно говорили, что между Катей Шуйской и Красавиным что-то есть, но он тогда просто не придавал этому значения, а раз она едет к старшине на передовую, значит, это серьёзно. «Господи, да сколько же ей лет? Совсем девчонка, а, впрочем, кому же и не любить, как девчонкам», – подумал он, а вслух сказал:

– Но вы ведь всю ночь не спали.

– Ничего, товарищ комроты, я в дороге пока туда и обратно ехать буду, высплюсь и ночью работать буду, как всегда, – уже веселее ответила Шуйская.

Она поняла, что Алёшкин её отпустит.

– Ну что же, поезжайте. Пойдите к Скуратову, пусть он вам увольнительную выпишет, чтобы не задержали где-нибудь на КПП. Скажите, что я разрешил.

– Спасибо, товарищ комроты, – крикнула девушка, уже выбегая из палатки.

– За что это вас так девушки благодарят? – спросил Сангородский, столкнувшийся с Катей у входа и слышавший её слова.

Когда Борис рассказал, в чём дело, и при этом выразил удивление, Лев Давыдович рассмеялся:

– А вы что, ничего не знали? Да они уж давно крутят, ещё с Карельского и, по-моему, всерьёз. После отправки в полк

он к ней уже три раза приезжал, а вот теперь она к нему отправилась. Ну что же, – вздохнул он, – пускай. Жизнь даже на войне остаётся жизнью, за четыре месяца мы это уже, кажется, начинаем понимать.

Борис подумал: «А ведь он прав, парочки образовывались всё время. Картавцев, очевидно, дружил с медсестрой Раей, Дурков ухаживал за врачом Криворучко, пока она была в батальоне, даже Бегинсон буквально тает возле Зинаиды Николаевны Прокофьевой. Действительно, жизнь берёт своё».

Прохоров при помощи выздоравливающих бойцов сколотил несколько мастерских, и прежде всего сапожную и портняжную, ему удалось подобрать несколько неплохих мастеров и выпросить на дивизионном обменном пункте даже две швейные машинки. Организованные мастерские не только ремонтировали обмундирование раненых, для чего они официально и были созданы, но, по особым просьбам, кое-кому переделывали шинели и сапоги. «Вот поэтому-то, – подумал Борис, – и у Шуйской такая подогнанная по фигуре одежда. Что же, это неплохо».

Третья мастерская была скобяной, она оказалась тоже совершенно необходимой. Печки, а главное, железные трубы, постоянно требовали текущего ремонта. Кроме того, по документам в медсанбате не предусматривалось ни тазов, ни вёдер, ни кружек, а такие вещи в операционной и в госпитальных палатках были совершенно необходимы. Скобяные мастера переделывали банки из-под сгущённого молока в

вёдра, из-под рыбных консервов – в кружки, а из листов старого кровельного железа, подобранного на пожарищах в тех же Манушках, делали тазы. Жизнь, действительно, даже на войне, требовала своего во всех проявлениях. Борис обернулся к Сангородскому.

– Что этот самодур-то, уехал?

– Кто это? Ах, комиссар дивизии-то? Нет, ещё у Перова. Тот его потчует коньячком, так что они общий язык нашли. Кажется, всё в порядке будет. Да и не такой уж он самодур, ведь его уже до вашей встречи взвинтили, а тут и вы подвернулись. Подъехал он к шлагбауму – часовой в шалаше спит, дежурного нет. Зашёл в сортировку, а тут после ночной работы-то и у нас, как на грех, всех сон одолел, даже Тарасова Надежда Ивановна, сидевшая у стола на дежурстве, и та заснула. Пошёл он дальше, а тут окровавленные бинты под ногами путаются, только он выругаться захотел, а вы ему – раз на глаза. По-моему, он ещё мало вас отчитал, наверно, вечером будет добавлять. Я, собственно, за этим к вам и зашёл. Сейчас Игнатъич прибежал от комбата: в 18:00 в сортировочной палатке общее собрание медсанбата, так что готовьтесь. Приказано собраться всему личному составу батальона, кто не занят на службе и может подняться по состоянию здоровья. А вы побриться не сможете? А то он опять шуметь будет.

– Нет, Лев Давыдович, не смогу, я уже пробовал, – сказал Борис и показал на свежую кровоточащую язву на нижней

челюсти слева. – Если побреюсь, то вся рожа такая будет... Хоть и больно, я бы вытерпел, да ведь потом так разболится, что я и работать не смогу, а кто будет работать? Нет уж, пусть лучше шумит, а я бриться не стану.

Однако, Алёшкин подшил к гимнастёрке свежий подворотничок, по возможности почистил свои кирзовые сапоги и через старшую сестру Наумову предупредил всех санитаров, медсестёр и врачей медроты, чтобы все они постарались привести себя и своё обмундирование в более или менее приличный вид и явились в 18:00 в сортировку.

Глава девятнадцатая

Собрание началось ровно в назначенное время. В течение дня новых раненых не поступало (в последнее время их привозили обычно поздно вечером или ночью). В сортировку явился почти весь личный состав батальона, кроме дежурных госпитальной палатки. Открыл собрание комиссар медсанбата Подгурский. Он объяснил, что это собрание созывается по предложению комиссара дивизии, который сделает доклад. Затем Подгурский сказал, что для ведения собрания следует избрать председателя и секретаря. Все этому очень удивились: последнее время комиссар батальона делал доклады, но никакого президиума никогда не выбирали, а просто зачитывали те или иные распоряжения или сообщения из газет. Такое нововведение сделано было по предложению комиссара дивизии. Несколько голосов несмело назвали кандидатуры Алёшкина и Скуратова. Затем встал Сангородский и решительно сказал:

– Предлагаю избрать председателем Бориса Яковлевича Алёшкина, а секретарём товарища Скуратова.

Когда выяснилось, что других предложений нет, стали голосовать, все руки дружно поднялись. Комиссар дивизии следил за голосованием, сидя в углу палатки. На лице его появилось некоторое удивление, когда он увидел, что к столу, сооружённому из ящиков для укладок и поставленному

недалеко от того угла, где он сидел, через людей, занявших все импровизированные скамейки из носилок, пробирался тот самый, заросший рыжей щетиной военврач третьего ранга, которого он встретил утром. Он никак не ожидал, что этот неряшливый «ланцепуп», как он окрестил Бориса, пользуется в медсанбате авторитетом.

Алёшкин был по-прежнему небрит, но в остальном выглядел вполне прилично: в гимнастёрке, туго схваченной ремнём, с портупеей, сидевшей на нём очень ладно. Кобура с пистолетом не оттягивала пояса, значит, он был затянут достаточно туго. Брюки и начищенные ваксой кирзовые сапоги выглядели тоже вполне прилично.

Получив слово, предоставленное ему Алёшкиным, комиссар Марченко в течение часа рассказывал о положении на фронтах, подробно рассказал о «Дороге жизни», проложенной по Ладожскому озеру, об огромном труде и больших потерях, понесённых войсками, прокладывавшими её, о том, что эта дорога, вероятно, действительно стала дорогой жизни и, несмотря на огромные трудности, которые приходилось испытывать людям, обслуживавшим её, – шофёрам, сапёрам и бойцам войск охраны – она работала всё лучше и лучше, и поэтому в недалёком будущем положение с продовольствием и боеприпасами в Ленинграде должно было наладиться. Рассказал комиссар также и о ситуации на территории, которую обороняла дивизия. Собственно, это было первое связное сообщение о том, что делалось на их участке

фронта.

После рассказа Марченко стало ясно, что дивизия с приданными ей частями, захватив ценой больших потерь участок территории на левом берегу Невы площадью около восьми квадратных километров, хотя и не сумела развить свой успех и расширить этот пяточок, всё-таки организовала прочную оборону, зарывшись там в землю. Силы дивизии таяли, личный состав выбывал как от ранений, так и от всё усиливавшегося голодного истощения, но немцам пока не удавалось, несмотря на частые попытки, взять этот участок. Если бы снабжение дивизии улучшилось, на что надеялись, то и в будущем фашисты овладеть этим плацдармом не сумели бы.

В конце своей длинной речи комиссар говорил о положении в тыловых частях дивизии и, в частности, в медсанбате. Тут немало пришлось покраснеть и начсандиву Емельянову, появившемуся в батальоне после приезда комиссара, и командиру батальона Перову, и комиссару Подгурскому, и, конечно, командиру медроты Алёшкину, да и начальникам других подразделений. В отличие от утреннего разноса, Марченко говорил спокойным, пожалуй, даже добродушным голосом, но столь язвительные вещи, что все эти командиры горели от стыда и не раз основательно вспотели.

Вертелся, как карась на сковороде, и Борис, слыша колкие и едкие замечания в свой адрес. И если утром слова комиссара вызывали в нём возмущение и злость, то теперь до него

доходила их действительная обоснованность.

– Мало отлично справляться со своими специальными обязанностями. В армии необходимо постоянно поддерживать и организовывать общий порядок, внешнюю и внутреннюю дисциплину бойцов, и только тогда воинская часть, какой бы большой или маленькой она ни была, сможет хорошо выполнять поставленные перед ней задачи, – говорил Марченко. – А в условиях блокады, в условиях тяжёлых материальных лишений, которые приходится всем вам переносить, это является ещё более необходимым. Расхлябанность, распушенность, снижение требований строевого и дисциплинарного устава недопустимы, – закончил комиссар своё выступление.

Алёшкин, с большим вниманием слушавший доклад Марченко, был захвачен его словами. Мы знаем, что он был человеком быстро воспламеняющимся и почти таким же экзальтированным, как его дед Болеслав Павлович Пигута. Он не выдержал, и хотя председателю этого не полагалось, в прениях взял себе первое слово. Обладая, как мы знаем, довольно хорошими ораторскими способностями, он произнёс горячую речь, в которой не только поддержал замечания комиссара, но вскрыл и ещё ряд недостатков, заставивших поморщиться Перова, кое-кого из врачей, медсестёр и санитаров. Он полностью признал свою вину, как командира одного из подразделений батальона, и дал торжественное обещание, что впредь не допустит нарушений устава ни со своей

стороны, ни со стороны своих подчинённых.

– Одно только прошу мне простить, не могу я сбрить эту проклятую щетину, пока не заживут моя шея и подбородок.

Эта горячая речь, страстная и достаточно искусная, произвела большое впечатление на комиссара дивизии, слушая её, он несколько раз одобрительно кивал головой, а после окончания захлопал в ладоши, что не замедлили сделать и все присутствующие. Товарищи, выступавшие после, поддержали комиссара дивизии и Бориса. Собрание, проведённое этими голодными, находящимися на грани истощения людьми, показало, что и в этой части Красной армии воинский дух достаточно силён и крепок.

После собрания комиссар дивизии Марченко сам подошёл к Алёшкину, пожал ему руку, поблагодарил за выступление и просил не обижаться за резкость, допущенную им утром. Пожалуй, именно с этого момента между ними завязалась довольно прочная дружба, и хотя Борис в душе немного побаивался своего грозного, вспыльчивого друга, но в то же время, узнав вскоре его слабости (у кого их нет), осмеливался даже немного подтрунивать над ним.

Как бы там ни было, но после посещения батальона комиссаром дивизии положение с внутренним распорядком значительно улучшилось. На территории навели возможную чистоту, произвели уборку во всех землянках. Внешний вид самих санбатовцев стал подтянутым и строгим. Тем не менее истощённые люди батальона всё чаще и чаще падали в

голодные обмороки, иногда умирали. Так, например, умер санитар Аристархов, привезший раненого из сортировки в операционную.

Между прочим, уже почти две недели, как санитары вдвоём носилки с раненым на более или менее длительное расстояние нести не могли. При помощи санбатовских плотников было сделано несколько длинных санок, на них ставили носилки с лежавшим раненым и везли от сортировки в предоперационную, а после обработки – в госпитальную или эвакуопалатку. В эту ночь Аристархов привёз раненого на носилках в предоперационную. Вместе со своим напарником, когда-то весёлым и жизнерадостным, а теперь худым и сумрачным Кузьминым, они сняли носилки с самодельных санок и понесли бойца в предоперационную. Аристархов помог раздеть раненого и перенести его в операционную. Пока длилась операция, обычно санитары имели возможность немного отдохнуть, так было и в этот раз. Уложив раненого на стол, передав его на попечение медсестёр и хирурга, Аристархов и Кузьмин вышли в предоперационную и задремали, прикорнув около топившейся железной печки. Примерно через час, медсестра Шуйская вышла туда, чтобы приказать санитарам перенести раненого в госпитальную палату. Почти сразу же Борис услышал её встревоженный зов. Когда он выскочил в предоперационную, то увидел, что она и Кузьмин склонились над Аристарховым и тормозят его. Алёшкин подумал, что это очередной обморок, и крикнул Шуйской:

– Катя, быстренько дайте спирту.

Чаще всего из такого обморока выводили 40 граммами спирта, затем человека укладывали в госпитальную палатку, где давали ему в течение нескольких дней «усиленное» питание, то есть к обычному пайку добавляли 20 грамм сгущённого молока в день. Через несколько дней он уже мог возвращаться к своей работе.

Однако, когда Борис подошёл к Аристархову, пощупал его пульс и, приподняв веко, увидел широкий остановившийся зрачок, он понял, что тут уже ничем не поможешь: этот простой, но чрезвычайно трудолюбивый и до героизма самоотверженный, человек умер.

Только после этого Алёшкин, да и сёстры, вспомнили, что Аристархов уже несколько дней работал не в свою очередь, а подменял кого-нибудь из ослабевших санитаров, и делал это не в первый раз. Много уже умерших видели все они, относительно молодые люди, но смерть близкого знакомого человека, с которым ежедневно работаешь рядом, всегда производит сильное впечатление и вызывает большую печаль. Как ни трудно было копать, но для Аристархова вырыли отдельную могилу, похоронили его в обмундировании, на похоронах присутствовала вся медицинская рота. Словом, этот «маленький» человек, обыкновенный санитар, при жизни почти не замечаемый и ничем особенным не выделявшийся, был удостоен таких почестей, которые полагались далеко не всем командирам, умиравшим в медсанбате. Уже долгое

время (относительно, конечно, ведь и война-то длилась всего около полугода) умершие в батальоне хоронились одетыми в бельё, как правило, в братских могилах, по четыре, шесть и даже восемь человек в каждой. Могилы эти в замёрзшем болотистом грунте копать было невероятно трудно, и поэтому очень часто ямы для них рвали взрывчаткой или использовали воронки от снарядов и авиабомб, края которых немного подравнивались. Погребённых людей засыпали мёрзлой землёй и снегом, и это подобие могил представляло собой довольно печальный вид.

* * *

А время неумолимо двигалось вперёд. Уже подходил к концу декабрь 1941 года, стояли сильные морозы, на палатках и вокруг них выросли сугробы снега. Землянки тоже занесло так, что их иногда невозможно было обнаружить. Между ними и палатками частью прорыли, а в основном протоптали, тропки. Снег справа и слева образовал высокие стены, так что получились узкие коридоры, разойтись в которых двум встречным было трудновато. Как раз в это время в медсанбат поступило пополнение.

Комиссар дивизии объезжал тыловые подразделения, конечно, не только за тем, чтобы познакомиться с ними, его поездка преследовала и другую цель: было необходимо мобилизовать внутренние резервы для пополнения строевых под-

разделений. В некоторых ротах насчитывалось по 15–20 бойцов, а из Ленинграда больше людей не поступало. В тыловых же подразделениях, где людские потери были значительно меньшими, после проведения в октябре сокращения штатов количество людей почти соответствовало положенному, поэтому кое-кого забрать ещё было можно, в особенности при условии замены. Марченко нашёл поряточно бойцов на хлебозаводе, на ДОП, в оружейных мастерских и в автобате, которых без ущерба для дела можно было направить в пехотные части. Он рассчитывал, что и в медсанбате ему повезёт, но ожидания не оправдались. В батальоне он увидел, что можно будет взять не более полутора десятков человек, да и то при обязательной их замене.

Ленинград, как уже было сказано, исчерпал свои людские возможности в части мужского населения, извне пока тоже пополнение не поступало. Но в городе находилось много молодых женщин и девушек, осаждавших военкоматы и требовавших отправки на фронт. Вот из числа этих девчат и прибыло пополнение для медсанбата. Приехало двадцать человек, их называли сандружинницами, но, конечно, никакой специальной медицинской подготовки никто из них не имел. Тут были девушки лет 16–17, только что окончившие среднюю школу, студентки различных институтов, служащие закрывшихся или эвакуированных учреждений, работницы фабрик и заводов и даже педагоги. Все они имели невероятную степень истощённости, цвет лица – какой-то сине-

вато-зелёный и, вылезая из грузовой машины, в которой их привезли, поддерживали друг друга, чтобы не упасть. Одежды эти женщины и девушки были в свои гражданские пальтишки и, выстроившись по команде доставившего их старшины, тряслись на морозном ветру, как осиновые листочки. Собравшиеся около прибывших медсанбатовцы, сами голодавшие так, как никому из них до сих пор голодать не приходилось, глядя с сожалением на исхудавшее и дрожавшее пополнение, думали, как же плохо в городе.

К строю подошёл комбат, поздоровался с прибывшими, ответившими вразброд и еле слышно. Перов приказал немедленно вести их в сортировку, которая была пуста. Новеньких отвели в палатку, вслед за ними туда отправились Перов, комиссар, начальник штаба Скуратов, Алёшкин, Сангородский и сопровождавший девушек старшина. Остальным комбат приказал разойтись по местам своей работы и по землянкам.

В сортировке было не просто тепло, но даже жарко. Прибывшие, основательно замёрзнув во время поездки в открытой грузовой машине, окружили раскалённые докрасна железные печки и растирали озябшие руки и ноги. Посоветовавшись, командиры решили в нарушение существовавших норм получше покормить ленинградоков, зачислить их, как поступивших раненых, и в течение двух суток кормить по этим нормам, которые были всё-таки выше, чем нормы бойцов медсанбата.

Следовательно, первое, что нужно было сделать, как полагалось каждому прибывающему раненому, дать им горячего чая со сгущённым молоком и по 50 граммов сухарей. Вскоре все эти девушки, раскрасневшиеся от тепла, с радостным изумлением прихлёбывали горячий сладкий чай с молоком, осторожно откусывая от маленьких, чёрных, пронизанных овсяными колючками, сухариков, стараясь при этом ни крошки не уронить.

Пока прибывшие насыщались и отогревались, Перов, Алёшкин и комиссар ознакомились с их списком, представленным старшиной, и узнали от него, что по распоряжению комиссара дивизии на этой же машине он должен забрать из медсанбата 15 боеспособных бойцов.

– Только не из выздоравливающих, – подчеркнул он.

Перов со своими помощниками знал, что так должно случиться, но все они думали, что им дадут хотя бы три-четыре дня, чтобы выяснить способности новеньких, обучить их, понять, кого они смогут заменить, и потому такие требования их огорошили, но старшина твёрдо стоял на своём. Он заявил, что пополнение в свой полк (41-й стрелковый) он должен забрать сегодня же и об исполнении доложить комиссару дивизии не позднее завтрашнего утра.

Кое-как выторговав у него ночь, Перов предложил командирам пойти в его землянку и по спискам посмотреть, кого можно отдать наиболее безболезненно. Сангородскому он поручил обеспечить прибывшим ночлег в сортировке.

Всю ночь просидели комбат, комиссар и командиры подразделений медсанбата, споря о каждом выбранном человеке. В батальоне действительно оставались считанные единицы обученных за полгода санитаров или мастеровых, без которых просто невыносимо было обойтись. Споры доходили даже до ссор между отдельными командирами, и лишь благодаря тактичности и умению уговаривать, которые оказались весьма незаурядными у комиссара батальона Подгурского, эти ссоры удавалось прекратить.

К утру список отправляемых составили, и все разбрелись по своим землянкам и палаткам, чтобы отдохнуть. Эта ночь прошла относительно спокойно. Раненых, кроме одной машины, прибывшей ещё вечером, до пополнения, больше не поступало.

Перов приказал Прохорову на следующий день обмундировать всех дружинниц, а Скуратову с утра распределить их по подразделениям. Борис ещё ночью зашёл в операционный блок, разбудил дежуривших там Наумову и Шуйскую и приказал им завтра чуть свет пробраться в сортировку, побеседовать с прибывшими девушками, выбрать из них пять человек, наиболее подходящих и толковых, и сообщить ему их фамилии. Хотя из операционно-перевязочного взвода брали только трёх санитаров-носильщиков, но, учитывая большую нехватку в людях, комбат решил направить в него пятерых: трое давались в сортировку, двое распределялись по остальным подразделениям.

Но таким предусмотрительным оказался не один Алёшкин. Ещё до него Сангородский поручил своей старшей сестре отобрать лучших девушек для сортировки и, из дружбы с Прокофьевой, – для госпитального взвода тоже.

Однако Наумовой и Шуйской удалось заметить боевых и старательных девчат. Забежав вперёд, можно сказать, что впоследствии эти сандружинницы не только хорошо справлялись с работой санитаров, спустя несколько месяцев они могли вполне заменять перевязочных сестёр. В дальнейшем всем им было присвоено звание сержантов медслужбы, а через год две девушки даже стали операционными сёстрами.

Но это было потом, пока же они, немного смешные в своём неподогнанном обмундировании, плохо сидевших халатах, вздрагивая при каждом стоне раненого, с остановившимся взглядом, трясущимися руками снимая с раненых окровавленную одежду и развязывая кровавые бинты, нуждались в постоянном наблюдении и помощи. Основному персоналу, оставшемуся в батальоне, пришлось ещё труднее: вместо того, чтобы заниматься своим делом, операционным сёстрам и врачам приходилось самим ползать на коленях около лежавших на носилках в предоперационной раненых и практически показывать, как надо снять гимнастёрку, сапоги, шинель с раненого, как его переложить на операционный стол, как снять бинт, чтобы не причинять боли пострадавшему и, в то же время, по возможности, сохранить

этот бинт. Уже недели две, как приказом по сануправлению фронта на всех этапах лечебных учреждений из-за нехватки перевязочного материала предписывалось экономить бинты, обязательно стирать их и использовать многократно.

Так или иначе, в конце концов, за довольно небольшой промежуток времени медсанбатовцы преодолели и эту трудность, новый персонал освоился и стал работать более или менее удовлетворительно.

Следует отметить, что вместе с девушками в батальон поступила и очередная почта: газеты и несколько писем. В числе счастливцев, получивших письмо, оказался и Борис. Письмо было от Кати из далекой Александровки, в нём она сообщала маленькие семейные новости, рассказывала о проказах младшей дочурки Майи и, как всегда, почти ничего не писала о себе. Вскользь упоминала о трудностях с продуктами питания, но уверяла, что она пока из этих трудностей выходит благополучно. В заключение просила мужа не беспокоиться о судьбе своей семьи, убеждая его, что она сумеет продержаться, сколько бы эта проклятая война ни продолжалась.

Письмо было написано в сентябре, а уже кончался декабрь. Где оно блуждало столько времени? Вообще, из-за кольца блокады, с так называемой Большой земли письма получили всего несколько человек. Хотя в письме и сообщались события более чем трёхмесячной давности, Борис ему очень обрадовался. Он в этот же вечер написал ответ, но

Скуратов, которому он принёс письмо для отправки, предупредил, что вряд ли оно попадёт по назначению:

– Не забудьте, ведь, кроме нашего блокадного кольца, прямая железнодорожная связь с Северным Кавказом отсутствует, – заметил он.

Время шло, и силы у всех, находившихся внутри блокадного кольца, в том числе и у медиков, таяли с каждым днём, вернее, с каждым часом. У многих, в том числе и у Бориса, отекали ноги и в дополнение ко всему начала развиваться цинга. Настой хвои, приготавливаемый с начала осени, помогал мало в особенности потому, что питьё его на голодный желудок было очень неприятным, а у некоторых вызывало и рвоту.

В последнее время значительно сократились поездки из батальона в Ленинград. Въезд в осаждённый город даже из фронтальной полосы, окружавшей его, был обставлен очень сложной процедурой и разрешался только по специальным вызовам или пропускам. Говорили, что это продиктовано тем, что через фронт просачиваются вражеские шпионы и разведчики, которые, проникая в город, сеют среди жителей панику, корректируют артиллерийскую стрельбу, наводят самолёты и устраивают диверсии.

Однако Борису всё-таки удалось побывать в городе, как это часто бывает, помог случай.

В конце января 1942 года в сануправлении фронта состоялось совещание, на которое вызывались командиры медсан-

батов, начсандивы и командиры медсанрот морских бригад. Емельянов простудился, искупавшись при очередной переправе через Неву, он попал в полынью. Опасались воспаления лёгких. Начсандив лежал в госпитальной палатке санбата под заботливым и медицински очень грамотным наблюдением Зинаиды Николаевны Прокофьевой, ехать в Ленинград он не мог. От дивизии нужно было послать двух человек, решили, что поедут Перов и Алёшкин, последний – в качестве зам. начсандива. В штабе дивизии им оформили документы с соответствующими печатями, подписями и особыми, чрезвычайно секретными, менявшимися каждые сутки, значками. На это обращали главное внимание на КПП, встречавшихся многократно на пути к городу.

Совещание длилось два дня, проводилось оно лично начальником сануправления фронта, генералом Верховским. Алёшкин выступал в прениях и ближе познакомился и с этим генералом, и с главным хирургом фронта, профессором, бригадным врачом Куприяновым. Как мы уже знаем, они встречались в 24-м медсанбате осенью и теперь при встрече узнали друг друга.

Борис и Виктор Иванович остановились у знакомых Перова, это были люди искусства. Глава семьи – отличный пианист, страстный поклонник Соловьёва-Седого и такой же ярый ненавистник Дунаевского, – так, по крайней мере, понял Борис из споров, происходивших за ужином. Ужин представлял собой сухой паёк и 500 граммов спирта, при-

везённые гостями. Супругой пианиста была певица ленинградской оперетты. Когда Борис с ними познакомился, то предположил, что им, по крайней мере, лет по 45 – такими морщинистыми, худыми и малоподвижными они выглядели. Как же он удивился, когда узнал, что оба они были моложе его почти на пять лет. Из разговоров гости узнали, в каком отчаянном и бедственном положении находилось население Ленинграда, как много ежедневно умирало людей, некоторых из них даже некому было хоронить, они оставались в своих нетопленных квартирах-склепах.

Вместе с тем Алёшкин и Перов узнали и то, что их немало удивило. Оказалось, в Ленинграде действуют некоторые театры, проходят концерты, в том числе симфонические, а молодой композитор Шостакович только что закончил и готовил к исполнению новую симфонию. Получалось, как бы ни зверствовали немецкие артиллеристы и лётчики, Ленинград не только существовал, но и жил.

Эти слова, услышанные от голодных, истощённых, так внезапно постаревших людей, показались Борису настолько возвышенно величественными, что он даже не нашёлся, как на них ответить, только подумал про себя: «А ведь это замечательно, что мне пришлось служить в войсках, защищающих такой город, населённый такими людьми. Фашистам этот город не взять никогда, враг так же будет отброшен от его стен, как это произошло под Москвой. Только когда?.. Скорее бы, пусть эти замечательные люди успеют до этого

дожить».

В один из перерывов между заседаниями Борис сходил в эвакогоспиталь № 74, там уже не оказалось и Розалии Самойловны Крумм. В связи со значительным ухудшением её здоровья она была эвакуирована вместе с сопровождаемой ею группой раненых уже по новой «Дороге жизни». Не оказалось в госпитале и профессора, который консультировал Бориса. Как объяснила встретившая Алёшкина медсестра, знакомая ему по предыдущему посещению, профессор умер в конце ноября.

После обеда следующего дня, получив медикаменты, немного перевязочного материала, новое наставление по обработке ран и специальные отметки на своих командировочных предписаниях, Алёшкин и Перов тронулись обратно. Ехали они на этот раз не в кабине, сквозь замёрзшие стёкла которой ничего не было видно, а наверху, в кузове. Проезжая по улицам Ленинграда, они внимательно осматривались кругом. Вид страдальца-города, который открывался им за каждым новым углом, на каждой следующей улице, передать словами очень трудно, это было что-то ужасное. Алёшкин невольно вспомнил Уэллса с его «Борьбой миров» или «Войной в воздухе».

«Нет, – подумал он, – любому фантасту, даже такому талантливому, не описать той ужасной действительности, которая встаёт перед глазами буквально на каждом шагу». Вот дом, вернее, полдома. Бомба снесла его половину, а другая

половина ещё стоит, видны внутренности квартир и комнат, разрезанных пополам, – как пирог, разломанный каким-то великаном. Дом показывает свою начинку: столы, стулья, картины, валяющаяся на полу посуда, кровать, одними ножками висящая в воздухе, детская коляска, каким-то чудом державшаяся на разорванной водопроводной трубе, розовый матерчатый абажур, качающийся от ветра, продолжает висеть в этой страшной до боли сердца половине столовой. И всё это покрыто слоем пыли от разрушенных кирпичей и штукатурки и присыпано свежим, девственно белым снежком.

Сугробы на улицах, через которые с трудом пробивалась полуторка; мёртвые трамваи, троллейбусы, беспомощно стоящие на своих путях, застигнутые артналётом или бомбёжкой во время маршрута – из-за повреждений вылетели стёкла, разлетелись двери, порвались и скрутились зловещими спиральями провода, – умершие на своём посту стоя, как умирали и доблестные защитники города. И ко всему этому полное безлюдье. Впрочем, нет, вот и люди. На тротуаре, в сугробе, на санках лежит завёрнутый в какое-то одеяло труп, кажется, старика. Около него никого, наверно, не довели до кладбища, ведь в Ленинграде сейчас хоронили так. Не хватило сил, вот и оставили его, где пришлось. На следующей улице ещё труп – этот сидит, прислонившись к фундаменту дома, видно, шёл, ослабел, присел отдохнуть, да так больше и не поднялся.

Когда по Литейному мосту переезжали Неву, то около него заметили очередь людей, копошившихся на льду. Долго присматривались к ним, так и не смогли понять, что они там делают, подумали, что пытаются ловить рыбу. И только уже потом от раненого лейтенанта, возвращавшегося из госпиталя в свою часть и посаженного ими по дороге на одном из КПП, Борис и Перов узнали, что таким образом ленинградцы добывают себе питьевую воду: черпают из проруби кружками, кастрюльками и даже просто разливательными ложками. Наливают в кастрюлю побольше, поставленную на какую-нибудь картонку или фанерку, и везут домой, иногда за несколько километров.

– Кое-что и довозят, – с горечью сказал лейтенант, – нести в руках нет сил, санок заблаговременно не купили, колодцев во дворах до войны вырыть не догадались, – уже зло закончил он.

«Да, – думал Алёшкин, – такого, кажется, никому испытывать не довелось. Ну, дорого же должны заплатить за это фашисты! Не простит советский народ такого, никогда не простит!»

Глава двадцатая

На другой день после возвращения Перова и Алёшкина из Ленинграда командира и комиссара медсанбата вызвали в штаб дивизии. Вечером созвали всех командиров подразделений и объявили им, что дивизия настолько истощена, что далее удерживать занятый пятачок не может. Её заменили другим соединением, а она вошла в состав 8-й армии и вместе с ней должна переправиться через Ладожское озеро по новой ледяной дороге, чтобы в будущем воевать на Волховском фронте по ту сторону кольца блокады. Части дивизии уже начали сниматься с фронта, они будут направляться на попутных машинах и пешим порядком к пристани Осиновец на Ладого, чтобы пересечь озеро, а затем через Кобону и железнодорожную станцию Войбокало пройти к тому участку фронта, где приказано держать оборону.

Медсанбат должен свернуться, погрузить имущество и людей на машины и следовать к Осиновцу, там ожидать своей очереди на переправу через озеро. Переправляться будут ночью, чтобы не попасть под бомбёжку, не привлекать внимания противника, а главное, не дать ему понять, что какие-то воинские части уходят из-под Ленинграда.

Сейчас предстояло самое трудное: снять, свернуть и погрузить палатки, собрать и упаковать всё имущество. Командиры, собравшиеся в землянке комбата, понимали, что это

потребуется много сил, а их у людей батальона почти не было. Решили привлечь к этой работе всех выздоравливающих, в нарушение полученного приказа задержав их отправку в части, и впоследствии увезти их с собой. Мысль эту подавала Прокофьева, посоветовав доложить начальнику штаба дивизии, что отправка этих раненых пешим ходом, как следовало почти все остальные бойцы стрелковых частей, может привести к утяжелению их состояния и задержке выздоровления. Так и было сделано. Этот вынужденный обман спас большую часть имущества медсанбата и в особенности палаточный фонд, да и на здоровье раненых действительно отразился положительно.

Как и при прошлой передислокации, стены развёрнутых палаток пришлось вырубать из льда, только теперь снега и льда было значительно больше, поэтому края пострадали ещё сильнее. Да и сами палатки замёрзли крепче, сворачивание их стоило огромных усилий, и тюки получались такими громоздкими и несуразными, что с трудом удавалось погрузить две палатки на полуторную машину, тогда как обычно на неё грузилось их три.

Но так или иначе, с болью, со слезами, с руганью, с сорванными ногтями и израненными руками всё имущество было уложено, машины заправлены горючим по полному баку (чего не было уже давно), и санбатовцы были готовы тронуться в путь. Задержка произошла по совершенно непредвиденным обстоятельствам: не успели похоронить всех умерших.

Оставить трупы непохороненными значило навлечь на себя крупные неприятности, да и просто было совестно бросать так своих. И вот, колонна машин, готовая к отправке, и люди, топчущееся около них на всё усиливающемся морозе, ждали, пока закончится эта грустная, но уже ставшая такой обыденной и привычной, церемония.

Задержка с погребением произошла по следующим причинам. Ранее умерших в медсанбате хоронили ежедневно, как мы уже описывали – копали могилы или использовали воронки, и шло это дело без задержки. Для этих целей специально были выделены два санитары, которые брали себе в помощь человек трёх из команды выздоравливающих, а руководил процессом один из писарей штаба. Он же, совместно с начальником штаба Скуратовым, наносил на карту местоположение могил.

С 10 декабря 1941 года этот порядок изменили. По приказу начсанупра фронта каждому умершему в госпитале, медсанбате дивизии или медсанроте бригады нужно было провести вскрытие с помощью армейского патологоанатома, который составлял акт о причине смерти. Лишь после этого разрешалось хоронить труп. Приказ этот был очень строгим, и кое-кому из лиц, нарушивших его, как стало уже известно, пришлось серьёзно пострадать, вплоть до снятия с должности и даже понижения в звании, поэтому рисковать никому не хотелось. А единственный патологоанатом, обслуживавший эту группу госпиталей и медсанбатов, Евгения Васи-

льевна Шацкая, не успевала делать это своевременно. Трупы быстро замерзали, и потому вскрытие требовало много труда. Хотя имевшиеся у неё в качестве помощников санитары (ранее служившие в одном из ленинградских моргов) были людьми опытными, всё-таки каждое вскрытие отнимало порядочно времени. Она приезжала в медсанбат раз в неделю, и даже реже. Хотя, как впоследствии стало заметно, пребывание её в 24-м медсанбате и особенно беседы с командиром батальона Перовым доставляли им обоюдное удовольствие, эта щупленькая, худенькая, беленькая женщина слишком часто в расположении батальона появляться не могла.

В ожидании вскрытий пришлось организовать морг в одном из углов территории медсанбата. В стороне от жилых палаток и землянок с помощью маленьких ёлочек, воткнутых в сугробы снега, был образован небольшой, метров семь на семь, четырёхугольник с узким входом. В центре его на расчищенной площади установили сколоченный из досок стол на ножках, вбитых в мёрзлую землю. Вдоль стен из снега и ёлок укладывались умершие – иногда их накапливалось столько, что даже не в один ряд. Санитарам Евгении Васильевны при подготовке трупа к вскрытию приходилось прибегать к горячей воде, а в отдельных случаях применять пилы и топоры. Но несмотря на такие варварские действия, разогревая внутренности тел горячей водой, эта дотошная женщина, в совершенстве владевшая своей специальностью, умудрялась достаточно точно определить и характер ране-

ния, и степень его тяжести, и качество оказанной хирургической помощи, и, главное, установить фактическую причину смерти. Её акты отличались беспристрастностью, суровостью и в то же время справедливостью.

Все врачи считались с её мнением, боялись её заключения, если оно было обвиняющим. Некоторым из хирургов уже пришлось понести довольно строгое взыскание по материалам её вскрытия. Плохое качество работы, отмеченное в актах, составленных Евгенией Васильевной, вызывало быструю реакцию начальства. К счастью для хирургов 24-го медсанбата, у них пока всё шло гладко, и серьёзных замечаний, способных вызвать нежелательные последствия, в их адрес со стороны патологоанатома пока не поступало.

Однако в этот раз «свой любимый» 24-й медсанбат (как в шутку про него говорили в районном эвакуопункте, где она официально числилась) Шацкая подвела. Там находилось десять трупов и её уведомили о том, что батальон передислоцируется, поэтому нужно произвести срочное вскрытие. Она, хотя и приехала сразу после вызова, быстро управиться со своим делом не смогла, ведь работала Евгения Васильевна только при дневном освещении, а январские дни, в особенности под Ленинградом, очень коротки. Обычно в день она вскрывала не более пяти трупов, таким образом, на работу могла затратить, по крайней мере, два дня, да ещё сутки на оформление актов, а когда она приехала, медсанбат уже начинал свёртываться.

В последний день, когда всё было погружено и готово к отправке, оставались невскрытыми два трупа, Перов стоял над ней и, не особенно стесняясь в выражениях, требовал от патологоанатома актов и разрешения на захоронение. Евгения Васильевна, даже рискуя лишиться расположения своего приятеля, была неумолима и, пока не закончила полного обследования последнего тела, согласия на погребение не дала. Они только договорились, что акты будут ею составлены и переданы в медсанбат позднее. Шацкая заверила, что в них никаких обвинительных заключений не будет, поэтому никто не волновался. Тем не менее вынужденная задержка поссорила этих двоих, и лишь месяца через четыре они помирились.

Наконец, колонна медсанбата тронулась и через несколько часов, проехав по разрушенным пригородам Ленинграда, выехала на знакомую дорогу Карельского перешейка. К вечеру этого же дня она остановилась в густом лесу, в двух километрах от берега Ладожского озера рядом с какой-то железнодорожной веткой, на которой стояло несколько вагонов четвёртого класса. Прибывший в медсанбат руководитель переправы дивизии сказал, что тыловые части, в том числе и медсанбат, будут переправляться следующей ночью, а эту и весь следующий день батальон должен простоять здесь. Он добавил, что начальник переправы разрешил разместить личный состав батальона в одном из вагонов, машины нужно рассредоточить в придорожном лесу, оставить при них часо-

вых и замаскировать.

Через час все уютно устроились на полках вагона, печки раскалили докрасна, можно было снять верхнюю одежду. Почти каждому досталась отдельная полка, и санбатовцы развалились на них, испытывая невероятное блаженство. Борис невольно подумал, как меняются люди от изменения обстановки. «Вагон четвёртого класса, с нижними сплошными нарами – с 1920 года я не ездил в таких вагонах и, конечно, считал их самыми неудобными и несовершенными. А сейчас, растянувшись на разостланной на нарах шинели, положив голову на вещевой мешок, набитый немудрящим солдатским скарбом и книгами, чувствую себя устроившимся с большим удобством и комфортом. Эх, если бы к этому ещё кусочек сухаря, то и совсем хорошо было бы», – подумал он и, чтобы забыть о голоде, постарался заснуть. Суточная норма хлеба уже давно была съедена, и Алёшкин знал, что его мечты несбыточны. Но, видно, в жизни бывают чудеса!

В вагон вошёл Прохоров с мешком сухарей и заявил:

– Приказано выдать дополнительно по 100 грамм сухарей на дорогу. Подходите получать!

Таким образом исполнилась мечта Бориса, и он заснул не только в тепле, но и немного подкрепившись. Выпив с полученным сухарём большую кружку кипятка, он чувствовал себя почти сытым.

Через сутки колонна машин построилась, соблюдая строгие интервалы, медленно сползла на заснеженный лёд озе-

ра и по проложенной дороге направилась к далёкому противоположному берегу. Предстояло проехать по ладожскому льду немногим более 30 километров. Это было бы нетрудно, если бы ехали днём, или если бы можно было включить фары. Но машины, как призраки, двигались без света. Ночь была безлунная, тёмная, и шофёрам приходилось ориентироваться по еле заметным вехам, воткнутым по краям пути, да временами мерцающими кое-где фонариками бойцов, поддерживающих и охраняющих трассу.

Опасность движения усугублялась ещё и тем, что то тут, то там чернели полыньи от взорвавшихся авиабомб. Немцы бомбили трассу почти каждый день, и не одна машина, ухнув в полынью, скрывалась подо льдом вместе с шофёром, грузом и ехавшими людьми. Полыньи эти огораживались валиками из льда и снега, но в темноте заметить ограждения было почти невозможно. Конечно, не у каждой полыньи стоял регулировщик.

Дорога была трудна, и тем не менее в обе стороны по ней двигался почти сплошной поток машин и людей. Основные части дивизии через озеро переправлялись на попутных пустых машинах, и лишь небольшая часть двигалась пешим порядком. В основном строевые части переправились в течение двух прошедших ночей, а в эту ночь была очередь спецчастей, тыловых подразделений и артполка. Переправа медсанбата происходила хоть и медленно, но вполне благополучно. А вот дивизионный обменный пункт пострадал – две

машины, гружённые обмундированием и ещё каким-то имуществом, угодили в полыньи и затонули вместе с водителями и бойцами, сопровождавшими груз.

Правда, по ледовой дороге движение шло круглосуточно, то есть машины следовали и днём, но, очевидно, в целях маскировки воинские части, вывозимые из кольца блокады, передвигались только в ночное время.

Колонну автомашин медсанбата возглавляла «санитарка», на которой ехал командир батальона, начальник штаба, командир медроты Алёшкин и несколько врачей. Как известно, эта машина вмещает одиннадцать человек, вещи ехавших сложили между скамейками, и они фактически лежали на ногах пассажиров, причиняя им при каждом толчке большие неудобства. Почти у всех были вещевые мешки, так как привезённые из дома чемоданы ещё осенью отправили по домам или выбросили во время дислокации. Один только Бегинсон оставил свой чемодан при себе. Это был обыкновенный фанерный чемодан, обитый металлическими угольниками. Бегинсон наполнил его разными вещами и, конечно, книгами, поэтому он представлял солидную тяжесть. При каждом толчке машины чемодан подскакивал и больно ударял своими острыми краями по ногам сидящих рядом. Доставалось, конечно, и самому Бегинсону, который держал этот злосчастный чемодан возле себя, но если хозяин мужественно сносил удары своего «сокровища», то Сангородский и Скуратов, сидевшие рядом, при каждом толчке раздража-

лись неистойвой бранью и, конечно, не только по адресу чемодана, но и по адресу его владельца. Это вносило некоторое разнообразие в довольно скучную и утомительную поездку. Все были стиснуты друг другом и вещами и не могли даже пошевелиться. Ехали в абсолютной темноте, окна машины были закрыты плотными клеёнчатыми шторами, и Лев Давыдович мрачно шутил:

– Ну, если нырнём в полынью, то не потонем, а будем плавать, как подводная лодка, так нас загерметизировали.

Ко всему этому прибавлялось и то неудобство, что двери машины (они были в задней стенке) открывались только снаружи. Пассажиры это знали и понимали, что если машина нырнёт, то выскочить никому не удастся. Борис, сидевший у самой дверцы, подумал: «А всё-таки глупо, что мы позволили шофёру захлопнуть дверцу, мало ли что... Надо будет её немного приоткрыть, я бы придерживал её рукой. Ехать будет слегка холоднее, но зато есть какой-то шанс на спасение». Подумав об этом, он попросил Скуратова постучать в стенку кабины и попросить Перова, сидевшего рядом с шофёром, остановить на несколько минут машину. Тот исполнил его просьбу, и на одной из площадок для разъездов, а такие были устроены почти через каждые полкилометра, «санитарка» свернула в сторону и остановилась. Остальные машины колонны продолжали своё движение вперёд. Для решения вопроса о дверце понадобилось немногим больше минуты: её открыли, к ручке прицепили чей-то поясной ре-

мень, и Алёшкин, сидевший крайним, держал его в руке, не позволяя дверце открываться широко, и в то же время ногой, вставленной в щель, не давал ей захлопнуться. Такие перемены сразу улучшили состояние ехавших: в машину теперь поступал свежий воздух, пожилым людям стало легче дышать. Кроме того, в узкую щёлку двери близсидящим всё-таки можно было хоть что-нибудь видеть. И, наконец, стало понятно, что в случае какого-нибудь несчастья есть шанс покинуть машину.

Последнее, впрочем, было надеждой призрачной: за сутки ожидания переправы медсанбатовцы успели узнать, что если машина попадала в полынью, то никто из ехавших и в кабине, и в кузове не успевал и крикнуть. Машина погружалась мгновенно, а ледяная вода, видимо, так сковывала движения тонущих, что они камнем шли на дно. Во всяком случае, как говорили, ни одного человека, попавшего через полынью в воду Ладоги вместе с машиной, спасти не удалось.

Естественно, что из-за остановки машина комбата теперь оказаться в голове колонны уже не смогла, лишь сумела вклиниться в середину. Перова это не очень огорчало: он рассчитывал, что при выезде на берег колонна остановится, и они займут своё место впереди.

Кстати сказать, замыкала колонну тоже «санитарка», в которой ехали комиссар медсанбата Прохоров, Прокофьева, её медсестра и начсандив Емельянов. Он уже более или менее оправился от своей болезни и, хотя всё ещё испытывал боль-

шой страх ко всякому передвижению по льду, остаться в ленинградском госпитале не захотел, а решил следовать со своей дивизией.

Так, волею случая в голове колонны теперь оказалась вторая санитарная машина, в которой сидели операционные и перевязочные сёстры и фармацевты. В кабине ехал врач Дурков, его поместили сюда потому, что в последнее время, видимо, в связи с голодом и авитаминозом, у него появилось какое-то осложнение в месте старого перелома ноги. Мы, кажется, уже говорили, что ещё студентом при неудачном прыжке он получил открытый перелом правой голени, вследствие чего нога эта стала короче, голень была искривлена, и при ходьбе Дурков прихрамывал. По этой же причине он не мог носить сапоги, а чтобы как-то компенсировать неполноценность ноги, в правый ботинок подкладывал комок ваты или тряпок. Из-за длительных нагрузок и неблагоприятных условий, в которых он находился во время блокады, место перелома воспалилось, опухло и причиняло ему сильные страдания.

Когда колонна машин медсанбата достигла берега, регулировщики, следившие за переправой, видимо, получив сведения о приближающихся самолётах противника, остановиться не разрешили, а потребовали скорейшего отъезда от берега. Шофёр в машине Дуркова, Герасимов, молодой, горячий водитель (его машина была одной из лучших) отличался и лихачеством. К моменту окончания переправы по-

светлело, дорогу стало видно лучше, и Герасимов, прибавив газу, оторвался от колонны. Заметив это, он предложил Дуркову ехать ещё быстрее, чтобы попасть в Кобону, пока не собрались все, выбрать себе получше жильё и «пожрать как следует». Это предложение Дуркову показалось заманчивым, и их машина помчалась со всей возможной для неё быстротой.

Спустя полчаса они достигли крупного села (или посёлка) Кобона, выбрали подходящий дом, попросились на отдых. Ещё раньше предполагалось, что в этом селе медсанбат и тыловые подразделения проведут дневной отдых и дождутся указаний о месте дислокации своих подразделений. По рассказам Дуркова и Герасимова, они, опередив колонну батальона, по крайней мере на час, полагали, что сумеют за это время не только закусить, но и отдохнуть.

В этом селе, не затронутом войной, почти никто не был эвакуирован. Колхозники жили в своих домах, как и до войны. Через село вот уже более месяца ежедневно проезжало большое количество машин с беженцами, войсками. Большая часть их не останавливалась, следовала к железнодорожным станциям Войбокало или Жихарево, где их уже ждали составы, чтобы увезти вглубь страны. На этих станциях были организованы специальные питательные и медицинские пункты. Прибывшим немедленно оказывалась медпомощь и организовывалось рациональное питание. В Кобоне же останавливались лишь случайные машины.

Жители Кобоны, зная положение с питанием в Ленинграде, в большинстве бесплатно подкармливали своими домашними продуктами (главным образом овощами, а иногда и молоком) шофёров и случайно остановившихся беженцев. Но среди крестьян были и такие, которые старались на этом нажиться, а так как голодные люди при виде обильной еды совершенно теряли рассудок, и за булку хлеба отдавали костюм, пальто или сапоги, то этим спекулянтам доставались порядочные барыши.

Случилось так и с санбатовцами, приехавшими вместе с Дурковым, и с ним самим, и с шофёром Герасимовым. Воспользовавшись алчностью приютивших их хозяев, они принялись безудержно менять различные свои вещи на продукты, которые немедленно, с жадностью изголодавшихся людей, поедали. Напрасно некоторые медсёстры, например, Екатерина Васильевна Наумова, пытались унять аппетиты молодёжи, те их не слушали, тем более что им подал пример ехавший с ними врач.

Дурков имел большие запасы папирос, а в Кобоне, как, впрочем, и других местах, расположенных по эту, да и по ту сторону блокады, дело с табаком обстояло очень плохо. Табачные изделия ценились дорого. Во время нахождения в блокаде, когда выдавался ещё каждую десятидневку командирский паёк, в который входили папиросы, Дурков сделал запасы. Сам он не курил, а своим товарищам из пайка выделял очень мало, даже во время начавшегося табачного го-

лода выпросить у него несколько папирос было делом трудным. Благодаря этому, у него и скопилось довольно значительное количество папирос. А здесь это оказалось вещью, ценимой на вес золота. Правда, он этого не знал, и потому за то, что ему с удовольствием отдали бы за одну пачку папирос, платил пятью. Так или иначе, его желание сбылось: за десять или пятнадцать пачек папирос ему нажарили на кусковом сале большую сковородку картошки с луком и дали ещё целую буханку хлеба. Пока он поедал это огромное количество еды (сковородка вмещала, вероятно, килограмма два картошки и около полкило сала), на дворе у этого дома открылся настоящий базар. Девушки-медсёстры распродали, вернее, разменяли, всё, или почти всё, своё гражданское имущество, оставленное для повседневной носки. Были поменяны на хлеб, картошку, молоко, лук, солёные огурцы, яйца – рубашки, кофточки, лифчики, туфли, чулки и другие вещи дамского туалета. Некоторые пустили в обмен даже полученное ими красноармейское бельё. Герасимов сумел на военные ботинки, неизвестно каким образом оказавшиеся у него, и на кое-какое личное барахло выменять даже бутылку водки с соответствующей закуской, и через полчаса после этого лежал в машине мертвецки пьяный.

Дурков, осилив свою картошку, свалился в беспамятстве. Многие медсёстры объелись до рвоты и лежали в разных углах отведённой им комнаты, чуть живые. Одним словом, когда колонна батальона прибыла в Кобону, то по селу уже

носился слух о каком-то командире и медсёстрах, которые отравились едой и сейчас помирают.

Перов, комиссар и Алёшкин, услышав такие разговоры, прежде всего приняли меры, чтобы местное население не заключало никаких торговых сделок с личным составом медсанбата, а сделать это было нелегко. Начальнику штаба Скуратову пришлось собрать около себя с десяток наиболее надёжных бойцов из санитаров и выздоравливающих, окружить ими колонну машин, стоявшую в конце села, и чуть ли не силой оружия разгонять и жителей с продуктами, и своих людей, старавшихся тем или иным способом продукты эти заполучить. На помощь ему пришли комиссар и почти все врачи, которые особенно чётко понимали, к чему может привести переедание после длительной и тяжёлой голодовки.

Алёшкину было поручено выяснить, кто эти командир и девушки, отравившиеся пищей, о которых толковали сельчане, и принять меры по оказанию им необходимой помощи. Перов и комиссар предполагали, что это мог быть Дурков с медсёстрами, их машина до сих пор не была найдена. Борис, взяв с собой Картавцева, трёх медсестёр из госпитального взвода и нескольких санитаров, направился на поиски пострадавших, с помощью местных жителей их вскоре удалось разыскать. Когда Алёшкин увидел, что это действительно Дурков и операционно-перевязочные сёстры его роты, разозлился до предела. Он с гневом обрушился на алчных хозяев, пообещав, что за подобные действия их привле-

кут к суду военного трибунала, чем, конечно, основательно их напугал. Затем он попытался поговорить с пострадавшими, но выполнить это практически не удалось. Послав одну из сестёр с санитаром за необходимыми инструментами и врачами из госпитального взвода и, прежде всего, за Прокофьевой, приказал хозяевам дома немедленно накипятить как можно больше воды, а самим временно убираться прочь. При этом заметил, пусть скажут спасибо, что он их сейчас же не арестовывает и не отправляет в тюрьму. Не на шутку струхнувшие крестьяне, вскипятив большой котёл воды, потихоньку ушли со двора, махнув на своё добро рукой. Пусть уж пропадает всё, самим бы только целыми быть.

К чести всех медсанбатовцев надо сказать, что никто из них не тронул не только ничего из вещей хозяев, но даже не прикоснулся ни к одному кусочку хлеба, находившемуся в доме.

Вскоре работа закипела. Решили всем принудительно промыть желудки. Этой довольно унижительной неприятной процедуры избежали только три медсестры

– Наумова, Тарасова и Шуйская, которые, хотя и поддались общему соблазну товарообмена, но поели выменянные продукты очень умеренно. Тем временем один из санитаров обнаружил и пьяного шофёра. Поскольку он пытался бунтовать, его связали и доставили к комбату.

Забегая вперёд, скажем, что по приказанию начальника штаба дивизии дело Герасимова передали в трибунал. Шо-

фёра признали виновным в самовольном угоне машины из следовавшей по военному приказу колонны, в пьянстве на боевом посту и приговорили его к десяти годам лишения свободы с заменой их штрафной ротой. Дурков отделался десятью сутками ареста только потому, что он ехал, как пассажир, а не командир машины.

Пострадавшие после промывания желудка почувствовали себя лучше, и только оставалась слабость и какая-то апатия. Всех их уложили на носилки и в эту ночь оставили в том же доме. Чтобы они не повторили подобной глупости, несмотря на их бурные протесты, а иногда слёзы и ругань, все выменные ими продукты были у них отобраны.

Возня с этими «обжорами», как их окрестили потом в медсанбате, отняла полдня. Тем временем повара по указанию Прохорова уже приготовили обед, причём сделали его уже не по нормам голодного Ленинграда, а по существовавшим на Волховском фронте, в распоряжение которого поступила 65-я стрелковая дивизия, а, следовательно, и 24-й медсанбат. По требованию Прокофьевой всем выдали только половинную порцию обеда. Что это было разумно, Борис испытал на самом себе. Съев даже половину, он через некоторое время почувствовал такую тяжесть в желудке, такие боли в нём, что на практике понял, как же страдали те, кого прозвали «обжорами». Между прочим, все после обеда чувствовали себя плохо. Выручил комиссар, он договорился с несколькими хозяевами, и к вечеру объявил, что одно из

лучших русских лекарств – это баня. Бани уже истоплены, и он приглашал санбатовцев приступить к мытью и обязательно с паром. Все с радостью согласились, так как по-настоящему не мылись с Карельского перешейка, то есть около трёх месяцев.

После мытья в горячих парных люди почувствовали себя значительно лучше. Однако к оставшейся половине обеда никого не тянуло, ограничились кружкой горячего сладкого чая с куском свежего настоящего ржаного хлеба.

* * *

Начсандив Емельянов в Кобоне не задерживался. Он проехал на своей машине в штаб дивизии, который должен был временно разместиться в Войбокало, для того, чтобы узнать, какое задание получила дивизия, где находятся полки и куда следует направиться медсанбату.

Поздно вечером все спали на полу нескольких изб, занятых подразделениями батальона. Бодрствовали, кроме часовых, только комбат, комиссар и Борис. Двое последних играли в шахматы. Оказалось, что комиссар – страстный, хотя и неважный шахматист, а, так как Алёшкин тоже очень любил шахматы, то ещё под Ленинградом они иногда коротали время за шахматной доской. Как же было не поиграть теперь, когда они были сыты, чисто вымыты и впервые за полгода войны находились в тёплой, светлой избе, где не нужно было

подставляя котелок под капающую с потолка воду, ежеминутно подкидывать дрова в докрасна раскалённую или сразу же остывающую печурку!

В разгар одной из самых острых партий явился Емельянов. Он рассказал, что части дивизии получают пополнение из сибиряков – здоровых, сильных, хорошо обмундированных людей, и из представителей средней Азии – киргизов, узбеков и других. Все они как будто здоровы, но представители азиатских национальностей в большинстве своём почти совершенно не знают русского языка. Очень многие из них не служили в армии, а командиров, даже младших, не говоря уже о средних, с ними прибыло совсем мало.

– Несмотря на то, что части дивизии фактически ещё не укомплектованы, нам уже отвели участок обороны, и мы должны будем его немедленно занять. Дело в том, что дивизии и части, участвовавшие в освобождении Тихвина и отогнавшие фашистов на теперешние рубежи, пополнения не получали. Они измотаны и обескровлены в процессе наступления до предела и держат оборону сейчас прямо-таки каким-то чудом. Немцы могут разгадать это каждую минуту и, если соберут даже не очень значительный кулак, то легко прорвут эту жиденькую оборону, вновь захватят Тихвин, а там и Волхов, продвинувшись дальше и осуществят свои планы о соединении с финскими войсками, находящимися восточнее Ладоги и Онеги. Это создаст крайне тяжёлое положение, поэтому и решено вывести из-под Ленинграда 8-ю армию,

пополнить её по возможности личным составом и техникой и передать ей оборону этого участка фронта. Одной из первых прибывает наша дивизия, и потому она должна занять передовую линию обороны. Дивизия, очевидно, займёт участок южнее станции Назия, шириной по фронту километров 15–20. Медсанбат должен дислоцироваться так, чтобы быть на более или менее равном расстоянии от всех частей. Надо подготовиться к тому, что объём помощи придётся оказывать большой, так как армейских госпиталей пока нет: часть их ещё в кольце блокады, а прибывшие из других армий пока не развернулись. В Жихареве размещается один полевой госпиталь, который забит до предела, однако пока рассчитывать можно только на него. По моему мнению, – сказал Емельянов, показывая на карте, – лучше всего было бы, если бы медсанбат смог разместиться в лесу около посёлка Александровка. Вот, посмотрите.

Борис чуть не вскрикнул: «Как, и тут Александровка! Как хорошо, что до нашей Александровки немцы всё-таки никогда не смогут дойти, – подумал он. – Напишу об этом Кате, пусть знает, что и я в Александровке». Ему почему-то обязательно захотелось остановиться в этом посёлке.

– Так вот, товарищи, – продолжал начсандив, – времени терять нельзя, я предлагаю немедленно выехать на рекогносцировку местности. Поедем я, вы, товарищ Перов, и вы, товарищ Алёшкин. Возьмём с собой человека три санитаров. Комиссар, товарищ Подгурский, поведёт весь батальон.

Вы, – обратился он к Николаю Ивановичу, – выедете завтра вечером, днём будете отдыхать в селе. Необходимо создать самую строгую маскировку. Пока вы подъедете к району, который собираемся обследовать, мы уже сумеем подобрать место. Согласны? – полуприказал-полуспросил Емельянов.

– Конечно, другого ничего не остаётся, – ответил Перов.

Разбудив шофёра своей машины, спавшего на лавке в этой же комнате, он приказал:

– Гриша, иди, готовь машину, сейчас едем. Да разбуди трёх санитаров из эвакоотделения, пусть автоматы возьмут. Ну что же, давайте и мы собираться. А ты, Николай Иванович (они уже, впрочем, как и Алёшкин, между собой обращались на ты), как только рассветёт, после завтрака обойди все помещения и вместе со Скуратовым проследи, чтобы вчерашней истории не повторилось. А то опять ЧП будет.

– Что за ЧП? – встревоженно спросил Емельянов.

– Страшного-то ничего особенного, а неприятности будут, – ответил Виктор Иванович и рассказал про случай с «обжорами».

– Ну, а как пострадавшие?

– Да ничего. Зинаида Николаевна докладывала, что к завтрашнему дню все здоровы будут...

– Ну, что же, едем! – сказал Перов, завидя входящего с улицы шофёра Гришу Ряховского.

– Я поеду с вами, – заявил Емельянов. – Мой шофёр устал, да и машина что-то барахлит, ему надо в ней покопаться. Он

пусть вместе с вами едет, – обратился он к Подгурскому, – посадите туда врачей, пусть посвободнее едут.

– Да, – сказал Виктор Иванович, выходя, – завтра днём пошлите Прохорова за продовольствием и горючим, пусть возьмёт две машины. Груз с них постарайтесь распределить на остальные... Поехали!

Через час санитарная машина с притушенными фарами мчалась по гладкой зимней дороге, идущей от станции Войбокало на запад по направлению к линии фронта. Перов сидел в кабине, а Борис, Емельянов и три бойца – в кузове машины, это была вторая бессонная ночь подряд. И потому все, сидевшие в кузове «санитарки» в темноте и относительной теплоте, дремали, а некоторые и откровенно всхрапывали. Дремал, сидя рядом с шофёром, и Перов.

Все проснулись от внезапного толчка, машина резко затормозила и даже развернулась. Снаружи были слышны какие-то возбуждённые голоса. Через несколько минут все ехавшие в «санитарке» высыпали на дорогу. Их санитарная машина остановилась на небольшом пригорке, впоследствии выяснилось, что это был мостик через узкую канаву. Вокруг расстилалась снежная равнина, кое-где покрытая мелким кустарником. Луны не было, но при свете мерцавших звёзд и блеске белой, искрящейся пелены снега, покрывавшей землю толстым слоем, всё было довольно отчётливо видно.

Перед «санитаркой», шагах в десяти, лежала на боку крытая полуторка, около неё суеились три человека, вытягивая

какие-то ящики из кузова и нервно переговариваясь между собой. Перов, Емельянов и Алёшкин подошли к этой группе, и Виктор Иванович спросил, не могут ли они чем-нибудь помочь. Тогда один из командиров, а судя по одежде, двое из них были командирами, обернулся и раздражённо сказал.

– Конечно, можете, что же вы стоите? Помогайте скорей разгрузить машину, там внутри человека придавило!

Перов позвал на помощь санитаров, и все принялись за разгрузку. Дело это оказалось нелёгким. Машина была загружена металлическими сейфами и большими деревянными ящиками, заполненными чем-то тяжёлым. Некоторые сейфы с трудом могли поднять шесть человек. И там, где-то под этим грузом, находился пострадавший!

Командиров, ехавших в машине, было всего трое, плюс шофёр; конечно, они не справились бы с разгрузкой, если бы не помощь медсанбатовцев. Емельянов узнал в одном из командиров работника штаба дивизии. Вскоре основные тяжёлые сейфы и ящики удалось вытащить, и под грудой мелких ящиков с ворохом папок, бумагами и топографическими картами обнаружили человека. Это был старший лейтенант, он лежал неподвижно. Когда его вытащили из машины и положили на разостланную на дороге чью-то плащ-палатку, все увидели, что он мёртв.

Борис, вооружившись электрическим фонариком начсандива, осмотрел труп и обнаружил несколько закрытых, но тяжёлых травм. Во-первых, у пострадавшего было сломано

не менее шести рёбер, видимо, от давления тяжёлого сейфа, упавшего на него и, во-вторых, в левой височной области при её ощупывании определялся сдавленный перелом височной кости. Смерть, по-видимому, наступила мгновенно.

Осмотрев труп, Алёшкин присоединился к группе, состоявшей из Перова, Емельянова и штабных командиров. Он доложил начсандиву, что старший лейтенант умер от закрытых переломов черепа и скелета грудной клетки, с вероятным размозжением мозга и разрывом органов грудной полости.

Из разговора, происходившего в этой группе, Борис узнал о том, что случилось. Оказалось, что это одна из штабных машин, перевозившая остатки имущества штаба дивизии в район рабочего посёлка № 6, где для штаба подобрали место (ранее предполагалось, что штаб разместится южнее, и часть имущества завезли туда). Затем место дислокации переменили, и всё завезённое не по адресу нужно было срочно перебросить к новому месту дислокации. Для перевозки выделили две машины, которые забрали имущество и следовали в штаб. В первую погрузили большую часть секретных документов, и в неё же сели три штабных работника. Один из них сидел с шофёром, а два других – в кузове. Во вторую погрузили кое-какие вещи, в ней следовали красноармейцы из комендантского взвода штаба, помогавшие в погрузке. В дороге вторая машина отстала.

Когда штабная машина стала подниматься на мостик, то

шофёр, заметив приближавшуюся «санитарку», решил дать ей дорогу, затормозил и немного отвернул в сторону. Но дорога была скользкой, узкой и после торможения полуторка пошла назад, юзом съехала с дороги и, попав половиной колёс в занесённую снегом канаву, опрокинулась на бок. Вообще-то, такое падение машины большой опасности не представляло, если бы в ней не находились тяжёлые, ничем не закреплённые сейфы. Как только машина стала скользить назад, один из ехавших в кузове, сидевший у заднего борта, выскочил из неё в снег и отделался лёгким испугом. Ехавшие в кабине получили небольшие ушибы и царапины, а старший лейтенант Абросимов – такой оказалась фамилия погибшего – находился в глубине кузова машины и, как пояснили его спутники, кажется, даже спал, устроившись в щели между ящиками и сейфами на ворохе папок и топографических карт. Он выскочить не успел, а возможно, даже не успел и проснуться, как был тяжело травмирован.

Пока собравшиеся возбуждённо обсуждали происшествие, успела подъехать и вторая штабная машина. Лейтенант, ехавший в ней, узнав о случившемся, с бранью набросился на несчастного шофёра, потерпевшего аварию, который и без того стоял с убитым видом, ведь ему грозил суд военного трибунала: при аварии машины, которую он вёл, погиб человек, командир Красной армии. Присутствующие успокоили расходившегося лейтенанта, хотя для этого Емельянову, бывшему в этой группе старшим по званию и по-

ложению, пришлось на него и прикрикнуть. После этого решили сделать так: штабисты грузят своё имущество, едут в штаб, где и доложат о случившемся, а медики забирают в свою машину труп, едут с ним на рекогносцировку, а затем доставляют труп в госпиталь в Войбокало, там он будет вскрыт, и составят соответствующий акт.

Перов пытался протестовать, но Емельянов убедил его, что другого выхода из создавшегося положения нет.

– Тем более, – добавил он, – что косвенно и мы виноваты в гибели этого несчастного, ведь если бы их машина не встретила с нашей, ничего бы и не произошло.

Через несколько минут тело уложили на носилки, укрыли плащ-палаткой и поставили в санитарную машину. Медсанбатовцы поехали дальше, а штабисты, вытащив свою машину из канавы, приступили к её погрузке.

Начинало понемногу светать. Минут через тридцать, сориентировавшись по карте, Перов остановил машину, вылез из неё, позвал к себе Бориса и начсандива и сказал, что они, по-видимому, сейчас должны находиться в посёлке Александровка. Однако, сколько они не смотрели по сторонам, кроме одиноко стоявших невысоких деревьев, кустарников, да каких-то тёмных столбов, черневших метрах в ста от дороги, на которой стояла машина, ничего не видели.

Решили дальше пойти пешком. Свернули с дороги и сразу же провалились в снег по колено. Такая ходьба была очень утомительна, и потому на преодоление 200 метров до чер-

невших столбов ушло не менее 15 минут. Когда же подошли к ним, то убедились, что это были остатки сгоревших и разрушенных домов, то есть печные трубы. Недалеко от обнаруженных виднелось ещё несколько таких же труб. Очевидно, всё-таки это действительно была Александровка.

«Вот что остаётся после того, как в наших посёлках побывают немцы», – подумал Борис и невольно вслух спросил:

– А где же жители-то?

Но ему никто не ответил. Всем стало совершенно ясно, что размещать медсанбат здесь невозможно: от обозначенного на карте посёлка и окружавшего его леса не осталось ничего.

К северу, примерно километрах в двух от этого места, виднелась тёмная полоса, наверное, лес. Нужно было добраться туда. О том, чтобы пройти этот путь пешком, погружаясь при каждом шаге глубже, чем по колено, в рыхлый снег, нечего было и думать, решили вернуться по дороге назад и с того места, где до черневшего леса от дороги было около полукилометра, попытаться пробиться на машине.

К общему удивлению, машина пошла по целине, хотя и на первой скорости, но довольно легко. Оказалось, что под слоем рыхлого снега, который здесь не был таким глубоким, как в Александровке, находился твёрдый ледяной покров, и наши путники сравнительно быстро добрались до лесной опушки, а проехав несколько десятков метров вдоль неё, обнаружили и старую лесную дорогу. Продвинувшись ещё на

километр, все убедились, что этот лес для размещения батальона тоже непригоден. Он состоял из низких, тоненьких лиственных деревьев: осины, ольхи и мелких берёз, росших тесно друг к другу. Лишь кое-где в этих зарослях мелколеся попадались крупные деревья. Расчистка территории для установки палаток потребовала бы огромного труда. Кроме того, судя по этому лесу, почва была болотистой, и к весне (а может быть, придётся здесь стоять и до весны) медсанбат будет окружён водой. Посоветовавшись, решили возвращаться на дорогу и искать новое место. Но один из бойцов, успешный отойти от машины на довольно значительное расстояние, возвратился и сообщил:

– Там, дальше, эта дорога выходит на поляну, на которой стоят бараки, а за поляной хороший лес.

Узнав это, двинулись дальше, и действительно, через десять минут машина выехала на поляну, остановилась у одного из барачков, из трубы которого вился дымок. Около барака стояла крытая полуторка, а дальше, в сторону темневшего на противоположном конце поляны большого елового леса, шла дорога со следами автомобильных колёс. Приехавшие вышли из машины и заглянули в одну из комнат барака. Это была, кажется, единственная комната, занятая под жильё, из всех трёх барачков. При появлении командиров – двух со шпалами, а одного (Емельянова) даже с двумя, младший техник-лейтенант, сидевший с важным видом за столом в расстёгнутом кителе и с аппетитом уплетавший жареную

картошку, растерянно вскочил и, застёгивая крючки своего кителя, торопливо проглатывая находившуюся во рту пищу, невнятно пробормотал:

– Младший техник, лейтенант Петров, командир оружейной мастерской 50-го стрелкового полка.

– Здравствуйте, – сказал Емельянов, – я начсандив 65-й стрелковой дивизии. Что вы здесь делаете?

– Да вот, собираемся здесь развернуть оружейную мастерскую полка, – уже смелее ответил лейтенант.

– Во всех этих бараках? – усмехнулся начсандив.

– Нет, что вы, товарищ военврач, нам нужна только эта комната, может быть, ещё одна, а остальное берите!

«А и в самом деле, – подумал Борис, – почему бы медсанбату не остановиться в этих бараках? Стены и крыши есть, остальное оборудуем. А то в лесу, в палатках наши обессиленные люди не смогут развернуть всё необходимое», – и вслух он сказал Емельянову:

– Товарищ начсандив, разрешите я осмотрю помещения?

Тот очевидно подумал то же, что и Алёшкин, потому что быстро ответил:

– Правильно, сходите, мы пока с лейтенантом побеседуем.

Борис в сопровождении одного из бойцов осмотрел все три барака. Он убедился, что два из них совершенно целы и могут быть немедленно заняты под жильё или лечебные учреждения батальона, а самый большой оказался недостроенным. В одной половине его имелись окна и двери, а в дру-

гой вместо окон зияли только проёмы, обрамлённые косяками. Но всё это были пустяки, и на первое время медсанбат мог разместиться в этих помещениях с лёгкостью. Так он и доложил Емельянову.

Против размещения в бараках высказался лишь Перов, опасаясь бомбёжки, но его удалось убедить, ведь если эти бараки уцелели до сих пор, то могут остаться в неприкосновенности и дальше. Начсандив только сказал, что размещать медсанбат с оружейной мастерской в одном месте неправильно, и поэтому он считает, что техник-лейтенант должен погрузиться в машину и тихонечко следовать поближе к своему полку, а не удирать от него за восемь километров.

– Срок на сборы, – сказал начсандив, – два часа.

Младший лейтенант пытался протестовать, но Емельянов приказал ему замолчать и немедленно выполнять полученное приказание. Тому ничего не оставалось, как подчиниться.

После этого решили, что Перов и Алёшкин с двумя санитарями останутся на выбранном месте и распределят помещения между подразделениями батальона, а также наметят места для развёртывания палаток, которые, вероятно, потребуются, и отведут территорию для размещения транспорта, складов и других вспомогательных служб. Тем временем Емельянов с третьим санитаром доставят тело погибшего лейтенанта в полевой госпиталь, находившийся в Войбокало, для вскрытия, там же начсандив составит докладную

записку на имя командира дивизии о происшедшем.

Всё так и вышло. Без особых приключений начсандив сдал труп Абросимова в 64-й госпиталь и, встретив там одну из легковых машин штаба дивизии, пересел в неё, чтобы доложить о происшествии и о месте, выбранном для дислокации медсанбата, начальнику штаба дивизии. Оно находилось километра на два юго-западнее намеченной до этого точки.

Там же Емельянов встретил и Прохорова, который уже успел получить продовольствие и горючее. Тот загрузил кое-чем прибывшую «санитарку» и, не задерживаясь, направился к тому месту, где находился Перов. Естественно, что провожатыми ему служили шофёр «санитарки» и санитар, сопровождавший начсандива. Они ориентировались легко – уже наступил день, и разыскать поворот с основной дороги в сторону бараков труда не составляло.

Через час после того, как прибыл Прохоров, Борис на санитарной машине выехал навстречу колонне медсанбата. Поздно ночью он встретил её в районе станции Войбокало, а часа через два они уже находились на новом месте дислокации.

К этому времени Прохоров поручил имевшемуся в его распоряжении повару приготовить обед-ужин, и все прибывшие могли поесть горячую пищу. В течение дня, проведённого в Кобоне, они ели только один раз, да и то, по настоянию Зинаиды Николаевны Прокофьевой, все получили по очень небольшой порции.

На новом месте дислокации все медсанбатовцы обрадовались горячей еде, но и тут многих из них ждало разочарование. Врачи госпитального взвода строго следили за количеством выдаваемой пищи и, несмотря ни на какие просьбы, ограничивали порции достаточно сурово. Между прочим, именно эта мера, проведённая по инициативе Прокофьевой в течение нескольких дней, позволила медсанбату сравнительно безболезненно перенести переход от голодного пайка к нормальному питанию. К сожалению, во многих частях дивизии врачи оказались не на высоте, и этот переход привёл к возникновению довольно тяжёлых последствий у сравнительно большого числа бойцов и командиров.

После еды все завалились спать: невозможно было и думать о том, чтобы заставить людей что-либо делать, спать теперь все хотели постоянно. Относительно обильная еда, сменившая тяжелейший голод, сравнительно спокойная, почти мирная обстановка, общая слабость делали своё дело. Там, где они находились три дня тому назад, вокруг них, а иногда и среди палаток, почти круглосуточно рвались снаряды и мины, а здесь только где-то на западе, далеко за лесом, погромыхивало, да вспыхивало на горизонте розоватое зарево, такое же, как бывает при зарницах далёкой грозы. Состояние людей поняли Перов и комиссар. Разместив всех людей в одном из барачков, где улеглись и сами, всем разрешили хорошенько выспаться, оставив машины неразгруженными. Не спали только часовые, да караульный начальник, старшина

Ерофеев. Скуратов предусмотрительно выставил караул вокруг барачных и на обеих дорогах, ведущих к лагерю.

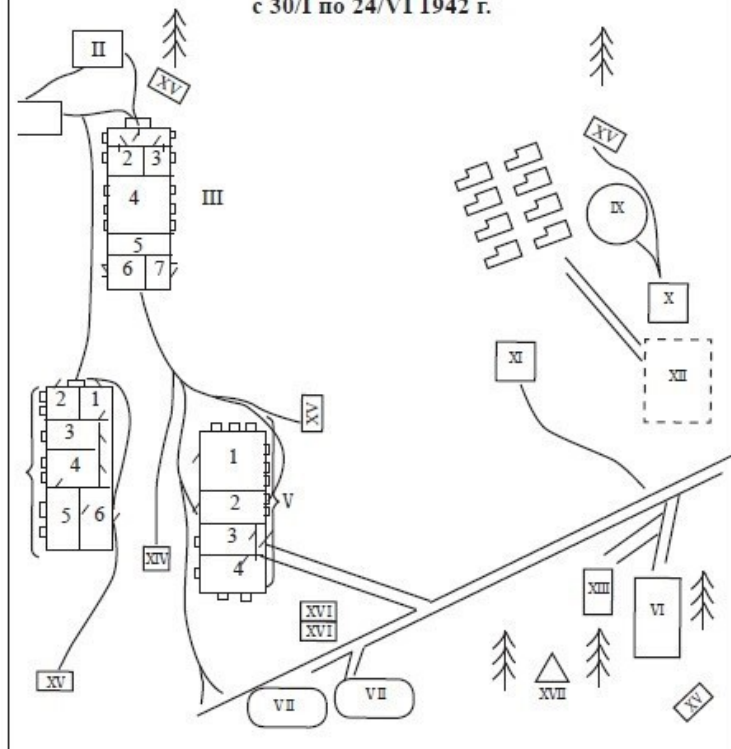
После ясной, звёздной, морозной ночи к утру следующего дня наступило небольшое потепление. Небо затянулось низкими облаками, из которых временами сыпался мелкий снежок, развеваемый несильным ветром. Передислокации батальона такая погода благоприятствовала, она была явно нелётная, и передвижение по дорогам, да и сосредоточение довольно большого количества машин на открытой поляне немецкие «рамы» (самолёты-разведчики) обнаружить не могли. Кроме того, фашисты уже привыкли, что все учреждения – медицинские, спецслужб и штабов Красной армии – во фронтовой полосе располагались в лесу, а не в помещениях. Вероятно, поэтому, несмотря на довольно частые бомбёжки дорог и окрестных лесных массивов, проводившихся в последнее время, бараки, в которых был расквартирован медсанбат, не бомбили ни разу.

Глава двадцать первая

Однако продолжим рассказ по порядку. После завтрака всё имущество батальона разгрузили на подготовленную площадку в лесу, на расстоянии около 150 метров от поляны, там предполагалось в будущем устроить склады. Все машины расставили на краю поляны с северо-восточной стороны и хорошо замаскировали. Перов и Алёшкин, остававшиеся на выбранном месте дислокации батальона, не теряли времени даром. Обойдя углы и закоулки поляны и окружающих её опушек леса, а также тщательно обследовав все бараки, составили план размещения подразделений батальона, который в последующем почти в точности и был выполнен.

**Схема размещения ++МСБ
с 30/I по 24/VI 1942 г.**

I. Сортировка.

II. Палата т. Цейтлина.

III. Барак № 1.

IV. Барак № 2.

V. Барак № 3.

VI. Эвакоотделение.

VII. Склады.

VIII. Стоянка автомашин.

IX. Склад горючего.

X. Землянка артиллерии.

1. Жилье ординарца, кухня.

2. Жилье комбата, комиссара
и командира медроты.

3. Штаб.

4. Госпиталь высшего комсо-
става.

5. Жилье женщин-врачей.

6. Жилье старшей медсестры.

1. Команда выдворенного

Конечно, не всё то, что начерчено на схеме, появилось сразу. Для этого нужно было время.

В первую очередь, как это бывало в медсанбате теперь всегда, оборудовали лечебные помещения, то есть привели в годное состояние барак № 1 и часть барака № 3. Как уже говорилось, барак № 1 в значительной части был ещё не достроен. Печи, типа голландок, в этом помещении уже имелись, не хватало окон и дверей. Очевидно, война и неожиданное наступление фашистских войск застало здесь строительство в разгаре, и всё бросили на ходу. В одной из комнат этого барака обнаружился готовые рамы, двери и несколько ящиков стекла. При тех навыках, которые за полгода приобрели санбатовцы, застеклить рамы, а также навесить на места окна и двери, было делом нескольких часов. Остальные помещения пришлось только очистить от строительного мусора, завесить окна и двери плащ-палатками и одеялами для светомаскировки и сохранения тепла, разделить барак на отдельные помещения, используя имевшиеся деревянные перегородки, и установить новые из утеплений от палаток, протопить печи, провести электричество, расставить необходимое оборудование – и можно было принимать раненых.

Для того, чтобы придать операционно-перевязочному блоку более внушительный вид, решили в помещениях операционной, развёрнутой на два стола, и перевязочной, развёрнутой на четыре стола, стены и потолок обить белым по-

логом от палаток (в запасе у Прохорова имелись новые пологи). После этого помещения засверкали белоснежной чистотой, а так как дружинницы старательно вымыли и даже выскоблили деревянные полы, то сверкали и они.

К вечеру первого дня оборудование операционно-перевязочного блока и сортировки вполне закончили. Сортировку пришлось развернуть в палатке ДПМ, немного в стороне от поляны. К ней должны были часто подъезжать машины, и размещение её в стороне от основного положения медсанбата создавало дополнительную маскировку.

Установка палатки отняла порядочно времени и много сил, и, пока часть людей трудилась над освоением барака, другая, не меньшая, возилась с развёртыванием сортировки.

Постепенно оборудовались, ремонтировались, строились и устанавливались новые помещения и палатки, и к 6 февраля 1942 г., то есть через неделю после прибытия, медсанбат располагался полностью так, как это показано на схеме.

Все медсанбатовцы, получая нормальное красноармейское питание, быстро окрепли, случаи объедания, которые произошли с Дурковым и несколькими медсёстрами, больше не повторялись. За этим внимательно следила Зинаида Николаевна и её помощники. Через пару недель о перенесённом голоде напоминали только державшиеся ещё у некоторых отёки и последствия цинги.

У Алёшкина отёки на ногах пока не позволяли носить сапоги – ходил в валенках, продолжали болеть дёсны, выпали

зубы, однако, экзема на шее и лице уменьшилась. Он уже мог безболезненно бриться, и только в самом нижнем отделе шеи и на груди оставались мокнувшие болячки, которые приходилось бинтовать. Одним из средств, облегчавших его состояние, стала придуманная им самим болтушка, в которую входили сера, тальк, стрептоцид, крахмал, глицерин и вода.

Комиссар дивизии Марченко навещался в медсанбат не реже, чем раз в три дня, следил за его развёртыванием, и вскоре был на дружеской ноге прежде всего с Борисом, Прокофьевой и Сангородским. С Перовым он держался довольно официально и ещё суше был с комиссаром медсанбата, хотя последний, на взгляд Алёшкина, выполнял свои обязанности гораздо лучше и толковее, чем все его предшественники. Правда, мнение Бориса, может быть, было немного предвзятым. Дело в том, что с этим комиссаром он дружил. Жили они сейчас вместе в одной из комнат барака № 2, рядом со штабом медсанбата, и эта дружба, поддерживаемая шахматными баталиями, а иногда и преферансной пулькой, до которой комиссар, начальник штаба Скуратов, Перов, да, разумеется, и сам Алёшкин оказались большими охотниками.

Дивизия заняла отведённый ей участок обороны, и примерно с 8 февраля в батальон стали поступать первые раненые. Было их немного, доставляли их более или менее равномерно. К этому времени все врачи и медсёстры санбата обрели уже достаточную работоспособность, и потому удалось установить регулярную сменную работу.

По предложению комиссара весь состав операционно-перевязочного взвода разбили на три смены, каждая работала восемь часов и 16 отдыхала. Причём смена, освобождавшаяся от работы, в течение следующих восьми часов считалась запасной и в случае большого наплыва раненых могла быть вызвана на подмогу.

Снабжение медсанбата медикаментами, перевязочным материалом, продовольствием и прочими материалами из дивизионного обменного пункта, расположенного недалеко от Войбокало, теперь осуществлялось регулярно. Начала поступать почта, московские газеты – с опозданием на три-четыре дня. За их получением следил комиссар батальона, выделив для доставки почты специального человека. Стали приходить и письма.

Получил письма из дома и Борис Алёшкин – сразу три, причём первое было отправлено из Александровки ещё в начале октября, а последнее – в конце декабря прошлого года.

Катя не получала известий от Бориса в течение нескольких месяцев, и поэтому в декабрьском письме высказывала явное беспокойство о нём. Мы знаем, что из кольца блокады почта уходила очень нерегулярно, многое терялось, поэтому неудивительно, что, хотя Борис и писал Кате почти каждые две недели, письма до неё не доходили. Между прочим, так было с письмами и других.

Как только медсанбат переправился на западный берег Ладожского озера и мало-мальски обосновался, все стали

писать домой. Сделал это и Борис. В своём письме он сообщил о том, что до этого их подразделение находилось в довольно сложной обстановке, и поэтому посланные им ранее письма могли до дому и не дойти, и что он также писем долго не получал. Сейчас положение изменилось, и он надеется, что переписка станет регулярной и аккуратной.

Это письмо он отправил ещё до прихода писем жены, а получив их, немедленно написал ответ. Повторив на всякий случай почти всё, что сообщал в предыдущем письме, он написал, чтобы Катя не беспокоилась о его здоровье, он сыт, здоров и одет очень тепло. Конечно, вместе с ласковыми словами, адресованными жене, Борис написал много хорошего и своим дочерям. Он был очень рад тому, что возобновилась его связь с семьёй, и что, судя по полученным письмам, они живут сравнительно благополучно. Да он и не предполагал, что тяжести войны могут каким-либо образом серьёзно коснуться такого далёкого тыла, как Кабардино-Балкария и станция Александровка.

После того, как стало теперь уже в подробностях известно о разгроме фашистов под Москвой, Алёшкин, да и все окружавшие его люди, были уверены, что в войне наступил коренной перелом, и теперь изгнание фашистских войск из пределов нашей Родины – вопрос времени и, вероятно, короткого времени. То же говорили и комиссар медсанбата, и даже комиссар дивизии. Конечно, все они ошибались и, как теперь уже совершенно очевидно, не представляли себе той

военной мощи, которой обладали фашисты.

Успокоившись насчёт семьи, Борис с ещё большим рвением стал отдаваться порученному ему делу, стараясь своим трудом как можно скорее приблизить время желанной победы. Впрочем, также старательно работали и его подчиненные, и его ближайшие начальники. И как это ни странно, совсем недавно расставшись с Таем и сохранив о ней хорошие воспоминания, он почти совсем о ней не думал. То, что от неё не было никаких вестей, вовсе не тревожило его. Разговор с Крумм как-то забылся, и он полагал, что Тая, сдав порученных ей раненых в московский или какой-нибудь другой госпиталь и подлечившись сама, по всей вероятности, получила какое-нибудь новое назначение, сейчас служила где-то на другом фронте и кратковременную связь с ним вспоминала как какой-то случайный эпизод.

* * *

Дивизия, как мы сказали, вошла в состав 8-й армии, которая, в свою очередь, включалась в Волховский фронт. На этом фронте обстановка более или менее стабилизировалась, и фронтовые учреждения требовали от подчинённых частей и соединений строгого порядка, своевременной отчётности и безупречной службы. То же самое, естественно, требовали от своих частей и входящие в состав фронта армии.

Начсанарм 8-й армии, военврач первого ранга Николай Васильевич Склярлов часто и сам, и через своих помощников инспектировал медицинские службы и сурово взыскивал с нерадивых или неумелых работников. Поскольку 24-й медсанбат теперь подчинялся ему, он решил проверить его лично, поэтому 10 февраля 1942 года начсанарм Склярлов в сопровождении армейского хирурга, военврача первого ранга Брюлина и армейского терапевта, военврача второго ранга, профессора Берлинга совершенно неожиданно появился на территории медсанбата. Обойдя и тщательно осмотрев все помещения и подразделения батальона, а также выслушав своих помощников, проверявших постановку лечебной работы и отозвавшихся о ней положительно, начсанарм остался доволен.

Во время ужина, приготовленного в помещении, где жили командир, комиссар и Алёшкин, в товарищеской беседе Склярлов, похвалив их, заметил, обращаясь к Брюлину и Берлингу:

– Вот видите, как можно работать! А что мы видели в 26-м полковом полевом госпитале? Грязь, голодных людей, десятки необработанных раненых, каких-то разболтанных, не знающих, что они должны делать, врачей. Нет, начальника 26-го госпиталя надо снимать, и мне кажется, его вполне мог бы заменить, например, товарищ Перов, ему в медсанбате уже тесновато. А товарищ Алёшкин мог бы остаться здесь вместо него.

Оба названных покраснели от удовольствия, им льстила и похвала, и возможность продвинуться по службе. Особенно был доволен Виктор Иванович, ему очень хотелось стать начальником госпиталя. Как-никак, а положение госпиталя по своей безопасности с медсанбатовским, конечно, сравнить было нельзя. Хотя это и имело для Перова известное значение, главное заключалось в том, что начальник госпиталя – это начальник самостоятельной армейской части, подчинённой только начсанарму.

А Склярков, между тем, продолжал свою речь:

– Ну, это всё в будущем, а сейчас давайте поговорим о настоящем. Вот что, друзья, устроились вы неплохо, но всё-таки всего не учли. Госпиталей в нашей армии мало: часть их мы ещё не вывезли из-под Ленинграда, а тем, которые уже переправляются, необходимо определённое время для развёртывания и приведения в порядок людей и материальных ресурсов, ведь не каждому так подфартит, как вам. Бараков в этом районе почти не осталось, возить раненых во фронтовые госпитали для хирургической помощи далеко и опасно, поэтому мой вам совет и приказ: обрабатывайте всех раненых у себя, делайте все неотложные операции, эвакуируйте только тех, которым будет нужна помощь особых специалистов, а остальных после операций выдерживайте у себя, сколько нужно. Ваши врачи, по мнению моих помощников, – он кивнул на Брюлина и Берлинга, – с этим делом вполне справятся.

– Но для этого придётся намного увеличить емкость батальона! – воскликнул Алёшкин.

– Правильно, вот этим вы и займитесь! Разверните добавочные палатки, подумайте о том, как лучше использовать деревянные помещения. Учтите, что, наверно, до лета вам здесь придётся продержаться. Строже следите за воздухом, лучше маскируйтесь, чтобы вас не разбомбили. Я, между прочим, и так удивлён, почему фашистские лётчики не обнаружили этот посёлок.

– Мы следим за светомаскировкой, да и днём стараемся по возможности не демаскировать себя, – ответил Перов.

– Нет, дело тут в другом, – вмешался армейский хирург Брюлин. – Когда мы ехали сюда, я внимательно изучал карту-пятикилометровку, и на ней, как видите, этого посёлка № 12 нет. Очевидно, да так оно есть и на самом деле, его начали строить перед самой войной, и наши топографы не успели его нанести на карты. Тем более, конечно, не успели этого сделать и фашисты. Во время своего движения по этой местности осенью, по слякоти, они миновали посёлок, он лежит в центре торфяных болот, в стороне от крупных проезжих дорог, и поэтому немцы не исправили свои карты. А лётчики немецкие – такие же формалисты, как и другие их вояки, цели им указывают по картам. Нет на карте – значит, и бомбить нечего. Лучше разбомбить лишний квартал леса, чем эту голую поляну, ведь русские всегда в лесах прячутся, – возможно, так рассуждают фашистские асы. Вот и бомбят

лесистые болота вокруг вас, – закончил Брюлин со смехом.

– Но вы, однако, на глупость немецкую не очень надейтесь, не такие уж они дураки, – заявил начсанарм. – «Рама»-то их летает, фотографирует, и если на фотографиях они обнаружат что-нибудь мало-мальски подозрительное, они вам покажут кузькину мать.

После этого собравшиеся обсудили ещё несколько вопросов, связанных с новым, более расширенным заданием, ставящимся перед медсанбатом. Начсанарм пожалел, что не смог поймать начсандива Емельянова, и попросил направить его в ближайшие же дни к нему. Обещал немедленно прислать нового начальника медснабжения вместо Пальченко, обеспечить медсанбат медикаментами и перевязкой, добавить две палатки ДПМ, которые Перов, пользуясь случаем, выпросил. И, наконец, дал письменное разрешение забрать 50 носилок из полевого госпиталя № 26.

Виктор Иванович пожаловался, что все носилки, отправленные в последнее время с ранеными, как в эвакоприемник, так и в полевые госпитали, обратно не возвращались, не обменивались, медсанбату остался только ворох ничего не стоящих расписок на них. Склярлов предложил сейчас же послать кого-нибудь в госпиталь и немедленно привезти носилки. Брюлин посоветовал откомандировать кого-нибудь понапористей и потолковей:

– Хозначальник в 26-м госпитале такой жмот, что вырвать что-нибудь, попавшее к нему, очень непросто, – заметил ар-

мейский хирург.

Далее он сказал, что в ближайшее время они с товарищем Берлингом заедут в батальон снова, побудут подольше – денька три-четыре, понаблюдают за тем, как врачи батальона справляются со своими новыми расширенными обязанностями и, если будет надо, то кое в чём и помогут. Вскоре высокое начальство отбыло восвояси.

Перов и Подгурский решили, что выколачивание носилок нужно поручить Алёшкину:

– Не Бегинсона же посылать, он и сам-то оттуда не выберется! – сказал Виктор Иванович.

Бегинсону уже сопутствовала слава, впрочем, не без «доброй» помощи Сангородского, что он человек рассеянный, неловкий, неумелый, чрезвычайно медлительный, хотя и неплохой хирург. Одной из причин, послужившей поводом к скрытой войне между докторами Бегинсоном и Сангородским, послужила их привязанность к Зинаиде Николаевне Прокофьевой. Оба они относились к ней с большой симпатией, но если Лев Давыдович умел это прикрывать иронически насмешливо-ласковым обращением с ней, то более простой и примитивный Бегинсон проявлял себя всё более нежным и страстным поклонником. Иногда в своих поступках и действиях он показывал настолько откровенное восхищение и преклонение перед Зинаидой Прокофьевной, что вызывал едкие насмешки Сангородского, а иногда и самой его дамы сердца. Впрочем, последней, видимо, такое преклоне-

ние льстило, потому что она, умело лавируя и удерживая на почтительном расстоянии обоих своих «великовозрастных младенцев», как Прокофьева их называла, сохраняла с ними самые тёплые, дружеские отношения.

Дружила она и с Борисом Алёшкиным. Обгоняя его по возрасту, она держала себя с ним, как старшая сестра. Он относился к ней, как к хорошему и доброму другу, она платила ему взаимностью, была с ним откровенна, ценила его за организаторские способности.

Решили, что Алёшкин этим же вечером, забрав нескольких раненых, требующих срочной эвакуации, поедет в полевой госпиталь № 26, потребует там по записке начсанарма носилки, погрузит их в машину и к утру вернётся назад.

Дорога до станции Войбокало, где размещался госпиталь, шофёрам батальона была хорошо известна: там находились армейские склады, и они уже несколько раз туда ездили. Взять очередную полуторку, погрузить в неё трёх раненых, посадить в кузов двух санитаров, сесть самому рядом с шофёром – вот что требовалось сделать Борису. Это заняло у него немного времени.

Часов в десять вечера его машина стояла уже в очереди у сортировки госпиталя, где сосредоточилось некоторое количество машин с ранеными, ожидавших разгрузки. Санитаров в сортировке было очень мало, они носили раненых в операционно-перевязочный блок, расположенный в одноэтажном кирпичном здании – не то бывшей школе, не то какой-то ма-

стерской. В машинах, доставивших раненых, кроме шофёров, да иногда одной дружинницы или медсестры, помочь было некому, поэтому приходилось терпеливо ждать своей очереди. Алёшкин, осмотрев сортировку, пришёл к выводу, что при таких темпах разгрузки он простоит здесь до утра. Он зашёл внутрь и, представившись, попросил медика в звании военфельдшера разгрузить его вне очереди, но тот, хотя и почтительно вытянулся, увидев в петлицах Бориса шпалу, помочь чем-либо не мог. Лишних людей для разгрузки не имелось.

Получив отказ от военфельдшера, Борис решил действовать самостоятельно. Он приказал своим санитарам немедленно выгрузить привезённых ими раненых и занести их в сортировку. Сам отправился в мрачноватое кирпичное строение с большими окнами (большею частью без стёкол), кое-где забитыми фанерой, а иногда и просто заткнутыми какими-то тряпками, а изнутри плотно закрытыми одеялами. В этом здании – операционном блоке где-то находился начальник госпиталя.

Когда Алёшкин зашёл сюда, он был поражён. В медсанбате таких картин он не видел, пожалуй, с Юкки-Ярви. Длинный широкий коридор здания был заставлен носилками в два ряда и скупо освещался двумя фонарями «летучая мышь». Большинство раненых, лежавших тут, было в очень тяжёлом состоянии. Санитары сортировки, внесшие новые носилки, молча ставили их на имевшееся у двери свобод-

ное место и быстро отправлялись за следующим раненым. На вновь прибывшего никто не обращал внимания. Где-то в другом конце коридора, подсвечивая себе электрическим фонариком, что-то рассматривал одетый в шинель врач, с ним рядом находились два санитаря. Борис приблизился к ним и увидел, что у врача в петлицах две шпалы.

– Разрешите обратиться, военврач второго ранга, – вполголоса сказал он.

Тот выпрямился, осветил Алёшкина своим фонариком и спросил:

– В чём дело?

– Простите, не вы ли будете начальником полевого госпиталя № 26? – как можно вежливее спросил Борис.

– Да, я. Что вам нужно? Говорите быстрее, – грубовато бросил тот. – Вы не хирург ли, случайно? – спросил он более заинтересовано.

– Хирург-то я хирург, но прибыл к вам по другому делу. Вот записка от начсанарма.

Военврач при упоминании начсанарма немного покраснел, взял записку из рук Алёшкина и предложил:

– Пройдём в предоперационную, прочту там, здесь темновато.

Они пошли в конец коридора, где сквозь неплотно прикрытую дверь пробивался тоненький лучик света. В предоперационной большой комнате горела электрическая лампочка, стоял стол, несколько стульев и три кушетки, на ко-

торые перекладывали раненых с носилок, чтобы раздеть и нести в операционную. Около них хлопотали сёстры и санитары в довольно-таки грязных халатах. Из операционной раздался голос усталого человека:

– Забирайте раненого и давайте следующего.

Сейчас же два санитары подхватили носилки, с уже раздетым и лежащим на простыне бойцом, понесли его в операционную. Вскоре они вернулись и внесли на носилках другого, только что прооперированного. Тот ещё спал (операция делалась под общим наркозом), он был совершенно голый, частью завернутый в простыню, из-под которой выглядывал бинт, закрывавший весь живот. Санитары укрыли его с головой одеялом, сложили ему в ноги обмундирование и обувь и вынесли его в противоположную дверь.

Всё это Борис рассмотрел, пока начальник госпиталя читал письмо начсанарма. Закончив, он взглянул на Бориса и раздражённо произнёс:

– Смотрите-смотрите! «Вот так не надо работать», – говорит начсанарм, а что я могу сделать? Что?! – уже сердито воскликнул он, обращаясь к Борису. – У меня всего три хирурга, которые могут в животах копать, а их, – махнул он рукой на коридор, – вон сколько, и всё везут и везут. Люди же не машины – два работают, один свалился, надо дать отдохнуть. А ведь это же живот! Чтобы его прооперировать, время надо, а Брюлин всё «завтраками» кормит: «Пришлю, пришлю», – говорит. А кого он прислал? Двух девиц, кото-

рые никогда скальпеля в руках не держали. Я сам бы помогать взялся, да тоже в хирургии ни бельмеса не смыслю. Вот, делаю что могу, хожу по коридору, да тех, которые уже умерли, так и не дождавшись своей очереди на операцию, а некоторые ждут её уже часов по 12, приказываю в морг унести. Вот так-то, а вы тут о каких-то носилках хлопчете! У меня люди умирают, а им носилки дороги...

С этими словами начальник госпиталя – при свете Алёшкин увидел, что это был уже немолодой человек, с седыми висками, с набрякшими мешками под глазами, с седой щетиной на подбородке и щеках – устало сел на один из стульев и закурил.

– Нет у меня никаких носилок! – сердито сказал он.

Затем вдруг совершенно переменив тон, спросил:

– А вы на самом деле хирург? И полостные операции делаете?

– Делаю, – невольно ответил Борис.

– Так, слушайте, голубчик, – уже просительно заговорил начальник госпиталя, – вставайте-ка к столу, до утра поработаете, а я тем временем прикажу вам носилки подыскать. 50 не 50, а штук 20 наскребём. А вы и нам поможете и себе лишнюю практику заработаете, а?

Алёшкин понял, что если он только поддастся на эти уговоры, то встав за стол, уже не сможет уйти из операционной, пока не будет прооперирован последний раненый, или пока он не свалится совсем, или пока его кто-нибудь не сменит.

По-человечески ему очень хотелось сбросить шинель, надеть халат и немедленно приступить к работе. Заметив его колебания, начальник госпиталя чуть ли не радостно воскликнул:

– Так вы согласны? Вот это здорово! Мария Ивановна, – крикнул он, по-видимому, старшей сестре, выходявшей из операционной, – халат доктору!

Но Борис вовремя опомнился: утром он должен был заступить на дежурство у себя. Поскольку начсанарм отдал распоряжение, чтобы всех раненых оперировать в медсанбате, то получается, что он как бы дезертирует из своего батальона и, задержавшись здесь, может причинить непоправимый вред. Да и Брюлин говорил, что не позднее завтрашнего утра в госпиталь прибудет ОРМУ (особая рота медицинского усиления), там хирургов достаточно, так что здесь пусть справляются и без него. Было ясно, что в этом госпитале не столько в хирургах дело, сколько в порядках. «Ведь никакой сортировки, по существу, не производится, вот и получается затор», – подумал Борис, и, пересилив себя, довольно твёрдо прервал начальника госпиталя:

– Товарищ военврач второго ранга, я не могу остаться. У меня приказ, и я его должен выполнить. Распорядитесь отпустить мне 50 носилок, я должен немедленно их увезти в свою часть. Там я доложу об обстановке у вас, если начальство меня отпустит, то я с радостью вернусь, – добавил он как бы в утешение.

Но начальника госпиталя, а он был, видимо, человеком несдержанным, этот ответ не утешил, а возмутил:

– Вот, Мария Ивановна, полюбуйте́сь на него! Тут люди умирают, а он о носилках, да о своём начальстве заботится! Не будет вам никаких носилок, вот! – кричал он, не обращая внимания на раненых.

Этот крик, в свою очередь, разозлил и Алёшкина:

– Так что прикажете делать, военврач второго ранга? Ехать к начсанарму и докладывать ему, что вы не даёте носилок? Да? – спросил он.

При упоминании начсанарма начальник госпиталя понял, что немного перехватил через край. Он обернулся к одному из стоявших в дверях санитаров:

– Проводите его в морг, пусть сам берёт себе носилки, а потом доложит начсанарму, что взять не смог, – с каким-то злорадством произнёс он.

Борис молча козырнул и направился за санитаром в морг. Это было длинное, низкое здание – не то бывшая конюшня, не то гараж. Когда Алёшкин и его провожатые подошли к широким дверям, то увидели около них одетого в полушубок и валенки пожилого красноармейца, старательно раскуривавшего огромную козью ножку.

– Вот, Михеич, – сказал санитар, – начальник приказал им взять у тебя носилки, сколько смогут. Выдай и возьми расписку.

Михеич наконец-таки раскурил свою немислимую папи-

росу, дал прикурить от неё и Борису и спросил:

– Вам сколько? Двое-трое? Сейчас достанем!

– Да вы что, смеётесь? – рассерженно крикнул Алёшкин. – Мне нужно взять 50 носилок!

– Пятьдесят? – протянул Михеич. – Вы один?

– Нет, у меня есть машина и люди.

– Тогда другое дело, давайте, подгоняйте машину, ведите людей и будете «доставать» носилки.

Борис пошёл разыскивать своих санитаров и машину, а сам невольно задумался над словами Михеича: «Как это доставать? Что-то непонятное бормочет старик».

Через 15 минут, разбудив санитаров, задремавших около горячей печки в сортировке, и шофёра, уснувшего в кабине машины, Алёшкин подъехал к воротам морга.

Михеич курил. «Неужели всё ещё ту же сигарку?» – подумал Борис. Увидев подъехавших, сторож открыл ворота и отвернул фитиль «летучей мыши». При её бледном свете Борис и его спутники увидели страшную картину. Одна из половин сарая была сплошь забита трупами, они лежали огромным штабелем, высотой в 2–2,5 метра. Штабель ступеньками спускался вниз, причём ступеньки эти состояли тоже из тел умерших. Трупы были сложены в относительном порядке на носилках, но само то, что, видимо, при укладке их санитары с каждым новым телом должны были по этим человеческим ступенькам забираться наверх, казалось кошмарным. В медсанбате трупы тоже иногда приходилось

хранить длительное время, но их никогда не складывали в такие штабеля, и никто по ним не ходил.

Алёшкина возмутила эта картина, и он понимал, что Михеич тут ни при чём. Каким-то упавшим голосом он спросил:

– Кто же распорядился их так складывать?

– А, начальник госпиталя. Хоронить, вишь, нельзя, пока не вскрыют. Дохтура, который их потрошит, нет, заболела что ли, вот уже две недели не была... Вот и держим таперича... Славу Богу, ещё мороз помогает. Я все фрамуги пооткрывал так, что насквозь продувает. Часов пять полежит который, как камень делается, они сейчас всё равно что стеклянные, аж звенят. Лишь бы оттепели не было, да вот крысы донимают! Ну так вот, забирайте носилки, сколько вам надо.

Борис оглянулся, надеясь где-нибудь в стороне увидеть сложенные в штабель носилки, но вместо них он увидел ещё десятка два трупов, аккуратно уложенных у противоположной стороны сарая.

– Где же носилки? – спросил он.

– Как где? А под мертвяками, разве не видите?!

И тут только Борис сумел разглядеть, что весь этот огромный штабель, в котором никак не меньше пары сотен трупов, состоял из тел на носилках. Тут он понял злорадство начальника госпиталя, когда тот сказал «возьмите, сколько сумеете».

– Как же их брать? – спросил он Михеича.

– А очень просто, – ответил тот, – возьмёте мертвяка за

голову и за ноги, снимете с носилок, отнесёте вон в тот уголок, там аккуратненько уложите, а носилки забирайте, конечно. Кабы двое-трое носилок надо было бы, то просто. Ну а 50, тогда, конечно, попотеть придётся. Вон там, у двери, ломик стоит, если которые шибко примёрзли, так подковырнуть. Ну, я пошёл. Мне надо обойти кругом сарая, да ещё в кипятилку дров нарубить. Ежели я к утру не приду, в кипятилке меня ищите. Я там, может, вздремну малость.

Михеич ушел. Алёшкин вместе с санитарями и шофёром, тоже заглянувшими в сарай и в ужасе отпрянувшими от него, стояли у дверей, не зная, что делать. Борис хотел было идти к начальнику госпиталя и попытаться уговорить его выдать носилки со склада, но раздумал. Он понял, что всё равно ничего не добьётся и решил последовать совету Михеича. Один из санитаров, узбек по национальности, из нового пополнения, стоял, весь дрожа, и с ужасом смотрел на закрывшуюся дверь сарая. Борис понял, что это не помощник. К счастью, второй санитар, из старых кадров медсанбата, оказался менее брезгливым и трусливым. На шофёра рассчитывать было тоже нельзя: выскочив из сарая, он забился в угол кабины и не подавал признаков жизни. Алёшкин посмотрел на часы, шёл двенадцатый час ночи.

– Ну что же, Бодров, – как можно веселее сказал он второму санитару, – придётся нам с вами поработать. А вы, Урзаев, будете таскать и грузить в машину носилки.

При этих словах Урзаев обрадованно закивал головой:

– Слушаю, товарищ командир, слушаю.

– Ну, вот и хорошо! Пошли, товарищ Бодров.

Урзаев встал в дверях сарая, а двое других забрались на штабель и попробовали поднять лежавший с краю труп. Поднять-то подняли, но стаскивать его вниз по лестнице из человеческих тел было очень трудно, на это ушло много времени. Уложив, наконец, тяжёлый труп в ряд с лежавшими у противоположной стены сарая, Борис понял, что при таких темпах работы они измучаются, и всё равно к утру не более 15 носилок достанут. Но тут Бодров предложил:

– Товарищ комроты, давайте их прямо на пол скидывать, а потом соберём, так быстрее будет.

Предложение его оказалось рациональным. Они забрались на верхний ряд и, передвигаясь по нему на четвереньках, откатывали от себя труп, сталкивали его на пол, а в другую сторону отбрасывали носилки. Примерно через час работы на полу лежало полтора десятка трупов, а Урзаев отнёс и погрузил в машину столько же носилок.

Спустились со штабеля вниз, выбрали лежавшие в разных положениях трупы и более или менее аккуратно сложили их у противоположной стены. Сделали перекур. К счастью, трупы действительно замёрзли, как камни, все они были в одном белье и потому не особенно тяжелы, но, тем не менее, конец работы наступил примерно около пяти часов утра, когда полсотни носилок были погружены в крытую полторку. Борис и Бодров, выпачкавшиеся в оттаявшей под

их руками крови, были похожи чётр знает на что, как сказал Бодров. Они, устало дыша, вышли, наконец, из сарая, и Борис написал на вырванном листе из полевой книжки расписку в получении носилок, отправил Бодрова, чтобы тот отнёс её к Михеичу, а сам присел на подножку машины и закурил.

Михеич, как и говорил, спал в котельной и очень удивился, что эти ребята всё-таки справились с делом. Бодров вернулся, залез вместе с Урзаевым в кузов машины, Борис сел с шофёром, и часа через полтора они уже были в родном медсанбате. Алёшкин так устал, что не помнил, как зашёл в свою комнату, сбросил грязную шинель у Игнатъича и, едва успев коснуться подушки головой и сбросить сапоги, заснул как убитый. Проспал он до полудня.

Утром Перов и комиссар узнали от Бодрова, каким образом им с командиром роты пришлось добывать носилки, а Урзаев и шофёр рассказали об этом чуть ли не всему медсанбату. Прохоров, которому Игнатъич принёс шинель Алёшкина, увидев её невероятное состояние, решил заменить на новую, хотя это было и не совсем законно. Заменял, конечно, и рукавицы. По настоянию Бориса сменили шинель и рукавицы и Бодрову.

Борис, со свойственной ему беспечностью, вообще-то скоро забыл эту ночь, но иногда во сне ему виделись эти горы замороженных трупов, сложенных, как поленницы дров.

Этот случай имел два последствия. Первое: Перов, выслушав доклад Алёшкина о том, как они добывали носил-

ки, счёл своим долгом поставить об этом в известность начсанарма, заботясь, вероятно, не столько о пресечении зла, сколько стараясь добавить лишние краски к мнению Склярова о начальнике полевого госпиталя № 26, и втайне надеясь поскорее занять его место. Так, по крайней мере, в приватной беседе об этом рапорте отозвался Лев Давыдович Сангородский. Но чаяния Перова не сбылись. Начальник 26-го полкового госпиталя был действительно снят с работы и даже понижен в звании за неумелую организацию работы госпиталя, за бездушное отношение к умершим раненым и за многое другое. Одной из причин его снятия, может быть, и послужил рапорт Перова, но последнему это пользы не принесло – он пока оставался на своём месте.

Второе последствие было внутреннее, медсанбатовское. Старшина медсанбата (теперь в батальоне был один старшина в медроте) Ерофеев, заменивший Красавина, откомандированного в строевую часть ещё в ноябре 41-го года, со своей работой явно не справлялся. Он был вял, медлителен и, главное, не умел найти соответствующего подхода к подчинённым. Алёшкин давно уже подумывал о его замене. Проработав в морге 26-го госпиталя с Бодровым целую ночь, разговорившись с ним, Борис предположил, что выдвижение этого разбитного, ловкого и сноровистого парня на должность старшины было бы целесообразным. Свои соображения он доложил комбату и с поддержкой начальника штаба Скуратова добился замены Ерофеева Бодровым. Дальнейшие со-

бытия показали, что Алёшкин в своём выборе не ошибся.

Глава двадцать вторая

Между тем жизнь в батальоне текла своим чередом. Дежурства одних бригад сменялись другими. Количество раненых не было особенно большим, но так как почти все они оседали в медсанбате, то уже дней через десять встал вопрос о расширении помещения для госпитального взвода. До сих пор в госпитальной палате было развёрнуто около сорока коек. Очевидно, надо было довести ёмкость госпитального взвода хотя бы до ста коек, следовало также увеличить помещение и для команды выздоравливающих. Встал вопрос, как это сделать. Ставить палатки – значит лезть в окружавшие поляну лесные заросли на болоте, вызвать этим демаскировку, а, следовательно, и бомбёжку батальона – это во-первых, а во-вторых, весной попросту утонуть с этими палатками в болоте. Поляна тоже не годилась. Имевшиеся рядом подходящие пригорки были уже использованы. Выход один – увеличивать ёмкость имевшихся помещений, тем более, что кубатура зданий это сделать позволяла. Решили установить в госпитальном отделении двухъярусные нары, но против этого горячо запротестовала Зинаида Николаевна:

– Как же я буду смотреть раненого, лежащего на верхних нарах? Как к нему подойдут сёстры, санитары, ведь многие из них будут требовать постоянного ухода? Нет, это не пойдёт. Придумывайте что-нибудь другое, – категорично заяви-

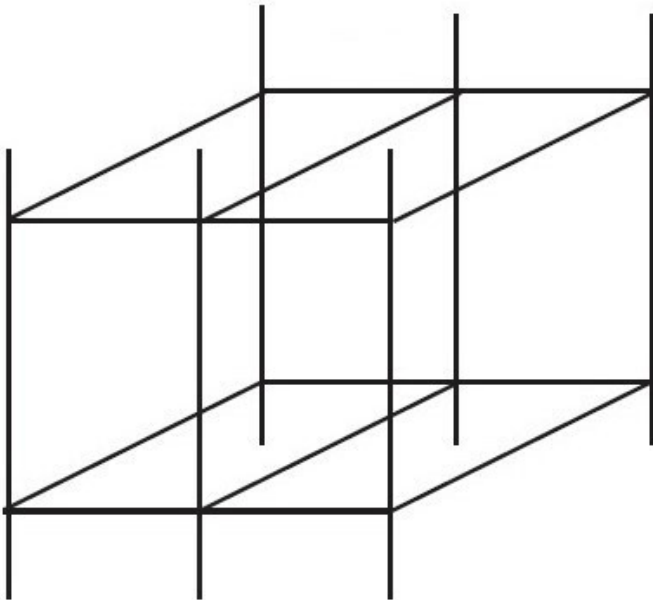
ла она.

Искать выход из положения принялись все. Подсказал его старшина Бодров:

– Вагонки! – сказал он. – Давайте сделаем нары так, как они делаются в вагонах.

Его предложение одобрили. В этот же день установили первую вагонку. Делал её лучший плотник Колесов. Это был уже немолодой человек, в медсанбате он служил с самого начала и, так как знал плотничье и столярное мастерство в совершенстве, Прохоров и Перов отстаивали его с пеной у рта при всяких попытках перевести в строевую часть. Он часто выручал батальон не только своим умением и знанием дела, но также и способностью руководить работой других. Рядом с Колесовым даже совсем неопытный в этом деле человек очень быстро становился неплохим подручным.

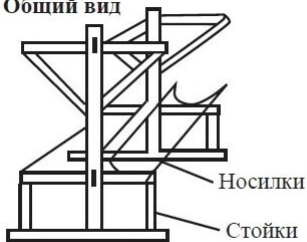
Так вот, Василий Иванович (так все звали Колесова) быстро соорудил нары такого типа:

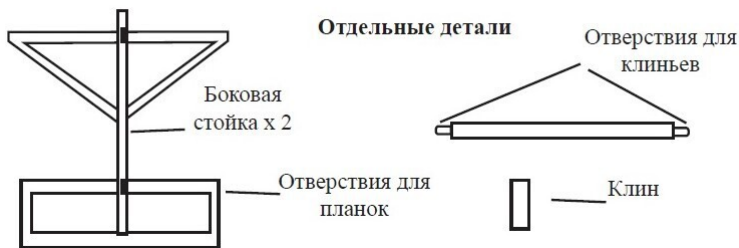
Стойки доходили до потолка и закреплялись там и на полу. На рамы ставились носилки с лежащими на них ранеными. Подойти к такому раненому было легко, он был виден со всех сторон. Основное неудобство заключалось в трудности установки носилок с раненым, особенно на верхнем ярусе, и в том, что расходовалось много строительного материала на длинные стойки, ведь потолок находился высоко.

Алёшкин задумался и над другим: «Не вечно же мы будем стоять в этих бараках, а когда снова перейдём в палатки, эти нары бросим. А может быть, в палатках тоже можно устроить двухъярусную систему?» Своими мыслями он поделился с Колесовым, и они решили разработать переносную вагонку – разборную. Между прочим, впоследствии Борис видел похожие вагонки в других госпиталях и медсанбатах, но в то время им пришлось разрабатывать их самим. Вероятно, это было похоже на изобретение велосипеда, но тем не менее их вагонки были собственным производением 24-го медсанбата. Вот как выглядел их окончательный вариант.

Общий вид

Отдельные детали

Преимущество таких вагонок было очевидно:

1. Они могли стоять где угодно: на полу, на земле и даже на снегу.
2. Они легко разбирались и собирались.
3. При перевозке занимали не много места.
4. Были сделаны без единого гвоздя.
5. Увеличивали ёмкость помещения в два раза против обычного. Если в палатке ДПМ обычно размещалось 20–23 человека, то с вагонками укладывалось около 50.

Подобрав себе человек пять подручных и раскопав в снегу на краю поляны целый штабель досок, Василий Иванович Колесов в наскоро поставленной палатке ППМ развернул настоящую столярную мастерскую. Уже через неделю помещения госпитального взвода и команды выздоравливающих были полностью оборудованы вагонками. Работу в мастерской решили не прекращать, чтобы сделать необходимый запас вагонок и для сортировки, и для эвакуопалатки. Так был найден выход. Ёмкость медсанбата при тех же помещениях и площади удалось увеличить более чем вдвое и довести до 300 мест. Когда через две недели в батальон заехал армейский хирург, он был очень удивлён новым изобретением и весьма одобрил его введение.

Брюлин, а также приехавший вместе с ним профессор Берлинг, как они и обещали, прожили в батальоне почти неделю. Им отвели комнату рядом со штабом, предназначенную для раненых из высшего начальствующего состава. Устроились они хорошо. За время своего пребывания во многом помогли и в операционной, и в госпитальном взводе.

Профессор Берлинг обладал высокой эрудицией терапевта, кроме того, он специально работал над вопросами лечения перитонита, а большинство раненых в живот всегда подстерегало именно это грозное осложнение. Его консультации, его высококвалифицированная помощь были очень полезны и необходимы Зинаиде Николаевне Прокофьевой. Именно с этого времени в госпитальных палатах медсанбата

началось широкое применение капельного внутривенного и подкожного вливания больших количеств физиологического раствора оперированным на брюшной полости. Это сразу же сказалось на качестве лечения. Правда, это нововведение вызвало недовольство нового начальника медснабжения санбата провизора Стрельцова, присланного в батальон из санотдела армии.

Кстати сказать, вообще-то новый начмедснабжения Василий Павлович Стрельцов, пожилой, весьма добродушный человек, украинец по национальности, очень быстро сошёлся со всеми врачами батальона и, хотя и был довольно прижимист в выдаче материалов и медикаментов, но всегда добывал всё необходимое. И даже с пресловутой дистиллированной водой для физраствора – хоть и шумел, но, тем не менее организовал дело так, что перебоев с ней не было. А с введением этого лечения физраствора потребовалось действительно огромное количество – в среднем в день стали тратить до 30 литров дистиллированной воды, и это при не особенно большом наплыве раненых.

Большую помощь оказал и Брюлин. Несколько раз он производил сложные операции раненым в живот. Ассистируя ему, молодые хирурги Алёшкин, Картавцев, Дурков многому научились, запоминая некоторые приёмы и технику операций, о которых раньше не знали. До этого самым опытным среди хирургов батальона по операциям на брюшной полости считался Соломон Веняминович Бегинсон, а он,

как известно, был акушером-гинекологом, и поэтому проводил лапаротомии с некоторыми особенностями. Кроме того, Бегинсон отличался большой скрупулёзностью при операциях, проводил их крайне медленно и иногда, как шутя говорили его помощники, не мог вылезти из живота в течение трёх-трёх с половиной часов. Брюлин горячо настаивал и основательно доказывал, что такое длительное пребывание в брюшной полости приносит огромный вред раненому, и настоятельно требовал ускорения хода операции. Его требование, несомненно, принесло большую пользу, а, следовательно, и спасло жизнь не одному десятку раненых.

Второе предложение Брюлина, также оказавшееся очень эффективным, заключалось в следующем. Обычно кишечник, извлекаемый из брюшной полости для его ревизии и ушивания имеющихся в нём дефектов, во время пребывания вне тела обкладывался салфетками, смоченными в тёплом стерильном физиологическом растворе, а после окончания работы, как и сама брюшная полость, промывался этим же раствором. Брюлин предложил, кроме того, пересыпать его, и особенно места вмешательства на кишечнике, желудке и других органах, порошком стрептоцида, что тоже сказалось положительно. Брюлин, как и Бегинсон, проводил все полостные операции под общим эфирным наркозом, и потому с большим вниманием и интересом наблюдал операции Алёшкина под местной инфильтрационной анестезией. Присутствуя на одной из них (оперировал Борис, а ассистировал

ему Дурков), Брюлин сказал, что анестезия проведена мастерски, но что если кто-либо не может, не умеет так анестезировать, то лучше пользоваться общим наркозом. Впредь в медсанбате так и осталось. Алёшкин и Картавцев, тоже хорошо овладевший техникой анестезии, оперировали животы, за редким исключением, под местной анестезией, а Бегинсон – под общим эфирным наркозом.

* * *

Вслед за Брюлиным и Берлингом в батальон нагрянули новые, уже совершенно неожиданные гости, и хотя они пробыли всего трое суток, разговоры об их визите длились долго. Это были ленинградские артисты во главе с Шульженко.

Надо было знать, какой любовью и даже преклонением пользовалась в то время, особенно в армии, Клавдия Ивановна, чтобы понять, насколько велика была радость санбатовцев, которым удалось не только услышать, но близко увидеть, и даже поговорить с этой замечательной артисткой и хорошим человеком. Собрав группу ленинградских артистов и музыкантов, она совершала турне по войскам Ленинградского фронта, а закончив свои концерты там, получила приглашение повторить их на Волховском фронте. Двигаясь по Ладожской «Дороге жизни», артисты полагали объехать все соединения фронта с наружного кольца блокады. Но предыдущие выступления и кочевая жизнь значительно ослаблен-

ных, голодных людей так их утомили, что им был необходим хотя бы небольшой отдых. Политотдел 65-й стрелковой дивизии, с которой планировалось начать турне по Волховскому фронту, предложил им сделать передышку в медсанбате № 24.

Бригада Шульженко прибыла в батальон вечером 28 февраля 1942 года в сопровождении начальника политотдела дивизии полкового комиссара Лурье. Тот предупредил Перова, что гости останутся в батальоне не менее чем на три дня, затем выедут в штаб дивизии, где дадут концерт для отличившихся бойцов и командиров, собранных к тому времени из всех частей и подразделений дивизии. В дальнейшем они проследуют в другие соединения армии и фронта. Начполитотдела привёз с собой распоряжение командарма о зачислении артистов на довольствие по нормам, установленным для раненых. В этот же вечер их накормили сытным и очень вкусным ужином.

Кстати сказать, кухня медсанбата славилась на всю дивизию качеством приготовляемой пищи. Дело в том, что во главе этого подразделения стоял бывший повар московского ресторана «Савой» Ю. И. Попов. Юрий Илларионович отличался не только умением отлично готовить самые простые блюда, но и неистощимой выдумкой, позволявшей ему даже из простых продуктов готовить самые удивительные кушанья.

Ещё в кольце блокады, имея мизерную норму продуктов,

он умудрялся кулинаруить так, что его брандахлысты (*здесь* – слишком простые, незамысловатые блюда. Прим. ред.) обладали приятным вкусом. Правда, тогда это мало кто замечал, всё съедалось мгновенно, кроме того, большая часть медсанбатовцев разбавляла эти супы до нужных им объёмов водой. Теперь же, на внешней стороне блокады, когда в его распоряжении появилось достаточно разнообразных продуктов, в том числе таких, как яичный порошок, сухое молоко, мука, мясо, рыба, консервы, различные крупы, овощи и необходимые специи, он был рад готовить прямо-таки изысканные блюда. Получив задание накормить как следует прибывших гостей, Попов, конечно, постарался. Разместить артистов решили в сортировке, но так как женщин среди них было всего две – сама Шульженко и аккордеонистка, то женщины-врачи пригласили их в свою комнату. Гости с удовольствием приняли их приглашение.

За несколько часов до отъезда из медсанбата Шульженко переговорила со своими партнёрами, и они решили в благодарность за тёплый приём и заботливость сделать для личного состава батальона, выздоравливающих и раненых небольшой сюрприз – дать маленький концерт. Когда Клавдия Ивановна сообщила об этом комиссару медсанбата, и тот объявил по батальону. Все очень обрадовались, давно уже здесь не было никаких развлечений, а тут вдруг такое событие!

Концерт проводили в эвакуопалатке, где в это время находилось всего двое раненых. Народу набилось в палатку

столько, что зрители могли только стоять, тесно прижавшись друг к другу, а для артистов оставался лишь свободный пятячок. Они находились от зрителей в двух-трёх шагах, но это никого не смущало, все остались довольны.

Артисты были одеты кто во что. Сама Клавдия Ивановна – в ватной телогрейке, солдатских ватных штанах, валенках, с шапкой-ушанкой на голове – совсем не походила на ту красивую артистку, какой её видели раньше. Внешний вид труппы, как видите, был совсем не артистическим, тем не менее, каждое выступление сопровождалось такими аплодисментами, что стены палатки ходили ходуном. Особенно тепло и восторженно принимали саму К. И. Шульженко. При расставании она говорила, что более приятного выступления и более тёплой встречи со стороны зрителей в её жизни ещё не было.

Несмотря на всю необычность обстановки, Борису концерт очень понравился. Глубоко лирические песни, исполняемые Шульженко, её мягкий, волнующий голос, высокий артистизм волновали сердца всех, кто её слушал. Пожалуй, именно после этого концерта Клавдия Ивановна Шульженко стала у Бориса любимой артисткой эстрады. Он ещё много раз слышал её, но концерт в медсанбатовской палатке ДПМ оставил самое глубокое впечатление.

Ещё на предыдущей стоянке следователь Цейтлин был отозван для работы в прокуратуре дивизии, а расследование случаев членовредительства и приведение приговоров трибунала в исполнение поручили следователю особого отдела дивизии по фамилии Осиновский. Этот молодой лейтенант НКВД с рыжеватыми волосами и сухеньким острым лицом чем-то удивительно напоминал лисицу. Характер у него был довольно неприятный: он быстро выходил из себя, а, обидевшись на кого-нибудь, готов был жестоко мстить. Сангородский прозвал его Злым Рейнеке-лисом.

Надо сказать, что в отношении подозреваемых, которых Осиновскому приходилось допрашивать, он применял, с точки зрения Алёшкина, Сангородского и комиссара медсанбата, иногда бывших очевидцами допросов, такие методы, которые для советского следователя были недопустимы. Он не только кричал на допрашиваемых, ругая их площадной бранью, грозя им поминутно оружием, но иногда и бил их. Для него каждый подозреваемый уже являлся виновным.

Особенно отвратительным казалось это людям, бывшим свидетелями предыдущих допросов, проводимых Цейтлиным. Тот, почти никогда не повышая голоса на допрашиваемых, так умело ставил вопросы, так незаметно для обвиняемых загонял их в тупик, что, в конце концов, им ничего

не оставалось, как признаться в совершённом преступлении. Сравнительно быстро он устанавливал и ошибки в подозрениях и немедленно освобождал задержанных.

У Осиновского бывало наоборот: не обладая опытом и умом Цейтлина, он часто не мог добиться признания, несмотря на всю свою ругань и побои, даже в случаях совершенно очевидных. Правда, трибунал выносил суровые, часто смертные приговоры, даже и без признания вины, основываясь только на заключении врачей. Узнав об этом, врачи, и прежде всего Бегинсон, Дурков, Картавцев и другие, категорически отказались давать заключения о самострелах, саморубах и прочих членовредителях, не желая брать ответственность за жизнь человека на себя, как говорили они. Вся тяжесть этой неблагоприятной работы свалилась на Бориса Алёшкина и Сангородского. В каждом сомнительном случае хирурги направляли раненых к ним, и именно эти два врача, проконсультировавшись, должны были дать соответствующее заключение. Эта работа отнимала много времени, а главное, требовала большого напряжения нервов. Именно по их просьбе комиссар медсанбата Подгурский доложил о методах Осиновского в политотдел дивизии, Особый отдел отозвал его и потребовал от трибунала направления в медсанбат Цейтлина.

Между прочим, покидая блокадный Ленинград, Осиновский, выезжая вместе с медсанбатом, попросил Перова принять в батальон и зачислить в качестве дружинницы его

невесту, проживавшую в Ленинграде, которая была, по его словам, в очень бедственном положении. Звали эту девушку Аня Соколова. Осинковский привёз её в день выезда батальона с последнего места дислокации. Эта высокая, стройная, белокурая девушка, с светло-серыми глазами и тёмными бровями, с красивым тонким носом и изящно очерченным ртом, как все ленинградки того времени, была невероятно худа, с каким-то мертвенно-бледным цветом лица. Получив по прибытии в медсанбат кусок сухаря, она съела его с такой откровенной жадностью, что сразу было видно, эта девушка давно и сильно голодает. Чем-то она очень понравилась операционной сестре Шуйской, и та упростила командира роты Алёшкина взять Соколову в медроту в операционный взвод. Свою просьбу она обосновывала тем, что Аня, окончившая в 1941 году среднюю школу, легко может выучиться на медсестру. Перевязочных медсестёр не хватало, и Борис согласился, получил разрешение Перова и зачислил её в роту.

Девушка оказалась действительно толковой и понятливой. Кроме того, на неё совершенно не действовал вид крови, и почти с первых же дней она здорово помогала в операционной и перевязочной. Вскоре Соколова поправилась, окрепла, на лице её заиграл румянец, только серые глаза временами грустно затуманивались. Все приписывали это переживаниям о матери, оставшейся в Ленинграде. А в последнее время Аня и вовсе загрустила. Её настроение не прошло незамеченным для многих, и в первую очередь для её по-

друг, в том числе и Шуйской. В конце концов, Кате удалось выпытать у новенькой причину её подавленного состояния. Шуйская решила, что наиболее надёжный в медсанбате человек, которому можно рассказать обо всём и просить его помощи, – Борис Яковлевич Алёшкин.

На одном из ночных дежурств, в перерыве между операциями медсестра сообщила командиру роты о положении Ани Соколовой, дело оказалось в следующем. Ещё до войны семья Соколовых была знакома с семьёй Осиновских. Сергей Осиновский, будучи старше Ани на шесть лет, уже тогда начинал за ней ухаживать, но он ей не нравился, и она категорически отвергала все его притязания. Её отца, командира запаса, мобилизовали в первые дни войны, через месяц пришло извещение о его гибели. Осиновского тоже призвали в армию, но, так как до этого он служил в НКВД, его зачислили в Особый отдел какой-то дивизии, а затем перевели в распоряжение трибунала 65-й стрелковой дивизии. По служебной необходимости он часто посещал Ленинград, обязательно заезжал к Соколовым, иногда привозил им немного еды, но это, конечно, их не спасало. У матери и дочери Соколовых никаких продовольственных запасов не было, не имели они и сколько-нибудь ценных вещей для обмена на продукты. Вынужденные существовать только на один паёк, они очень скоро дошли до крайней степени истощения. Осиновский это видел и однажды сказал матери, что если Аня выйдет за него замуж, то он вывезет её из города, но только её

одну, и таким образом спасёт ей жизнь.

После его ухода Аня, слышавшая этот разговор, категорически отказалась ехать с ним и тем более выходить за него замуж. Но когда в следующий приезд Сергей пообещал, что потом обязательно вывезет и её мать, если, конечно, Аня даст согласие на его условия, она уступила. Таким образом она и попала в медсанбат.

С первых же дней Осиновский стал настаивать на сожительстве, обещая впоследствии зарегистрировать брак. Она еле выпросила у него отсрочку, ссылаясь на свою слабость и общее недомогание, связанные с голодом.

– Теперь же по моему виду можно понять, что я достаточно здорова, а поскольку его переводят из батальона, то он настаивает, чтобы я его сопровождала и жила с ним как с мужем, – сказала Аня Кате. – При этом он ставит ультиматум: пока я не выполню своего обещания, маму он из города не вывезет.

– Аня знает, в каком бедственном положении находится мать, и очень беспокоится за неё. В то же время один вид Осиновского вызывает у неё отвращение, особенно после того, когда она случайно увидела его обращение с арестованными. Она в отчаянии, ей и мать жалко, и себя. Товарищ командир роты, как бы ей помочь? – закончила свой рассказ Шуйская.

Выслушав этот рассказ, Борис возмутился и хотел сейчас же идти объясняться с Осиновским, но, подумав, рас-

судил, что вряд ли его слова смогут пронять такого человека. Ещё ранее было замечено, что этот следователь лебезит перед каждым появившимся в батальоне начальством, и в то же время ни в грош не ставит медсанбатовцев. Очевидно, все его чрезмерные старания на службе продиктованы не действительным желанием исправить зло, а стремлением сделать себе карьеру. Такого может удержать только соответствующий окрик сверху. Борис решил воспользоваться помощью начальника политотдела Павла Александровича Лурье, с которым он за время пребывания артистов в ммедсанбате близко познакомился. Лурье находился в очень хороших отношениях с начальником Особого отдела дивизии, которого считали прямым и очень чутким человеком.

Начполитотдела дивизии, узнав от Алёшкина историю, которую мы только что рассказали, был тоже возмущён и дал слово, что он добьётся, чтобы Осиновский никогда больше не вспоминал об этой девушке. Обещал он также принять меры и по эвакуации её матери.

Через несколько дней Павел Александрович своё обещание выполнил, и Осиновский, видимо, получив строгое внушение от начальства, преследование Ани Соколовой прекратил.

Спустя неделю после отъезда артистов Лурье, заехав в батальон и встретив Бориса, попросил показать ему хотя бы издали ту девушку, которую он спас от притязаний человека, воспользовавшегося её трудным положением. Как раз в

это время в перевязочной находилась, кроме других сестёр, и Аня Соколова. Алёшкин привёл Павла Александровича в предперевязочную, вызвал Аню и, представляя их друг другу, сказал:

– Аня, вот кто тебя спас от Осиновского, благодари его.

Затем он обернулся к Лурье:

– Товарищ полковой комиссар, вот кого вы вытащили из довольно цепких рук порядочного негодяя. Может быть, вы захотите её о чём-нибудь спросить, пожалуйста, пройдите с ней на улицу. Товарищ Соколова, вы можете на полчаса отлучиться, – с этими словами Борис скрылся за палаточной дверью, ведущей в перевязочную.

Пожалуй, следует немного описать и Павла Александровича Лурье. Это был человек лет 35, высокий брюнет с карими глазами, красивым умным лицом, с твёрдым, немного выдающимся, властолюбивым подбородком, его чёрные волосы вились густыми кольцами. Лурье был строен и, по видимому, ловок. Он умел обворожительно смеяться и, как впоследствии выяснилось, очень недурно пел. Вообще, это был весёлый и общительный человек.

Вернувшаяся после прогулки с Лурье Аня Соколова была возбуждена и непривычно весела. Её подруги это сразу заметили, и одна из них не замедлила даже подшутить:

– Э-э, да твой спаситель уж не для себя ли старался?..

На эту не совсем скромную шутку подруги Аня очень обиделась и, кажется, несколько дней не разговаривала. Но то,

что девушка вернулась взбудораженной и чем-то взволнованной, заметили даже врачи.

Лурье теперь приезжал в медсанбат к находившемуся там болящему комиссару дивизии чуть ли не каждый день, и, как все отмечали, обязательно виделся с Аней. Примерно дней через десять после этого случая, в свой очередной приезд Павел Александрович подозвал Алёшкина и сказал:

– Борис Яковлевич, в одном из полков ранили отличную собаку-санитара, немецкую овчарку. Ветеринар сказал, что ей нужен особый уход, который они обеспечить не могут. Если вы возьмётесь вылечить, можете собаку оставить у себя, а нет – придётся её пристрелить. А жалко, собака-то больно красива, зовут пса Джек. Ну как?

Алёшкин раздумывал недолго, он ведь очень любил собак.

– Спасибо, Павел Александрович, – они уже были на «ты» и называли друг друга по имени-отчеству, – присылайте. Что-нибудь придумаем!

В тот же вечер Сангородский влетел в перевязочную, где в этот момент находился Алёшкин, как разъярённый зверь:

– Это безобразие! За кого они нас принимают? Надо жаловаться. Вы представляете, вместе с ранеными людьми собаку прислали! Что у них – ветлечебницы, что ли, нет?

– Где она? – спросил Борис рассерженного приятеля.

– Кто она? – всё ещё не охладев от гнева, выкрикнул тот.

– Да собака же... Давайте её сюда. Девушки, приготовьте

стол.

– Да вы в уме?! – продолжал бушевать Лев Давыдыч. – Я сейчас пойду комбату доложу.

– Ну что же, идите, докладывайте, – ответил спокойно Борис. – А собаку прикажите принести сюда.

– Чёрт знает что! Какой-то сумасшедший дом! – кричал, выходя, Сангородский.

Однако, забежав в сортировку, велел санитарам нести собаку в перевязочную, а сам помчался к Перову.

Алёшкин осмотрел принесённого огромного пса тёмно-серого цвета, с белым нагрудничком и чёрными пятнами на ушах и посредине спины. Это была действительно породистая восточно-европейская овчарка. Пёс смотрел на врача умными, внимательными глазами. Он лежал на столе в каком-то не совсем естественном положении. Его левая задняя лапа была вывернута наружу и в средней части бедра имела деформацию. Из раны на левом боку слегка сочилась кровь.

Борис имел уже достаточно опыта, чтобы с первого взгляда определить характер ранения. Положение лапы сразу указывало на огнестрельный перелом бедренной кости. Даже при беглом осмотре левого бока можно было определить, что здесь ранение безобидное, касательное, пулевое. Оно, по существу, не требовало обработки. С конечностью дело оказалось хуже, там действительно имелся открытый перелом бедренной кости.

После недолгого раздумья Борис решил обработать рану,

поставить кость в правильное положение и наложить гипсовую повязку. Он понимал, что собака может в любой момент сорвать её, но другого выхода не видел. Отнимать лапу в месте перелома, что было бы самым простым, и таким образом калечить животное ему не хотелось.

Поручив Ане Соколовой, которая уже успешно справлялась с обязанностями перевязочной сестры, сбрить шерсть вокруг раны на лапе собаки, Борис отошёл к другому столу и занялся ранением лежавшего там бойца. Закончив, он вернулся к собаке. Пёс терпеливо перенёс довольно неприятную процедуру стрижки и бритья окружности раны и, каким-то особым чутьём угадав в Алёшкине главного из тех, кто будет оказывать ему помощь, приподнял голову, взглянул на подходившего к нему человека и, как бы желая показать ему особое уважение, слегка ударил хвостом по столу.

Только Борис собрался приступить к обследованию раны у собаки, как за матерчатой перегородкой послышался шум и, оглянувшись туда, где находилась предперевязочная, он увидел просунувшиеся в щель между простынями головы комбата Перова и Сангородского. Последний продолжал свою возмущённую речь:

– Вот, я вам, товарищ комбат, докладывал! Посмотрите сами, какое тут безобразие делается! У меня люди ждут в сортировке, а он с собакой возится!

Перов поманил Алёшкина к выходу, но прежде, чем успел что-то сказать, Борис нагнулся к его уху и прошептал:

– Уймите вы, пожалуйста, этого неугомонного старика, он всех раненых перепугает. Собаку прислал начальник политотдела дивизии, просил ей оказать помощь, как любому раненому. Он мне по телефону сказал, разве я мог ему отказать? Прикажете – и я велю пса со стола снять.

Говоря это, Борис благоразумно умолчал о том, что после выздоровления Джек будет принадлежать ему. Ну, а Виктор Иванович Перов, благоговевший перед всяким начальством, сразу проникся к раненой собаке особым уважением, взял под руку всё ещё бушевавшего Сангородского и, увлекая его к выходу, милостиво проронил, обращаясь к Борису:

– Делайте своё дело, товарищ Алёшкин.

Вернувшись к раненой собаке, продолжавшей внимательно за ним наблюдать, Борис весело произнёс:

– Ну что же, Джекушка, потерпи, сейчас самое неприятное будет.

Собака, услышав своё имя, вновь попыталась вильнуть хвостом, но смогла лишь чуть слышно стукнуть им о крышку металлического стола, на котором лежала.

Обследовав зондом пулевое отверстие в лапе пса, Борис убедился, что никаких посторонних предметов в раневом канале нет. Кость почти не раскрошилась, она была как бы перерублена ударом пули. Промыв на всякий случай рану перекисью водорода, он обратил внимание, что из неё нет кровотечения. Было ясно, что пуля, имевшая, видимо, значительную убойную силу, пронзила лапу собаки, сломала бедрен-

ную кость, но не повредила при этом ни одного крупного сосуда и нерва, затем скользнула по боку, содрала кожу и улетела неизвестно куда. Это открытие его обрадовало: оно позволяло надеется, что впоследствии Джек будет пользоваться конечностью в полном объёме.

Закончив это обследование и приказав Ане приготовить гипсовую лангету такой длины и ширины, чтобы охватить всю лапу раненой собаки, Борис приступил к операции. Он не стал иссякать края раны, как это делалось обычно у людей, лишь ввёл в окружность её около 50 кубиков раствора новокаина, после чего быстро поставил вывернутую ногу в нормальное положение, обернул гипсовой повязкой и поручил Соколовой завершить перевязку. Сам же подошёл к голове Джека и, поглаживая его между ушами, ласково произнёс:

– Молодец, Джек! Умница! Теперь недельки через три бегать будешь, заживёт всё, как на собаке!

Джек, точно понимая все слова, повернул голову, ещё раз посмотрел на Бориса, лизнул ему руку, и, очевидно, потратив на это значительные силы, опустил морду на стол и закрыл глаза. В это время на остальных трёх столах лежали раненые бойцы, которых Борис осмотрел до этого и оказал им необходимую помощь. Пока он занимался собакой, перевязочные сёстры под руководством Кати Шуйской накладывали им повязки. Все они были легкораненые, чувствовали себя относительно неплохо, и поэтому с интересом наблюдали

только что описанную сцену. Один из них, уже довольно пожилой человек, сказал:

– Вот ведь, собака, а всё понимает не хуже человека, ведь даже не взвизгнул ни разу и на столе лежал как привязанный.

– Да, животное, видать, учёное, – добавил другой.

Между тем, закончив обработку Джека и помыв руки в предперевязочной, Борис перешёл к следующему раненому, доставленному из сортировки, и занялся своей обычной работой так же спокойно, как будто ничего особенного не случилось.

Аня вызвала санитаров, они переложили Джека на носилки и вынесли в предперевязочную, Борис поднял голову, оторвался от исследования раны, которое он только что проводил, и обратился к ней:

– Аня, будь добра, сбегай, позови сюда комбатовского Игнатъича, знаешь его?

– Конечно, знаю, – ответила девушка, выбегая из дверей.

Через несколько минут Игнатъич стоял у перегородки. Борис, закончив обработку очередного раненого, вышел в предперевязочную, чтобы покурить и помыть руки перед тем, как начинать следующую операцию. Увидев Игнатъича, он сказал:

– Вот что, Игнатъич! Хочу тебе одного пациента поручить. Возьми его и пока посели у себя, покорми. Сегодня-завтра он полежит, а там, я думаю, на трёх ногах култыхать будет. А затем я тебя от него избавлю.

Ещё раньше из бесед с Игнатъичем, которому комроты пришёлся по душе, Алёшкин знал, что старик очень любит собак, и потому был уверен, что он ему в просьбе не откажет. Так и произошло.

Игнатъич подошёл к раненому Джеку, осторожно взял его, как маленького ребёнка, на руки, и понёс к тому бараку и именно в ту квартиру, где жили в одной общей большой комнате комбат Перов, комиссар Подгурский, начальник штаба Скуратов и командир медроты Алёшкин. В кухне этой же квартиры жил сам Игнатъич. В одном из углов её он постелил на полу какое-то старое одеяло и положил на него Джека.

Когда он доложил комбату о появлении нового жильца, тот, полагая, что собака принадлежит начальнику политотдела, никаких возражений не высказал. Комиссар Подгурский, оказалось, сам был большим любителем собак, он даже обрадовался такому соседству. Немного поворчал Скуратов, но скоро и он примирился с присутствием Джека.

Уже с первых минут общения с новым жильцом Игнатъич удивлялся его уму и сообразительности и сразу полюбил Джека, как человека. Определив его в доме, он отправился на кухню, и через несколько минут перед собакой стояла миска отличного наваристого супа. Пёс приподнял голову, благодарно взглянул на Игнатъича и похлебал, видимо, больше из приличия, немного супа. Он лежал неподвижно, не обращая никакого внимания на проходящих через кухню к комбату людей, и, казалось, крепко спал. Но вот уши его

вздروгнули, голова поднялась, и хвост застучал по подстилке. Игнатъич, лежавший на постели, поднялся:

– Что тебе? Пить, что ли, хочешь? – заботливо спросил он.

Но Джек продолжал ещё веселее стучать хвостом и начал слегка поскуливать. В этот момент дверь открылась, и вошёл Алёшкин. Собака попыталась подняться и подойти к нему, но Борис довольно строго приказал:

– Лежать! Лежать, Джек! – и тот послушно замер на месте.

Борис присел рядом на корточки, осмотрел повязку, погладил пса по голове и ещё раз сказал:

– Всё хорошо будет, Джек. Лежать нужно, обязательно лежать.

И тот, точно понимая, вытянул шею, положил голову на передние лапы и, слегка постукивая хвостом, внимательно смотрел на Бориса.

Игнатъич, видевший всю эту сцену, восхищённо отозвался:

– Первый раз вижу такого умного пса! Он теперь от вас никуда не пойдёт.

– Ладно, ладно, молчи, а то выгонят нас, – заметил Борис. – Дай-ка мне чайку горяченького, – и он прошёл в свою комнату.

А время шло. Вскоре Джек уже бегал по территории батальона, хотя пока ещё на трёх лапах.

В один из приездов Лурье в батальон, Борис попросил его сказать Перову, что собака принадлежит ему, то есть началь-

нику политотдела, но что он просит пока поддержать её в медсанбате до полного выздоровления. Тот охотно согласился на этот небольшой обман, и с тех пор пребывание пса в батальоне стало узаконенным. Получив от самого начальника политотдела дивизии просьбу позаботиться о его питомце, Перов был готов, кажется, отдать ему свой собственный паёк. Теперь он не только не препятствовал своему ординарцу ухаживать за больной собакой, но даже и поощрял его.

После того, как Джек поднялся на ноги, он не отходил от Алёшкина. Когда Борис был в операционной, то пёс, которого, естественно, туда не пускали, и который скоро сам понял, что туда ему входить нельзя (а слово «нельзя» он понимал отлично), лежал у входа, терпеливо ждал своего спасителя и друга. Борису эта дружба с Джеком принесла много радости. Он, видимо, не мог обходиться без чьей-либо дружбы, и не имея в тот момент близкого друга среди людей, нашёл его в собаке. Со своей стороны, и Джек полюбил Бориса и был ему предан так, как только может быть предана собака человеку.

Следует заметить, что с появлением в батальоне Подгурского, значительно изменился характер политработы среди личного состава. Если предыдущие политработники встречались с медсанбатовцами только на официальных собраниях, то Николай Иванович целыми днями находился среди народа. То он беседовал с шофёрами, то с медсёстрами, то с санитарями, то читал газету выздоравливающим и объяснял многие непонятные места, то беседовал с каким-нибудь тя-

желораненым в госпитальной палате. Как правило, свои вечера он посвящал разговорам на политические темы с врачами – прежде всего с теми, с которыми жил вместе. Начальник политотдела дивизии тоже при своих посещениях обязательно проводил какую-нибудь беседу с группой медсанбатовцев.

Немного позже, наверно, месяца через полтора, когда Джек был практически здоров, а Лурье стал почти ежедневным гостем в медсанбате, как-то тихим вечером на крыльце барака, в котором жил командный состав, вокруг начальника политотдела дивизии собралось десятка полтора медсанбатовцев, в их числе были Алёшкин, Сангородский, Прокофьева, медицинские сёстры – Шуйская, Соколова, Наумова, Игнатъич и ещё несколько дружинниц и санитаров, и Лурье рассказал историю Джека. Она запомнилась всем, но особенно Борису. Пользуясь его воспоминаниями, мы и приводим этот рассказ дословно.

Джек попал в армию маленьким щенком и ещё до войны прошёл длительную школу обучения. Перед войной придавали большое значение так называемым дрессированным санитарным собакам. Отбирали породистых крупных псов – сенбернаров, волкодавов, немецких и русских овчарок. Джек стал одним из них.

Он оказался способным учеником и, как говорил его проводник, служил с честью, пока не был ранен. Служба Джека, как и всех санитарных собак, заключалась в следующем. На

спину ему надевался особый пояс с двумя большими карманами, в одном из них находился перевязочный материал, йод и другие лекарства, в другом – сухари, шоколад, водка и фляга с каким-нибудь питьём, иногда кусок копчёной колбасы. Собака, ведомая проводником, вместе с группой санитаров, обычно в сумерках или на рассвете выходила на поле боя. Санитары осматривали воронки, кусты и разные ложбинки, где могли притаиться невынесенные во время боя раненые.

Проводник спускал с поводка собаку, и она помогала в этих поисках. Иногда пёс отбегал от сопровождавших его санитаров довольно далеко и, находя раненого, ложился рядом с ним. Боец, если был в состоянии, мог взять из принесённого то, что было ему нужно, а затем пёс возвращался к своему проводнику и приводил его к раненому. Джек таким образом разыскал и спас более 30 человек.

– Однажды, – продолжал свой рассказ начальник политотдела, – когда санитары и проводник с Джеком возвращались, их заметил немецкий пулемётчик. Огнём пулемёта был ранен пёс и убит его проводник. Санитары и раненый, которого они несли, остались целы. Естественно, что, как только открылся огонь, все они легли на землю, к ним подполз и скулящий Джек. Когда огонь стих, и санитары вновь взяли носилки с раненым, тот настоял, чтобы Джека взяли тоже. Так их и принесли в полковой медпункт на одних носилках. Там раненый, а он был младшим политруком, умер, но перед смертью потребовал, чтобы Джека вылечили. Старший

врач полка доложил об этом комиссару полка, а тот сообщил в политотдел дивизии. Я разыскал Джека в ветлазарете и после того, как они отказались его лечить, позвонил сюда, а остальное вы знаете, – закончил свой рассказ Лурье.

* * *

В течение первой половины марта в жизни Бориса произошло два события. Если к одному из них он уже довольно долго (для военного времени) готовился, то другое явилось совершенно неожиданным. Первое заключалось в том, что 5 марта 1942 года на собрании партячейки медсанбата Бориса приняли в кандидаты ВКП(б). Пришлось ему снова рассказать свою историю об исключении из партии в 1933 году, признаться в своей слабости и ложной гордости, не позволившей ему своевременно добиться отмены этого решения и восстановления в партии. Пришлось выслушать и досадные упрёки за это своё поведение, но в то же время и много похвал за самоотверженную и честную работу во время первого полугодия войны. Рекомендовали Алёшкина начштаба Скуратов, интендант Прохоров и новый начальник медснабжения медсанбата Стрельцов. На собрании выступил и комиссар дивизии Марченко, который в это время находился в батальоне. Он тоже отозвался об Алёшкине положительно и внёс предложение о его приёме в кандидаты ВКП(б).

Комиссар Марченко оказался в батальоне вот почему. До

войны он служил на одной из погранзастав Средней Азии, там заразился амёбной дизентерией и очень долго болел. С тех пор при нарушении режима питания у него часто начиналось обострение хронического заболевания кишечника. Побыв, хоть и очень короткое время, внутри блокадного кольца в Ленинграде, он волей-неволей должен был питаться тем и так, как питались все командиры, находившиеся в блокаде. Для его подорванного организма, вернее, органов пищеварения, такой «эксперимент» бесследно пройти не мог. После переезда на новое место дислокации дивизии комиссар свалился. Армейские медики хотели его эвакуировать в какой-нибудь из фронтовых госпиталей, но он категорически отказался и потребовал, чтобы его лечили в медсанбате дивизии. Профессор Берлинг, армейский терапевт, знакомый с Прокофьевой, решил, что ей можно доверить лечение такого больного, и разрешил оставить Марченко в батальоне.

Ещё в начале февраля одна из комнат барака № 2, расположенная рядом со штабом, была переоборудована под палату для лечения раненых из числа высшего командного состава. Она пустовала, таких раненых долго не было. В конце февраля в неё и поместили тяжело заболевшего комиссара дивизии полкового комиссара Марченко.

Борис помнил его энергичным, цветущим, упитанным человеком, а сейчас, спустя каких-то два месяца, что они не виделись, он совершенно изменился. Это был худой, с бледно-серым лицом, запавшими глазами и обострившимся но-

сом, действительно тяжело больной человек. Он с трудом вышел из машины и немедленно лёг в приготовленную для него постель. Как потом выяснилось, Марченко заболел вскоре после прибытия на Ленинградский фронт, но тщательно скрывал свою болезнь. Только тогда, когда на одном из совещаний его состояние заметил член Военного совета армии, генерал-майор Танчеров, приказавший ему немедленно обратиться к врачам, он начал лечиться.

Зинаиде Николаевне предстояла трудная работа. Помня Марченко по его первому посещению медсанбата, все считали, что лечить такого пациента будет нелегко. Однако, прогнозы не оправдались. Он оказался на редкость послушным, терпеливым и дисциплинированным больным. И даже при тех ограниченных возможностях лечения, которыми располагала Прокофьева, диетическое питание и уход привели к тому, что дело у него быстро пошло на поправку.

По вечерам в его палате часто собирались Зинаида Николаевна, Лев Давыдович и Борис. Они вели беседы на самые разнообразные темы, и вскоре выяснилось, что Марченко – не только отличный политработник и храбрый командир, но развитой и весёлый человек. Хотя, конечно, по эрудиции и общительности он во многом уступал уже хорошо знакомому в медсанбате начальнику политотдела Лурье, но тоже был очень интересным собеседником.

Выяснилась и одна, неизвестная доселе, слабость комиссара дивизии. Оказалось, что в Ленинграде у него была зна-

комая семья, состоявшая из молодой девушки и её матери. Девушке Вале было лет 25. По возрасту сам Марченко (ему было около 40) должен был бы ухаживать за матерью, но он пленился дочерью и вскоре достиг успеха. При выезде из кольца блокады он на своей машине вывез их обеих. Дочь он зачислил в штаб дивизии – сделать это было нетрудно, так как Валя окончила сестринские курсы Общества Красного Креста и по просьбе Марченко была призвана в армию. Первые дни он держал обеих при себе, но находиться в штабе дивизии двум не работавшим там женщинам было нельзя, и комиссар отвёз мать в Войбокало, где и поселил у одной из жительниц этого посёлка. А Валу, по его просьбе, зачислили фельдшером в автобат дивизии. Он справедливо рассудил, что медицинской работы там не много, а так как автобат размещался поблизости от штаба дивизии, то он мог бы с нею часто видеться. Валя во время болезни Марченко навещала его в медсанбате довольно часто.

Вскоре «солдатское радио» точно охарактеризовало эту девицу. Валя – высокая, стройная женщина, может быть, немного полноватая, с хорошим цветом лица, с большими голубыми глазами, чуть вьющимися белокурыми волосами, которые она не подстригала, как почти все девушки в армии, под скобку или «под фокстрот», а носила в виде длинных, спадающих на плечи локонов, с довольно большим чувственным ртом и правильным, немного вздёрнутым носиком, была красивой. Даже слишком красивой и, конечно, слишком

молодой для Марченко, и она это знала. Очевидно, она принадлежала к тому разряду девушек и молодых женщин, у которых чувственность стоит на первом месте. Ради любовных походов, причём с обязательным итоговым завершением, эти женщины готовы пойти на всё. Конечно, Марченко был у неё далеко не первый, и вряд ли она его по-настоящему любила, но он был ещё достаточно силён как мужчина, и это её, видимо, удовлетворяло. Самое главное, что он мог (и делал это даже в ущерб своему авторитету) обеспечивать её материально, а это для неё было необходимо. Валя пока терпеливо сносила его любовь и была в меру осторожна. Марченко же, сойдясь с Алёшкиным ближе, чем со всеми остальными медсанбатовцами, признавался ему, что любит эту Валию до беспамятства.

Всё было хорошо, пока Марченко был здоров, но как только он заболел, чувственность Вали победила её осторожность, и она стала любовницей и командира автобата, и его помощника по технике.

Правда, следует сказать, что «любовь» Вали к ним была недолговечной, она могла отдаться кому-либо из понравившихся ей мужчин в первый же вечер, тут же разочароваться в нём и больше к себе не подпускать. Так, между прочим, было и в автобате. Но слухи об этом, когда Марченко поправился и вернулся в штаб дивизии, до него всё же дошли. Гнев его был силён, но, как ни странно, обрушился он не на Валию, которая являлась виновницей всего происшедшего, а на

этих молодых ребят, по существу, соблазнённых ею и как бы использованных для пополнения, видимо, немалой коллекции мужчин, с которыми она была близка. Конечно, всё это стало известно комиссару после его возвращения в апреле 42-го года в штаб дивизии, и он решил, помимо наказания «виновных», принять и дополнительные меры.

После проведённого в медсанбате лечения, он не только уверовал в профессионализм Зинаиды Николаевны Прокофьевой, замечательного врача-специалиста, но, узнав её ближе, проникся к ней уважением и доверием, как к человеку. Поэтому он приказал перевести Валю в медсанбат на должность палатной медсестры в госпитальный взвод и просил Прокофьеву как можно строже наблюдать за её поведением.

Но всё нами описанное произошло гораздо позднее второго события, которое с нашим героем случилось в начале марта 1942 года. Вернёмся назад и расскажем о нём.

В первых числах марта 1942 года в дивизию поступил приказ начальника сануправления Волховского фронта об откомандировании начсандива дивизии, врача-эпидемиолога Емельянова на должность начальника эпидемиологического отдела фронта. Как мы знаем, Емельянов был кандидатом медицинских наук, высококвалифицированным эпидемиологом, и его значительное повышение по службе, а главное, наиболее целесообразное использование как специалиста, явилось закономерным.

Приказ в стрелковую дивизию № 65 поступил через штаб

армии, в которой она находилась. Поэтому к нему прилагалось отношение начальника санотдела Склеярова о немедленном выполнении приказа фронта. Одновременно командира дивизии предупредили, что в распоряжении санотдела врачей на должность начсандива нет, и потому следует назначить кого-то из своих. Получив приказ, командир дивизии Володин решил выдвинуть на эту должность командира медсанбата Перова, а на его место назначить командира медроты Алёшкина, но, как мы потом подробнее узнаем, в 65-й дивизии между командиром дивизии и комиссаром сложились такие отношения, что, когда один из них принимал решение, другой, узнав об этом, приказывал что-то противоположное.

Комиссар дивизии Марченко за время болезни изучил весь руководящий состав медсанбата, и, по его мнению, более подходящей на должность начсандива была кандидатура Алёшкина. Да, кроме того, и сам Перов, случайно узнавший о предполагаемом назначении, обратился к комиссару Марченко с просьбой не соглашаться с решением комдива. Он понимал, что, став начсандивом, он уже не сможет быстро перейти на должность начальника госпиталя, а ему этого хотелось по самым разнообразным причинам. Комиссара же кандидатура Бориса устраивала ещё и потому, что последний был принят в кандидаты ВКП(б), в то время как Перов оставался беспартийным. Помогла этому решению и поддержка со стороны начальника политотдела Лурье. Командир дивизии поворчал, но с предложением комиссара в

конце концов согласился. Так и наступила новая страница службы Алёшкина в армии, он стал начальником санитарной службы дивизии.